

ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИИ И КУЛЬТУРЫ

ГЕНРИ В. МОРТОН

ОТ РИМА ДО СИЦИЛИИ

ПРОГУЛКИ ПО ЮЖНОЙ ИТАЛИИ

Annotation

Генри В. Мортон возвращается к читателю с новой книгой об Италии — на сей раз об итальянском Юге. Вместе с «Прогулками по Северной Италии» и «Римом» эта книга составляет своего рода итальянскую трилогию признанного мастера, уникальную по масштабности, вдумчивую и обстоятельную, написанную характерным «мортоновским» стилем. Не случайно книги Мортонa по Италии сами итальянцы рекомендуют иностранным туристам в качестве путеводителя по стране.

Приятных прогулок по Италии!

- [Генри В. Мортон](#)
 - [Итальянская мозаика](#)
 - [Благодарности](#)
 - [Глава первая. Земля святых и заклинателей змей](#)
 - [Глава вторая. Норманнское завоевание Апулии](#)
 - [Глава третья. Город святого Николая](#)
 - [Глава четвертая. Вдоль побережья Адриатики](#)
 - [Глава пятая. Край земли по-итальянски](#)
 - [Глава шестая. Воспоминания о Великой Греции](#)
 - [Глава седьмая. Неаполитанские канцоны](#)
 - [Глава восьмая. Живописные дороги Калабрии](#)
 - [Глава девятая. Землетрясения и миражи](#)
 - [Глава десятая. У Ионического моря](#)
 - [Приложение](#)
 - [Библиография](#)
- [notes](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [4](#)
 - [5](#)
 - [6](#)
 - [7](#)
 - [8](#)

- [9](#)
- [10](#)
- [11](#)
- [12](#)
- [13](#)
- [14](#)
- [15](#)
- [16](#)
- [17](#)
- [18](#)
- [19](#)
- [20](#)
- [21](#)
- [22](#)
- [23](#)
- [24](#)
- [25](#)
- [26](#)
- [27](#)
- [28](#)
- [29](#)
- [30](#)
- [31](#)
- [32](#)
- [33](#)
- [34](#)
- [35](#)
- [36](#)
- [37](#)
- [38](#)
- [39](#)
- [40](#)
- [41](#)
- [42](#)
- [43](#)
- [44](#)
- [45](#)
- [46](#)

- [47](#)
 - [48](#)
 - [49](#)
 - [50](#)
 - [51](#)
 - [52](#)
 - [53](#)
 - [54](#)
 - [55](#)
 - [56](#)
 - [57](#)
 - [58](#)
 - [59](#)
 - [60](#)
 - [61](#)
 - [62](#)
 - [63](#)
 - [64](#)
 - [65](#)
 - [66](#)
 - [67](#)
 - [68](#)
 - [69](#)
-

Генри В. Мортон
ОТ РИМА ДО СИЦИЛИИ
Прогулки по Южной Италии

Итальянская мозаика

Каждый город — музей под открытым небом, в каждом соборе — фрески, картины и статуи работы великих мастеров, каждое блюдо местной кухни — настоящее произведение искусства, у каждого дня в году — собственный святой-покровитель, каждое название и едва ли не каждое слово звучит как музыка... Все это — Италия, *la bella Italia*, земля, подарившая миру Рим и Венецию, Флоренцию и Милан, Цезаря и Катона, Вергилия и Горация, Леонардо и Микеланджело, Челлини и Казанову, водопровод и бани, спагетти и пиццу — и многое, многое другое.

Впервые оказавшись в Италии, не можешь отделаться от ощущения, что очутился во внезапно ставшем явью сне: все, о чем когда-либо читал или слышал, предстает воочию, и оттого возникает чувство нереальности происходящего. Концентрация достопримечательностей здесь столь велика, что буквально подавляет; всю эту красоту невозможно впитать «единым глотком», очень многое поневоле пропускаешь — и обещаешь себе, что непременно вернешься, и возвращаешься — снова и снова, потому что Италию никогда не исчерпать до дна.

Она очень разная: истомленный зноем Неаполь, купающийся в цветах Капри, величавый Рим, импозантная Флоренция, будто сошедшая с открытки Пиза, застывшая в Средневековье Сиена, строгая Болонья, отражающаяся в морской воде и словно по-прежнему мнящая себя владычицей морей Венеция, романтическая Верона, лощеный Милан, тихая Падуя, торжественная Равенна... Путешествие по Италии с юга на север (а ехать нужно именно так, от Калабрии до Венето или до Ломбардии, чтобы сполна пропитаться итальянским духом) сулит незабываемые впечатления: эпохи и культуры сменяют друг друга, как если бы в вашем распоряжении имелась машина времени.

Итальянский «сапог» пересекает незримая граница, протянувшаяся приблизительно от Пьомбино на

Лигурийском побережье до Пескары на Адриатическом. Это — «водораздел» между двумя давними и непримиримыми врагами, итальянскими Севером и Югом. Каждая из сторон считает настоящей Италией исключительно себя, а к сопернику относится с нескрываемым высокомерием и плохо скрываемым презрением. Это противостояние зародилось в Средние века и продолжается по сей день, причем проявляется оно практически во всем: на бытовом уровне — в отношении к работе, в манерах, в речи, на уровне же внутригосударственном — в резком отрицании ценностей, которые исповедуют та и другая стороны.

Английский писатель и журналист Генри В. Мортон, прославившийся своими путешествиями «в поисках Англии», написал книгу об итальянском Юге. Несмотря на все разнообразие посвященных Италии сочинений, публикующихся ежегодно, книга Мортоня остается, пожалуй, лучшим образцом доброжелательного «постороннего» взгляда на историю, культуру и повседневную жизнь Италии. Не случайно именно эту книгу сами итальянцы рекомендуют иностранным туристам в качестве путеводителя по стране. Характерный, легко узнаваемый «мортоновский» стиль, обстоятельность и поэтичность изложения, наконец богатый опыт путешественника — лишнее доказательство того, что к этой рекомендации стоит прислушаться.

Итак — приятных прогулок по Италии!

Благодарности

Хочу поблагодарить за помощь и советы графа Сигизмундо Фаго-Голфарелли из Итальянского министерства туризма в Риме. Весьма обязан ревизору и сотрудникам министерства народного просвещения, работающим на юге Италии. Среди тех, кто оказал мне поддержку, доктор Н. Дурано из Бари, доктор Франко Молилари из Матеры, доктор Густаво Валенте из Козенцы и доктор Кармело Кавалларо из Реджио-ди-Калабрии. Я благодарен администрации Салерно, предоставившей мне фотографа: на горной вершине у Пестума он сделал для меня отличную и редкую фотографию Мадонны с гранатом.

Не забуду неустанной доброты мистера Джона Гринвуда из Итальянского туристического бюро в Лондоне и Фернандо Саварезе из «Вико Эквенсе», давшего мне богатую информацию о Неаполе. Чрезвычайно обязан мистеру Джону Каллену из издательства «Метьюэн» за ненавязчивое редакторское мастерство и проницательные и полезные замечания. Список книг, опубликованный в конце данной работы, обозначает мой долг всем, кто писал на эту тему.

Выражаю письменную благодарность жене (устно я благодарил ее много раз) за терпение и неоценимую помощь, которую она оказывала мне в работе.

Г.В.М.

1969 г.

Глава первая. Земля святых и заклинателей змей

Пять южных областей Италии. — По пути в Абруцци. — Земля волшебников. — Замок Челано. — Аквила. — Столица Абруццо. — Отшельник. — Сульмона, место рождения Овидия. — Канатная дорога в Гран-Сассо. — Воспоминания о Муссолини. — Фестиваль заклинания змей в Кокулло.

1

Покинув Рим ранним майским утром, я приехал в Тиволи раньше ученика пекаря. Стулья в кафе были все еще опрокинуты на столики. О вчерашних посетителях свидетельствовала неубранная бутылка и набитая окурками пепельница. Свежесть солнечных лучей — как бывает в подобных случаях — подчеркивала вульгарность обстановки. Пожилой официант, со шваброй в руке и с сигаретой во рту, раздраженно обернулся на стук двери, но итальянский профессионализм тут же сказался, когда он узнал во мне первого посетителя. Поклонившись, официант сказал, что, если синьору угодно будет вернуться — скажем, через полчаса, — то ученик пекаря непременно придет и выставит мой столик на весеннее солнышко.

Я поблагодарил его и пошел гулять по Тиволи. Смотрел на красивых крепких торговков — они устанавливали прилавки, распускали зонты, выгружали овощи. В эти ранние часы улицы еще не успели задрожать от нескончаемого адского шума машин, и Тиволи был наполнен звуком, похожим на шум ветра в лесу. Это журчали фонтаны на Вилле д'Эсте.

Я вспомнил Листа и подумал, как замечательно он передал их звучание и дал его услышать всему миру. Припомнил и гораздо более древнюю музыкальную историю,

пересказанную Овидием, Ливием и Плутархом. Согласно этой истории, в 311 году до новой эры римская гильдия флейтистов, рассерженных нарушением своих прав, устроила стачку и переехала в Тиволи. Сенат пришел в раздражение оттого, что службу в храмах стали сопровождать флейтисты-любители, и приказал магистрату Тиволи отправить забастовщиков обратно, но музыканты ответили отказом. Тогда администрация пригласила забастовщиков на банкет. Там их напоили вином, в которое добавили снотворное. Уснувших музыкантов погрузили в экипажи и отправили в Рим.

Когда я вернулся в кафе, официант уже надел белый фартук и накрыл для меня стол. Я съел обычную континентальную еду, которую с некоторых пор называют завтраком, и вступил в первый этап путешествия по Южной Италии.

2

За исключением короткого отпуска, который много лет назад провел в Неаполе, Капри и Сорренто, южнее Рима я ни разу не выезжал. О таком путешествии частенько задумывался, но всякий раз не совпадали время, деньги или сезон. Среди тех, кто призывал меня в дорогу, был один из самых привередливых моих итальянских друзей. К собственному изумлению, он вернулся из Калабрии полный энтузиазма.

— Ты должен ехать и увидеть новую Италию, — сказал он, — пока ее не погубил туризм. Забудь все, что ты читал о плохих дорогах, о гостиницах, населенных клопами, об ужасной еде. Во всех крупных городах ты найдешь новые современные отели. Большинство из них оборудовано кондиционерами. Но поезжай быстрее, пока еще не иссяк энтузиазм, который Ленорман запечатлел в книге «Великая Греция».

Он описал автостраду дель Соль, берущую начало в Милане и заканчивающуюся у Мессины. Приятель назвал ее

лучшим образцом дорожного строительства со времен Виа Аппиа и военных дорог древнего Рима. К моему удивлению, он без всякого цинизма говорил о миллиардах, которые «Касса дель Меццоджорно» вливает в южные регионы. Эта южная строительная организация поощряет промышленность, прокладку дорог, освоение земель. Так здесь пытаются решить проблему Юга, за которой стоит долгая история нищеты и эмиграции.

То, что мой друг назвал «новой Италией», на деле — самая старая часть страны. Это регион, города которого прославились богатством и роскошью до того, как кто-либо услышал о Риме. Греческие колонии осели на побережье за семьсот лет до Рождества Христова. Тут же начался и их упадок, за которым последовало норманнское завоевание Южной Италии.

Приятель с жаром продолжил свой рассказ:

— Ты убедишься в том, что тысячи южных итальянцев молятся в норманнских соборах. Увидишь руины норманнских замков, венчающих сотни горных вершин. Узнаешь, что крестьяне помнят *paladini* — рыцарей, паладинов, — там все еще жива память о короле Артуре и фее Моргане.

Такая перспектива показалась мне заманчивой.

Следует сказать несколько слов о юге Италии. Эта часть страны, некогда носившая имя Рено, подчинялась Неаполитанскому королевству и Сицилии. В регион входит пять из девятнадцати областей Италии. Это — Абруцци, Кампания, Апулия (старое название, которое я предпочитаю современной Пулье), Базиликата и Калабрия. Хотя кто-то может возразить против включения в перечень Абруцци, думаю, они ошибаются, поскольку эта дикая горная местность имеет больше сходства с Рено, нежели с северной половиной Италии. Из перечисленных пяти областей широко известна только одна — Кампания, с главным городом Неаполем. О Помпеях, Капри, Сорренто слышал каждый европеец. Однако в южном и восточном направлениях находятся четыре области. Их территории до сих пор мало изучены, за исключением Калабрии,

привлекшей в XIX столетии и в начале XX века нескольких путешественников, по большей части англичан. Назову их по именам: Генри Суинберн, Кроуфорд Тейт Рэмидж, Кеппел Крэйвен, Эдвард Лир и землепроходцы более позднего времени — Джордж Гиссинг, Норман Дуглас, чья книга «Старая Калабрия» сделалась классическим произведением, и генерал-лейтенант Эдвард Хаттон.

Труды этих путешественников оставили впечатление о почти забытом мире, запертом в мощных геологических образованиях. Мир этот, некогда являвшийся самым богатым и знаменитым регионом Пиренейского полуострова, сделался самым бедным и заброшенным. Мнение XIX века относительно юга Италии мрачно, но точно изложил Огастес Хэйр:

«Обширность и уродливость областей, по которым мне пришлось проехать, нищета и грязь гостиниц, грубость жителей, полчища комаров, ужас землетрясений, небезопасность дорог, контролируемых бандитами, и куда более серьезный риск: напившись здешней воды, здесь можно подхватить малярию или тиф — естественные причины, отнимающие у людей охоту познакомиться с южными землями».

Улучшение шло медленно, но после Второй мировой войны случилось чудо — победа над малярией. Значение этого события невозможно переоценить. В VII веке малярия и сарацины загнали население на горные вершины, а теперь у людей появилась возможность обрабатывать землю и жить на здоровых и прекрасных побережьях Тирренского и Ионического морей.

Дорога вела вверх, в горы Аbruццо и Молизе.

3

Аbruцци — любопытное слово, значение которого до сих пор никто удовлетворительно не объяснил. Употребляют его без разбору — то в единственном, то во множественном числе, хотя регион включает в себе южную часть, называющуюся Молизе. Я предпочел бы говорить Аbruццо, если имеется в виду северная часть области, и Аbruцци, если речь идет обо всем регионе, вместе с Молизе. Название подобрано очень удачно. В звучании этого слова воображению является суровая горная земля, удаленная от

современной жизни, есть даже намек на античные диалекты. Я представляю себе мрачные вершины, на которых до самого лета лежит снег, и леса, где можно встретиться с волками и медведями. Слово «Молизе» тоже на редкость красноречиво. В его мягком звучании отражается природа Южного Аbruцци, где горы спускаются к Адриатическому морю и Апулийской равнине. В очаровательной долине Аньене, в нескольких милях от Тиволи, горы становятся дикими и крутыми, каждая увенчана собственным сабинянским городом. Земля здесь бедная, каменистая, до ближайшего жилья придется преодолеть не одну милю, но горные склоны отливают золотом. С апреля до середины лета в горах Италии — от Ломбардии до Калабрии — цветет генистра или дрок.

Я проехал по второстепенной дороге, ведущей к древнему городу Сарацинеско, а в миле от него показался поворот на Антиколи Коррадо. Посмотрев в сторону гор, увидел на горизонте оба города. Археолог Ланчиани объяснял название города Сарацинеско нашествием сарацин, которые поселились в тех местах в VIII веке. А я прочитал где-то, что Антиколи Коррадо получил свое название в честь Конрада Антиохского.^[1] Год назад я вскарабкался в оба эти города, когда посещал природный источник «Аква Марсиа» — он находится рядом, в долине. Несколько раз объехав гору по дороге-серпантину, я обнаружил, что дорога в Сарацинеско заканчивается, не добравшись до города, и попасть туда можно либо пешком, либо на муле. Город был поражен бедностью, словно чумой. Половина домов пустовала: жители уехали в Рим в поисках работы. Антиколи Коррадо, напротив, оказался жизнерадостным местечком, гордившимся своей причастностью к искусству. В прошлом столетии большинство людей, устремившихся в римский отель «Спэниш степс», чтобы выступить в роли натурщиков, были родом из здешних мест. О них писал каждый путешественник, в том числе и Диккенс. Даже в наши дни здесь можно встретить прабабушку, чья юность живет на холстах, появляющихся на римских аукционах. С картины на

зрителя смотрит ослепительная красotka с кувшином на голове либо на бедре. Живы еще и старики, позировавшие некогда в образе Аполлона или даже Создателя.

Я притормозил у перекрестка позади грузовика, кузов которого был забит овцами. Печальные морды просовывались между прутьями клеток. Жалобное блеяние рождало в моем мозгу желание стать вегетарианцем. Впрочем, я понимал, что сочувствие животным не требуется. Напротив — им можно позавидовать. Рядом с водителем сидел пастух вместе с собаками, и я знал, что до заката животные будут освобождены. Все лето их будут выгуливать на горных пастбищах. Это — современная версия великой миграции, продолжавшейся долгие столетия: овец перегоняли из Кампании в горы Аbruццо.

Римские приятели рассказывали мне, как просыпались в старые времена посреди ночи, заслышав таинственное постукивание. Выглянув из окна, видели, что по улице катится серая шерстяная волна. Впереди стада (не позади, как в Англии) шел пастух вместе с собаками. Помнится, кто-то рассказывал, что шествие замыкают козы. Они демонстрируют над овцами свое умственное превосходство — ложатся и отдыхают во время утомительного перехода. Я смотрел на пастуха, и мне было интересно, приветствует ли он новые времена и продал ли свои дудки этнографическому музею, купил ли взамен транзистор?

Поднявшись выше, увидел за поворотом живописный городок Арсоли. Он стоит над ущельем на фоне гор. У каждой вершины свое селение. Я остановился, разложил карту на каменной стене и попытался узнать названия вершин. Пока я этим занимался, мимо прошла молодая женщина с корзиной на голове. В корзине сидели две курицы — белая и черная. Проходя, девушка бросила на меня взгляд, подобный тем, которыми обмениваются два непримиримых воина. В глазах птиц промелькнуло не менее огненное чувство. В Арсоли я, сам того не желая, оказался в центре внимания, что, впрочем, характерно для итальянцев. Они искренне хотят помочь иностранцу. Замок князя Массимо — внушительный архитектурный памятник. Он

возведен в XI столетии, однако и поныне является главной достопримечательностью города. Жители объяснили, что хранитель непременно мне его покажет, когда появится, и, поскольку у каждого человека в толпе было свое предположение относительно места его пребывания, то я подумал, что могу прождать здесь до вечера, пока хранителя не отыщут. Сердечно всех поблагодарив и извинившись, я поехал наверх по горной дороге.

Рим — единственная известная мне столица, которая уже на пороге сохранила черты Средневековья. До великого города можно было добраться менее чем за два часа, но, проезжая по стране сабинян, я видел на дороге погонщиков мулов. Они поили своих животных на водоемах. По горным тропинкам спускались старые женщины в черных одеждах, с грузом на голове, а у придорожных источников девушки набирали в кувшины воду. За сто лет сабинянский пейзаж ничуть не изменился. Здесь не появилось ничего такого, что удивило бы Джона Ивлина, Гёте или Шарля де Броссе,^[2] так что стоило прибавить немного цвета к поясу или головному убору, и погонщики мулов превратились бы в персонажей, столь любовно изображенных Пинелли. Несколько миль от Арсоли — и я переехал из Лацио в Аbruцци и оказался в горах, которые с каждой милей становились все мрачнее. Некоторые границы созданы политиками, существуют границы, вычерченные на картах, а есть и те, которые создала сама природа. В данном случае это самые высокие горные вершины Апеннин. Возле прорубленного в горе туннеля я столкнулся с чем-то зловещим, чего никогда еще не видел в Италии. Четыре мили земли были неестественно искорежены. Камни, которые, судя по всему, скатились с вершин, лежали в долине или торчали из горных склонов. Я впервые увидел, как выглядит земля после землетрясения и услышал ужасное слово «терремото», которое слишком часто будут произносить в Южной Италии. В январе 1915 года в землетрясении погибло тридцать тысяч человек из четырехсот приходов этой части Аbruццо. Исчезли целые деревни, и даже сейчас, почти через пятьдесят лет, ландшафт по-прежнему искорежен и неестественен. В

туннеле, за поворотом дороги, мне открылся поразительный вид. Поперек неба протянулась блестящая белая полоса, горы Гран-Сассо, самые высокие вершины Апеннин, покрытые снегом. Дорога в туннеле поднялась на высоту почти четырех тысяч футов; воздух сделался холодным и разреженным.

Я спустился в городок Авеццано и не сумел понять, какие улицы перестроены после землетрясения 1915 года, а какие постарались привести в порядок после Второй мировой войны. Дежурный постовой посоветовал мне пойти на ланч в ресторан при вокзале, что я и сделал. Паста, даже для человека, который по возможности старается ее не есть, оказалась отличной. К красному вину претензий у меня тоже не было. Само заведение выглядело необычно. Там завтракали известные в городе люди. Они обращались друг к другу официально, упоминая титулы. Начинали улыбаться знакомым уже на расстоянии нескольких ярдов. За окном шипели и отдувались огромные электрички. Казалось, после изнурительного восхождения на Апеннины, они устали и обозлились.

4

Самое интересное в Авеццано то, что стоит он на земле марсов. В древние времена этот народ подозревали в колдовстве, имелись там и заклинатели змей. Когда Клеопатра умирала от змеиного яда, Август срочно направил к ней колдуна-псилла в попытке спасти ее жизнь, однако было слишком поздно. Псиллы пользовались в Африке репутацией целителей, так же как и марсы в Италии. Некоторые специалисты находят между ними связь.

Сердцем земли марсов был берег озера Фучино, их деревеньки разбрелись по горным склонам центральной части Абруццо. Район Авеццано до сих пор называют Ла Марсика. О племени напоминают бесчисленные названия мест в этом крае — Ортона-дей-Марси, Мальяно-дей-Марси, Лечче-дей-Марси, Скарцоло Марсикана, Луко-дей-Марси и

Джойя-ди-Марси, — я взял эти имена просто так, без какого-либо порядка. Вдобавок одна из гор Абруццо называется Монте-Марсикано.

Авеццано стоит на западной оконечности долины, некогда древнего озера Фучино. Это — главный город в долине. Огромная чаша дна полностью готова для выращивания сельскохозяйственных культур. Кажется, что в Апеннины перенесли шестьдесят квадратных миль голландской земли. Это самое большое искусственно осушенное озеро в мире.

Когда Фучино было еще озером, у него имелась особенность — отсутствие стока. После таяния зимнего снега окружающие селения часто уходили под воду. Марсы попросили римлян как-то это исправить, и Юлий Цезарь уже собрался помочь, однако его убили. Пока не воцарился Клавдий, все оставалось по-прежнему. Спустя девять лет после вторжения в Британию, Клавдий построил канал длиной почти четыре мили. Целью было осушение озера, отведение его воды в соседнюю долину Лири. Древние историки описывали необычайные события 52 года. Сверкая великолепными доспехами, Клавдий открывал канал в присутствии многочисленных зрителей. Народ столпился на побережье, те, кто хотел как следует все увидеть, расселись на горных склонах. Из центра озера вынырнул механический Тритон и дунул в трубу. Это был подан сигнал к началу морского боя. В военных судах сидели осужденные преступники. Насладившись пролитой кровью, Клавдий остановил сражение и приказал открыть канал. Результат получился неудачным. То ли из-за ошибок в расчетах, то ли из-за плохого исполнения объем воды оказался слишком большим для канала, и многие тысячи зрителей, включая свиту императора, едва не утонули. Озеро не смогли полностью осушить почти до наших дней. В средние века оно превратилось в малярийное болото, пока в 1875 году, с помощью швейцарских и французских инженеров, банкир князь Торлония не осушил землю, при условии, что она будет принадлежать ему. Князь поселил там земледельцев из своих многочисленных имений. Так продолжалось до

1951 года, когда правительство экспроприировало землю и, разделив на небольшие участки, передало крестьянам. Они выращивают огромное количество сахарной свеклы, картофеля, пшеницы и разнообразных овощей. Поразительный контраст по сравнению с голой каменистой землей, что окружает долину.

Меня очаровала эта огромная искусственная долина, и я направился на восток, в направлении Сан-Бенедетто-дей-Марси. Там несколько камней обозначали местоположение столицы племени, города Маррубий. Хотя смотреть здесь было нечего, я припомнил рассказы о городе волшебников и предсказателей, и воображение нарисовало то, что кануло в вечность. На западной стороне долины до сих пор пересказывают легенды о богине Ангитии. Она подарила марсам магические книги, учила их волшебным заклинаниям, показывала целебные травы. Марсы готовили из них снадобья.

Зная, что за здешними жителями утвердилась репутация хиромантов, я с интересом всматривался в лица людей, которых встречал на горных дорогах и в деревнях. Впрочем, ничего загадочного не заметил. Одной из главных характеристик Аbruцци является нерушимая вера здешних жителей в ведьм, оборотней и в амулеты. Не зря же они произошли от марсов! Самое интересное, что связывает их с далекими предками, это — культ змей. Автомобили и телевидение не оказали никакого влияния на практику серпари (заклинателей змей), живущих в отдаленных горных селениях. Серпари в большинстве своем молодые мужчины.

Я приехал в маленький городок Черкио, расположенный на северной оконечности долины. В его названии спрятано имя волшебницы, которую мы знаем как Цирцею. Она была легендарной прародительницей марсов, и здесь когда-то стоял посвященный ей храм. Как странно, что неподалеку от Рима находится земля, где почиталась Цирцея — кто знает, может, почитается и до сих пор — и где до сих пор верят, что волшебница, по желанию, может превращаться в волка. Я оглядывался по сторонам в поисках заклинателя змей, но

напрасно. Если бы были понятны местные диалекты, которые отличаются от деревни к деревне, то, может, что-нибудь бы и вышло. Кеппел Крэйвен писал, что в его время — в 1835 году — заклинателей змей из Абруцци можно было встретить в итальянских городах. Он видел их «возле Неаполя с ящиками, полными змей всех цветов и размеров. За пустяковое вознаграждение они демонстрировали их зрителям».

Землетрясения пощадили много прекрасных строений, таких как прекрасная церковь в Маглиано-дей-Марси; величественная кафедра проповедника в храме Святого Петра в Альбе — она ни в чем не уступает тем, что стоят в римских соборах; резная готическая кафедра в церкви Святой Марии в Россиоло. Я думаю, что самым интересным из всех городов, разместившихся вокруг долины, является Челано. Его дома карабкаются по зеленым ступеням террас к квадратному замку. На каждом углу стены по башне с бойницами. Замок напомнил мне игрушечную крепость. Такие замки дети строят на пляже из песка.

Самым выдающимся горожанином жители считают Томмазо Челанского, первого биографа святого Франциска Ассизского. Свою работу он сделал по просьбе другого современника и почитателя святого — папы Григория IX. Немного известно о брате Томмазо, кроме того, что он был одним из первых францисканцев в Германии. Я бродил по Челано, обратив внимание на одну из типичных сцен Южной Италии — на женщин в черных платьях, занятых шитьем, вязанием и плетением кружев. Они сидели на порогах своих домов, на стульях с сиденьями из камыша, и в этот миг грозовая туча, надвигаясь на солнце, подчеркнула цвета апрельских деревьев и травы, черепичных крыш, беленых домов и зеленых ставен. Я поднялся к замку — оказалось, что он заперт, — и я стоял, сожалея об отсутствии рожка, который, если верить романсам и балладам, в подобных обстоятельствах приходит на помощь путнику. Громынул гром, полил дождь. Я повернулся в поисках убежища, и вдруг створка верхнего окна распахнулась, и мужчина прокричал, что сейчас он спустится и откроет главные

ворота. Так он и поступил спустя время, которое ушло у него на преодоление трех или четырех винтовых лестниц. Я вошел в красивый замок постройки XV века. Здание только что отреставрировали. Тем временем дождь превратился в настоящий ливень; вода хлестала из пастей горгулий и волнами скатывалась с крутых крыш во двор замка.

Попечитель сказал, что родом он из Альбы и работает здесь всего две недели. Он изучил историю замка и — как хороший гид — сосредоточился на ужасных историях. Рассказал о наследнице, жившей во времена Ренессанса. Она вышла замуж за представителя семейства Колонна, однако оставила его, чтобы выйти замуж или просто жить с собственным племянником. Когда сын от этого союза подрос, он захватил замок и запер свою мать на несколько лет в темнице, пока не вмешался Пий II и не освободил ее.

Она отомстила тем, что оставила свое имение родственнику папы — Пикколомини Сиенскому.

Эти мрачные события не оставили после себя темного следа, по крайней мере ничего подобного я не заметил, пока попечитель, упиваясь новым для себя делом, неугомонно водил меня по всем винтовым лестницам. Он с гордостью показал мне квартиру, которую отвели ему в замке. В его гостиной могли бы отобедать сто человек. Возле стен стояла облицованная шпоном итальянская мебель, предназначенная для загородных домов. Большая кукла-блондинка в кружевном платье сидела на диване, откинувшись на шелковую подушку. Такими куклами торгуют на сельских ярмарках по всей Италии. У всех у них ужасающие улыбки, некоторые куклы могут с легким щелчком закрыть глаза, как только их наклонят назад. Есть и такие, что ходят и произносят «мама». Ни одному ребенку не захочется иметь такую большую и неуклюжую куклу, поэтому я полагаю, что делают их для взрослых.

Та, что была передо мной, сидела на почетном месте, словно хозяйка замка, демонстрируя пухлые ноги в белых носках и улыбаясь, точно чучело-чревовещатель. В таком средневековом окружении самое ужасное, что некогда могло представиться воображению Хораса Уолпола, — это

хватаящаяся за кинжал железная рукавица; а вот Альфред Хичкок мог бы, как мне кажется, сделать куклу с безжалостной улыбкой. Она бы преследовала кого-нибудь по длинным коридорам с криком «мама», и это было бы гораздо страшнее.

Дождь прекратился. Старушки в черном снова взялись за рукоделие, и я заметил на улице выводок белых собачек, напомнивших мне услужливую маленькую собаку на картине Карпаччо «Святой Иероним в келье» (сейчас, правда, предполагают, что на полотне изображен святой Августин).

5

То, что Италия большую часть года пронизывающе холодная страна, — хорошо скрываемый секрет. Альпы, Доломиты и Апеннины с осени и до поздней весны насылают на горный полуостров ледяные потоки воздуха. Некоторые из наших предков, по наивности вздумавшие отправиться сюда зимовать, были потрясены отсутствием тепла в обычном итальянском палаццо. Любой, кто в Милане или Венеции провел промозглую зиму, до сих пор не может успокоиться. Тем не менее с началом цветения персиковых деревьев и пением соловьев все прощается и забывается. В такие моменты кто может усомниться, что Италия — страна вечного солнца?

Есть, однако, несколько мест, в которых невозможно согреться. Как бы высока ни была температура, кажется, что воздух здесь только что разморозили. И одним из таких мест является столица Абруцци — Аквила. Я перебрался туда через горы и долины и увидел Аквилу вечером, когда на улицах было полно людей, одетых в пальто. На снежном покрове Гран-Сассо розовели солнечные лучи. Первым моим желанием было найти по возможности теплую гостиницу, и это мне удалось без труда. Меня проводили в хорошо обогретый номер с ванной комнатой, и я тут же им завладел, думая, что с прошлого века все изменилось:

прежние путешественники живописали примитивные постоянные дворы этого региона.

Обедал я в ресторане, ничем не уступающем швейцарскому или австрийскому. Стены из мореной сосны, на столах — скатерти в красно-белую клетку. Здесь мне впервые довелось попробовать фирменное блюдо Абруцци — паста *alla chitarra*. «Гитара» представляет собой деревянную раму с натянутыми металлическими «струнами». На нее накатывается тонкий пласт теста. «Струны» разрезают его на тончайшие полоски. Блюдо оказалось превосходным. В каждом доме Абруцци есть своя «гитара». Мне сказали, что первой заботой хозяйки по утрам является приготовление пасты.

Первая бесцельная прогулка по чужому городу в вечернее время почти всегда запоминается, и, подобно женской интуиции, первое впечатление часто бывает до удивления верным. Мне трудно было поверить, что Рим находится всего в ста девяти милях отсюда. Там сейчас тепло, и жители ужинают на свежем воздухе. Вечерняя жизнь в Аквиле протекает за закрытыми дверями кафе. С большинства улиц здесь видны огромные изгибы гор, окружающих город, и звезды над вершинами. Я вышел на широкую площадь, спускавшуюся к собору. Днем пьядца превращается в рынок. Итальянцы говорят о народе Абруцци, что люди здесь *fortie e gentile* — сильные и любезные. Такое же впечатление произвели и на меня жители Аквилы, главного и самого большого города региона. Как в городах, построенных из кремневой глины и гранита, так и в характерах большинства горцев Аквилы заметны мягкость и добродушие, но берегитесь, если они разгневаются: этому нас учит история. По форме город похож на грушу, сужающуюся к югу. Рядом с высоченными горами он кажется совсем крошечным. Холм, на котором он стоит, не производит особенного впечатления, пока вы не спуститесь по крутым улицам в долину и не вспомните, что вам придется карабкаться вверх.

Рождение Аквилы необычно. Она стала одним из «арсеналов», созданных в 1240-х годах императором

Фридрихом II во время его борьбы с папством. То ли потому, что первые жители были привезены из девяноста девяти соседних деревень, то ли потому, что девяноста девять общин пришли на помощь Аквиле после очередной войны или землетрясения, это число стало символом города. Каждый вечер городской колокол бьет девяноста девять раз, и жители говорят тебе, что когда-то здесь было девяноста девять piazze и такое же количество церквей. Даже если это и преувеличение, то фонтан с девяноста девятью струями здесь есть. Они льются из девяноста девяти заросших мхом лиц. Лица эти так искажены временем, что невозможно понять, в самом ли деле это лица или звериные морды. Это один из самых необычных средневековых фонтанов в Италии. Чтобы подойти к нему, нужно подняться по ступеням, тогда вы увидите двор, высокие стены которого украшены старинными изразцами. Из трех стен выступают девяноста девять воронок. Я видел фонтан в воскресенье, и, кроме меня, там больше никого не было. Решил, что вернусь как-нибудь сюда: возможно, увижу женщин, стирающих здесь белье.

Для жителей Аквилы январь не самый любимый месяц, поскольку большая часть землетрясений, счет которым ведется с XIV века, происходит именно в это время года. Говорят, в самые большие холода землетрясение бывает особенно сильным. Тем не менее землетрясение 1915 года, сокрушившее регион, по отношению к Аквиле оказалось сравнительно милосердным. Самым страшным для города оказалось то, что произошло в 1703 году. Тогда, как мне рассказывали, люди спали на площади, предпочитая встретить смерть на открытом пространстве, а не под развалинами собственного дома. Джон Уэсли однажды сказал, что «нет другой божьей кары, которая так сильно бы действовала на грешников, как землетрясение», и поскольку понимаешь, что у праведников те же ощущения, то после таких событий дурные и хорошие люди часто объединяются, славя Творца за спасение. Пример тому — римский храм Санта-Мария-ин-Арачели и церковь Святого Фомы в Аквиле.

Площадь, как я уже сказал, огромных размеров. С обеих сторон одинаковые фонтаны с пресловутыми атлетами из позеленевшей бронзы. В рыночные дни скульптуры возвышаются над торговыми рядами. Чего только здесь не увидишь! Кустарные сельскохозяйственные инструменты — грабли, вилы и лопаты. Сезонные овощи и фрукты, мебель и одежда. Итальянская пластмассовая промышленность заполонила все деревенские ярмарки разнообразными аляповатыми изделиями. Однако я обрадовался тому, что кузнецы Аквилы все еще изготавливают большие медные кувшины с двумя ручками — *conche*. Женщины ходят с ними к местным колодцам и фонтанам.

И одного дня в Абруцци достаточно, чтобы душа исполнилась удивления и восхищения перед женщинами-рукодельницами. Похоже, они не позволяют себе ни одной праздной минуты: плетут кружева, вышивают, даже ткут половики и ковры, и все это в компании приятельниц, собирающихся возле порога чьего-то дома. Под аркадой я нашел магазин, торгующий изделиями местных мастериц. Там было все — от кружевных накидок на кровать до ювелирных изделий.

Подумал, что, возможно, в последний раз магазины выставили ручную работу на продажу, ибо жизнь меняется так быстро, что через десять лет мало кто станет этим заниматься. Да и сейчас витрина магазина напоминала музей.

Настоящий музей в Аквиле помещается в огромном замке. В 1534 году его построили испанцы для охраны города. Сейчас он мирно стоит над поросшим травой рвом, и в него проходят по мосту, который был когда-то подъемным. Над главными воротами укреплен орнаментальный щит с имперским орлом Карла V. Замок полон экспонатов из эпохи Древнего Рима и средневековых мадонн из церквей Абруцци. Самый популярный экспонат — недавно обнаруженный скелет, который я принял за остов мамонта, но экскурсовод, оскорбившись, заметил, что это единственный сохранившийся полностью скелет *Elephas meridionalis*. И в самом деле, сохранность поразительная,

насколько я мог судить. Не хватает лишь одного бивня. А каждая нога величиной с карточный столик.

Одним из самых красивых зданий в городе является Дворец правосудия. Его построили для замечательной женщины, в организме которой был избыток мужских гормонов, — для Маргариты Австрийской, дочери Карла V. Даже его поклонники не могут простить императору то, что он выдал юную дочь замуж за отвратительного представителя Медичи, мулата герцога Алессандро. Вскоре после свадьбы тот был убит. Во второй раз властная молодая женщина вышла за Оттавио Фарнезе из Пармы. Брак этот не был счастливым. Супруги жили порознь: он в своем герцогстве, а она — в беспокойных Нидерландах. Там она в качестве регента наследовала сводному брату, Филиппу II Испанскому. Каким бы твердым характером она ни обладала, все же с голландскими протестантами справиться не могла, а потому добровольно передала свое регентство знаменитому герцогу Альба и переселилась в Рим и Аквилу. Кеппел Крэйвен, посетивший Аквилу в начале XIX века, написал нелестный ее портрет. Опираясь, должно быть, на высказывания ее современников. «Ее описывают как женщину с резкими манерами, непоседливую. Должно быть, поэтому она постоянно ездила верхом (и не на женском, а на мужском седле). Внешность у нее была заурядная, лицо ее к тому же „украшали“ кустистые рыжие усики». В 1572 году в ее дворце в Аквиле, через год после битвы при Лепанто, Маргарита впервые и, возможно, в последний раз встретила своего сводного брата, дона Хуана Австрийского, также родного сына Карла V. Он был на двадцать три года младше Маргариты. Дон Хуан Австрийский писал ей письма, лирические и сентиментальные, рассказывал о своих многочисленных любовных историях, так что их встреча была, должно быть, странной и по-своему патетичной — пятидесятилетняя женщина, грубая и нелюбимая, и двадцатитрехлетний мужчина, красивый, элегантный и обожаемый. Эта семья представляет интерес для специалиста-генетика: Карл V,

сын Хуаны Безумной, законный сын Карла Филипп II, Маргарита и дон Хуан.

Этими знаменитыми персонажами ни в коей мере не исчерпывается список странных людей, правивших Аквилей. К северу от города, в церкви, гораздо более красивой, чем собор, находится могила Бернадина, святого покровителя Сиены, а к югу от Аквилы еще одна красивая церковь, в которой покоится тело папы-отшельника Целестина V, одного из немногих понтификов, отречьшихся от сана.

Настоящее имя папы Целестина было Пьетро Анджелерио, хотя больше он известен как Петр де Морроне, по названию горы, в пещере которой он жил. Он был сыном крестьянина из Молизе, южного района Абруцци. Движимый мистическим чувством, Пьетро решил покинуть мир и жить в молитвах и медитации. В 1294 году ему было почти восемьдесят. После кончины папы Николая IV кардинальская коллегия не смогла избрать преемника, и Церковь пребывала без папы в течение двух лет. Соперничающие группировки выдвигали кандидатов, но они не набирали требуемого числа голосов, пока на конклаве в Перудже кардинал Латинус не вспомнил о святости старого отшельника и не предложил его кандидатуру. Поразительно, но уставшие кардиналы пришли в восторг, и 5 июля 1294 года провозгласили Петра де Морроне римским папой.

В конце месяца кавалькада кардиналов, прелатов, князей и рыцарей отправилась в Абруццо к новоизбранному папе. Очевидец события, Джакопо Стефанески, описал все в стихах. Делегация по козьим тропам поднялась на гору Морроне и явилась к пещере отшельника. Они увидели неухоженного старого человека с длинной бородой, впалыми щеками и испуганными глазами. Посланцы преклонили перед ним колена, а некоторые, к недоумению старика, поцеловали его сандалии. Ему, должно быть, показалось, что это — очередная сцена из ряда беспокоивших его видений. Когда в руки ему положили пергамент с решением конклава, отшельник попытался бежать, однако его почтительно вернули на место и

убедили принять папскую тиару. Бедный старик, не имевший понятия о жизни, принимал все за чистую монету. Его усадили на осла. С одной стороны, с уздечкой в руке, шел король Карл Анжуйский, с другой стороны шагал сын короля. Так они явились в Аквилу. Там пел хор, и рыцари звенели парадным воинским облачением. Некоторым, вероятно, все это напомнило вход в Иерусалим.

В красивой церкви Санта-Мария-ди-Коллемаджо отшельника возвели в сан епископа. Там же позднее его посветили в сан папы Целестина V. Затем кардиналы испытали шок, поняв, что же они сделали. Они увидели, что посадили на трон понтифика семидесятилетнего ребенка. Вымытый, выбритый, одетый в великолепную одежду, бедный старый папа верил всему, что ему говорили, и слушался лукавых царедворцев и политиков, включая Карла Анжуйского, которого почитал за преданного друга. Под его влиянием он согласился жить не в Риме, а в Неаполе. В Новом замке для невинного понтифика построили келью, и он там молился, медитировал и вздыхал по солнцу и ветрам Монте-Морроне, в то время как кардинальская коллегия вела дела Церкви.

Очень скоро неспособность понтифика вызвала на повестку дня проблему отречения. Стало слишком очевидно, что хороший человек может быть плохим папой. Говорят, в то время амбициозный кардинал Каэтани, впоследствии Бонифаций VIII, провел в келью папы переговорную трубу и посреди ночи нашептывал несчастному отшельнику, чтобы тот отказался от папства. Именно так Целестин и поступил — не прошло и года. Со слезами благодарности бедный старик поставил на землю символы величайшей власти и снова облачился в грубое рубище анахорета.

Все могло бы кончиться хорошо для Целестина V, если бы народ, жаждавший доброты и духовности, не принял бы сторону папы и не стал бы упрашивать его остаться на троне. Это не устраивало преемника Целестина, кардинала Каэтани, ставшего теперь папой Бонифацием VIII. Он не мог дать свободы популярному сопернику. После попытки вернуться в старую келью и безуспешного побега в

Далмацию, бывший папа был схвачен Бонифацием и заточен в замке Фумонэ среди гор Алатри, где через два года в возрасте восьмидесяти двух лет он и скончался. Через семь лет, когда он благополучно переселился на небеса, Церковь канонизировала его как святого Целестина. Его тело перевезли в Аквилу и погребли в той церкви, в которой посвящали в сан.

Тропа к церкви Санта-Мария-ди-Коллемаджо очаровательна. Она идет по парку, разбитому на южной окраине Аквилы. В конце длинной аллеи я увидел внушительный фасад, облицованный красным и белым мрамором и украшенный узором, выложенным в форме крестов. Благородный портал в романском стиле, с каждой его стороны двери поменьше. Над дверями круглое окно-розетка.

Длинный высокий неф под резным деревянным потолком. За исключением небольшой группы мужчин, которые, странно шаркая, направлялись в мою сторону, в помещении никого не было. Когда они подошли поближе, стало понятно, что они несут гроб, а за ними идет священник. Перед высоким алтарем я увидел платформу, на ней, судя по всему, только что стоял гроб. В каждом углу платформы красовался череп с перекрещенными костями.

Могила папы-отшельника я нашел в конце нефа с правой стороны — красивая и изящная ренессансная работа Джироламо из Винченцы. Заплатили за эту работу торговцы шерстью из Аквилы в 1517 году, через двести лет после канонизации Целестина. Я удивился, увидев восковую фигуру Целестина, лежащую за решеткой, в митре и папском облачении. Лицо было сравнительно молодым, в то время как папе перевалило за восемьдесят. Я спросил у проходившего мимо францисканца, зачем положена здесь эта фигура. Он сказал, что ее сделали в 1944 году, когда церковь отмечала шестьсот пятьдесят лет с момента посвящения Целестина. Он обратил мое внимание на восхитительные фрески на стенах гробницы, изображавшие жизнь и смерть святого. Сказал, что написаны они учеником Рубенса по фамилии Рютер. Среди них была одна, где

отшельник укрощает медведя. Монах провел меня на левую сторону церкви и показал архитектурную особенность, которую увидишь разве только в главных римских храмах. Это — царские врата XIII века. Если верить рассказам, то сделали их в 1294 году специально для церемонии Целестина V.

В Аквиле есть даже и более красивый храм, чем церковь Санта-Мария-ди-Коллемаджо. Это — церковь Святого Бернадина. К ней ведет ряд ступеней на восточной окраине города. Я специально пошел туда до завтрака, чтобы насладиться зрелищем, которое каждый раз поражает. То, что я увидел, было так необычно, так трогательно, что невольно думаешь, как далеко ушел наш мир от веры, благочестия, дисциплины. Я видел перед собой школьников — девочек и мальчиков всех возрастов, от малышей в нелепой форме, с широкими галстуками, словно у художников Латинского квартала из прошлого века, до юношей и девушек, собирающихся поступать в университет. Они входили в церковь с книгами под мышкой, вставляли на колени и произносили молитву, прежде чем пойти в школу. Эта молитва, предписанная ли священником, родителями или обычаем — хотелось бы думать, что она была вызвана личной потребностью, — заставила меня уважать молодежь Аквилы. Иногда они приходили поодиночке, в другой раз — группами из двух-трех человек. Они деловито искали место, в котором предпочитали произнести молитву, затем вставали и торопились в школу.

Если бы раньше кто-то спросил меня, где похоронен святой Бернадин, я бы сказал — в Тоскане, потому что именно там чаще всего вспоминают чахлого маленького францисканца, там же видишь и его эмблему — буквы «IHS» и солнце. В Сиене есть его прижизненный портрет, и все другие портреты и статуи изображают ту же худую, слабую фигуру, лысый череп, впалые щеки (ему не было и сорока, когда он потерял все зубы), острый подбородок и глаза, выражающие одновременно страдание и юмор. Увидев в Аквиле великолепную ренессансную гробницу, я изумился. Зачем он явился в Аbruццо? Как получилось, что он умер в

Аквиле? Я нашел ответы в книге Айрис Ориго «Мир святого Бернадина».

Святому было шестьдесят четыре года, когда, страдая от многочисленных болезней, среди которых, по словам Ориго, были «мочекаменная болезнь, дизентерия и геморрой, а также подагра», и чувствуя приближение конца, он решил пойти в единственную область Италии, в которой никогда не проповедовал, — «в обширное и дикое королевство Неаполя и Сицилии, часто назвавшееся просто: „Королевство“». Бедный инвалид, который, по современным понятиям, не был еще стариком, выглядел на восемьдесят лет и страдал, путешествуя на осле по горным склонам. Иногда боли бывали такими нестерпимыми, что он вынужден был спешиться и лечь на землю. Говорят, что, когда он приблизился к Аквиле, то увидел идущего к нему старика в рубище отшельника и странном головном уборе, похожем на тиару. На этой тиаре сидел голубь. Это был папа Целестин V, «он явился к брату, чистому сердцем и не от мира сего, каким был он сам. Молча он обнял фра Бернадино и благословил его, после чего исчез в тенях между скалами».

Святого Бернадина перенесли умирать в Аквилу. Перед смертью он, как и святой Франциск, попросил, чтобы его положили на голую землю. Фра Джироламо из Милана, который присутствовал при этом, написал: «Если так умирают люди, то смерть слаще сна».

Вызывает уважение непреклонность жителей Абруццо, когда Сиена попыталась забрать себе тело святого. Их попытки ни к чему не привели даже после обращения к папе. Единственное, что досталось Сиене, была одежда, в которой умер святой, и некоторые предметы из его кельи. Итак, святого покровителя Сиены вы найдете в горах Абруццо, вместе с другим святым человеком, папой-отшельником Целестином. И тому и другому была дарована быстрая канонизация: Бернадин был причислен к лику святых через шесть лет после смерти, а Целестин — через семь. Мне хочется думать, что тот, кто в будущем посетит

Аквилу, увидит школьников с книжками под мышкой, входящих в церковь, прежде чем отправиться в школу.

6

Я знаю только две книги на английском языке, написанные об Абруцци. Одна принадлежит перу Кеппела Крэйвена и называется «Путешествие в Абруцци» (1835). Там дается сухой и подробный отчет о поездке верхом по этому региону. Вторая книга написана в 1928 году Эстеллой Канциани — «Через Апеннины и Абруцци». В ней рассказывается об экспедиции, предпринятой молодой художницей и ее отцом осенью 1913 года. Автору интересно было писать портреты местных женщин и собирать истории, легенды и стихи. Ей это удалось. Читая эту восхитительную книгу, я удивлялся переменам, которые произошли в Абруцци за каких-нибудь пятьдесят лет. Эстелла Канциани видела средневековое общество. Все женщины — старые и молодые — носили национальную одежду, а дорог было совсем мало. Они с отцом ехали на поезде, в горах пересаживались на повозку, ехали на муле или шли пешком. О гостиницах в большинстве мест не слышали, еда была отвратительной, а в спальнях на них набрасывались насекомые. Автор ни разу не упоминает, что она была в стране марсов. Похоже, она этого и не знала. Тем не менее с новыми знакомыми она говорила о магических заклинаниях, ведьмах и колдовстве, об оборотнях и о *malocchio* — дурном глазе. Все это доказывает, что область с давних времен сохраняла связь с магией. Не утратила она ее и сейчас.

Вот как деревенские жители, неподалеку от Аквилы, встречали автора: «К этому времени уже разнеслась весть о двух чужестранцах и о том, что у одного из них (у меня) странная белая шляпа. Вся деревня пришла посмотреть на нас и на мою белую панаму. Когда наши вещи были перенесены, они ощупали меня всю — и юбку, и кофту, и шляпу. Затем они хватались за карандаш, нож и ножницы, свисавшие у меня с пояса на цепочке, и спрашивали, уж не

портниха ли я. Затем им вздумалось посмотреть на мои волосы. Чтобы удовлетворить их любопытство, я сняла шляпу, и они поразились тому, что волосы у меня не черные, как у них, и щеки не такие коричневые. Затем они подергали меня за волосы и удивились, что не удалось их снять, как шляпу, но я отступила и сказала: „Un'altra volta“.

[3] Они поспешно сказали, что я, должно быть, приехала издалека, поскольку выгляжу так странно. Наверняка я заболела в их голых и диких горах, тем более что и еды хорошей у них нет».

С тех пор прошло две войны, в горах проложили новые дороги, появился рейсовый деревенский автобус, а также радио и телевидение. Невозможно представить, чтобы вышеприведенная сцена могла повториться даже в самой отдаленной деревушке Абруццо.

Автор описывает ужасные дома, в которых приходилось ночевать ей и ее героическому отцу. «Я пошла спать рано, но не пробыла в постели и десяти минут, как почувствовала, что в пальцы ног что-то впилося. Всмотревшись, отловила пять больших клопов. Встала, взяла ситцевый мешок с москитной сеткой (livinge), надела его на себя и снова улеглась. В этом наряде было удушающе жарко, так что полночи я смотрела, как тридцать клопов ползают туда-сюда в поисках отверстия, через которое они могли бы до меня добраться. Не знаю, что в это время происходило с моим отцом». Она упоминает фотографа, которому пришлось бежать из деревни, потому что вскоре после того как он сфотографировал грозу над горами, прошел град и побил всходы. Крестьяне приписали это событие дурному глазу его камеры.

Исследования Эстеллы Канциани ограничивались Аквиллой, Сульмоной и несколькими ближними деревнями. Среди них автор выделил и описал Сан-Стефано и Кастельдель-Монте, обе всего в нескольких милях от Аквилы. Решив, что мне следует посмотреть, как выглядят эти деревни сейчас, в один прекрасный день я поехал в восточном от города направлении. По нижним склонам Кампо-Императоре, петляя, бежала вниз местная дорога, а

гора Сан-Сассо за моей спиной вздымала к небу заснеженную вершину. Ну и ландшафт! К северу — незаселенная, дикая равнина Кампо-Императоре. С высоты два сапсана высматривали добычу в грубой траве, а к югу катились остроконечные горы. На каждой вершине — белая деревня, словно иллюстрация из старинного часослова. Не проходило и мили, чтобы я не увидел крестьян. Они работали в поле — набивали сеном мешки. Судя по всему, трава не уродилась. Мешки грузили на спины мулам или ослам. Без женщин не обошлось: они усердно работали граблями и серпами. Раздувались на ветру черные кофты. Повязанные платками головы, черные вязаные чулки, тяжелые, подбитые гвоздями башмаки. Состарившиеся и морщинистые в тридцать лет, они с готовностью несли на своих плечах тяжкий жизненный груз. Эти терпеливые женщины удивили меня своим трудолюбием. Иной раз я видел, как, шагая позади нагруженного осла, они умудрялись вязать на ходу. По мере подъема я заметил высокие полосатые столбы, ими отмечают места, подверженные снежным заносам. Как же не похожа дикая земля Абруццо на пологие холмы Тосканы, подумал я. Такая же разница, как между человеком эпохи Ренессанса и Средневековья.

В этот прекрасный весенний вечер — в нем уже ощущалось летнее тепло — я наконец добрался до горной деревушки Сан-Стефано. Она стояла на краю обрыва. В 1913 году Эстелла Канциани написала, что деревня Сан-Стефано «похожа на волшебный город». Вот и на меня через пятьдесят три года деревенька произвела такое же впечатление. Я даже вспомнил о дворце Спящей красавицы: такая здесь царила тишина. Подъехал к украшенным зубцами воротам, собираясь оставить там машину. Посмотрел на арку со щитом Медичи: под шестью шарами — герцогская корона. Когда-то здесь был вход во дворец. Дома средневековой и ренессансной постройки стояли покинутые и молчаливые. На некоторых из них я заметил восхитительные каменные наличники, у других домов имелись балконы. Я узнал улицу с арочными пролетами,

изображенную некогда Эстеллой Канциани. На ее картине, правда, имелась группа женщин в местных костюмах. Сейчас я не видел ни души. То, что жизнь в деревне еще не угасла, доказывали куры и цыплята, бегавшие по улицам, да мул или осел в конюшне с мраморными воротными столбами. Любуясь живописными лестницами, ведущими в некоторые дома, я вдруг заметил старого мужчину в потрепанной фетровой шляпе. Он наблюдал за мной, и мне показалось, что человек он веселый. Я заговорил с ним, однако его ответа не понял. Тогда он с явным восторгом заговорил со мной на языке, отдаленно напоминавшем английский или, вернее, американо-ирландский. Он был из тех людей, которых здесь зовут «американо». То есть он несколько лет прожил в Южной Америке или в Соединенных Штатах, после чего вернулся домой. Он сказал мне, что его зовут Доменико Некко и ему семьдесят три года. Он работал в Соединенных Штатах двадцать шесть лет, одно время — шахтером в Питтсбурге.

Я сказал, что читал книгу, написанную около пятидесяти лет назад, и в ней Сан-Стефано описан как многонаселенный город. Доменико заверил, что так оно и было, но потом жители спустились в долину, и лишь немногие, такие, как он и его жена, остались жить в старых домах. Он сделал шаг в сторону и, указав на каменную лестницу, ведущую к его дому, пригласил меня войти. Из дома вышла старая женщина. Она вытерла руки о передник, спросила, кто я такой, и тихо упрекнула мужа за то, что тот пригласил гостя, когда она так занята и выглядит неаккуратно. Я вошел в маленькую комнату. Окна были всажены в стены толщиной два фута. Перед горячей печью сидела пятнистая курица, она только что вывела цыплят. Несколько новорожденных попискивали из-под ее крыльев, а один успел потеряться в кухне и жалобно пищал. Мама-курица тревожно квохтала. Хотя комната была древней, электричество имелось, и совсем уж странно выглядела здесь белоснежная электрическая плита.

Меня провели в гостиную. Из окон открывался великолепный вид на долину. На стенах висели картины с

изображениями святых, но главным украшением комнаты являлась большая, глупо улыбающаяся кукла, сестра той, что я видел в Челано. Ее еще не вынули из стоявшей на стуле картонной коробки. Я взглянул на массу бронзовых кудрей и подивился тому, что пожилая пара сделала такое приобретение.

Уселись за стол. Доменико поставил два стакана, а жена вошла с кувшином, наполненным розовым соком. Хозяин сказал, что приготовил его из собственного винограда. Их виноградник находится в долине. Жена отказалась присоединиться к нам и вышла из комнаты. Я думал, что напиток чисто фруктовый, однако он оказался более крепким. Доменико переполняли неинтересные для меня воспоминания — о Соединенных Штатах, о деньгах, которые он там заработал, но об истории Сан-Стефано он ничего не знал. Слышал, что когда-то там был отличный замок — возможно, ворота с гербом Медичи были когда-то его частью, — Доменико думал, что замок разобрали и построили из него жилые дома.

Я сказал, что еду в Кастель-дель-Монте, и он вызвался меня сопровождать. Жена принялась возражать, сказала, что в таком виде ехать неприлично. Доменико вышел и через несколько минут появился в новой фетровой шляпе. Старушка утешилась, и мы тронулись в путь.

На расстоянии Кастель-дель-Монте казался волшебным городом из мира Мерлина, но вблизи магия разрушилась — печально, но ожидаемо. Мы оказались на крутых булыжных мостовых между мрачными каменными домами. Дети играли в канаве, а от двери к двери шныряли тощие коты.

Именно здесь Эстеллу Канциани разбудили в два часа ночи девичьи вопли. Эстелла подумала, что на бедняжку напали волки. Подбежала к окну спальни и крикнула в окно, не нужна ли помощь. Девушка ответила, что припозднилась в горах и всего лишь хотела разбудить родителей. «Я видела из своего окна, — пишет Эстелла, — скелет овцы, которую задрал волк и объел наполовину. Нам объяснили, что овцу оставили специально, для собак». Мне не довелось увидеть в Кастель-дель-Монте ни волков, ни овец, зато я

нагляделся на прекрасное собрание собак, среди них имелся доберман-пинчер с длинным хвостом, а коричневый ретривер словно сошел с акватинты XVIII века, при взгляде на маленьких собачек на ум приходили картины Карпаччо. Самым интересным мне показался суровой белый сенбернар. На нем был ошейник с шипами в качестве защиты от волков. «Но они бывают у нас только зимой», — сказал местный житель, словно говорил о гриппе, а не о волках.

У Эстеллы Канциани находим мрачную историю о местной церкви. Она записала, что под зданием были пещеры, в которых устроили захоронения. Покойников одевали и усаживали на плетеные стулья. Как-то раз один мужчина, занявшись переделками в подвале, пробил пол, являвшийся потолком пещеры, и ужаснулся, увидев сидевшего там мертвого священника. На покойнике была большая шляпа, подбородок поддерживала деревянная вилка. В 1912 году каменщики в церкви также случайно открыли пещеры и так испугались того, что увидели, что побежали за школьной учительницей. Она подожгла кусок бумаги и бросили в пещеру, чтобы осветить помещение. Скелеты тут же вспыхнули и горели так яростно, что пришлось протянуть в подвал шланг от городского фонтана. Но огонь не прекратился, пока все скелеты не сгорели. Пещеру забросали землей и известью. Жители, с которыми я разговаривал, ничего об этом не помнили или не хотели это обсуждать. Возможно, думали, что у меня есть тайный интерес. Мне хотелось встретить непредубежденных людей, таких, с которыми пятьдесят лет назад свободно беседовала Эстелла Канциани. Тогда город был совершенно изолирован. Автобус, который теперь возит людей на пьяццу, был еще в будущем. О телевизионной антенне, торчавшей из крыши кафе, тогда и помыслить никто не мог. Родители и деды принадлежали другому миру. Пока я размышлял, счастливее ли нынешние люди своих яростных прародителей, старого Доменико кто-то горячо поприветствовал. Приятель, водитель грузовика, хлопнул его по спине и поцеловал. Он тут же настоял, чтобы мы

пошли к нему в гости. Человек этот был гораздо моложе Доменико. Вероятно, родственник. Мы вышли из города на окраину, вскарабкались на крутой холм. Оттуда открывалась чудная панорама города — видны исполинская зеленая лестница террас, с храмом и колокольной на самом верху. Их силуэты четко вырисовывались на закатном небе. Я не знал, чего ожидать, когда мы поднялись по ступенькам к комнате на первом этаже каменного дома. Увижу ли я крестьянскую обстановку пятидесятилетней давности? Я вошел в безупречно чистую гостиную, где щебетали три женщины, а на полу играли дети. Я так ничего о них и не узнал, потому что в комнате появилась пожилая женщина. Она была преисполнена такой живости и энергии, что немедленно подавила всех присутствующих. Это была мать водителя грузовика. Задав мне несколько вопросов, она распахнула руки и поприветствовала меня, словно я был давно потерянным членом семейства. Затем метнулась в другую комнату и возвратилась с рюмками и бутылкой анисового ликера. Выразительные глаза на морщинистом лице производили впечатление, будто в теле старухи заточена двадцатилетняя веселая девушка. Я не понимал ни слова из того, что она говорила, но за нее это делали жесты и выражение лица. Это был язык, понятный каждому. Я подумал, что она относится к тому типу крестьянских женщин, которым в истории случалось управлять королями и держать в своих руках судьбы народов. Это, разумеется, при наличии интеллекта, если же его не было, то такие энергичные особы становились всенародным бедствием.

Смеркалось, когда я оставил Доменико в его молчаливом средневековом городе. Он стоял в своей новой шляпе, попыхивая маленькой сигарой. Вид у него был такой, словно дома его не ждало ничего хорошего, хотя я и был свидетелем невинности нашей маленькой прогулки. В Аквилу я приехал, когда стало уже совсем темно.

Как в те времена, так и сейчас, фантастическим событием последней войны я считаю побег Муссолини с самой высокой горы Италии. Спас его Гитлер. Каждый день, глядя с улочек Аквилы на поднимающуюся в небо гору Гран-Сассо, я задумывался о диктаторе, попавшем в карантин в том удаленном месте. Может, в горном отеле Кампо-Императоре есть еще люди, ставшие свидетелями его спасения?

В пятнадцати милях от Аквилы канатная дорога связывает долину с горной вершиной, вознесшейся на высоту семь тысяч футов. В молодых листьях дубов и каштанов радостно щебетали птицы, чудесным образом ускользнувшие от *sacciatore*.^[4] В приятной старинной деревушке Ассерджи звучала музыка горной реки. Я уселся за столик кафе. Здесь можно заказать бокал вина либо чашечку горького кофе (если человек подвержен национальной слабости). Дожидался вагона фуникулера. Опоры канатной дороги по мере удаления становились все меньше, в снежных полях раскачивался и исчезал канат. Когда один вагон идет вверх, другой спускается. На полпути они встречаются, слегка раскачиваясь над бездной.

Других пассажиров, кроме меня, не было, и я засомневался: лыжный сезон закончился, а альпинистский еще не начинался, так может, отель наверху закрыт? Кассир заверил меня, что отель работает. Вагон из стекла и стали был рассчитан на двадцать человек, и я оказался там в одиночестве. Лицо молодого кондуктора выражало скуку. Он позвонил в колокольчик, подав сигнал к отправлению. Кондуктор сказал, что вагоны у них новые. И в самом деле, посмотрев вниз, я увидел старые вагоны времен Второй мировой войны. Они лежали возле станции отправления. В одном из этих вагонов 3 сентября 1943 года на гору поднимался свергнутый диктатор. Событие описано в показаниях, сделанных владельцами отеля «Альберго-Кампо-Императоре», и опубликовано в приложении к мемуарам Муссолини. Как странно, что человек, которому грозила серьезная опасность и в любой момент его могли передать союзникам в качестве военного преступника,

спросил у кондуктора: «Это безопасный фуникулер?» Затем поспешно прибавил: «Я спрашиваю не ради себя, ибо моя жизнь кончена, но ради тех, кто меня сопровождает». Я бездумно спросил кондуктора, помнит ли он что-нибудь о том событии. Он ответил, что в 1943 году его еще не было на свете. От панорамы, открывавшейся с южной стороны, над Сульмоной, захватывало дух. Пройдя половину пути, вагончик причалил к маленькой платформе, и там я пересел в другой вагон. Было очень холодно, и я порадовался тому, что на мне теплая одежда. Я видел снег уже совсем близко. На солнце он таял, но в долинах лежал сплошным покровом.

Вторая часть подъема была замечательной. Отдаленный ландшафт, хотя и прекрасный, был уже не так интересен, поскольку, скользя от опоры к опоре, я открывал для себя новые скалы и лощины, известные только орлам. Я смотрел на одинокие долины и рваные вершины, а холод пробирался даже сквозь стекла вагона. Вышел наружу и почувствовал, что температура здесь ниже нуля. Длинный крытый коридор защищал путешественников, идущих в отель, от ветра и снега. Я увидел большое здание с двойными дверями, стоявшее на ровной площадке в окружении гор. Отель напомнил мне то ли тюрьму, то ли исправительный дом, то ли корабль в Арктике, скованный льдами.

За время подъема и пребывания на открытом воздухе я успел замерзнуть, а потому, войдя в отель, почувствовал себя чуть ли не на печке. В здании, сколько я мог заметить, было почти пусто. Я увидел старую даму в плетеном кресле, занятую чтением книги, и юную пару в темном коридоре. Молодой человек и девушка были переполнены любовью: они смотрели в глаза друг к другу и иногда соприкасались руками, словно хотели убедиться, что видят все наяву.

В окна полукруглой столовой я увидел скалистое пространство, на которое приземлились планеры Гитлера и откуда немецкий спасательный самолет унес Муссолини. Директор отеля, синьор Амилькар Тиберти, показал мне столик Муссолини и пригласил позавтракать с ним за соседним столом. Он был в отеле во время спасательной операции, и ему было о чем рассказать. Хотя Муссолини по

причине язвы был на диете и ел в своей комнате, он обычно спускался в столовую и играл в карты — ссороне — с тремя стражниками. Директор предложил посмотреть спальню Муссолини. Мы поднялись наверх, где он открыл номер из двух комнат, 201 и 202. В номере имелась ванная. Маленькие окна защищали постояльца от ледяного ветра.

— Радио ему слушать не разрешали, — сказал синьор Тиберти, — но ему удалось раздобыть маленький приемник, работавший от батарейки, и он клал его ночью под подушку.

Он описал операцию спасения, которую пересказывали много раз и, думаю, будут еще долго рассказывать, как одну из величайших спасательных операций в истории.

Гитлер действовал поразительно быстро, с похвальной лояльностью к поверженному партнеру. На следующий день после того, как фашистская партия отвергла своего основателя, — 25 июля 1943 года Гитлер вызвал из Берлина к себе в штаб молодого капитана диверсионного специального подразделения Отто Скорцени и сказал: «У меня для вас важное задание. Моего друга и нашего верного союзника Муссолини предал король, и он был арестован соотечественниками. Я не могу бросить величайшего сына Италии в час опасности. Дуче для меня — воплощение величия Древнего Рима. Новое правительство Италии отвернется от нас. Я сохраню веру в своего старого союзника и дорого друга. Он должен быть немедленно спасен».

Скорцени вышел, охваченный гипнотическим влиянием вождя. Поехал в Италию и постарался выяснить, где содержится Муссолини. Узнал, что его держали на разных островах. Лишь в сентябре немцам удалось узнать, что он находится на Гран-Сассо. Немедленно был разработан план спасения. Когда в воскресенье 12 сентября над горой закружили немецкие самолеты, Муссолини смотрел в жалкое маленькое окошко своей комнаты. На горное плато перед отелем с шумом опустились одиннадцать планеров. Через несколько мгновений немецкие командос окружили здание. Итальянская охрана — солдаты и полиция — не оказали сопротивления, когда Скорцени добрался до комнат

201-202 и объяснил Муссолини, что произошло. «Я знал, что мой друг Адольф Гитлер меня не покинет», — сказал дуче.

Скорцени поразил вид Муссолини. Перед ним стоял небритый больной старик в костюме, болтавшемся на нем, как на вешалке. Скорцени поспешно вывел его из здания, а там уже стоял с трудом приземлившийся и получивший повреждения связной самолет «Физелер-Шторьх». Летчик сомневался в том, что самолет сумеет взлететь с пассажиром. Когда он узнал, что в самолете будут два пассажира, — поскольку Скорцени настаивал на том, что будет сопровождать Муссолини, — он сказал, что с маленького горного плато невозможно поднять машину в воздух. Тем не менее времени на размышления не оставалось. Муссолини в пальто и фетровой шляпе с широкими полями снова выглядел как диктатор. Он попрощался с обслуживающим персоналом отеля, выстроившимся на ступенях, и вошел в самолет. Скорцени последовал за ним. Двенадцать немцев удерживали самолет за веревки, когда летчик включил двигатель, затем по знаку пилота отпустили его. «Шторьх» рванулся вперед и завис на краю пропасти. Те, кто понимают что-нибудь в летном деле, думали, что машина неминуемо рухнет в бездну, но каким-то чудом летчик удержал самолет, и машина взлетела. В ту ночь Муссолини спал в Вене.

Интересно было говорить за завтраком о тех событиях, сидя рядом со столиком, за которым Муссолини когда-то играл в scorpone. Дуче прекрасно выглядел в форме, когда стоял на балконе палаццо Венеция, выставив вперед подбородок, либо сидел за столом в длинной мраморной комнате, готовясь произвести впечатление на посетителей отрепетированным грозным взглядом. Игра его, очевидно, была не столь убедительной, когда на нем были старое пальто и черная шляпа. Когда синьор Тиберти рассказывал мне, каким неприятным был диктатор — он употребил слово *forutto*, — в моей памяти всплыло истерическое повторение слова «Дуче», написанное на стенах в тридцатых годах, и «Дуче всегда прав», — первые уроки массового гипноза, которые так хорошо усвоили политики других стран.

Я спустился в вагоне фуникулера, словно в холодильной камере. Горы порозовели от предзакатного солнца. Я оглянулся на белые вершины. Даже история Эльбы кажется заурядной в сравнении с мелодрамой, разыгравшейся на бесчувственных снежных полях.

8

Я услышал о змеиной церемонии в Кокулло, когда заглянул в городок Сканно неподалеку от Сульмоны. До недавнего времени в Сканно можно было добраться только на муле по тропе, по краю расщелины, но сейчас в горах проложена дорога. Она вьется серпантином, демонстрируя сказочные пейзажи с рекой Саджитарио, бегущей внизу от одного водоема к другому. Городок теперь простился со своей изоляцией и радостно принял современный мир с автобусами и телевидением.

Дома в Сканно карабкаются по горному склону, и я приготовился увидеть лабиринт узких полутемных улиц. Городок знаменит главным образом великолепием местной женской одежды, однако я этого не заметил. Напротив, мне встречалось много старушек в черных платьях и повязанных на голове цветных шарфах. Ничто даже отдаленно не напоминало роскошные иллюстрации из альбомов, посвященных итальянскому костюму. Молодые женщины Сканно были одеты так же, как и девушки из прочих мест. Думаю, трудно было бы заставить их носить тяжелые, плотные и дорогие одежды своих бабушек.

Ювелиров Сканно, искусство которых славилось на протяжении столетий, все еще можно найти в подвалах городка. Они изготавливают золотые запонки, сережки и разные женские украшения, которые раньше покупали лишь очень богатые дамы. Некоторые модели восходят к временам марсов. Я купил пару длинных серег у ювелира в маленькой темной мастерской. Думаю, что такие сережки можно выставить в музее древнеримских ювелирных

украшений, и ни у кого подозрения не вызовет время их изготовления.

Я прибыл в Сканно в день, который бывает раз в году. В первую неделю мая из часовни возле озера Сканно, в двух милях от города, привозят богиню дождя и ставят на алтарь в городскую церковь, где она будет находиться в течение месяца. Это — Мадонна дель Лаго, или Аннунциата, и она сохранилась с древних времен. По виду это — небольшая кукла, не более фута в высоту, одетая как испанская Дева Мария. На ней золотые цепочки и другие дары. Часовня с фресками на стенах, где она стоит остальное время года, находится на краю очаровательного озера. Часовня частично вырублена из скалы. Когда-то это была пещера.

Местный художник, Элия Убальди, который пишет пейзажи Сканно, раскупаемые зимними туристами, рассказал мне, что, как только Мадонна является в Сканно, «немедленно проливаются хорошие дожди», и, словно в подтверждение ее слов, на небо набежали тучи, и в городе начался дождь. Мы пошли посмотреть на Мадонну. Она стояла в старинной церкви за частоколом свечей. Перед нею склонились коленопреклоненные женщины и молились, глядя на нее в свете свечей.

Вечером мы пустились в пешую прогулку по узким средневековым улицам — то карабкались вверх, то спускались по булыжным мостовым, подходили к красивым арочным дверям с каменными орнаментальными щитами. Сканно в XV веке был зажиточным городом, специализирующимся на шерсти. В горных городках и деревнях есть теперь электрический свет, все они сделали шаг от мира свечей в мир электричества, радио, телевизоров и холодильников. Странно, но снег, который раньше изолировал Сканно от мира, теперь сделал его популярным зимним курортом. Местные жители уже не удивляются кабинкам, возносящим лыжников на горные вершины. Мы с Убальди исследовали старинные улицы, когда он вдруг остановился перед каменным зданием и спросил, не хочу ли я осмотреть библиотеку. Наверху мы нашли несколько комнат, на стеллажах которых я увидел

хороший выбор современной итальянской художественной литературы, несколько фолиантов XVI и XVII веков и книги, посвященные городу. Была тут и книга посетителей ныне исчезнувшего отеля. Вроде бы он назывался «Альберго-Пейс». В книге, как сказал библиотекарь, один англичанин что-то написал. Нам удалось отыскать эту запись: «Я дважды останавливался в этом отеле и был очень доволен. По сравнению с другими итальянскими городами того же размера, что Сканно, он выгодно отличается как условиями, так и едой. Хозяин отеля чрезвычайно любезен. Норман Дуглас. 23 августа. 1910».

В мечтах о комфорте я остановился в двух милях от Сканно, в гостинице возле озера. Здание было построено для зимних туристов, и оно слегка напомнило мне австрийские или швейцарские гостиницы. Такого сходства добиваются либо сознательно, либо оно рождается из ассоциаций. Я был единственным постояльцем: сезон закончился. После заката резко похолодало, подуло с заснеженных вершин. К счастью, служащие отеля заботились о тепле, и даже в коридорах стояли масляные обогреватели. Два таких обогревателя были и у меня в номере. Утром я отворил окна и увидел внизу голубое озеро, нежащееся в ранних солнечных лучах. Напротив, у края воды, стояла часовня Мадонны дель Лаго, расставшейся на время со своим божеством. Это было любопытное маленькое святилище, с фресками от пола и до потолка и темно-синим куполом с рассыпанными по нему золотыми звездами.

Однажды днем я с удивлением заметил, что перед зданием гостиницы стоит пыльный автомобиль с английским номерным знаком. Позднее я встретил англичанина и его жену. Они возвращались домой через Италию и Францию после отдыха в Сорренто. Англичане рассказали, что сделали крюк специально: очень уж хотелось увидеть женщин Сканно в их великолепных костюмах. На такое путешествие их сподобила устаревшая информация, данная в путеводителях, и они ожидали увидеть здесь романтический антураж, на который с такой

готовностью клюют туристы. Когда я сказал им, что никаких роскошных костюмов они здесь не увидят, супруги пришли в раздражение, и женщина протянула мне цветные открытки.

— Да они должны здесь быть! — воскликнула она. — Я купила эти открытки в отеле.

Я сказал, что одного вида фотоаппарата достаточно, чтобы старые женщины в черной одежде бросились бы в дом и исчезли с балконов, даже если на них всего лишь будничные платья. И высказал предположение, что на красивых открытках фотограф запечатлел специально приехавшую с ним модель или просто собственную миловидную жену или дочку. От такого цинизма англичанка взъядрилась и в доказательство своих аргументов показала путеводитель Бедекера 1962 года издания, в котором мы прочитали, что «женщины носят одежду любопытно сурового стиля, а в церкви сидят на полу, как это делают на Востоке». В воскресенье утром мы посетили мессу, надеясь увидеть подобную сцену, но обнаружили, что в церкви полно старушек в черных платьях и цветных шарфах на головах. Все они сидели на скамейках. Но в 1913 году они сидели на полу. Об этом упомянула и Эстелла Канциани.

«В церкви они всегда сидят скрестив ноги, — писала Она, — только вместо того чтобы опираться на пол, балансируют на щиколотках, а локти держат на коленях. В доме они обычно сидят точно так же. Стульями не пользуются».

Вскоре после отъезда английской пары в отеле состоялась свадьба или, вернее, свадебный завтрак, который затянулся до вечера. Я надеялся, что наконец-то увижу женщин Сканно в их знаменитых костюмах, но, кроме одной маленькой старушки, все пришли в современной одежде. Невеста, девушка мощного сложения, чья фея, должно быть, отлучилась, когда новорожденной надо было вручить в подарок красоту, с трудом втиснулась в белое свадебное платье. На женихе, мужчине зрелых лет, — мне сказали, что он чиновник, — был взятый напрокат костюм-визитка. Дама в старинном костюме, казалось, забрела сюда из элегантного и праздного века. Голову, поверх

кружевного белого чепца, украшала остроконечная шляпа, какую мы видим на большинстве портретов Марии Стюарт. Я разглядел темное платье с пышными рукавами, нарядный передник и черные туфли с стальными пряжками. Гвоздем программы стал гигантский белый торт. В противоположность распространенным обычаям, он так и не был разрезан. После бесконечных речей общество собралось возле маленького украшенного лентами автомобиля. Послышались поцелуи. Жених дважды облобызал священника, а когда новобрачные скрылись за поворотом, я подумал: кто знает, может, благоразумная финансовая сделка будет, в конце концов, не хуже союза, основанного на страсти. Мы с Убальди обедали в пустой комнате. Напротив работал хороший телевизор, его включили из уважения к нам. Подали озерную форель, за ней последовали *polio diavolo*^[5] и кувшин отличного красного вина. Отец Убальди эмигрировал в Америку, там родился его брат, и Убальди страшно хотелось уехать в страну, о которой многие итальянцы думают как об Эльдорадо. В войну мучился страхом, что может по приказу выпустить гранату в американца. «А что если бы он оказался моим братом?» — сказал он. В его голосе был ужас: гражданская война раздирала душу на две половины — гражданский долг и родственную любовь.

Странно было сидеть здесь, в некогда уединенном месте, и смотреть вычурное представление — оно транслировалось то ли из Милана, то ли из Рима. Там были девушки, одетые, главным образом, в страусовые перья, обычные песни и старые шутки. Интересно, что думают об этом старушки в черных платьях? Нравится ли им или они смотрят на танцоров, и им кажется, что этот мир еще более странный и мрачный, нежели мир колдунов, прорицателей и оборотней, в котором они родились?

Я спросил у своего нового знакомого, оставили ли местные жители свои суеверия с приходом автобусов, канатной дороги и телевидения. Он зажег сигарету и помедлил, прежде чем ответить. «Не так просто изменить сознание людей, формировавшееся на протяжении

столетий. Конечно, их жизнями по большей части управляет суеверие. Я не хочу сказать, что все верят в *lurì minnari* (оборотней), но если кто-нибудь встретит чужого человека при особых обстоятельствах, в одиноком месте зимним вечером, то весьма возможно, что в его мозгу всплывет мысль о *lurì minnari*. Все, разумеется, верят в предзнаменования, многих людей считают предсказателями, ведьмами, если вам будет угодно. И все носят амулеты, предохраняющие от дурного глаза. Я тоже ношу». Он показал брелок с ключами от машины. На кольце болталась маленькая красная рука, пальцы которой сложены были в жесте, отпугивающем дурной глаз.

Мы поговорили о марсах и их репутации колдунов. Об этом упоминали Овидий, Гораций, Плиний и другие древние писатели. Я сменил тему и заговорил о заклинателях змей.

— Этого добра у нас хватает, — ответил он. — В Абруцци полно серпари, людей, которые обладают властью над змеями и верят в то, что невосприимчивы к их яду. Мало этого, могут излечить укушенных людей.

— Как и древние марсы?

— Вы сможете убедиться в этом сами. В следующий четверг. Это первый четверг мая, когда в Кокулло празднуют день святого Доминика. Деревня находится в двенадцати милях отсюда. Если поедете туда, увидите статую святого, обвитую живыми змеями. Статую пронесут по улицам.

9

В четверг я поднялся рано и скоро уже ехал в Кокулло. Стояло чудесное майское утро. Виноградник на покатых холмах растопырил побеги, словно пальцы в зеленых перчатках. В голубой глади озера отражались горы, а там, где вода заканчивалась, начиналась прекрасная лощина Саджитарио. Раньше здесь можно было увидеть один или от силы два грузовика, а сейчас мимо меня пронеслись автомобили, несколько экскурсионных международных

автобусов и фермерские повозки. Все они направлялись на праздник святого Доминика. Пилигримы уже не ходят пешком вслед за человеком с деревянным крестом, а разъезжают по Абруццо в автомобилях и автобусах.

В Сканно я много слышал о святом Доминике. Его память почитают не только здесь и в других местах Абруццо, но даже за его пределами. Святой не имеет отношения к основателю доминиканского ордена. Это был бенедиктинский монах, родившийся в Фолиньо в 951 году. Он вел жизнь странника, путешествовал верхом на муле от одного местечка к другому, основывал монастырь и двигался дальше, творя добро и совершая иногда какое-нибудь чудо. Мул прекрасно его понимал. Рассказывают, что как-то Доминик попросил кузнеца подковать животное «Христа ради», но кузнец потребовал у святого денег. В карманах Доминика было пусто, и он приказал мулу вернуть подковы, что тот и сделал — стряхнул их до единого гвоздя. Одна из подков является самой дорогой святыней Кокулло. Говорят, что она избавляет людей и животных от водобоязни, и пастухи Абруццо до сих пор приводят в церковь своих больших белых собак, где к животным с молитвой подносят подкову.

Другой реликвией святого Доминика является зуб, который, по рассказам, святой сам себе вырвал и подарил людям Кокулло. Зуб хранится в серебряной раке. Он приносит облегчение при зубной боли. Когда стоматолог раз в одну или две недели навещает горную деревню, то обращается к зубу почти так же часто, как в средние века. Третий дар Доминика — невосприимчивость к укусам змей — несомненно, пережиток древней практики марсов и ежегодной демонстрации змей. На этот змеиный языческий праздник я и ехал. Как и многие другие языческие ритуалы, он был встроен в церковные праздники.

Еще один поворот дороги, и я увидел Кокулло. Деревня раскинулась на склоне горы — белая, живописная, сверкающая на солнце. Не без труда удалось припарковаться на площади между автобусов, фермерских

фургонов и велосипедов. Ярмарка гудела. Толпы крестьян явились издалека и из соседних деревень. За весь день я не слышал ни единого английского слова. Два карабинера в парадной форме, с красными кокардами на наполеоновских треуголках; руки в хлопчатобумажных перчатках сложены на рукоятках шпаг, — являли собой образец официального спокойствия, а вокруг шумели взволнованные толпы.

Из передвижных фургонов, набитых одеждой, мебелью, керамикой, едой, сельскохозяйственными орудиями, изделиями из пластмассы, отличной медной кухонной посудой и кувшинами, изготовленными в Аквиле, выгружали товар и раскладывали его на столы. Над некоторыми складными столами раскинули полотняные шатры. В тени дерева, на прилавке мясника, как дань средневековой традиции, лежала porchetta — целая туша жареной свиньи, нафаршированной розмарином и другими пряными травами. Ее продавали кусками, проложенными между толстыми ломтями хлеба.

Голосов торговцев на ярмарке уже не услышишь: за них трудятся громкоговорители, установленные на фургонах. Звук чудовищно громкий, причем каждый голос старается перекричать соперника, и адская какофония сводит на нет эффект, ради которого все это было задумано. Толпа одета в современную одежду. На мужчинах темные костюмы либо серые брюки и твидовые пиджаки. Женщины в костюмах или нейлоновых платьях, хотя есть и старушки в черной одежде и шالях. Они пришли вместе с внуками. Те стоят на ступенях и подают салями и хлеб, доставая их из больших пластиковых мешков. Я любовался группой, которую мог бы написать Рембрандт, — старые лица, за шесть десятков лет изборожденные морщинами из-за тяжких условий жизни, но, благодаря истинной вере и молитвам, исполненные чувства собственного достоинства. И вдруг я заметил первого серпаро. Этот молодой человек с пышной шевелюрой стоял, повернувшись ко мне спиной и сцепив позади себя руки. Я обратил на него внимание из-за неожиданного движения: вокруг его запястий обвилась большая желтая змея. Человек держал ее так, словно в

руках у него были четки и он перебирал ее бусины. Точно так его пальцы гладили змею. Узкая голова рептилии выглянула из его рукава и двигалась из стороны в сторону. Говорят, такие повторяющиеся движения гипнотизируют птиц и мелких животных. Я пошел в толпу вслед за молодым человеком. Там он присоединился к группе из троих серпари. Они были заняты тем, что вешали змей на плечи маленьких мальчиков. Дети выдерживали испытание с очень серьезными лицами. Серпари тоже были серьезны. Они словно вручали детям священную эмблему. Сцена напомнила мне обряд посвящения. Пятый серпаро, с огромной черной змеей, подошел к мальчику и повесил ему на плечи рептилию. Затем, ухватив змею чуть ниже головы, попытался уговорить ребенка подышать на нее. Он показал, как это нужно сделать, но мальчик не поддался на уговоры. Серпаро повесил змею себе на шею и пошел прочь.

Дорога к святилищу Доминика была запружена крестьянами. Они шли мимо калек, стоявших на обочине. Те протягивали руки за подаванием. Многие нищие одеты были лучше прохожих, у которых они кланчили деньги. У предсказателя с зеленым амазонским попугаем на красной клетке дела шли бойко. Птица перебиралась на палец хозяина, скашивала на клиента старый коварный глаз и цепляла клювом маленький сложенный листок бумаги. Это было своего рода предсказание, известное в Древней Греции и Риме, только там в роли прорицателя выступал маленький ребенок, а не старая птица сомнительной невинности. Тем не менее я не смог устоять против искушения. Клюв нерешительно замер возле сложенных листочков, но потом с поразительной аккуратностью птица вынула листок и положила в мою подставленную ладонь. Я не стал читать предсказание и положил листок в карман.

Поспешил к церкви, где вот-вот должна была начаться торжественная месса. Народу набилось битком. Я умудрился протиснуться и ближе к центру помещения увидел статую святого Доминика, почти в натуральную величину. Ее уже поставили на платформу, подготовили к процессии. На мой взгляд, статуя была хорошей работой мастера XVII века.

Скульптура представляла собой бородатого человека в черном платье, с нимбом над головой. В правой руке человек сжимал епископский посох, в левой — священную подкову. Вокруг статуи было непрерывное движение. Прихожане подходили к святому, дотрагивались до него, подносили руку к губам, преклоняли колени и часто клали к его ногам купюру в тысячу лир. Рядом висела веревка, присоединенная к колоколу. Крестьяне тянули за нее — кто руками, а кто зубами. Мне и раньше об этом рассказывали. Такое действие, по вере прихожан, предохраняло их от зубной боли. Я стоял, зажатый в толпе, не в силах двинуться. Началась месса. Неожиданно почувствовал странное шевеление возле своих ног. Глянув вниз, обнаружил, что к моим ногам прижат мешок со змеями. Его держал серпаро. В мешке непрерывно происходило упругое шевеление, перемежавшееся сильными толчками. Я предположил, что змеи дерутся друг с другом. Не в силах выносить такое соседство, я умудрился с большим трудом отступить к выходу. На улице стояли прилавки с блестящей дребеденью, в том числе и амулетами против дурного глаза. Самым популярным был кулак с двумя торчащими пальцами и маленький изогнутый предмет в виде рога буйвола. Оба сделаны из красной пластмассы, имитирующей коралл. На площади я купил кусок жареной свинины и съел ее, угостив изумленного рыжего котенка. Он сидел на ступенях старого заброшенного здания поблизости от церкви. И тут я увидел деревенских музыкантов. На них были остроконечные шапки с золотыми галунами. Музыканты шагали к церкви вдвоем и поодиночке. Церемонию украсило очаровательное явление в виде пяти юных девушек в фольклорных платьях. Одна девушка была блондинкой, остальные темноволосые. Они шли по улице между старинными домами, а за ними следовали две молодые женщины, одетые в тщательно отглаженные кофточки и юбки из розоватого хлопка. На головах у них были корзины с огромными круглыми буханками хлеба. В деревнях и небольших городах это обычное явление, вероятно, в память о праздниках Цереры.

Постепенно все серпари собрались возле церкви. Их было около двадцати.

Зазвонил церковный колокол. Музыканты встали в ряд и заиграли веселый марш. Неожиданно церковная дверь распахнулась, и мы увидели статую святого Доминика, вышедшую на солнце. В ту же минуту на статуе повисло двадцать или тридцать змей, брошенных серпари. Многие рептилии обхватили статую крепким кольцом, некоторые вскарабкались на нимб. Такое зрелище, кажется, шокировало зрителей, наблюдавших за действием с балконов. Крики из толпы подсказали серпари, что часть змей, не достигших цели, пытаются улизнуть. Их владельцы тут же исправили положение: схватили змей за хвосты и снова швырнули на статую. К тому моменту Доминик спустился с площади на улицу. На святом был толстый воротник из свернувшихся рептилий. Они закрыли ему рот. Хвосты и головы змей шевелились вокруг туловища. Шествие возглавляли жрицы Цереры со своими хлебами; затем шел священник с зубом святого Доминика в серебряной раке. Ритуал явно носил языческие черты, и я подумал, что замени современную дешевую одежду древними нарядами, и ежегодная церемония показалась бы дикой и даже угрожающей.

Платформу со святым пронесли во все закоулки Кокулло. Когда падала какая-то змея, серпаро немедленно подбирал ее и закидывал обратно. По окончании церемонии каждый серпаро собрал своих змей, но как они узнавали, какая из них чья, понятия не имею. Собрав рептилий, они либо закинули их себе на плечи, либо запихали в мешки.

Я поговорил с местным священником, и он настоял на том, чтобы я с ним позавтракал. Я уже ел свинину с хлебом и сыром и мог бы ничего не есть до следующего дня, но он так меня упрашивал, что с моей стороны было бы невежливо отказаться. К тому же я решил, что угощение вряд ли будет обильным. Как бы не так! Его преосвященство повел меня через толпу к одному из лучших домов в деревне, где в большой прохладной комнате на втором этаже был накрыт длинный стол для праздничного обеда. Там уже сидел

пожилой моргающий монсиньор и два священника, отпраздновавшие мессу. Судя по всему, они страшно проголодались. Меня представили благочестивой матроне, приготовившей пир, и посадили, к сильному моему смущению, во главу стола. Затем последовал обед, обильнее которого я ничего еще не едал. Роскошные закуски-ассорти... Такого разнообразия и выдумки не встретишь ни в одном ресторане. На смену супу явился жареный цыпленок, затем вареная курятина, за курятиной — ягненок, потом настал черед пудингам, заварному крему, желе и прочим сладостям. Нас обслуживала матрона, она внимательно наклонялась над монсиньором и священниками, а я делал все возможное, чтобы отвлечь ее внимание от своей тарелки.

Поскольку священники были голодными, в разговорах необходимости не было, но потом, за кофе, обменявшись табакерками с нюхательным табаком, я упомянул святого Доминика и сцену, которой стал свидетелем. Я чувствовал, что святые люди посчитали меня занудой. На их месте я, Наверное, подумал бы так же. Будучи лояльным приходским священником, parroco^[6] вступился за Доминика и рассказал о замечательных благодеяниях, которые святой оказал Кокулло. Другие священники согласно кивали головами и подставляли опустевшие бокалы. Согласились они, хотя и не слишком охотно, с тем, что Церковь, зная о склонности паствы к язычеству, позволила включить в свой праздник жертвоприношение марсов богине Ангитии. Впрочем, заметно было, что эта тема их не интересовала. Желая поднять разговор на высокий уровень, я предположил, что, возможно, Григорий Великий поступил мудро: принял то, чего нельзя изменить, и написал Мелитусу, первому лондонскому епископу, что не надо разрушать святилища англов, но лучше преобразовать их в христианские алтари. Так и змеи Ангитии, брошенные на святого Доминика, ныне освящены высшим церковным авторитетом. Согласившись с этим, мы снова наполнили наши бокалы.

На прощание parroco вручил мне памфлет «Vita di S. Domenico Abate, Protettore di Cocullo», в котором этот

добрый человек еще активнее поддержал своего святого и изъяснил ему горячую благодарность: ведь тот защитил Кокулло от змеиных укусов, зубной боли и водобоязни. По поводу последнего у священника имелась удивительная история. Он написал, что несколько лет назад, во время войны, когда Кокулло засыпало снегом, в деревню явились напуганные гости. Они приехали на машинах и на поезде. Это было почти все население деревни Джулиано-ди-Рома, включая инвалидов и даже паралитиков. Оказалось, что все они выпили молоко от коровы, укушенной бешеной собакой. Узнав об этом, они тут же бросились искать защиты у святого Доминика. Всех людей причастили — кого в церкви, кого в машинах, а тех, кто не мог дойти до деревни — на вокзале в залах ожидания. «Благодаря милости Всевышнего и помощи святого Доминика, — заключает священник, — а также благодаря великой вере людей, никто из них не пострадал от выпитого молока». Позднее ветеринар сказал мне, что был бы изумлен, если бы кто-нибудь и в самом деле пострадал.

Священник рассказал также о нескольких охотниках из Ссоры. Они привели шесть собак. Животные дрались с бешеными собаками и были почти неуправляемы, пока не пришли в Кокулло. Там они стали спокойными, позволили отвести себя в святилище, где к каждой из них притронулись реликвией. Вероятно, животные не пострадали от осложнений, хотя сведений об этом не имеется.

После путешествия по горным дорогам в Сульмону я приехал уже в темноте. На окраине города нашел гостиницу, где мне предоставили номер с ванной комнатой. Перед тем как улечься в постель, вспомнил о листке бумаги, которую дал мне попугай-прорицатель. Вот что я прочитал: «Если не хотите неприятностей, не вмешивайтесь в чужие дела и думайте, прежде чем что-нибудь сказать. Идите к цели и не бойтесь. Судьба наградила вас способностями к бизнесу, и вы должны этим воспользоваться. Трудитесь, и вам воздастся. Не замыкайтесь в себе, ни к чему излишняя

сдержанность. Остерегайтесь друга, которому вы помогали в прошлом. Он неблагодарен и коварен и замыслил погубить вас».

Циничная птица.

10

Памятник Овидию, знаменитому сыну Сульмоны, стоит на главной площади. Облаченный в тогу поэт задумчиво смотрит на современных жителей, которые могут прочесть на цоколе: «*Sulmo mihi partia est*»^[7] — знаменитая фраза, начальные буквы которой стали девизом города. Исследователь может обнаружить старые и более грубые версии памятников Овидию — один у магазина возле площади, а другой — во дворе церкви Святой Марии-Аннунциаты постройки XIV века, возможно, самого красивого здания в Абруцци. Этот памятник изображает его в образе средневекового святого. Главная улица Сульмоны называется Корсо Овидио. Она плавно переходит в бульвар Рузвельта, неожиданно объединяя автора «Искусства любви» с американским президентом.

Сам по себе Овидий в своем родном городе почитается больше, чем его произведения. Народное воображение считает его кудесником, и это еще один пережиток Средневековья. Такая же слава окружала имя Вергилия в Мантуе.

Сульмона — приятный городок. С одной стороны там раскинулась огромная рыночная площадь, на другой стоит собор, а между ними — лабиринт интересных старинных улиц и домов, с балконов которых свешивается белье, а женщины громко и весело переговариваются с детьми, играющими на улице. На главной улице я увидел магазин, «торгующий эмиграцией». Отсутствие в Абруцци промышленности сделало регион наряду с Калабрией местом для найма рабочей силы. В горных деревнях я обращал внимание на отсутствие молодых людей. Никого не удивляет, что они покидают родной дом. Иногда навсегда.

Некоторые возвращаются в пожилом возрасте. Их называют «американцами», хотя они могли работать в Новой Зеландии или Австралии. Слово Emigrazione выведено большими буквами на объявлении в витрине. На рекламе, призывающей к смене страны, изображена не слишком-то привлекательная картинка: ужасные головы маори с пучками волос. Зато привлекает модель самолета: теперь не надо долго плыть по океану, можно, словно птица, полететь по воздуху и через несколько часов — или, на худой конец, дней — оказаться в выбранной стране.

Так же, как и в Аквиле, я удивлялся дисциплинированности детей. Прогуливаясь перед завтраком, я видел маленьких мальчиков и девочек в черных костюмчиках и детей постарше с книгами под мышкой, спокойно идущих в школу. В соборе я убедился, что обычай заходить сюда перед школой для молитвы дети соблюдают так же свято, как и в Аквиле. Святой покровитель Сульмоны — Памфилий, о нем я не знаю ничего, за исключением того, что он не знаменитый Памфилий из Кесарей, а его тезка. Более двенадцати столетий назад он совершал чудеса в Сульмоне. Спустившись в крипту, чтобы посмотреть на гробницу святого, я увидел странную сцену. Это было темное место с множеством колонн. Встав за одну из них, я увидел процессию школьников. Все девочки несли книжки или портфели. Они направлялись к старинному мраморному трону епископа, стоящему с восточной стороны от гробницы святого. Передав книгу подруге, каждая девочка с серьезным видом садилась на трон епископа и клала руки на два полированных черных камня, украшающих подлокотники. Прodelав это, она немедленно уступала место следующей девочке, и так продолжалось, пока все дети не посидели на троне.

Эта необычная церемония происходила с торжественностью ритуала. Целый день я думал об этом, пока не спросил местного жителя, что все это значит.

— А, да, — ответил он, — так происходит уже многие столетия. Ритуал приносит удачу, особенно при сдаче

экзаменов.

Сульмона прославилась необычным производством — изготовлением *confetti*, или засахаренного миндаля, который оптом поступает из Сицилии. В Сульмоне его засахаривают и раскрашивают, после чего экспортируют по всей Италии. Ни одна итальянская свадьба не проходит без *confetti*. В Древнем Риме эти орехи рассыпали перед молодоженами. Торговля поставлена на широкую ногу. Среди ведущих профессионалов в этом деле — синьор Вильям де Карло. Во время последней войны он служил переводчиком в Королевских военно-воздушных силах, с тех пор бережно хранит пачку писем от друзей из союзных войск, от спасшихся союзных военнопленных и других людей, которых встречал в те времена. Я видел на его фабрике девушек-работниц. Они нагревали проволоку над метиловым пламенем и протыкали засахаренный миндаль, ловко создавая цветы с шестью лепестками. Каждый лепесток — орешек миндаля. Одни цветы белые, другие красные, синие, в сердцевине цветка — посеребренная конфетка.

Эти удивительные изделия напоминают корзины с искусственными цветами, которые во времена королевы Виктории ставили под стеклянные крышки, выполненные в форме купола. Допускаю, что некоторые люди едят их, хотя я сделал бы это только в случае невыносимого голода. Среди самых реалистических созданий синьора де Карло — снопы пшеницы и маиса, сделанные из миндаля и конфет. В этих приятных композициях есть что-то византийское, а может, арабо-византийское, и я подумал: не пришло ли из Сицилии сюда, вместе с миндалем, искусство цветочных композиций. Но синьор де Карло уверен, что начало этому занятию положила его бабушка, у которой в монастыре, где она обучалась, была репутация флориста. Впоследствии она решила продолжить эти композиции при изготовлении конфет. На самом деле производство *confetti* процветало в Сульмоне задолго до бабушки, поскольку в начале XIX века о нем упоминал Кеппел Крэйвен.

Синьор де Карло привел меня на римские развалины, которые по неизвестной причине, за исключением того, что они римские, и при этом руины, называются виллой Овидия. Перебравшись через речку Джизио в один из теплых весенних дней, которые часто предшествуют дождю, мы приблизились к подножию Монте-Морроне. Мой спутник указал мне на стоявшее на горе здание, которое, как он сказал, было аббатством Санто-Спирито, основанное в XIII веке Целестином V, папой-отшельником, чью могилу я видел в Аквиле. Здание было бы совсем пустым, если бы не смотритель. Он иногда спускается в Сульмону, чтобы купить продуктов, и снова возвращается в свое уединенное жилище.

У ордена несчастливая история. Его монахи следовали учению святого Бенедикта, их знали как целестинцев. После отречения папы они вынуждены были ехать в Грецию, чтобы спастись от преследования его наместника, Бонифация VIII. Орден прекратил свое существование в Германии во времена Реформации, во Франции ему наступил конец в 1766 году. В Италии он еще какое-то время существовал. Любопытно, как часто в жизни Абруцци является змея. В качестве своей эмблемы целестинцы выбрали черную змею, обвившуюся вокруг белого креста.

Мы спустились по крутой козьей тропе. Полевые цветы качались под облепившими их пчелами, в воздухе пахло тимьяном. В горах Абруццо привольно росли и другие растения. Хотя они уже не славятся своей магической силой, однако из них по-прежнему готовят ликер, известный всей Италии, — «Чентербе». Спускаясь, я видел перед собой всю долину Сульмоны. Ее омывали ручьи, о которых с такой теплотой поминал Овидий во время ссылки на Черное море. Моим глазам вдруг предстала уродливая и непотребная группа зданий, в которой я сразу узнал тюрьму.

— В Первую мировую войну, — сказал синьор де Карло, — англичане держали здесь немецких офицеров, а во Вторую все было наоборот. Тут по-прежнему тюрьма. Отсюда бежало много союзных офицеров — в основном в

горы. Некоторые вернулись домой, в Сульмону. Родственники скрывали их у себя.

Мы продолжали спускаться по горячим камням. Над цветами порхали бабочки, зеленые ящерицы замирали в расщелинах при нашем приближении. Наконец мы подошли к величественным ступеням, римской мостовой и фундаменту большого здания. Хотя Овидий происходил и из зажиточной семьи, руины «виллы» больше походили на публичное здание, а не на загородный дом.

— Некоторые исследователи, — сказал синьор де Карло, — думают, что это здание, возможно, было храмом Геркулеса. Здесь когда-то имелся фаллический знак, популярный у женщин, испытывавших трудности с созданием семьи, однако его убрали. Во всяком случае, я не смог его найти. Говорят, он был здесь, на этой ступени.

Если даже это место и не было родовым гнездом Овидия, сам ландшафт в точности соответствовал описанию ностальгирующего поэта. Было бы неверно сказать, что его сослали. Наказание за нанесенную им обиду, до сих пор оставшуюся тайной, известно как *relegatio*, что означает принудительное проживание в отдаленном месте, но без конфискации собственности и без лишения гражданских прав — *civitas*. Овидию было пятьдесят, когда он обидел императора Августа, и последние десять лет жизни ему пришлось провести в городе Томах (он называл его Томис) в Причерноморье. Сейчас это место называется Констанца, и находится оно в Румынии. Овидий ненавидел его и горько жаловался на холод. В своих стихах он описывал его как землю постоянной зимы, где у мужчин замерзают бороды и даже вино застывает. Друзья, бывавшие в Констанце, рассказывали мне, что бронзовый Овидий по-прежнему стоит на главной площади. Много лет назад мне довелось побывать в Константинополе во время снежной бури, а потом ехать до Босфора к Черному морю. Там злой ветер пробрал меня до костей, и я убедился, что Овидий не преувеличивал суровости зимы, как предполагают некоторые ученые. Они думают, что поэт надеялся смягчить сердца власть имущих и вернуться в цивилизацию. Сидя на

ступенях предполагаемой виллы, синьор де Карло и я гадали, как это делали и многие другие, чем так обидел Овидий императора. Я спросил, может, в Сульмоне имеются на этот счет другие теории, нежели те, о которых мы все знаем. Нет, его земляки делают только обычное предположение: будто бы он видел в ванне императрицу Ливию. Мы оба посчитали такое заявление абсурдным. Выдвигали и другую причину — аморальность поэмы «Наука любви» (однако она была опубликована за десять лет до ссылки). Некоторые думали, что поэт был замечен в связи с внучкой императора, Юлией, отправленной в это же время на далекий остров. Еще его подозревали в заговоре против Августа. Синьор де Карло мудро заметил, что если действия мужчины кажутся загадочными, неплохо обратить внимание на то, чем недовольна его жена. Возможно, Ливия давно имела зуб на Овидия, и ей удалось с ним посчитаться, когда император состарился и находился под ее влиянием.

На обратном пути мы подошли к импровизированной прачечной, называвшейся «Фонтан любви». Две сельские женщины только что установили на головы корзины с бельем и собрались домой. Синьор де Карло спросил их, почему это место называется «Фонтан любви». На это одна из женщин ответила, что «Виддио», ласковое местное прозвище Овидия, занимался здесь любовью с волшебницей, возможно с Эгерией или с духом воды. Другая женщина, с большей исторической точностью, сказала, что с ним была жена императора. Вот так: прошло девятнадцать столетий, но грех и наказание поэта до сих пор волнуют крестьян его родной Сульмоны.

Ночью жара ушла. Горная погода доказала свою неустойчивость: принялась поливать окрестности мелким дождем, пока Аbruццо не стал напоминать Шотландию. Воскресным утром я выехал из Сульмоны и взял курс на юг. Над горами собрались тучи, снова полил дождь, и с

припудренных последним снегом вершин подул пронизывающий ветер. Я слышал так много о красотах и особенностях маленького городка Пескокостанцо, что решил непременно его посетить. Ландшафт был закрыт промозглым туманом, лишь изредка он отплывал в сторону и открывал белый склон горы. Приехав, я увидел, что старый город пуст, словно его заколдовал злой волшебник. Я поднялся по длинному лестничному маршу и через норманнскую арку вошел в церковь Святой Марии-дель-Колле. Перед алтарями горели свечи, но в помещении не было ни одного человека.

На окраине города нашел гостиницу, в окне которой красовалось чучело дикой европейской кошки. Кошка злобно скалилась — сомнительный привет заезжему путешественнику. Я вошел внутрь и снова никого не увидел. Стулья в столовой были подняты на столы. Из кухни донеслись какие-то звуки. Приятная женщина, готовившая спагетти, сказала мне, что гостиница и в самом деле уже закрыта: зимний лыжный сезон окончился, а летний еще не начался. Впрочем, если я не боюсь холода — радиаторы не работали, — то она может предложить мне спагетти. Не сняв пальто, я уселся возле кошки. Ко мне подошел веселый краснолицый администратор. На странном английском языке он сказал, что два года прожил в Манчестере и Ливерпуле. Поставил передо мной бутылку крепкого темного сицилийского вина, и оно помогло мне восстановить кровообращение. Мы поговорили о Манчестере, и я был благодарен, хотя и думал, что в прежние времена замерзший путешественник, зайдя в трактир, немедленно согревался, потому что радушные хозяева тут же бросали в очаг охапку хвороста и в печи весело вспыхивал огонь. Теперь же, во времена центрального отопления, нет больше очагов, возле которых можно посидеть и отогреться.

Я снова пустился в путь, а дождь все лил, действуя мне на нервы. Я понимал, что он закрывает от меня великолепную горную панораму. Воскресным днем я приехал на ярмарку в городок Рионеро Саннитико. По обе

стороны главной улицы выстроились медные горшки и лотки с одеждой, едой и сельскохозяйственными орудиями. Улицу заполнила толпа местных жителей, они болтали и смеялись, хотя дождь лил по-прежнему, а туман занавесил город. Мы, северяне, никогда бы не поверили, что в Италии может быть такая погода. Группа фермерских жен проверяла серпы: прежде чем купить их, они проводили по лезвию подушечкой большого пальца. Я купил себе два маленьких амулета от дурного глаза.

Вглядываясь в туман, осторожно спустился к Молизе и вечером приехал в Кампобассо, город, насчитывающий тридцать тысяч жителей. Я тут же повеселел, ибо там, совершенно неожиданно для меня, сияло солнце. Что значит для человека первый проблеск солнца, по которому он соскучился? Душу наполняет довольство и радость жизни. Я немедленно распаковал вещи в солидном старомодном отеле в центре города (владелец поприветствовал меня в холле и выразил надежду, что его отель мне понравится). Я пребывал в восторженном настроении и был уверен, что Кампобассо мне понравится. Рядом с отелем был кинотеатр, афиша которого предлагала посмотреть *prima visione*^[8] «Мэри Поппинс», один из самых моих любимых фильмов. От возможности увидеть его на итальянском я никак не смог отказаться. Возле кинотеатра находился первоклассный книжный магазин, владельцы которого разбирались в книгах. Кампобассо все больше начинал мне нравиться.

Город сгруппирован вокруг горы, на вершине которой стоит старинный замок. Снаружи он выглядит внушительно, но внутри не представляет никакого интереса. Разве что из его окон можно полюбоваться плавными очертаниями холмов Молизе, так не похожими на дикие скалы Абруццо. Кампобассо славится разнообразными ножами и ножницами. На многих из них стоит имя города, хотя большая часть их изготавливается в нескольких милях отсюда, в городке Фрозиноне.

Я наслаждался каждым мгновением «Мэри Поппинс», однако, когда смотришь его на итальянском языке, понимаешь, что фильм очень английский! Реакция зрителей

удивительна в стране, где обожают детей. Не было энтузиазма, на который я рассчитывал. Самые смешные моменты фильма связаны с материалистически настроенным отцом, не понимающим окружающую его магию. По всей видимости, фильм не рассчитан на итальянское понимание семьи: разве можно смеяться над отцом?!

12

В число самых романтических руин Италии входят те, что находятся в переплетении деревенских дорог в десяти милях от Кампобассо. Они практически неизвестны, а называются Сепинум. Некогда это был римский провинциальный город, доживший до IX века. На меня произвели впечатление некоторые его фотографии, которые я видел в Кампобассо, но, взглянув на пояснения к карте, понял, что отыскать его будет нелегко, поэтому решил встать пораньше и захватить в дорогу сэндвичи и бутылку «Монтельпульчано д'Абруццо» — отличного вина цвета граната.

Я ехал, любуясь красивым пейзажем. Видел холмы, поросшие пурпурным клевером, и мне казалось, что это вереск. Вдруг я увидел очень странную процессию. Около ста крестьян, в основном женщины в ярких местных нарядах, торжественно шли по улице впереди меня. Сначала я подумал, что это, должно быть, день какого-нибудь святого или, возможно, свадьба, но что-то в манере этих людей заставило меня отказаться от этих предположений. Дойдя до конца улицы, они свернули и начали подниматься по горной тропе, и это еще больше напомнило мне средневековую процессию. Я спросил у вышедшей из дома любопытствующей женщины, что происходит, куда они все направляются. «В иль-морто», — ответила она. Оказывается, они надели лучшие платья, чтобы отдать почести умершему другу.

Я продолжил путь и прибыл наконец в Сепинум. Увидел маленькие Помпеи, римский город, большая часть стен которого еще не упала. Сохранились главная улица, триумфальная арка и храм с мраморными колоннами. Остались фундаменты сотен домов и широкий мощный форум. Над этими великолепными руинами время от времени пролетали стаи ворон, мужчины ехали на ослах, а старые женщины шли с серпами в руках. Все они ходили по широкой мощеной улице древнеримского города. Я нашел на форуме тенистое местечко и уселся, изумляясь тому, что в современной Италии увидел римские развалины, на которые наши предки из XVIII века смотрели как на часть сельскохозяйственного ландшафта. Вспомнились гравюра Пиранези, акварель Сэмюэла Праута и рисунки ван Хеемскерка. Здесь были прекрасные романтические руины XVIII века, с цветами, растущими между камней фундаментов. На улицах древнего города козы щипали траву, по улице расхаживали девушки в мужских ботинках и неожиданно, со стадом коров, появлялись на Виа Триумфалис.

Я сидел на большом камне, другой камень служил мне столом. На нем я развернул сэндвичи и открыл бутылку с вином. Редкая возможность иметь в своем распоряжении древние руины. Никто на меня и не взглянул, кроме тощей голодной собаки, у которой были видны ребра. Она очень медленно ко мне подбиралась, пока не осмелела настолько, что приняла предложенный ей сэндвич. После она от меня уже не отходила и не только прикончила все до крошки, но и с неожиданной силой и яростью стала отгонять другого пса, которому вздумалось к нам присоединиться. Явился человек в остроконечной шапке и сказал, что он смотритель. Я предложил ему бокал вина. Он ушел и вернулся с чашкой. Сказал, что никаких происшествий здесь не бывает, тем не менее его долгом было присматривать, чтобы древние камни не понесли какого-либо урона. Он решил, что я американец, и стал меня расспрашивать о жизни и заработках в Америке, а когда я сказал ему, что я англичанин, то посмотрел на меня недоверчиво и

разочарованно. Он отвел меня в маленький дом посреди руин. Туда он для большей сохранности снес камни с выбитыми на них надписями, даже тот, на котором была всего одна буква. Впрочем, ничего интересного я не увидел.

Мы пошли вокруг развалин, и он обратил мое внимание на надпись над восточными воротами. Она была сильно разрушена временем, и я ничего не смог прочесть. Смотритель пояснил, что речь идет о ежегодной миграции овец, совершавшейся в римские времена. Стада шли с долины Апулии в горы. Он слышал разговор профессоров. Они будто бы говорили, что надпись является приказом к властям Сепинума. Тем предписывалось защищать пастухов и их стада, когда они проходили через город к tratturi.^[9] Смотритель сказал, что мощеная дорога — от восточных ворот к западным — использовалась в римские времена, и даже сейчас часто видишь, как пастухи ведут своих овец по старой римской дороге к горной гряде Матезе.

Я подумал, что в связи римского городка с tratturi есть нечто уникальное. Насколько я знаю, единственный римский автор, упоминающий миграцию, — это Варрон. За тридцать лет до рождения Христа он написал, что овцы зимовали в Апулии, а лето проводили в горах. Возможно, овцы Варрона иногда проходили через Сепинум.

Современный обычай везти овец в горы на грузовиках произошел из стародавнего действия, которое, должно быть, было величественным. Как и в Испании, где старые овечьи тропы, девяносто футов шириной по обе стороны шоссе, ведут к летним пастбищам, так и итальянские tratturi представляют собой множество горных тропинок, по которым в первые недели лета идут лишь овцы. Я читал описания миграции, каким оно было сравнительно недавно, когда tratturi сплошь были покрыты тысячами овец, шедшими по двенадцать животных в ряд. Через горные тропы перекатывалась медленная волна серой шерсти. Каждое стадо вел свой пастух. В руке он сжимал палку с крюком, а рядом бежали белые собаки. На собак надевались ошейники с шипами, защищавшими их от волков. При свете дня собаки вели себя дружелюбно, но стоило наступить

ночи, как они превращались в злобных охранников. За каждым пастухом следовал старый баран, называвшийся *il mampo*, что означает «смирный» или в пастушьем жаргоне — «тренированный». Если объяснить другими словами, то это — надежный старый баран-вожак. Античная процессия, известная как римлянам, так и нам, проходила по горному ландшафту.

Я почувствовал симпатию к жителям Сепинума, чья главная улица, от востока до запада, отдавалась тысячам блеющих овец и лающих собак, и я не понимаю, почему город не обходили стороной. Смотритель сказал, что он этого не знает, но спросит у следующей группы профессоров. Я пробыл в этом прекрасном месте до позднего вечера. Смотрел на людей, ехавших по древней римской дороге на мулах или ослах. Надеялся, хотя и напрасно, что увижу стадо овец с пастухом. Смотритель предложил мне приехать сюда в другой раз. Тогда он покажет мне руины театра, и, передав мне два письма, попросил отправить их, когда я буду на почте.

Глава вторая. Норманнское завоевание Апулии

***Полуостров Гаргано. — Пещера святого Михаила. —
Падре Пио. — Посещение Сан-Джованни-Ротондо. —
Жизнь современного святого. — Как у падре Пио
появился стигмат. — Его чудеса. — Его доступность. —
Госпиталь Ла Гуардиа.***

1

Покинув вечером высоты Абруццо, я увидел перед собой северную долину Апулии. Смотрел на нее с удовольствием и чувством физического облегчения, ибо езда по горной местности действует на нервы всякого, кто пока еще цепляется за жизнь. Долина Капитаната... Такого названия я раньше не встречал, хотя, возможно, что оно встречается в других частях света, бывших когда-то подвластными византийской администрации, поскольку оно вызывает в памяти титул катапана, чиновника, правившего Апулией при восточных императорах.

Невольно испытываешь волнение, когда ступаешь на землю, о которой читал, но никогда не посещал. Не разочаруюсь ли? Будет ли все здесь отличаться от того, что нарисовало воображение? Какая из прочитанных книг точнее всего совпадет с собственным опытом? Апулия удивила меня уже с первого взгляда. Я ожидал увидеть пустыню. Каждый раз при упоминании Апулии Гораций употребляет эпитеты «сухой» и «испытывающий жажду», но я увидел перед собой уходящую в даль прекрасно увлажненную долину. Она золотилась пшеницей и другими злаками, здесь были и сады, и пастбища. Меня заинтересовали дороги, прямые, как это принято у римлян. Скоро я узнал, что преобразование Апулии началось всего лишь с 1939 года, когда завершилось строительство самого

большого в Европе акведука (на это ушло тридцать лет), и с восточных склонов Апеннин потекли реки, дающие жизнь некогда изнывавшей от жажды земле. Я видел перед собой мирную сцену. Вдали поднимался дымок. Горизонт сиял ослепительным блеском, и я знал, что это — Адриатическое море.

Италия, как всем известно, напоминает по форме кавалерийский сапог, носок которого указывает на запад, а Апулия находится на каблуке. Это — северо-восточная часть страны, омываемая Адриатикой, а на юге — Ионическим морем. Сегодня регион состоит из пяти провинций: Бари, главный город которой одновременно является столицей региона, Фоджа, Бриндизи, Лечче и Таранто. У этих провинций разное историческое прошлое: Бари почитает мощи святого Николая, которые ее моряки в 1087 году украли в Малой Азии; Фоджа — это провинция, которую любил император Фридрих II; Лечче — «Флоренция искусства барокко»; и Таранто — Тарент дохристианской эпохи. Провинцию основали люди, сосланные из Спарты, и сумели достигнуть такого коммерческого успеха, что их красивые серебряные монеты, изображающие человека верхом на дельфине, стали валютой всего региона.

Апулия также является ключом к пониманию Южной Италии. События, определившие судьбу Юга, создание королевства Сицилии, а позднее и Неаполитанского королевства, зародились в Апулии. Самым важным событием стало норманнское завоевание, которое началось в первые годы XI столетия. Гийом де Жюмьеж рассказывает о норманнском рыцаре, который сказал своему сюзерену: «Я очень беден, а в этой стране (Нормандии) я не могу получить облегчения; поэтому я отправляюсь в Апулию, где смогу жить достойно». «Кто тебе это посоветовал?» — спросил сюзерен. — «Моя бедность», — ответил вассал. Выходит, для норманнов, живших в этом маленьком и динамичном государстве за пятьдесят лет до вторжения в Англию, юг Италии являлся землей обетованной. Безземельные молодые люди слышали рассказы о том, что там можно заработать деньги, купить землю, добиться

высокого положения. Это была страна, в которой смелые и удачливые люди могли быть вознаграждены графствами, герцогствами и, возможно, даже королевствами. В результате в стране начался политический хаос: Ломбардия воевала с греками Византии; те и другие боролись с сарацинами. Война обещала оппортунистам невероятную награду. Как и кондотьеры эпохи Ренессанса, норманны полностью воспользовались ситуацией, однако здесь и заканчивается сходство. Кондотьеры проливали кровь, только когда не могли этого избежать, а норманны пускались во все тяжкие.

Первым из закоулков памяти всплывает имя авантюриста Райнульфа. Ему была пожалована земля, на которой в 1027 году он построил и укрепил город Аверса, что близ Неаполя. Здесь образовался рынок наемников. Прошло немного времени, и наемники потеряли интерес к сражению за других людей, они решили завоевать страну для себя. Первым семейством, вошедшим в историю, стала семья скромного рыцаря Танкреда де Отвиля. Он жил к югу от Шербура, в селении с английским пейзажем. Место называлось Котантен. Танкред сказал своим двенадцати сыновьям, что, поскольку он не в состоянии оставить наследство более чем одному из них, то пусть остальные добывают себе деньги сами. Само собой разумеется, что выбором их стала Аверса. Для норманнов того времени она была тем же, что Эльдorado для испанцев XVI столетия.

Первыми пустились в путь трое старших сыновей, затем к ним присоединились и остальные. Двое вписали свои имена в историю Италии. Это были Роберт и Роджер Отвиль. Случилось это в 1057 году. Прошло девять лет. Возможно, оба последовали бы за герцогом Вильгельмом в Англию и основали бы семьи вдали от экзотических полувосточных красот, однако им выпала другая судьба. Вместе братья захватили Апулию и Калабрию и, перемахнув через Мессинский пролив, покорили Сицилию. В 1030 году сына Роджера де Отвиля, Роджера II, провозгласили королем Сицилии. Его дочь Констанца вышла замуж за императора

Генриха VI, а сын стал Фридрихом II, тоже императором, и получил прозвище «Поражающий Вселенную».

По пути в Апулию интересно сравнить два норманнских завоевания. Завоевание Англии — спланированная военная операция, замаскированная под династическую борьбу. Эта операция получила одобрение Церкви. Завоевание Италии — беспорядочные акции разных людей, действовавших в одиночку в поисках счастья. Первое завоевание скоро было окончено, в то время как завоевание Южной Италии заняло большую часть столетия.

Все, кто знаком с норманнскими церквями и замками Англии, въезжают в Апулию с предвкушением того, что увидят в Италии нечто знакомое, найдут близнеца лондонской Белой башни. Если бы не небольшая разница во времени, Роберты и Роджеры, носившие шелковые одежды, расшитые куфическими письменами, устраивавшие гаремы по образцу сарацинских эмиров и гулявшие в апельсиновых рощах возле синего моря, могли бы присоединиться к Уильямам и Генри, переплыть Ламанш и вписать свои имена в Дебретт.

По дороге в Фоджу я проехал совсем немного, когда увидел впереди себя то, что принял за крепостной город на вершине горы. Подъехав поближе, понял, что это, должно быть, замок Лучеры. Его размеры меня поразили. Я насчитал около двадцати башен, они вырастали из гигантских стен на равном расстоянии друг от друга. Да, подумал я, обойти замок не удастся и за полчаса. Стояла полная тишина. Ни одного человека вблизи. Мне казалось, что здешние замки и города выглядят словно после чумы или набега.

Был уже вечер, и я настроился ночевать в Фодже, тем не менее мне захотелось увидеть главные ворота, а сюда вернуться на следующий день. Однако обнаружил, что дорога заканчивается оврагом. Попробовал поехать по другой дороге, но с тем же результатом: увидел, что вздымавшиеся над головой светло-желтые стены по-прежнему недоступны. Проходивший мимо меня священник с детьми указал другую дорогу, она и вывела меня к цели. К воротам тянулась тенистая аллея. Я зачарованно глядел на

замок, но тут послышался скрип в главных воротах: открылась маленькая боковая дверь, и появился высокий старик с тяжелой палкой в руке. Его можно было принять за норманнского феодала-разбойника. Рост у него был выше среднего итальянского, а глаза — голубые, что нередко встречаешь в этой части Италии. Во внешности старика было что-то воинственное или по меньшей мере агрессивное. Впечатление усиливала внушительная палка и старые немецкие военные ботинки. Оказалось, что он — смотритель. Он оглядел меня, и его глаза блеснули, словно у охотника, заметившего дичь. Старик немедленно открыл дверь и жестом пригласил войти. Я последовал в направлении, указанном его посохом, и, оглянувшись по сторонам, увидел зрелище, к которому был не готов. Стены и башни, обещавшие издали нетронутое Средневековье, охраняли лишь заросли вереска и мелкого кустарника. Я был разочарован, ведь я надеялся, что Лучера покажет мне замки, которые Фридрих II настроил по всей Южной Италии. В его время они славились роскошью и водопроводами. За исключением Лагопесоле, замок Лучеры был самым большим. Я шел по траве, проросшей из растрескавшегося мрамора, и вдруг подумал, что редко в наше время увидишь руины, по которым ходил Иеремия или другой персонаж Ветхого Завета. Археологи сделали запустение менее заметным: они вырыли ушедшие в землю колонны и снова их установили, но большая часть юга Италии до сих пор не раскопана. В Лучере, как и в десятке других мест, можно убедиться в том, как беспощадно Время, чему способствует, конечно же, и человек, всегда готовый унести для своего свинарника хороший кусок мрамора.

Ошибочно приняв мои размышления за разочарование, смотритель оперся на посох, как на копье, и пустился в долгое описание жизни Фридриха II, чему на тот момент я не готов был внимать. Я был бы больше ему благодарен, если бы он показал мне аутентичный портрет или бюст Фридриха. Как и его современник, святой Франциск, он был самым замечательным человеком своего века, однако, несмотря на весь свой блеск, историческим неудачником.

Как полно доказал он эпиграмму Вольтера, что «она вовсе не Священная, не Римская и не империя». Внешность Фридриха не была героической. Он был среднего роста и к тому же довольно пухлым; волосы не рыжие, как у всех Гогенцоллернов, а каштановые. В Святой Земле арабы с удивлением смотрели на бритые подбородки и говорили, что на рынке рабов за такого человека нельзя было бы выручить и двести драхм. Тем не менее император Священной Римской империи, пускавшийся в исторические споры на арабском языке, был достоин уважения. К тому же он был дружелюбен, любознателен и держался с чувством собственного достоинства.

Лучера — город и замок — были одним из удивительнейших достижений Фридриха, причем в век крестовых походов почти невероятным. Это вызвало громкий протест в христианском мире и дало козыри врагам императора в Латеранском дворце. Обнаружив, что остров Сицилию терроризируют банды сарацин, спустившихся с гор для разграбления городов, деревень и путешественников, Фридрих решил проблему оригинальным способом. Вместо того чтобы затеять изнурительную войну, Фридрих окружил сарацин, словно те были редкими разновидностями дичи, которую необходимо было развести в другом месте, и перевез их в северную долину Апулии.

Старинный римский город Лучера, некогда центр Апулии, пришел в упадок. Император решил удалить оттуда немногих христиан и построил мусульманский город. Преобразовал старый собор в мечеть, шокировав тем самым своих современников. За короткое время перевез двадцать тысяч сарацин, и те зажили свободно, исповедуя свою религию, под предводительством эмира и шейхов. С минаретов, построенных самым христианским императором, муэдзины призывали прихожан на молитву. Фридрих все просчитал: он хорошо знал арабов, потому как его детство прошло рядом с ними в Сицилии. Жители Лучеры проявляли фанатичную преданность по отношению к своему защитнику и служили ему везде, даже принимали участие в крестовых походах. Мы шли по пустырю, настоятель то и

дело постукивал по земле своим посохом, указывая, что внизу пустота.

— Здесь туннель, по которому можно было пройти в город, — объяснил он, — но сейчас он замурован. Старики помнят, как мальчишками далеко по нему проползали.

Мы пришли к месту, где под травой видны были плоские камни.

— Здесь похоронено много сарацин, — сказал он.

Я усомнился в этом. Зачем понадобилось устраивать кладбище внутри стен замка? Раньше здесь имелись церковь, мастерские, оружейные склады, барак, возможно, и императорская сокровищница, а также пресловутый гарем Фридриха. По этому поводу устроили много шума, хотя, выбирая женщин, Фридрих всего лишь следовал примеру норманнских предков в Сицилии, да и многих норманнских рыцарей того времени, живших в Испании: те радостно переняли некоторые обычаи своих врагов.

Переход Фридриха от замка к замку, из Палермо через Калабрианские горы в Апулию, должно быть, напоминал продвижение цирка «Барнум и Бейли». Императорского слона научили носить штандарт Гогенштауфенов; императорские сокровища перевозились на спинах верблюдов; крытые носилки с женщинами гарема охранялись лучниками-сарацинами, ехавшими верхом. Императорские соколы и гончие путешествовали, как принцы. Охотничьи леопарды ехали на лошадях позади хозяев. Похожую картину на стенах гробницы Медичи во Флоренции изобразил Беноццо Гоццоли, но процессия Фридриха происходила за два с половиной столетия до эпохи Ренессанса и отражала полувосточную жизнь самого роскошного и цивилизованного двора в Европе.

Были уже сумерки, когда я доехал до Фоджи. Оказалось, что это на удивление большой и оживленный город, с многочисленными кафе и ресторанами и великим множеством бумажных фабрик. Некоторые из них находились под юрисдикцией государства, что казалось нормальным в век бюрократии. Я выбрал лучший ресторан и

заказал отличный ужин. Апулия на всю Италию славится съедобными моллюсками и ракообразными. Салат из мидий был выше всяких похвал, телячьи эскалопы таяли во рту. За эскалопами последовали местные сыры из козьего и овечьего молока. Впервые я попробовал «Кастель-дель-Монте», вино, выращенное рядом с любимым охотничьим домиком Фридриха II, возле Барлетты. Я решил, что оно — самое лучшее вино Апулии.

После ужина пошел прогуляться, но не нашел, чем восхититься. Город пострадал от землетрясения, случившегося в XVIII веке, а также от бомбежек во время Второй мировой войны, потому что здесь находились железнодорожный узел и авиабаза. Город перестроили, и сейчас он демонстрирует все черты современного итальянского архитектурного стиля. Я обратил внимание на то, что подчеркнутая веселость и оживленность улиц закончилась сразу после девяти вечера, словно по звонку. Кафе опустели, автомобили исчезли, и вскоре Фоджа стала почти пустынной. В свете фонарей я увидел странную, призрачную сцену. Это был небольшой парк или сад с цветочными клумбами и скамейками, рядом с которыми возвышалось около двадцати бронзовых статуй высотой чуть больше нормального человеческого роста. Скульптуры представляли собой мужчин и женщин, смахивавших на колдунов. Некоторые из них были в современных платьях, другие — в старинных одеждах. Я подумал, что вряд ли захочется, сидя на скамейке, читать газету — в наши дни само это занятие вселяет страх, — когда над тобой нависает подобный монстр. Полицейский сказал мне, что сад является мемориалом самому знаменитому жителю Фоджи — музыканту Умберто Джордано, родившемуся в 1867 году и умершему в 1948-м. Бронзовые статуи изображают персонажей его опер. Я сделал себе заметку: заглянуть в «Оксфордский музыкальный справочник». Там я прочел, что «Федора», возможно, единственная опера, при постановке которой на сцену вынесли велосипеды.

От Фоджи я взял курс на северо-восток и по пути в Манфредонию мало что встретил, за исключением

деревенского автобуса да фермерских повозок с типичными для Апулии невероятно высокими колесами. Полуостров Гаргано, который я видел на расстоянии, часто называют шпорой итальянского сапожка, хотя большинство всадников скажут, что шпора слишком высока. Гора, врезающаяся в Адриатическое море, выглядит впечатляюще. Она поднимается на три тысячи футов над плоской поверхностью Капитанаты.

Встречая неприязненный прием у спиритов на каждом сеансе, я тем не менее чувствителен к жуткой атмосфере некоторых домов и многих местностей. Морская гладь Апулии и высокий мыс, к которому я сейчас направлялся, вызвали у меня впечатление страны, населенной духами греческих охотников за приключениями и купцов, которые за несколько столетий до христианской эры поселились возле защищенных бухт и основали колонию — Великую Грецию. Сюда явились также римляне, византийцы, ломбардцы, сарацины и норманны, эти северные бандиты и пираты, приехавшие с пустыми карманами и облачившиеся в конце концов в шелковые одеяния монархов.

2

Отъехав несколько миль от побережья, увидел покореженную землю, которая, как я решил, пострадала от древнего землетрясения, однако, взглянув в карту, узнал, что это — бывший греческий город Сип, впоследствии захваченный римлянами и получивший название Римский Сипонт. До Рождества Христова это место славилось пшеницей, скотом и лошадьми. Как и многие другие города древнего мира, он пережил всех врагов, за исключением малярийного комара. К средним векам город превратился в малярийное болото, и Манфред, красивый, но несчастливый незаконнорожденный сын и преемник Фридриха II, переселил жителей в свой новый порт — Манфредонию. Говорят, Сипонт полностью уничтожили, чтобы заставить людей переехать, а ландшафт — что характерно для юга

Италии — оставался все в том же положении целых семьсот лет. Единственным зданием, устоявшим в большом городе, оказалась церковь. Она находится немного в стороне от дороги в небольшой роще раскидистых сосен. Старик, работавший на дороге, сказал мне, что церковь — место упокоения знаменитой святой Марии-ди-Сипонто и раз в год под деревьями устраивают ярмарку. Пилигримы съезжаются со всех сторон, чтобы почтить Мадонну.

Церковь, квадратная в основании и византийско-романская по стилю, представляет собой благородный пережиток мертвого и исчезнувшего города. Я любовался крыльцом с богатой резьбой, круглой аркой и колоннами, покоящимися на спинах львов, как у ломбардских церквей на севере. Интерьер меня не вдохновил, к тому же я не увидел знаменитой Мадонны. Оказалось, что маленький дом, стоявший подле церкви, не пустует. Я постучал в дверь и спросил, где можно посмотреть на Мадонну. Старая женщина взяла ключ и, не говоря ни слова, спустилась в крипту по длинному лестничному маршу.

Единственный свет исходил от дюжины свечей, стоявших на алтаре перед задрапированной усыпальницей. Стены от пола до потолка были увешаны невероятным количеством церковных даров. Чиркая одну спичку за другой, я видел смоделированные из пластилина или воска ноги, руки, груди, животы, некоторые жутко окрашенные. Все они внушали ужас. Тут были костыли, протезы ног и грыжевые бандажи. Когда спички закончились, я перешел на зажигалку. Рассмотрел коллекцию акварелей, изображавших мужчин, женщин и детей, избежавших верной смерти благодаря вмешательству Мадонны. Обычно ее изображали на облаке в верхнем углу картины. Насколько я знаю, не существует книг, посвященных церковным дарам, хотя эта тема отражена в иллюстрациях. В любом подобном святилище можно увидеть уйму драматических моментов: спасение от поезда или автомобиля, готового раздавить человека; спасение на море во время кораблекрушения; спасение на краю пропасти. Все это человек был обязан Мадонне. Не знаю, то ли

спасение в последний момент дает авторам таких иллюстраций вдохновение, то ли в большинстве сельских местностей непременно найдется человек, способный написать для своих друзей такие картины.

Когда и зажигалка отказала, старушка принесла мне свечку с алтаря, и при ее свете я увидел мужскую и женскую одежду — старые, серые от пыли шляпы, трости, зонты и свадебное платье, сшитое из материала, бывшего когда-то белым шелком. Сейчас платье было грязным, рваным, побитым молью. С ржавого гвоздя над ним свисал патетический венок — имитация флердоранжа. Интересно, подумал я, что за чувство заставило принести этот дар Богоматери — благодарность, горе, потерянность или трагедия?

Потрепанный занавес закрывал Мадонну. Старушка дернула за веревочку, и в желтом свете свечей я увидел большую византийскую Мадонну. Ее лицо почернело от времени. На колене она держала темного, коротко стриженного римского ребенка, похожего на один из римских или греческих портретов периода Птолемеев. Икона усугубляла атмосферу невероятной старины. Она придавала темной крипте таинственный вид. Трудно было не сочувствовать тем, кто преподнес Богоматери дары, отражавшие страдание в столь гротесковой форме.

По пути в Манфредонию я увидел изысканный мираж, который при ближайшем знакомстве растаял и превратился в ветреный маленький современный порт. В 1620 году город разграбили и сожгли турки. Захватчикам, однако, не удалось справиться с замком, стоящим на морском берегу. Здание, хотя и перестроенное в более поздние времена, до сих пор остается одним из приземистых квадратных замков, с круглыми башнями по углам, возведенными еще до изобретения огнестрельного оружия. Замок стоит на хорошем месте: под ним море, в гавань, распустив паруса, заходят рыбацьи лодки. По скрипучему мосту я перешел через ров и обнаружил, что замок закрыт. В Манфредонию редко заглядывают путешественники, и город не может позволить себе такую роскошь, как привратник. Тем не

менее объявление на воротах сообщало, что ключ можно взять в городской ратуше. Я живо представил себе эту процедуру: долгие объяснения в кабинете, беготня посыльных в поисках клерка, отчаяние, сожаление и извинения из-за того, что человек забрал с собой ключ в Фоджу!

Поэтому от посещения замка решил отказаться. Заглянув в щель забора, увидел запустение не меньшее, чем в Лучере.

Возможно, настанет день, когда в Манфредонию потечет золото туристов, археологи приведут в порядок старый замок, а у ворот появится человек в остроконечной шапке. Он станет рассказывать о добром короле Манфреде и злом Карле Анжуйском, которого в Апулии никто не любит... Но в настоящее время массивная крепость находится в том состоянии, в каком оставили ее Судьба и Время.

Дорога от Адриатики привела в глубь полуострова, а Домчавшись до гор, принялась вилить. На каменистой почве росли кривые оливковые деревья, а на поверхность Дружными компаниями выскакивали красные маки. На память пришла Иудея. Остановился, оглянулся на море. Услышал, как в утреннем тепле стрекочут цикады.

Полуостров Гаргано сохранился благодаря своему географическому положению. А чего еще можно ждать от места, где происходят сверхъестественные события? Здесь имеется два святилища: одно очень старое, а другое — современное. Первое — святилище Архангела Михаила на горе Святого Ангела. С него в западном мире начинаются все его святилища. Второе находится в монастыре капуцинов, где долгие годы проживал падре Пио, коего почитают за святого и чудотворца.

Сначала я направился к горе Святого Ангела. Она связана с норманнским завоеванием Южной Италии. Некогда здесь была главная дорога, по которой шагали средневековые паломники. Корабли из Венеции и других портов Адриатического моря часто заходили в исчезнувший ныне Сипонт, потому что восхождение на гору Святого

Ангела составляло не более часа. Рассказ о святилище напомнил мне легенду, которую я слышал с испанской стороны Пиренеев. В ней рассказывается, что в 490 году человек, потерявший хорошего быка, неожиданно нашел его у входа в грот на вершине горы. Не в силах отогнать животное, человек потерял терпение и метнул в быка дротик, а может, стрелу, но оружие, вместо того чтобы попасть в цель, развернулось и поразило самого стрелка. Изумившись такой сверхъестественной враждебности, человек обратился за советом к святому Лауренцию, епископу Сипонта.

Произошел акт замещения, часто поощряемый старой Церковью. Политика замещения старого бога новым святым редко давала осечку, особенно если достоинства старого божества можно было увидеть в новом святом, и с помощью ладана, свечей и святой воды вновь обращенный думал, что церковь не слишком отличается от языческого храма. Исследователь таких вопросов не слишком удивится, когда узнает, что древний оракул славился умением излечивать спящего человека. Больной приходил в обиталище оракула, захватив с собой шкуру черного барана. Завернувшись в нее, укладывался спать, надеясь, что за это время оракул его излечит. Вот такие типичные языческие обиталища и освящал архангел Михаил.

Его культ начался на Босфоре и в Малой Азии. Говорят, что император Константин Великий посетил обиталище оракула, где известны были случаи излечения во время сна. Там стояла статуя крылатого божества. Во сне императору явился крылатый человек и объявил, что он — архангел Михаил. Проснувшись, император повелел построить храм святого и убрал языческое божество. Это была первая из четырех церквей, посвященных святому Михаилу, которые были построены в Константинополе и его окрестностях. Святилища святого Михаила обычно имеют дело с исцелением, а потому связаны с водой — колодцем либо святым источником. Когда епископ Сипонта поспешил в грот, чтобы прояснить дело с пропавшим быком, история повторилась. Во время молитвы ему явился крылатый

человек в алом плаще. Он назвался святым Михаилом. Этот святой — первый из семи архангелов, архистратиг небесного воинства и борец с дьяволом и беззакониями среди людей. Архангел объявил, что спустился с вершины, чтобы забрать у оракула священный грот и установить на этом месте христианский алтарь. Архангел распорядился, чтобы епископ посвятил этот грот ему и всем ангелам. Епископ, трясаясь, вошел в мрачную пещеру и обнаружил, что вся она залита светом, а в углу стоит алтарь, только что освященный самим архангелом. Алтарь по византийским обычаям был накрыт пурпурной тканью. Вот так культ святого Михаила из Византии шагнул в византийскую Апулию, а святилище на горе Святого Ангела сделалось одним из главных мест паломничества христианского мира.

С горы Гарганус архангел совершил несколько важных полетов. В 590 году, во время чумы в Риме, его видел папа Григорий Великий. Архангел опустился на гробницу Адриана и вложил свой меч в ножны. По словам папы, этим жестом архангел Михаил дал понять, что эпидемии пришел конец. Следующий полет, на вершину горы в Нормандии, произошел в 708 году. Там был обнаружен колодец с исцеляющей водой. Основанное там святилище получило название Мон-Сен-Мишель. По распоряжению английского короля Эдуарда Исповедника гору Святого Михаила в Корнуэлле передали под юрисдикцию бенедиктинцев Нормандии.

Больше всех святого Михаила почитали норманны. Они видели в нем святого воителя, борющегося со злом. Его меч, как и у них, редко был зачехлен. Отдавая ему почести и испрашивая благословения на ратные подвиги, какими бы кровопролитными те ни были, они чувствовали, что обращаются к сверхъестественному существу, считающему себя в душе норманном. Неудивительно, что эти воины — в поклонении которых присутствовали воспоминания о богах, сражающихся с драконами, — посещали святилище, в которое архангел явился в первый раз.

С этими мыслями я поднялся по горной дороге к городу пилигримов — Сант-Анджело. Местность по-прежнему

выглядела мрачной и безрадостной. На участках, где сохранилась хорошая земля, росли оливы и миндаль. Дорога совершила поворот, и на гребне горы Святого Ангела я увидел город. В наши дни почти не надеешься, что тебя очарует окраина обычного итальянского города, поскольку повсюду понастроили ужасные цементные дома, балконы которых увешаны сохнувшим бельем. В тени домов, на разбитых улицах, играют дети. Таким было мое первое впечатление от Сант-Анджело. Затем я вышел на узкую главную улицу, в центре которой находится пещерный храм.

К нему ведут восемьдесят шесть ступеней (пуристы скажут — восемьдесят семь). Это — любопытный старый город. Несколько столетий назад здесь, должно быть, ютились пещерные жители. Даже на главной улице город сохраняет черты троглодита: такое впечатление производят размещенные в гротах таверны и магазины.

Благородный внутренний готический двор церкви обступили сувенирные лотки. Думаю, это одно из немногих мест, где можно купить настоящий посох пилигрима — странный предмет с сосновой шишкой на конце, доказывающей, что эта вещь из Сант-Анджело, хотя, насколько я мог увидеть, здесь теперь не растет ни единой сосны. Я оглядел собрание *bondieuserie*^[10] среди которых больше всего было статуэток архангела, стоящего в воинственной позе — то ли с поднятым копьем, то ли с вынутым из ножен мечом. Часть фигурок была из гипса, другие, менее симпатичные, — из пластмассы, а некоторые из жести. Были и картинки с изображением святого — монохромные и цветные. Ларьки также торговали четками, шарфами, корзинами, чашечками для святой воды и прочими разнообразными дешевыми предметами, которые могли удовлетворить понятное желание людей унести домой частицу святости. Я слышал, что святилище специализируется на изготовлении съедобных лошадок — медовых и сырных. Этим бы и я соблазнился, однако в свой приход я их не увидел.

Двойной арочный вход готического стиля вел к длинному лестничному маршу. Над одной из арок были

начертаны изречения на латыни: «Страшно это место. Здесь дом Бога и дверь в небо». Место и в самом деле страшное: более мрачных небесных врат и представить невозможно, когда начинаешь спускаться в темницу по сводчатой готической лестнице. Лестница привела в маленький атриум с обхватившей его галереей. На галерее стояли несколько старых крестьян. Они шептали молитвы и, перекрестившись, дотрагивались до перил.

В нескольких шагах отсюда был вход в церковь. Я увидел двери, которые смело можно назвать одними из самых прекрасных дверей античности. В то время, когда Вильгельм Завоеватель завершал завоевание Англии, глава амальфийской общины в Константинополе, богатый купец по имени Панталоне, решил подарить святилищу Архангела Михаила серебряные двери работы дамасских мастеров. И эти двери по сию пору встречают всех, входящих в священный грот. Две створки разделены на двадцать четыре панели — чудо византийскойковки. Каждая панель изображает библейскую сцену, заканчивающуюся явлением святого Михаила епископу Сипонта. Фигуры, лица и складки одежды по большей части остались в неприкосновенности, а ведь византийские купцы ковали это серебро почти четырнадцать веков назад. На дверях проставлена дата — 1076 год, и обращение к посетителям — молиться за душу спонсора, Панталоне. В самом низу добавлено интересное обращение изготовителей дверей к священникам. Их просили по меньшей мере раз в год чистить двери, чтобы они ярко сияли. Увы, они давно уже не блестят, но зато, словно старая монета, покрылись красивой патиной.

На входе в церковь сразу можешь отличить постороннего от местных жителей, крестьянина Южной Италии от посетителей из более цивилизованных регионов. Посторонний человек сразу проходит в церковь, крестьяне же берутся за бронзовые кольца на дверях, свисающие из львиных пастей, и громко стучат ими. Затем целуют собственные руки, касавшиеся бронзы, и лишь после этого входят в церковь. Войдя внутрь, я увидел теплое сияние свечей, зажженных перед высоким алтарем под покатым

потолком пещеры. Сама пещера огромных размеров. За прошедшие столетия она не слишком изменилась: это по-прежнему грубый и холодный грот, в котором те, кто приходил посоветоваться с духом прорицателя Калхаса, спали, завернувшись в шкуры черного барана. Обращение в христианство не изменило суровую крышу и стены из грубого камня: по ним по-прежнему стекает вода, так что на полу собирается липкая грязь. Набожные пилигримы не обращают на нее внимания и встают в это месиво на колени.

В темном углу, рядом с одним из боковых алтарей, я увидел странную и печальную картину — двух крестьян, ползающих по полу на коленях. Последний раз я видел такое проявление раскаяния в испанской церкви. Хотя это уже не поощряется, но на юге Италии во время религиозных праздников часто можно увидеть, как кающиеся грешники лижут церковный пол, пока язык не распухнет. Я смотрел на эти фигуры с интересом, поскольку такое зрелище все-таки редкость, за исключением Скалы Санты в Риме, имеющей первоначальную форму, то есть идущие вверх ступени. (Не один Цезарь поднимался в Капитолий таким образом.) За высоким алтарем — первым, что освятил архангел четырнадцать веков назад, — находится колодец с целебной водой. Это — обычный атрибут в святилищах архангела Михаила. В колодец опущен серебряный бочонок, из него пилигримам наливают воду — увы! — в пластиковые чашки.

Возле алтаря стоит знаменитая статуя архангела. Она воспроизведена во всех видах и продается в Сант-Анджело на каждом углу. На юге Италии повсюду видишь картины с изображением архангела. Первоначальная скульптура, должно быть, была хорошей, однако сгорела во время одного из многочисленных нападений на святилище. Нынешнюю статую XVII века приписывают Сансовино или — что еще смехотворнее — Микеланджело. Статуя совсем не похожа на воинственного архангела. Это — индифферентный персонаж, который мог бы быть изготовлен из марципана. Поблизости, в темноте, я разглядел интересный объект — мраморный трон епископа,

стоящий на двух львах. С одной стороны трона была вырезана сцена, на которой архангел поражает дракона, а с тыльной стороны — типичный арабский узор из переплетенных колец и прочих геометрических фигур. В то, что этот трон — как заверяли меня служащие — относится к античным временам, я, разумеется, не поверил. Скорее всего это было произведение норманнской Сицилии, дар одного из первых норманнских королей.

В 1016 году в этой таинственной пещере произошло событие, которое нетрудно было восстановить, — приезд группы из сорока норманнских рыцарей. Возвращаясь домой из Святой Земли, они заглянули сюда по пути. Вполне возможно, что это были те же рыцари, которые, высадившись в Салерно, обнаружили, что город захвачен сарацинами. Рыцари взяли за оружие и повели на цитадель такую яростную атаку, что сарацины спешно уселись в свои корабли и убрались восвояси. Это событие так поразило правителя Салерно, что он попросил чужеземцев остаться и воевать за него. При этом пообещал высокое вознаграждение. Рыцарям же не терпелось домой, поэтому они отклонили его предложение. Уезжали они с подарками — редкими фруктами, шелками и другими предметами, способными соблазнить друзей, оставшихся дома, на поездку в Италию. То же повторилось в Сант-Анджело. К норманнам обратился сосланный на Бари аристократ, некий Ломбард. Он попросил их присоединиться к нему и изгнать византийцев, но получил тот же ответ: они посоветуют друзьям из Нормандии приехать и помочь в его предприятии. Все так и произошло, что доказала история. Вскоре после возвращения рыцарей домой норманнские наемники стали эмигрировать в Апулию. Так началось норманнское вторжение и захват Южной Италии.

Когда норманны сделались королями Сицилии, полуостров Гаргано стал частью наследства королев Сицилии, в таком качестве он перешел в собственность двух английских принцесс — Иоанны, дочери короля Генриха II, которая вышла замуж за короля Сицилии Вильгельма II, и Изабеллы, дочь короля Иоанна, ставшей третьей супругой

императора Фридриха II. Приятно думать, что эти английские принцессы посещали знаменитое святилище, хотя Иоанна стала причиной для волнений. Вильгельм II скончался молодым и завещания не оставил, и его трон был узурпирован Танкредом. Он запер вдову и присвоил ее наследственные земли. Танкред не мог выбрать менее удачный момент для своего коварного поступка, поскольку брат Иоанны, Ричард Львиное Сердце, совершая крестовый поход, приближался к западному побережью Италии. Танкред вынужден был вернуть Иоанну брату, вместе с огромной суммой в золоте за Сант-Анджело. Говорят, что во время крестового похода Ричард и Иоанна вскоре эти деньги растратили.

Я подумал, что сейчас потратить большие деньги в Сант-Анджело невозможно. В отличие от других мест паломничества, город не стал богат. Частично это можно объяснить приятным отсутствием торговцев. Вероятно, по этой же причине не смог я отыскать гостиницу или ресторан. По совету прохожего, направился на главную улицу и спустился по древним ступеням в пещерную трапезную. Столы, накрытые безупречно чистыми скатертями, находились на разном уровне от грубого каменного пола. На каждом столике стоял графин с красным вином. Посетителями были фермеры и местные синьоры. Моим соседом оказался коммивояжер из Бари. Он торговал пластмассовыми ведрами и кухонной утварью и выглядел так жалко, как может выглядеть только молодой итальянец, у которого рухнули все надежды. Его обычная сфера деятельности, сказал он, — Бриндизи и Таранто, но болезнь компаньона вынудила его ездить по полуострову Гаргано, и это ему страшно не нравилось. Он мрачно намотал на вилку спагетти и вздохнул. «Это варварский регион», — сказал он. Даже очаровательная юная официантка с короткими каштановыми волосами и в юбке из шотландки не рассеяла его меланхолию.

Мне подали наваристый суп, и, может быть по ассоциации с килтом, я подумал, что это — вариант

шотландского блюда. Следом явилась жареная козлятина. Такое отличное мясо мне доводилось есть лишь много лет назад в Греции. Там оно называлось agneau de lait.^[11] Потом настал черед сыра, бледного и резиноподобного, приготовленного из овечьего молока. Во второй раз я его заказывать не стану, хотя в окружении грубых каменных стен он неплохо сочетался с крепким вином.

Я пошел гулять по городу, задрал голову, осмотрел колокольню XII века и замок, построенный норманнами. Думаю, это произошло при Роберте Отвиле по прозвищу Гвискар, или Хитроумный. Затем увидел большое козье стадо, пасшееся возле дороги в тени деревьев. Я залюбовался этой картиной: козы живописно выделялись на фоне солнечных склонов холма и больших валунов. Вдруг я заметил, что одно из животных смотрит на меня с выражением, в котором враждебность наполовину смешивалась с любопытством. Приглядевшись, я увидел, что никакая это не коза, а молодой человек, спрятавшийся между животными. Если бы ему еще и рога, отличить было бы невозможно. Обрадовавшись, что увидел пастуха, к тому же похожего на Пана, я обратился к нему с несколькими словами приветствия, но бедный парень, должно быть, испугался, что с ним заговорили не на козьем наречии. Он дико взглянул на меня и кинулся бежать, огибая валуны. Скоро Он скрылся из глаз. Козы закивали бородатыми головами, застучали по камням копытами, зазвенели бубенцами, и дорога опустела.

3

Ближе к вечеру я отправился в Сан-Джованни-Ротондо. Это в четырнадцати милях от Сант-Анджело и чуть ниже над уровнем моря. Хотелось навестить город, выросший буквально по следам падре Пио, человека, которого миллионы католиков всего мира считают святым. Знал о нем лишь в общих чертах. Пио — выходец из крестьянского рода, сейчас ему более восьмидесяти, пятьдесят лет назад

на руках, ступнях и боку у него появились стигматы — раны, как при распятии Христа. Стигматы постоянно кровоточили. Говорили, будто Пио совершает чудеса и читает чужие мысли. Может одновременно находиться в двух местах — свойство, известное как телепортация или вездесущность. [\[12\]](#)

Читал также, что Церковь, которая, как известно, с осторожностью относится к святым и не любит массовой истерии, запретила падре Пио проповедовать или писать. Однако благодаря тому, что на деньги, которые пожертвовал ему народ, он построил самую лучшую больницу на юге Италии, и из числа самых современных в Европе, Церковь освободила Пио от данного им обета бедности, с тем чтобы он мог свободно распоряжаться денежным фондом.

Вот и все, что я знал, перед тем как приехать в Сан-Джованни-Ротондо. Я увидел старинный городок, прижавшийся к круглой церкви Святого Иоанна (ранее она называлась храмом Януса). Длинная современная дорога, с обеих сторон окаймленная выстроенными недавно отелями, пансионатами и виллами, упиралась в монастырь капуцинов, в котором пятьдесят лет прожил падре Пио. Под прямым углом к нему, на могучем склоне холма Монте-Кальво, стоит огромная шестиэтажная больница.

Прежде чем устроиться в отель, я пошел осмотреть город. Здесь было великое множество сувенирных магазинов, торгующих книгами о падре Пио и открытками с изображением божьего человека, празднующего мессу. С фотографической точностью были представлены его кровоточащие руки. Я смотрел на изображения на глянцевого бумажке. Казалось, ладони словно покрыты мехом, но это были незаживающие раны. Всем, кто читал о жизни святого Франциска и святой Екатерины Сиенской, не может не быть интересно увидеть живого человека со стигматами на теле. Это явление вызывает множество вопросов.

Я заметил, что Сан-Джованни-Ротондо живет в атмосфере святости. Здесь есть пансион «Аве Мария», ресторан «Сан-Пьетро» и другой, называющийся «Вилла

Пиа». Объявление сообщало адрес: «Возле монастыря падре Пио». Географически это, может быть, и верно, а по факту неправильно, поскольку падре лишь один из дюжины братьев-капуцинов, которые там находятся. Я остановился в хорошем отеле, носящем название «Санта-Мария-делла-Грация». Мне достался номер с ванной. В отеле приятный вестибюль, большой ресторан (восхитительный выбор вин) — все к услугам тех, кто еще не все раздал беднякам.

Я спросил чаю, и мне его подали, не вскинув брови, как это до сих пор случается в отдаленных областях Италии. Такой мимический жест означает, что человек потребовал у них рвотный корень. Я взял американский журнал, лежавший на соседнем столике, и, хотя изданию стукнуло три года, нашел там немало для себя интересного. Журнал был рассчитан на людей, совершающих религиозное путешествие. Объявление во всю страницу гласило: «Италия прекрасна... Если вздумаете повидать падре Пио, возьмите путевку „Аве Мария Тур“ и вы все увидите». Одна из статей имела следующий заголовок: «Может ли этот человек творить чудеса?», а другая статья называлась так: «Я видел, как они очищают его раны». Я испытал легкий шок, подумав, что в наши дни человеку невозможно найти уединение. С другой стороны, возможно, я был слишком придирчив. Конечно же, стремление к святости — вещь не новая. Жена Бата,^[13] должно быть, подписалась бы на этот журнал.

Вероятно, оттого что все святые, гробницы которых я посетил, были уже мертвы (и Церковь предпочитает такое положение вещей), я предположил, что увидеть падре Пио будет трудно, даже если он вообще где-то показывается. От служащего отеля я с удивлением услышал, что, напротив, он всегда готов к общению. Каждый человек, приезжающий в город, поднимается в пять утра, чтобы послушать мессу, которую падре служит в половине шестого. Это — великое событие дня. Женщины, желающие у него исповедаться, ждут своей очереди несколько месяцев, а мужчины — несколько недель. Он посещает церковь каждый вечер в

половине шестого. Я взглянул на часы — почти пять, и я заторопился в храм.

Когда падре Пио появился здесь после Первой мировой войны, монастырь был совсем маленьким, с бедной церковью. Типичная картина для отдаленных горных итальянских деревень. Монастырь по-прежнему небольшой, в нем почти ничего не изменилось, но церковь перестроили, потому что сюда хлынули толпы. Теперь это большая современная базилика. Напротив здания — огромная стоянка, на которой впритирку стоят легковые автомобили и автобусы, и так продолжается даже в спокойные дни. От железнодорожной станции Фоджи сюда регулярно приходят омнибусы. Войдя внутрь, я убедился, что в церкви полно народу. Толпы стояли в проходах и вокруг алтаря. Имеется галерея, огибающая все здание. Архитектурных достоинств я, впрочем, не заметил. Подумал, что у здания светский облик, возможно, ранее здесь был почтамт, который торопливо приспособили для духовных целей.

Неожиданно шепот стих, и паства молча поднялась с мест. В северной галерее отворилась дверь, и два чернобородых монаха в одеяниях капуцинов с лежащими на плечах коричневыми капюшонами вошли, поддерживая третьего, очень старого человека, который передвигался с большим трудом. У падре Пио седые волосы и белая борода, щеки впалые, а на лице следы тяжелой жизни, проведенной в болезнях и молитве. И все же черты лица обыкновенные. В итальянских церквях и на улицах я много видел таких старых бородатых братьев. Глядя на него, я вспоминал не только необыкновенные истории, которые о нем рассказывали, но и о том, что в нескольких шагах отсюда, у подножия горы, стоит госпиталь с тысячью коек, и человек, ведущий нищенский образ жизни, сумел отдать его бедным людям. Два монаха помогли падре усесться на стул в переднем ряду обращенной к алтарю галереи и отошли в сторону. Падре Пио прикрыл глаза рукой, чтобы прочесть молитву, и я увидел, что на его руках шерстяные коричневые митенки, прикрывающие проколотые ладони, но оставляющие свободными пальцы.

Внимание паствы было всеобъемлющим. Люди не отрывали глаз от коричневой фигуры на галерее, от израненных рук. Когда завершился обряд благословения, я заметил, что возле боковой двери, ведущей в ризницу, собралась группа мужчин. Как только священник оставил алтарь, люди устремились в эту дверь. К ним присоединился и я. За дверью оказался красивый зал — удивительное церковное нововведение. Мраморные ступени вели на второй этаж. Мужчины побежали по лестнице, и их цель стала ясна. Падре Пио должен был пройти здесь в свою келью. Мне сказали, что аудиенция совершается каждое утро и вечер. Женщинам в монастырь вход был закрыт, но все мужчины-пилигримы и крепко сложенные светские посетители имели возможность увидеть святого вблизи.

Долго ждать не пришлось. Как и на папской аудиенции, при выходе падре Пио все опустились на колени. Пио шел, опираясь на плечи двух братьев. Ходьба давалась ему с большим трудом и продвигался он очень медленно. Верующие крестились. Некоторые из коленопреклоненных мужчин пытались с ним заговорить, но братья пресекали такие попытки.

Его внешность была обыкновенной, хотя жизнь, проведенная в медитации, аскетизме и болезни, обострила и сделала более тонкими черты лица. В то же время его глаза показались мне глазами зоркого крестьянина, который подмечает все в полях и на рынках Италии. Я мог представить, что даже сейчас, перейдя восьмидесятилетний рубеж, он способен был осадить грешника, не выбирая выражений. Лично мне всегда нравился острый язык святых, и, увидев падре Пио вблизи, я мог поверить тому, что на вопрос посетителя, болят ли его раны, он ответил: «Ты думаешь, что Господь дал мне их в качестве украшения?»

Типичным для сельского священника был и его ответ многодетной вдове, которая спросила, надо ли ей снова выходить замуж. «До сего времени, — будто бы сказал ей падре Пио, — ты плакала одним глазом, а, выйдя замуж еще раз, заплачешь двумя».

Я смотрел, как он идет по узкому ковру, медленно, шаг за шагом. Он был на ногах с пяти часов утра, отслужил мессу и провел несколько часов в исповедальне. Сразу было видно, что он устал и хотел прийти в свою тихую келью.

Я вернулся в отель, не веря тому, что спустя час после приезда в город я не только видел его святого, но и был так близко от него, что мог бы до него дотронуться.

4

История жизненного пути падре Пио не отличается от биографий других итальянских святых. Его отец был крестьянином. Звали его Орацио Форджоне из Петральчины. Это — гористая местность к северу от Беневенто. Чтобы поддержать свою большую семью, он отправился в Соединенные Штаты Америки и был рабочим в Нью-Йорке. Падре Пио родился в Петральчине в 1887 году, и при крещении ему дали имя Франческо Форджоне. Он был слабым ребенком, в пятилетнем возрасте его героем стал святой Франциск Ассизский. Когда мальчику исполнилось пятнадцать, он пошел в школу капуцинов и годом позже сделался послушником. Ему дали имя — брат Пио. Здоровье юноши не улучшилось, и у него определили туберкулез. Несмотря на нездоровье, он с радостью принимал епитимью и жизнь аскета. Однажды, когда ему нечего было есть, он три недели ничего не брал в рот, кроме святых даров, и это роднит его со святой Екатериной Сиенской. Пио посвятили в духовный сан в соборе Беневенто в 1910 году. Ему тогда исполнилось двадцать три года. Современники считали его ненормально эмоциональным, да к тому же еще и заразным. В книге «Падре Пио» мисс Неста де Робек цитирует высказывание друга: «Нас поражала бледность его лица и хриплость голоса. Его глаза были слишком блестящими, а развивавшаяся в нем болезнь заставляла его постоянно кашлять и температурить. Мы видели его в церкви, но боялись инфекции, а потому попросили ризничего держать стихари, облачение, потиры и кадила, которыми

пользовался падре Пио, в отдельном шкафу. Мы настаивали на этом... Во время молитвы падре Пио молча плакал, но слез было так много, что пол становился совсем мокрым. Мы, другие юноши, смеялись над ним, поэтому он перед молитвой расстилал перед собой большой платок. Когда он заканчивал молитву, то платок его был таким мокрым, что приходилось его выжимать».

Месса падре Пио иногда длилась часами. Дойдя до «Memento»,^[14] он так погружался в молитву, что был не способен продолжать, иногда по часу. Люди жаловались, что не могут проводить столько времени, так что приходскому священнику приходилось вставать рядом с ним и выводить молодого монаха из состояния экстаза или агонии, чтобы тот продолжал служить мессу. Когда ему исполнилось двадцать восемь лет и падре проводил отпуск дома, в Петральчине, то он построил себе в углу сада небольшой шалаш, там и молился, и предавался медитации. В день годовщины стигматов святого Франциска он не вернулся домой в обычное время. Мать вышла встретить сына и увидела, что при ходьбе он странно трясет руками. «Ты что же, на гитаре играешь, Франческо?» — спросила она со смехом. Он ответил, что чувствует в руках странную острую боль. Это произошло за три года до того, как на его теле стали видны стигматы.

В 1915 году Италия присоединилась к войне против Германии. Падре Пио был призван на военную службу. Его направили в медицинский корпус, и он служил санитаром в военном госпитале Неаполя. Ему предоставили годичный отпуск в связи с плохим здоровьем и в конце концов комиссовали по причине туберкулеза. Пио послали в деревню Сан-Джованни-Ротондо в надежде, что горный воздух будет ему полезнее, нежели климат в долине Фоджи.

Здесь падре Пио начал спокойную жизнь в отдаленном монастыре. Он всецело посвятил себя молитве и размышлениям. В сентябре 1918 года, когда ему исполнился тридцать один год, община отмечала праздник стигматов, и молодой священник пошел на хоры для медитации. Вдруг монахи услышали громкий крик. Они побежали на хоры и

увидели, что падре Пио лежит без сознания, а его ладони кровоточат. Когда монаха перенесли в келью, все увидели, что кровоточат и ступни, а в боку у него открытая рана. Все признаки стигматов, кроме тернового венца. Глава капучинов в Фодже распорядился, чтобы врачи осмотрели раны и сфотографировали. Отчет послали в Ватикан. Самым удивительным при медицинском осмотре было то, что легкие молодого человека, комиссованного из армии в связи с туберкулезом, были абсолютно чистыми.

С XIII века было зарегистрировано около трехсот случаев стигматов, среди них самый знаменитый — у святого Франциска. Некоторые были вызваны религиозной истерией. Церковь не признает наличие стигматов доказательством святости, хотя многие святые были отмечены подобным образом. С другой стороны, миллионы верующих во всем мире верят, что это знак, которым Господь отметил тела избранных, поэтому падре Пио, как думают миллионы католиков, настоящий святой. Чтобы отвести всякие спекуляции на этот счет, Церковь никогда не проводит канонизации на основании всеобщего одобрения, поэтому и запретила всякие разговоры о падре Пио.

Полвека прошло с тех пор, как на теле падре Пио появились стигматы, и за это время многие компетентные исследователи отмечали в нем признаки святости. Например, странный феномен — «запах святости». Говорят, что от падре, даже на расстоянии, исходит запах роз и фиалок, некоторые утверждают, что это фимиам. Врачи полагают, что бинты, наложенные на раны, испускают такой запах. Говорят также, что Пио наделен даром излечения, и его святейшество Чарльз Мортимер Карти в книге «Падре Пио, человек со стигматами» упоминает множество таких случаев. Еще одно загадочное свойство — вездесущность, или телепортация, как иногда это называют. Я уже говорил, что это — способность находиться в двух местах одновременно. Удивительный феномен! Хотя падре Пио никогда не покидает Сан-Джованни-Ротондо, уважаемые священнослужители пять раз видели его в Риме. Об одном из таких явлений доложили папе Пию XI, и он поручил дону

Орионе, известному своей святостью, проверить эту историю.

— Я сам его видел, — заявил дон Орионе.

— Если вы говорите мне это, то я верю, — ответил папа.

Отец Карти приводит интересный разговор падре Пио с его другом, доктором Сангвинетти.

— Падре Пио, — сказал доктор, — когда Господь путем телепортации посылает святого, к примеру святого Антония, в другое место, то сознает ли это сам человек?

— Да, — ответил падре Пио. — В один момент он здесь, а в другой — там, где хочет Господь.

— Но находится ли он в двух местах одновременно? — спросил доктор. — Разве это возможно?

— Да, через растяжение личности, — ответил падре.

«Это наблюдение, — прокомментировал отец Карти, — очевидное для падре Пио, возможно, поставит в тупик обычного человека. Поэтому пусть нам это объяснят философы и теологи».

Но и самым скептически настроенным людям приходится принять чудо появления великолепной больницы, которую подарил бедным людям монах, за пятьдесят лет ни разу не покидавший полуостров Гаргано. Больница называется «Дом помощи страждущим», и у нее имеется еще одно название «Клиника Фиорелло Ла Гуардиа». Я считаю это великим чудом Сан-Джованни-Ротондо. Биографы падре Пио рассказывают, что зимой 1940 года святой с тремя друзьями говорил в своей келье о людских несчастьях. Порывшись в сутане, он вынул маленькую золотую монету, которую кто-то подарил ему за его благодеяния. Пио бросил ее на стол в качестве первого вклада. Отец Карти, описывая этот случай, пишет: «В каждом больном человеке живет страдающий Иисус, в каждом бедняке есть чахнувший Иисус, а в больном и бедном человеке Иисус особенно заметен». Интересно, создавал ли автор этих слов, что он озвучивает идеи святого, жившего в Сан-Джованни-Ротондо пятьсот лет назад? Непонятно, почему никогда не вспоминают об этом святом в городе, где тот нашел Бога. Это был святой Камилло де Леллис. Он

родился в 1550 году, а умер в 1614-м. Камилло относится к той группе святых, совесть в которых проснулась после жизни, исполненной греха. Камилло — святой покровитель всех слабых и колеблющихся, и, должно быть, душа его была рядом с падре Пио, когда тот говорил с друзьями о возможности строительства больницы в Сан-Джованни-Ротондо.

Святой Камилло был сыном неаполитанского офицера. Его мать умерла, когда он был младенцем. Воспитанный без любви, без поучения, Камилло превратился в буйного, распущенного молодого человека. Он стал служить в армии, которая стояла сначала в Венеции, а потом в Неаполе. Там он, вдобавок к другим порокам, обрел страсть к азартным играм и в конце концов проиграл даже собственную шпагу. Из армии его прогнали, и он стал бродяжничать, пробиваясь случайными заработками. Должно быть, он был в плохом состоянии, когда, вскарабкавшись по горной тропе, постучал в дверь монастыря капуцинов в Сан-Джованни-Ротондо и попросил работы. Отца-настоятеля что-то в нем тронуло, и вскоре он обратил его на путь истинный. Когда Камилло попросил позволения вступить в Орден, ему дали долгое и суровое испытание, но он все преодолел и сделался монахом.

Он так страдал от язв на ногах, что было решено послать его в больницу в Риме. Там его излечили. Мучаясь рядом с другими страдальцами, он определил миссию своей жизни. Камилло остался в больнице, чтобы помогать врачам и медсестрам, и, когда открылась вакансия руководителя больницы, его избрали на эту должность. Ни одна болезнь не вызывала в нем неприятия. В каждом страдальце он видел распятого Христа, и с целью большего охвата своих услуг он основал орден Святого Духа, религиозную организацию, члены которой проводили жизнь в облегчении страданий больных до самого их последнего часа. Святого Камилло обычно изображают на картинах рядом с ангелом, потому что, как гласит легенда, когда он входил в больничную палату, рядом с ним шагал ангел.

Вполне уместно, что падре Пио обсуждал с друзьями строительство новой больницы при монастыре, в котором святой Камилло был послушником. Другьям-монахам поначалу удалось собрать совсем немного денег, однако, благодаря Божьему провидению, сумма с годами подрастала. Пока однажды не явилась в Сан-Джованни-Ротондо одна англичанка. Это была мисс Барбара Уорд (ныне леди Роберт Джексон). Проехав с лекциями по Соединенным Штатам, она получила из фонда ЮНРРА^[15] двести пятьдесят миллионов лир. Директором ЮНРРА (недавно он скончался) был Фиорелло Ла Гуардиа, мэр Нью-Йорка. С общего согласия его именем назвали больницу.

Когда смотришь на больницу сейчас и вспоминаешь, что никакой кампании по сбору средств организовано не было, кажется чудом, что за шестнадцать лет построили такое здание — с отделениями хирургии, светлыми и уютными послеоперационными и терапевтическими палатами и с рентгенологическим отделением, которое, как говорят, является одним из лучших в мире. Странная и уникальная история. Дар падре Пио беднякам и страдальцам является продолжением его собственной способности к исцелению людей. Легко представить себе начало еще одного лурдского культа в затерянном в горах городке.

В половине пятого утра я проснулся от шума, громких голосов, хлопанья дверей в отеле. Приближался великий момент, вокруг которого вращается жизнь Сан-Джованни-Ротондо: утренняя месса падре Пио. Я оделся и заторопился в церковь. На парковке стояли легковые автомобили и автобусы. В больнице горел свет, а с крыши распространялось сияние, свидетельствовавшее о необычной особенности этого заведения. Оно обслуживает сотни недоступных горных деревень на Апеннинах, во многие из которых даже сейчас можно добраться только верхом на мулах, а зимой сюда и вовсе нет доступа, и потому помощь приходит на вертолетах. На крыше больницы устроена посадочная площадка.

Светились и узкие окна западной стороны церкви. С гор дул холодный ветер, но с каждой минутой становилось все светлее. Это означало скорый восход солнца. В церкви было полно народу. Многие люди стояли в проходах, перебирая четки и дожидаясь начала мессы. Некоторые пели псалмы, но большая часть паствы молилась, встав на колени. Я стоял рядом с алтарем. Пока ждал, заметил, что некоторые люди пишут прямо на стенах обращения к падре Пио — просят его помолиться за какого-то человека или за осуществление какого-то желания. Впоследствии я прочитал в какой-то местной книге, что два брата с ведром побелки периодически закрашивают граффити.

Даже слепой почувствовал бы момент появления падре Пио из-за вдруг наступившей тишины, исполненной эмоционального накала. Пио был одет для мессы. Монах помогал старику идти. Все глаза обратились на него. Хотя святой Франциск не был священником и никогда не служил мессу, я подумал, что, доведись ему делать это, поведение паствы было бы таким, какому я сейчас стал свидетелем в церкви Санта-Мария-делла-Грация. Мне вспомнились средневековые живописные доски в Сиене, на которых написан святой Бернадин, проповедующий восторженным толпам. Прошли столетия, изменилась одежда, но не чувство благоговения. Коленопреклоненная толпа, все лица которой повернулись к священнику, напомнила мне картину Сано ди Пьетро: на ней изображены отделенные друг от друга по половому признаку молящиеся: с одной стороны — женщины, с другой — мужчины. Обе группы погружены в молитву, исполнены чувства благоговения и святости.

Церковь оснащена громкоговорителями, но пользоваться ими не стали, хотя падре Пио говорил едва ли не шепотом. Месса проходила совсем тихо. Я заметил, как часто падре Пио отирал глаза платками, положенными перед ним на алтаре. Заметил также, что он не может сжать руки из-за ран в ладонях, и ему трудно взять мелкие предметы. В некоторые моменты мессы, в особенности во время консекрации,^[16] руки его были подняты довольно неестественно. Как мне сказали впоследствии, это связано с

сильным кровотечением из ран. Пио боялся, что кровь запачкает алтарь.

Обычно мессу служат около двадцати минут, а падре Пио говорил в три раза дольше, но время пробежало незаметно. Возможно, я был единственным человеком во всей церкви, кто взглянул на часы, но произошло это не из-за нетерпения, а просто из желания засечь время. Я уверен, что паства готова была слушать мессу два часа — настолько великим было погружение людей в молитву рядом с человеком, которого они давно канонизировали в сердце своем. Когда старик оглядел собравшихся и, подняв руку, прошептал: «Паке вобискум»,^[17] мы увидели на темной ране свежую кровь.

От члена общины я кое-что узнал о повседневной жизни падре Пио. Писать ему запрещали, и у него было семь секретарей, отвечавших разноязыким корреспондентам. Каждый день деревенская почта доставляет около шестисот писем и от сорока до пятидесяти телеграмм, адресованных ему со всех частей света. Он живет в аскетических условиях, и его келья ничем не отличается от келий других членов общины. Из-за преклонного возраста и ран ему требуется помощь двух братьев. Они перевязывают ему раны и сопровождают в церковь или исповедальню.

Существует много медицинских отчетов о его ранах, которые можно увидеть на его руках только во время мессы. В остальное время ладони спрятаны под митенками. И дело не только в том, что это — самый легкий способ удержать бинты на месте. Высшие церковные власти запретили ему показывать кому-либо свои стигматы. Даже во время мессы он старается спрятать руки в рукавах альбы. Раны на руках и ногах соответствуют друг другу: раны с тыльной стороны ладони соответствуют отверстиям с внутренней стороны. Они никогда не заживают, а из раны в левом боку каждые двадцать четыре часа вытекает чашка крови. Пио не может носить сандалии, а потому ходит в туфлях, специально сшитых для него в Швейцарии, — подарок швейцарских католиков.

После утренней мессы падре Пио возвращается в ризницу, чтобы переодеться в обыденную хламиду. Затем идет в исповедальню, где в течение двух часов выслушивает исповеди женщин. Каждой женщине выдают номерок с очередью. Для мужчин падре более доступен, потому что этот список не столь велик. Мужчины исповедаются ближе к вечеру. Потом падре Пио отдыхает и читает. Ест он один раз — в полдень. Падре не вегетарианец, однако предпочитает мясу овощи и рыбу. Нельзя сказать, что трезвенник — он пьет вино и пиво. Но, как заметил отец Карти, обычно он потребляет от трехсот до четырехсот калорий, а этого недостаточно для восполнения ежедневной потери крови. Во время болезни он восемь дней ничего не ел — пил только воду, тем не менее к концу этого срока немного набрал в весе. Святой человек с медицинской точки зрения представляет собой неразрешимую проблему.

У моего собеседника был личный контакт с одним из людей, которого чудесным образом излечил падре Пио. Это — Джемма ди Дорджи из Риберы, что на Сицилии. Слепая от рождения: в ее глазах не было зрачков. Врачи заявили, что не смогут ей помочь.

Падре Пио сказал ей: «Вы хотите видеть? Значит, увидите». И провел рукой по ее глазам. Неожиданно женщина громко вскрикнула и сказала, что видит. Я при этом не присутствовал, однако встречал Джему впоследствии: она поступила в монастырь, и, смею вас уверить, хотя сейчас она зрячая, у нее по-прежнему нет зрачков.

Мне сказали, что к некоторым людям падре Пио даже не притрагивался. Были и те, кого он отказывался исповедовать. Говорят, он обладал способностью читать чужие мысли. Когда однажды в ризницу пришел человек, падре воскликнул: «Убирайся, убийца!» Вскоре тот человек покался и сознался, что хотел убить жену.

Мы разговаривали в коридоре монастыря и увидели падре Пио. Он шел в нашу сторону в сопровождении двух братьев.

— Встаньте на колени, когда он будет проходить мимо, — сказал мой знакомец, — и я вас представлю.

Я послушался. Святой монах пребывал в некотором трансе — то ли после многочасового выслушивания женщин, сознававшихся в своих грехах, то ли по какой-то иной причине. Встретив невзначай человека, который ни о чем его не спросил, он взглянул на него (то есть на меня) пролившими столько слез голубыми глазами и, резко стукнув рукой в митенке меня по голове, благословил и пошел в свою келью.

5

Нельзя не встретиться с теми, кто приехал в Сан-Джованни-Ротондо, рассчитывая провести здесь день, и остался на годы. Кто-то приехал из любопытства, а некоторые даже для того, чтобы посмеяться. Так в свое время теологи приезжали к святой Екатерине Сиенской, и оставались молиться. Часть людей явилась сюда в поисках защиты и духовного здоровья.

Самой известной из таких обращенных стала мисс Мэри Макальпайн Пайл. Сейчас ей за семьдесят. Она ходит в одежде, которую сшила сама, — модификации рясы капучина, только без капюшона. Ее духовные взаимоотношения с падре Пио иногда сравнивают с теми, что существовали между святой Кларой и святым Франциском.

Мисс Пайл — американка. В двадцатых годах в свой отпуск она отправилась на Капри и тогда впервые услышала о падре Пио. Вместе с подругой поехала повидать его, а потом забросила свою нормальную жизнь, вернулась и стала жить в Сан-Джованни-Ротондо. Купила участок земли и построила на нем дом, известный английским и американским путешественникам. Она всегда оказывает им радушный прием. К сожалению, мисс Пайл была нездорова, когда я приехал в город, поэтому я так ее и не увидел.

Она посвятила себя возведению монастыря и церкви в Петральчине, месте рождения падре Пио. Во время последней войны ее как американку интернировали, однако ей удалось попасть в эту деревню, где она подружилась с родителями падре Пио, ныне покойными. Мне говорили, что она купила простой домик, где родился падре. Со временем она надеялась превратить его в часовню.

Пока я оплачивал счет, молодая приятная женщина-администратор ответила на какую-то мою реплику в отношении города:

— Я приехала сюда пятнадцать лет назад из Южной Америки, да так и осталась. Заинтересовалась религией. Я много читала о разных религиях. Занималась йогой и буддизмом, однако в моей голове все перепуталось, и я была недовольна...

Я улыбнулся, подумав, что она повторила путь, так хорошо описанный святым Августином.

— Затем, — продолжила она, — я увидела падре Пио и обратилась в его веру. Было чувство сродни тому, которое испытываешь, открывая из темноты дверь, ведущую на свет. И впервые в жизни я стала счастлива. Здесь замечательно.

Она поставила печать на мою квитанцию и, радостно улыбнувшись, протянула ее мне. Затем позвонила в звонок, вызывая швейцара. Я попрощался.

6

Я ехал по горной дороге в Санникандро Гарганико. За поворотами под утренним солнцем сверкало Адриатическое море. Дорога поднималась и опускалась; голые известняковые холмы слепили глаза; пробегали стороной оливковые рощи, и деревья-гиганты жалобно тянули к небу кривые руки. Эта картина казалась мне скорее геологической, нежели ботанической.

Я подумал, как редко в наши дни путешествуешь по пустынной стране. И в самом деле, по дороге мне

встречались редкие грузовики или местный автобус, и лишь однажды на окраине деревни я увидел маленький «фиат».

Думая о дороге в Санникандро, я часто буду вспоминать о ящерицах-самоубийцах. Эти очаровательные создания, относящиеся к немногочисленному виду сохранившихся до наших дней рептилий, стараются перебежать дорогу в самый последний момент, причем, как я заметил, — справа налево. Когда в дорожном инциденте гибнет курица, то это бывает от нерешительности птицы, но с ящерицами все происходит наоборот. Если ящерица вздумает перебежать дорогу, то делает это без всяких сомнений, и ничто не сможет ее отвлечь. Курица десять раз переменит решение, а ящерица выберет именно тот момент, когда колеса окажутся совсем рядом. Водителю стоит лишь надеяться, что игра со смертью не окажется для ящерицы фатальной.

Санникандро показалось мне голодной горной деревней. Оттуда я поспешил вниз, к морю в Каньяно, что на северном побережье полуострова. Здесь, возле большого голубого водоема, носящего название озеро Верано, стоит городок, отделенный от моря узкой полосой суши. Я свернул с главной дороги, чтобы купить спичек, и встретил в кафе двух французских путешественников. Они спросили меня, что представляет собой дорога в Сан-Джованни-Ротондо. На них были голубые костюмы, подбитые гвоздями горные ботинки, а в руках они держали то, что я сначала принял за посохи паломников, но оказалось, что это — альпенштоки. Я заметил возле кафе маленький автомобиль, груженный мотками веревки и другим альпинистским снаряжением. Удивился: неужели люди приехали на полуостров Гаргано, чтобы подняться на невысокие известняковые холмы, ведь недалеко отсюда можно совершить восхождение на высокие зубцы Апеннин?

Альпинистами они, однако, не были. Напротив, их можно было назвать антиальпинистами, и я с любопытством смотрел на первых встреченных мною спелеологов. Для меня обследование пещер, даже если в них подсвечены сталагмиты, не представляет никакого интереса, и, когда приходится там оказываться — я вспоминаю страшный

подземный мир в Пиренеях, — мне никак не удастся быстро оттуда выйти.

Я рассмотрел, что более мускулистой и ловкой из двух пещерных исследователей оказалась женщина. Они рассказали, что являются страстными спелеологами, участвовали в исследовании пещер в Северной Италии вместе с группой спелеологов из Пьемонто, а теперь жаждут познакомиться с еще не исследованным подземным миром полуострова Гаргано. Я никогда бы не узнал, если бы они мне не сказали, что полуостров пронизан пещерами, похожими на гроты горы Святого Ангела, однако они куда более впечатляющие, и большинство из них неизвестно. О падре Пио они никогда не слышали, зато знали все об огромной пещере, к которой сейчас направлялись. Пещера находится в нескольких милях от Сан-Джованни-Ротондо. Ее название — Грава-ди-Камполата. Женщина сказала, что она частично исследована. Туда спускались в 1961 году, и это место все еще опасно. Глубины ее еще не измерены, возможно, там есть тихие черные озера. Я продолжил свой путь, думая, как удивительно, что, когда в небе над головой и на земле под ногами есть столько опасностей, некоторые люди специально их ищут глубоко под землей. И все же, сказал я себе, если уж ты вознамерился сделать это, неплохо взять с собой полногрудую и сильную Персефону.

Местность снова стала демонстрировать признаки интенсивного огородничества. Акры капусты и салата сменялись оливковыми деревьями на склонах покатых холмов и изгородями из кактусов с желтыми цветами. Я почти не видел в поле человека и редко встречал случайную повозку или фургон по пути в маленький портовый город Роди, живописную красоту которого трудно преувеличить. К террасам прилепились дома — белые, голубые, розовые. Улицы в ярд или два шириной, вымощены булыжником; арочные входы в арабском стиле. Вся местность звенела от криков и пения детей и громких распоряжений их веселых родителей. На песчаный берег накатывались волны мелководной Адриатики — от ярко-зеленого до темно-синего цвета.

Роди не достиг той изысканности, с долей сумасшествия, которая сделала столь привлекательным остров Капри. Этот город все еще мало известен и — я бы сказал — не испорчен. Мне он страшно понравился. Мне нравились старые женщины на рыбном рынке, торгующие осьминогами и кальмарами. Нравились играющие и визжащие дети. Понравился ученик пекаря — весь в муке, словно клоун, он вышел из подвального помещения, распространяя вокруг себя восхитительный запах свежего хлеба. На его руке висела корзина, полная огромных круглых буханок, какие пекут в Апулии. А маленькая площадь со старинными зданиями была похожа на кадр из какого-то фильма: настолько живописная, что казалась ненастоящей.

В ясный день с высот Роди на море можно увидеть маленькие каменистые островки. Это — группа островов Тремити. Самый большой из них называется Сан-Домино. Юлия, дочь императора Августа, умерла, проводя здесь двадцать лет ссылки. Она была наказана, как до нее и ее мать, за адюльтер. Однажды, когда Августа попросили простить его дочь Юлию, он на глазах собрания пришел в ярость и закричал: «Если вы снова когда-нибудь затронете эту тему, то пусть боги покарают вас, подарив вам дочерей, столь же похотливых, как моя, и таких же неверных жен!»

Роди давно позабыл Юлию, зато помнит Санта Розу, девушку-рыбачку, которая двадцать пять лет назад занималась предсказаниями и лечила людей. Кульминацией был момент, когда она предсказала дату, в которую произойдет сильный шторм. При этом — будто бы заявила девушка — сама она умрет, а война закончится. Ее слава была так велика, что в назначенный день в Роди собрались огромные толпы, и из Фоджи прислали полицию, чтобы она контролировала ситуацию. Шторм и в самом деле состоялся. Во время особенно яркой вспышки молнии кто-то видел, что душа Санта Розы поднялась на небеса. Происшествие было исполнено таких эмоций, что, когда в кафе с громким стуком перевернулся столик, карабинеры открыли огонь. Но — увы! — когда шторм закончился, Санта Роза оказалась

Жива, а война продолжалась. Впрочем, лояльные жители Роди говорят: каждый может ошибаться.

Мало какие районы Италии можно назвать неописанными, но, по сравнению с более популярными регионами, Полуостров Гаргано все еще мало исследован, и мне кажется, что какое-то время он будет находиться в счастливой изоляции. Я обнаружил, что в восхитительном Роди есть только один отель четвертого класса, и, хотя мне хотелось там остановиться, пришлось поспешить в Бари, чтобы успеть на ежегодный праздник святого Николая.

За городом я увидел южную оконечность огромного леса Умбра, последнего остатка первобытного леса, некогда покрывавшего Апулию. Он был очень похож на лес вокруг Брокенхерста.^[18] В жаркий летний день огромные дубы и буки замирали в молчании, прерываемом лишь редкими для Италии звуками — пением птиц. Это была разновидность лесной местности, которую некогда завоевали норманны. Она совершенно не похожа на лысые очертания сегодняшней Апулии. В этих лесах водилась дичь, на которую охотились ястребы и собаки Фридриха II. Так продолжалось до сравнительно недавних времен, до неразумных действий Фердинанда IV Неаполитанского, аппетит которого к кабанам и оленям было невозможно удовлетворить. Я проехал мимо еще одного симпатичного городка Пешичи — полный контраст Роди. Он стоит на скале над голубой водой. Спустя несколько миль я въехал в крошечный порт Виесте, где на глаза мне попала приятная траттория. Там было всего шесть столиков и отсутствовало меню. Меня пригласили на кухню, чтобы я сам выбрал себе то, что пожелается. Здесь мне показали рыбу и морепродукты, все только что выловленное и плескавшееся в ведрах с соленой водой. Посоветовали взять креветки величиной с небольшого омара. Их восхитительно поджарили, без всякого соуса или гарнира, за исключением лимона. Вино было все то же, крепкое красное, которое я впервые попробовал в городе Святого Ангела. Угощение обошлось мне примерно в пять шиллингов.

Кроме меня, в помещении за соседним столиком сидели четверо рабочих. Их джинсы и майки были слегка припорошены каменной пылью. Завтрак они начали со спагетти, за этим последовали креветки. Один человек предпочел телятину, зато все заказали черешню. Они выпили две бутылки вина, которое принесли с собой, и бутылку минеральной воды. На протяжении трапезы рабочие болтали, смеялись и шутили. Хотя я и мало что понял из их разговора, мне было интересно сравнить их довольно аристократическую трапезу с завтраком такой же группы английских каменщиков.

Проходя по маленькой пристани, увидел человека в одежде из голубой шерсти. Он был похож на древнего финикийца. Я обратил внимание на тонкий семитский профиль, расчетливые темные глаза, склонные тем не менее к глубокой меланхолии. Человек вызвался отвести меня в грот, который, по его словам, отличался исключительной красотой, по сравнению с ним «Голубой грот» Капри выглядел монохромным. Назывался он Гротта Кампана. Я уже почти соблазнился, пока не выяснил, что путешествие займет час. Спросил, есть ли здесь другие гроты. Человек ответил, что побережье буквально продырявлено ими. Он упомянул Гротта Санта-Никола, Гротта делл Аббате, Гротта делл Аква и много других. Когда я сказал, что у меня нет времени осматривать эти чудеса, мужчина пожал плечами и вздохнул. Глаза его подернулись печалью, и я почувствовал, что пропустил один из величайших шансов в жизни.

Глава третья. Город святого Николая

***Праздник святого Николая в Бари. — Ограбление
могилы. — Старый город Бари. — Святой выходит к
морю. — Святой Франциск в Бари. — Святой и
проститутка. — Морепродукты.***

1

По пути к Бари я обратил внимание на автобусы с паломниками. Они ехали туда же, куда и я, — на ежегодный праздник святого Николая. На перекрестке, дожидаясь разрешающего сигнала светофора, я имел хорошую возможность рассмотреть пилигримов. В основном это были женщины в черных одеждах. Они сидели напряженно и торжественно, держали на коленях узлы и сумки. На плечах у них лежали черные шали, седые волосы прикрыты черными платками. Дожидаясь, пока автобус продолжит движение, все пели литании.

Я сделал вывод, что это — новый способ паломничества, отвергающий правило, что духовная добродетель заключается в физических трудностях. Эстелла Канциани еще в двадцатых годах описывала длинную средневековую процессию, по двое в ряд, идущую по унылой местности вслед за человеком с крестом. Возможно, это еще и существует, но только не на юге страны, где появились хорошие дороги и автобусные компании. Тем не менее старые обычаи соблюдаются: пилигримы по-прежнему следуют за крестом: я увидел, что его привязывают к радиатору.

Когда я приехал, уже темнело. Бари — самый большой город на юге Италии после Неаполя. Как и большинство старинных портов Адриатики, старый город соседствует с новым. Последний часто превосходит старый город

размерами и совершенно на него не похож. Старый Бари живописно расположился вокруг собора и церкви Святого Николая и старинной гавани, служившей местом отправления рыцарей в крестовые походы. Мюрат, во время короткого пребывания королем Неаполя, интегрировал в старый город новый Бари. С тех пор здесь появились широкие проспекты, обсаженные пальмами, выросли внушительные здания, отличные магазины, появилось одностороннее движение, тем не менее возникли обычные транспортные проблемы.

Я был поражен размером и оживленностью Бари. Отель меня восхитил: он был современным, служащие встретили меня приветливыми улыбками. Оказалось, что я поселился в одном из лучших отелей Италии. Номер был оборудован кондиционером; имелась ванная; в стену был вмонтирован приемник; возле кровати на тумбочке стоял телефон, и лампа для чтения была такой, как следует, и в нужном месте.

Портье принял мои сумки и широко улыбнулся. Спросил, настроен ли кондиционер по моему вкусу и не надо ли выгладить мне одежду. Затем отдернул занавеску и, указав на луч света, тонкий, словно свеча, сказал, что это колокольня собора. Рассказал также, что он женат и у него четверо детей. В войну он был в плену — в Индии! Когда он снова улыбнулся, я почувствовал, как далеко я нахожусь от туристских путей. Там ночной приезд пассажиров с чемоданами и дорожными сумками, как бы хорошо к приезжающим ни относилась гостиничная обслуга, стер с лиц принимающей стороны приветственные улыбки. Нет в мире людей с большим чувством собственного достоинства, чем итальянцы. Однако со временем узнаешь, что жизнь состоит не из одних лишь приятных человеческих контактов. Каждый вечер приходится таскать вверх по лестнице сотни чемоданов, а потом каждое утро спускать их вниз. И так каждую неделю, месяц за месяцем, на протяжении сезона помогаешь бесконечной череде явно сумасшедших людей, которые не могут усидеть на месте. Это, согласитесь, может ухудшить настроение даже

оптимистичным итальянцам. Юг страны в целом еще не испытал этого, однако все впереди.

Я узнал, что отель стоит на периметре старого города, значит, до него всего несколько сотен ярдов, а потому после ужина решил туда прогуляться. Через несколько минут я вошел в другой мир. В Новом Бари был исключительно шумный вечер: громкоговорители в темноте разносили гнусавые голоса гигантов. Казалось, на улицах праздновали какое-то важное городское событие. Движение в тот вечер тоже было ненормально шумным. Пришлось с главного проспекта свернуть на второстепенную улицу, но едва я оказался в обволакивающей тишине Старого города, как обо всем позабыл. Массивные каменные стены полностью заслонили собой шумный современный город. Улицы в большинстве своем были узкими, и по наружности — восточными. Другие, главные улицы Старого города хорошо освещены и запружены народом. Луна проливала свет на старинные двери и белые арки, выхватывала из темноты дворы. Ступени поднимались к домам, где долгие столетия жили люди.

Скоро я безнадежно потерялся. Оказалось, что я позабыл в гостинице карманный компас, который обычно ношу с собой. Не желая обнаружить свое иностранное происхождение, обратившись к прохожим, я шел вперед по узким улочкам — повернул налево, потом направо. То и дело меня привлекал то ли двор, залитый лунным светом, то ли звук высоких голосов, в которых слышались арабские нотки, то ли старинное здание, массивное, точно крепость. Казалось, что там среди жильцов есть крестоносцы. Я подумал, что, если случай не выведет меня из уличного лабиринта, придется все-таки попросить о помощи.

Выйдя из очередного переулочка, я оказался на широкой и пустой площади и замер, глядя на залитую лунным светом великолепную норманнскую церковь. Фонари освещали башню, в ней я узнал колокольню, ту самую, которую в гостинице показал мне портье. Прекрасное здание, с окном-розеткой над западным фронтоном, напомнило мне

некоторые норманнские церкви Англии, хотя было и отличие. Где, например, в Англии вы увидите боковые колонны, покоящиеся на спинах двух слонов? И все же, думаю, люди, построившие эту базилику, говорили на том же языке, что и те, кто возвели Даремский собор и собор в Или. Я подумал, что, возможно, единственная причина, по которой чувствуешь себя в Апулии, как дома, это то, что в каждом городе встречаешь дома, похожие на норманнские здания английских городов и деревень.

Из-под высокой арки я прошел на другую площадь, похожую на первую, но еще более величественную. И снова передо мной предстал массивный норманнский храм, купающийся в лунном свете. Оказалось, что это — церковь Святого Николая, центр церемоний, намеченных на последующие три дня. Широкие ступени призывали подняться к трем великолепным дверям. Над ними тоже имелось окно-розетка. Не успел я восхититься архитектурным шедевром, как на пустынной площади появилась группа паломников, опирающихся на длинные посохи с набалдашниками в виде сосновых шишек. Такие же палки я видел в городе Святого Ангела.

Паломники дошли до середины площади и положили посохи на булыжное мощение. Группа была женская, за исключением трех мужчин. Должно быть, крестьяне из какого-нибудь небольшого местечка в Мурдже или Капитанате. Паломники хриплыми старческими голосами громко запели гимн, в котором я угадал лишь два слова — «святой Николай». Отворилась дверь маленького монастыря, и из тени вышел доминиканский монах со связкой ключей. Он поднялся по ступеням церкви и вошел в боковую дверь, а коленопреклоненные паломники продолжали петь гимн святому.

Я подумал о том, что пора бы вырваться из Средневековья и отыскать дорогу в отель. Пришлось обратиться к прохожему, и он с любезной настойчивостью проводил меня сначала до одного угла, потом до другого, пока не вывел на нужную дорогу.

Жители Бари вот уже тысячу лет посвящают три майских дня — с седьмого числа по девятое — празднованию мощей святого Николая Мирликийского, являющегося, конечно же, рождественским Санта-Клаусом. Моряки украли реликвию из гробницы в Малой Азии. (Жители Бари предпочитают говорить «спасли».) Сделали они это, возвращаясь из Антиохии, куда доставили апулийскую пшеницу. После всех испытаний и опасностей священная реликвия надежно покоится в серебряной раке в крипте церкви Святого Николая. Самыми последними потрясениями можно считать события Второй мировой войны — высадка союзников, немецкие воздушные бомбардировки и взрыв в гавани американского корабля. Мощи плавают в жидкости, прозванной «манна святого Николая». Их чудесная сила помогла сделать святилище на юге Италии одним из самых популярных в мире.

Мне очень захотелось посетить праздник, когда я услышал, что во время церемонии статую святого Николая отнесут в гавань и отправят в дневное плавание на рыбацкой лодке. Верующие думают, что святой покровитель моряков с удовольствием проведет день на воде. В Италии, а также и в Греции святых выносили раз в год на море и даже купали в нем, но стать свидетелем того, как великий святой — вытеснивший в Греции даже Посейдона — отправится в морское путешествие, казалось мне невероятно заманчивым.

Святой Николай защищает не только матросов и рыбаков, он является и святым покровителем детей, грабителей, волков, России и ростовщиков. Некоторые исследователи полагают, что вывеска ростовщика представляет собой не шары Медичи, а три мешка золота, которые добрый святой зашвырнул в дом вдовца, чтобы у трех его дочерей было приданое. Трансформация в Санта-Клауса — еще одна ипостась этого разностороннего святого.

Если бы устроили рейтинг, Николай оказался бы среди святых на одной из первых строчек. В одной только Англии ему посвящено более четырехсот церквей, а что уж говорить о старинных фамилиях, образованных от его имени

— Николе, Николсон (Nicholson, буква h вкралась сюда в XII веке), Никсон и менее очевидные — Коул, Колли, Коллис, Колет и Коллинз. Во Франции популярны женские имена — Николетт и Колетт.

О краже реликвии рассказали три исследователя тех времен. Среди них — Иоанн Архидьякон, чья история стала известна в следующем, 1088 году. Это красивый средневековый рассказ, в котором, я думаю, натренированное ухо способно распознать эхо интервью с главными актерами той драмы. Название довольно длинное: «Translatio S, Nicolai episcopi ex MVra LVciae urbe ad Apuliae oppidum Barim vel Barim, scripta ab Johanne archidiacono Barensi jubente Ursone Barensi et Canusino archiepiscopo, circa annum Domini 1088, apud Surium die nono Mai».^[19]

Автор говорит, что, когда моряки Бари разгрузили в Антиохии свою пшеницу, то повстречали команду венецианцев. Те сознались, что запаслись молотками и ломами, чтобы перед возвращением домой завладеть реликвией святого Николая в Мире. Не говоря ни слова, моряки Бари спешно покинули Антиохию, прихватив собственные ломы и молотки.

Такие действия можно назвать самой странной смесью набожности и бессовестности. Культ реликвий Церковь переняла у Востока. Хотя лучшие умы осуждали эксгумацию тел, одинаково отвратительную в глазах римлян и евреев, а тем более торговлю фальшивыми реликвиями, распространившуюся со времен святого Августина, ничто не могло остановить всеобщего желания заполучить святые мощи, способные к чудесным исцелениям. Больше всего в этом преуспели венецианцы. От капитанов кораблей, возвращавшихся из восточных путешествий, каждый раз ждали святых реликвий — купленных либо украденных. Самым большим торжеством для венецианцев стало похищение останков святого Марка из Александрии. Это событие произошло в 828 году. Египет тогда стал мусульманской страной, а святой будто бы во сне выразил желание быть «спасенным» и перевезенным на христианскую землю. Похожая ситуация была в Мире, ныне

разрушенном городе на южном побережье Турции. В 1087 году он был захвачен неверными. Как и в Александрии, христианам Миры было дано право молиться и ухаживать за своим святилищем. В том и другом случае моряки Венеции и Бари ограбили церкви и уплыли восвояси с драгоценными реликвиями братьев-христиан.

Прибыв в Миру, моряки Бари тут же пошли помолиться к святилищу святого Николая, и греческие монахи дали им маленькую чашу со святой жидкостью — «манной», излившейся из мощей святого. Это первое упоминание об этой жидкости. Тактика мореходов Бари после нахождения могилы была такой же, что и два с половиной столетия назад у венецианцев в Александрии. Они предложили за мощи золото. Венецианцы в свое время заметили, что египетские монахи не прочь на сделку, однако греки из Миры пришли в негодование. «Мы хотим увезти это святое тело, — сказали моряки Бари, — и перенести его в нашу страну. Мы пришли сюда на трех кораблях по повелению римского папы. Если вы согласитесь на наши условия, каждый корабль даст вам по сто золотых монет».

Такая невероятная ложь на монахов не подействовала: мораль греков оказалась на порядок выше, чем у латинян. Обнаружив, что итальянцы намерены взломать гробницу, они сказали: «Вот она. Неужто не побоитесь Божьей кары?» Моряки встревожились. Два священника, которых они привезли с собой, молились в церкви, «но были так напуганы, что голоса дрожали».

В конце концов моряки расхрабрились и решили действовать. Взяв молотки, разбили крышку и внизу, под кирпичами, обнаружили то, что они назвали «мраморной урной». Вероятно, это был саркофаг. Разбив мрамор, увидели священную жидкость, «манну святого Николая». Как и венецианцы, в свое время разрушившие захоронение святого Марка, моряки ощутили чудное благоговение, «запах святости». Иоанн Архидьякон говорит, что «на присутствующих повеяло тонким ароматом». Тем временем молодой человек по имени Матвей — по-видимому, он у них был лидером — засунул руку в саркофаг и обнаружил, что

он до половины залит священной жидкостью. «Тогда он сунул в него правую руку и, нащупав бесценное сокровище, которым так страстно хотел обладать, не теряя ни минуты, начал бесстрашно его извлекать. В поисках головы святого окунулся в саркофаг всем телом и стал рыться руками и шарить ногами, стараясь ее найти. Когда вышел наружу, с тела его стекала священная жидкость».

Благочестивые воры поспешили со своей добычей к кораблям. В отличие от венецианцев, попытавшихся обмануть местных жителей, не стали засовывать в саркофаг другое тело. Венецианцы в свое время скрыли останки святого Марка в бочке с соленой свининой, зная, что мусульманам не останется ничего другого, как смириться с воровством. Моряки Бари посчитали такую предосторожность излишней. «Отчалили в полном восторге. Реликвию завернули в новую белую ткань и положили в деревянный сосуд, наподобие бочонка для вина».

Жители Миры столпились на берегу. Они были преисполнены гнева и горя, рвали на себе волосы и бороды, завывали о потере святого покровителя, пели траурную песнь:

Несчастный день! Какой позор!
Бесчестье нашего народа!
Дар Бога, славная награда,
Исчезла с наших глаз,
И не на ратном поле,
Уступлена она большому войску,
Ее похитили подкравшиися люди,
(Увы, всего-то трое человек).
Мы плачем по сокровищу, которое пираты
Отняли у страны без всякого труда.

Религиозное похищение оказалось успешным. Венецианские соперники не сделали попытки помешать барянам, так что в мае 1087 года корабли доставили драгоценный груз на родину к высыпавшим на берег восторженным толпам. (Тот год оказался примечательным

для англо-норманнской истории. В сентябре в Руане умер Вильгельм Завоеватель.) Желание архиепископа Бари поместить реликвию в соборе было, по некоторым причинам, непопулярно. Ковчег с мощами положили на повозку, а впряженный в нее осел остановился возле побережья, где вскоре построили церковь Святого Николая. Поэтому столбы крыльца покоятся не на спинах львов, как это принято, а на двух непонятных животных, которые на самом деле являются осликами. Животные потеряли бронзовые рога, но углубления, из которых они вырастали, заметны в камне. Неплохо было бы восстановить эти рога, а вместе с ними и настоящий облик двух странных существ, двух украшений, уникальных для Италии.

Каждое утро перед завтраком я приходил в Старый город и шел либо на мессу в собор, либо в церковь Святого Николая. Удивительные старинные улицы казались мне еще интереснее при дневном свете. Не припомню другого населенного средневекового города в Европе, столь же большого, как Старый Бари. За это, думаю, следует благодарить Мюрата: он оставил его без изменений и пристроил к нему новый, прямоугольный город. Оказавшись в Старом Бари, слышишь шум человеческого происхождения: голоса торговцев, нахваливающих свой товар; звучание музыкальных инструментов в неумелых руках; крики женщин, переговаривающихся друг с другом с балконов; детский плач и звон колокола. Большая часть улиц Старого города слишком узка для автомобилей; разносчики ходят с тележкой от одной двери до другой. Женщины, Кажется, только и делают, что набирают воду то ли из колодцев, то ли из фонтанов. У меня сложилось впечатление, что жители Старого Бари наслаждаются веселой людной жизнью улиц, с их старинными домами, и отвергнут всякие попытки переселить их в современный город.

Возможно, кто-то заметит то, что поразило меня как самая средневековая черта Старого Бари: ужасающее количество мусора и отходов, картона, бумаги, сгнивших фруктов, рыбы и овощей, которые из дверей или прямо из

окон выбрасывают на улицу. В первые утренние часы все это выметается и вывозится со скоростью и ловкостью военных учений. Уборщики здесь зовутся *netturbini*, от глагола *nettare* «чистить» и *urbe* «город». Я впервые встретил это слово. В других областях Италии дворник называется *spazzino*. Неттурбини, не имея возможности проехать на улицы на машинах, пользуются тачками. Я наблюдал за тем, как они исполняют функции средневекового святого, избавившего город от чумы. К восьми утра улицы безупречно чисты и готовы к очередному дневному бедламу.

Под древние арки входили дети со школьными ранцами. На них была голубая форма и широкие галстуки, как это принято у итальянской молодежи. Все они выглядели чистыми и здоровыми то ли благодаря жизни в средневековой атмосфере, то ли потому, что здесь выживали сильнейшие. Открылись маленькие магазины; на рыбных прилавках грудились странные разноцветные обитатели Адриатики. В сотнях дверей, открытых нараспашку, я видел женщин, занятых приготовлением завтрака — домашней пасты. Бари специализируется на изготовлении маленькой круглой пасты. Местные жители называют ее *рекьетеле* (*recchietelle*), а в других областях Италии — *ореккете*, то есть «ушки». Приготовив пасту, женщины выкладывают ушки на решетку и выставляют на свежий воздух — подсохнуть.

За три праздничных дня паломники меняют облик старого города. Они идут по узким улочкам то группами, то чередой, сжимая в руке посох и переговариваясь на разных диалектах Южной Италии. Житель Бари, чей говор приведет в недоумение римлянина или флорентинца, в свою очередь озадачится, услышав речь соотечественников из горных деревень Калабрии. До Первой мировой войны сюда на кораблях прибывали паломники из России, поскольку Николай является их святым покровителем. Перед последней войной паломники ехали и с Балканского полуострова. Сейчас в Бари можно встретить сотни албанцев, прижившихся в Италии, они приезжают из

албанских деревень с юга Италии. Во многих деревнях бывшие беженцы живут уже несколько столетий.

Я на глаз определял, кто из паломников приехал на автобусах, потому что эти люди несли с собой лишь ручную кладь. Те же, кто прошел традиционный тяжелый путь — пешком, по горным тропам, — были одеты в грубую одежду и тащили на себе всякую всячину — чашки, буханки хлеба, иногда наколотые на посохи, и непременно одеяло. Аккуратно скатанное одеяло у них перекинута через плечо и покоится в области поясицы. Некоторые паломники украшали свои посохи яркими перьями, а другие, как я уже говорил, имели при себе посохи из города Святого Ангела, с сосновой шишкой наверху. К посоху, украшенному цветными лентами, привязывали не ветку лещины, как это делали средневековые пилигримы, а зонтик, постоянный спутник южно-итальянского крестьянина.

Многие паломники приходили из нищих южных деревень. Среди них встречались молодые мужчины, они шли в поисках работы. Женщины в большинстве своем были одеты в толстые черные юбки. Некоторые накидывали на плечи черные вязаные шали, и все без исключения повязывали головы платками, завязанными либо под подбородком, либо на затылке. Я увидел группу женщин, сидевших кружком на тротуаре. Возможно, они были бедуинами. На их лицах я прочел покорность судьбе и меланхолию. Вокруг них стояли, опершись на посохи, другие, так же одетые, состарившиеся раньше времени — провалившиеся беззубые рты, тонкие губы, лица, изборожденные морщинами, за которыми читались годы лишений и нищеты.

Месса в церкви только что закончилась. В базилике было полно народу. Пилигримы, войдя в дверь, тут же падали на колени и, помогая себе посохами, медленно и мучительно ползли по нефу. Одну такую группу вела за собой девочка лет десяти в первом в своей жизни ритуальном платье. Она несла распятие, а за ней ковыляли взрослые родственники. Они следовали за ней, словно за маленьким ангелом, то и дело останавливались и утирали с глаз слезы.

Я заметил на ногах некоторых молодых и лучше одетых женщин нейлоновые чулки, тем не менее они без всякого промедления бухались на колени и ползли вместе с остальными. Должно быть, разодрали себе эти чулки в клочья.

Радостная сторона христианства обходила этих людей стороной. Казалось, что они предпочитают присоединиться к плачущей Марии возле креста, нежели к тем, кто стал свидетелем Воскрешения. Что испытывали сейчас старые крестьяне, страдающие от артрита и ревматизма, трудно было вообразить, но, возможно, они сосредоточились на муках святых и надеялись на прощение. Если кто-то из них вставал и, выпрямившись, делал несколько шагов, то тут же снова опускался на колени. Эта странная процессия прошла через толпу, словно собрание искалеченных карликов. Никогда еще я не видел такой массовой демонстрации унижения.

Мощи святого Николая находятся в красивой крипте базилики. Церковь была построена в 1087 году. Паломники чувствовали себя здесь рядом со святым угодником. Опираясь на посохи и заливаясь слезами, они ползли с узлами за спиной, а над ними поднимались древние своды, поддерживаемые многочисленными колоннами с романскими или византийскими капителями. Глаза крестьян искали серебряный алтарь, под которым лежит ковчег с мощами святого Николая. Говорят, что кости плавают в святой манне. Сейчас они торжественно и боязливо пропели литанию, и снова я успел уловить лишь имя — «святой Николай». Это была хвала, которую столетиями возносили святому. Я с ужасом увидел, что одна старая женщина распростерлась на полу и ползла вперед, облизывая языком камни. Ее дочери или, возможно, внучки шептали ей что-то на ухо, пытаясь отговорить ее от этого занятия, но она вошла в транс и то ли не слышала, то ли не обращала на детей внимания. Я был глубоко тронут. Подумал, что вряд ли когда-нибудь стану свидетелем такого средневекового зрелища. Хотя эти пилигримы не были похожи на просвещенных туристов из «Кентерберийских рассказов»,

такие преисполненные благоговения сцены были, должно быть, знакомым зрелищем во всех крупных европейских храмах.

Одним из немногих описаний Апулии, изложенным на английском языке, является тоненькая книжка Дженет Росс, опубликованная в 1889 году. Восемьдесят лет назад автор книжки стояла в церкви Святого Николая и видела пилигримов, ползущих по нефу и в крипту так же, как я видел их сейчас. Однако она стала свидетелем церемонии, которую я не видел. Миссис Росс писала:

«Священник, нагнувшись над отверстием в гробнице, принялся вычерпывать святую „манну“ и подавать ее прихожанам в маленьком серебряном ведре. Они ее пили. Жидкость, по рассказам, излечивала от многих болезней. Меня сопровождал в церковь один джентльмен из Бари.

Он хорошо знал архиепископа, поэтому священник подошел к нам и предложил мне святой манны. Приятель шепотом посоветовал отказаться, он сказал, что жидкость имеет тошнотворный вкус, напоминающий плохую смесь жженого сахара и воды. Поскольку до того, как откроются серебряные двери алтаря, нужно долго молиться, мы сослались на недостаток времени и пообещали прийти на следующий день».

Источник «манны» ныне уже недоступен, хотя сама жидкость есть повсюду. Мне говорили, что нет дома или учреждения в провинции Бари и ни единой рыбацкой хижины в порту, где не стоял бы маленький флакон со святой манной. Она продается паломникам в красивых маленьких бутылочках, по форме похожих на медицинские флаконы. С одной стороны на них вытеснен выпуклый рельеф головы святого Николая, а с другой — слова: «Базилика Святого Николая, Бари. Святая манна». Каждая бутылочка запечатана сургучом. «Манна» не имеет ни цвета, ни запаха, и вкус у нее как у обычной воды.

Мне дали позволение спуститься в крипту вместе с доминиканским монахом, после того как базилика закрылась, поэтому у меня была возможность заглянуть во все уголки этого важного здания. Монах сказал мне, что в

Бари есть легенда, будто в год ее открытия — в 1089 году — здесь прозвучала проповедь о Первом крестовом походе. Это случилось за шесть лет до того, как римский папа Урбан II поздней осенью 1095 года призвал французских рыцарей в Клермоне к крестовому походу против мусульман.

— Рассказывают, будто Петр Отшельник читал здесь проповедь перед папой Урбаном, — сказал он.

Я спросил, имеются ли подтверждения этой истории, но он не смог мне ничего сказать. Спустя несколько месяцев я наткнулся на так называемую легенду города Бари. Она была изложена Гийомом Тирским в его труде об истории крестовых походов. Автор был почти современником тех событий. Гийом пишет, что Петр, посетив Иерусалим в качестве паломника, пришел в ужас и от состояния святых мест, и от преследования христиан мусульманами. Он сел на корабль и поехал в Бари. При нем было письмо от патриарха Иерусалима к папе с просьбой о помощи. Доплыв до Бари, Петр узнал, что папа находится в окрестностях этого города, а стало быть, ему не надо ехать в Рим для того, чтобы доставить письмо патриарха. Поскольку известно, что папа дважды посещал Бари — в 1089 и 1098 годах, — и вторая дата слишком поздняя и с перемещениями Петра не совпадает, то возможно, что первое публичное обращение к христианам с призывом защитить святые места было произнесено при открытии этой крипты.

Петр Отшельник был маленького роста, хилого телосложения, тщедушный. Анна Комнина, видевшая его, говорит, что он был прозван *cuscipietto* или Маленьким Петром. Есть и другие отзывы, подтверждающие, что внешность и поведение были у него не героическими. Стивен Рансимен пишет: «Он был низеньким, смуглым, с длинным, худым лицом, напоминавшим морду осла, на котором сам постоянно ездил. Животное почитали почти так, как и его хозяина. Ноги у Петра были босыми, а одежда отвратительной. Он не ел ни хлеба, ни мяса, зато ел рыбу и пил вино. Несмотря на столь неблагоприятную внешность, он обладал властью поднимать людей».

Полагают, что родился он возле Амьена примерно в 1053 году. Должно быть, ему было за сорок, когда он повел за собой в Святые земли толпу невежественных крестьян. Некоторые ученые говорят, что их было от 15 до 20 тысяч. По пути большинство из них, конечно же, погибло. Петр с оставшимися присоединился к рыцарям первого крестового похода, хотя в дальнейших событиях заметной роли не играл.

После первого похода он пропал, а появился через много лет уже в старческом возрасте. Стал основателем небольшого монастыря возле Льежа, на правом берегу Мааса, возле города Юи. Когда в 1115 году он там скончался, то попросил из чувства смирения, чтобы похоронили его не в церкви, а снаружи, на кладбище. Хотя это было сделано, в следующем столетии кости его почтительно перенесли и захоронили в церкви под мраморной плитой. Один путешественник рассказал об этом в 1761 году, однако очень скоро французская революционная толпа разбила надгробие и выкинула кости отшельника.

4

Сидя среди избранных гостей на муниципальной трибуне, я ждал начала праздника святого Николая. Было уже темно. Напротив нас, через площадь, очищенную от толпы, возвышался благородный западный фронтон церкви Святого Николая. Фонари, освещавшие каждый камень, прогнали голубей, гнездившихся в круглых норманнских окнах и аркадах. Вдруг церковь снова погрузилась в темноту. Минуты ожидания облегчала суэта обслуживающего персонала, жестикуляция, драматические возгласы, предшествующие большинству итальянских мероприятий. Мужчины в серых костюмах с важным видом говорили что-то в микрофоны, проверяя их работу, электрики появлялись в неожиданных местах (я вдруг увидел их белые лица на крыше церкви и подумал, что они похожи на убегающих воров). Они включали и выключали

золотистый свет и вносили предпоследние усовершенствования со скепсисом, свойственным всем техникам, обслуживающим вверенное им оборудование. В момент очередного включения электричества появился беспризорный пес. У него был вид вернувшегося путешественника, огорченного изменениями, происшедшими за время его отсутствия. Он прошел мимо старинной решетки, вежливо задрал ногу, смирясь с ситуацией, и оглянулся по сторонам, словно надеясь, что его пригласят принять участие в ожидаемом событии. Командир карабинеров — *Maresciallo dei Carabinieri*, — увидев мэра, подошедшего к трибуне с супругой и дочерьми, поднес руку в белой перчатке к своей наполеоновской шляпе. Церемониймейстер, неожиданно встретившись лицом к лицу с архиепископом, упал на одно колено и поцеловал ему кольцо, после чего отвел его на место. В ночи печально пропел корабельный гудок, и мои мысли невольно обратились к Море и благочестивому похищению, которое мы все готовы были отпраздновать.

Западный фронтон церкви, теперь уже ярко освещенный, представлял собой великолепное зрелище. Распахнулись двери, и я обнаружил, что сижу на очень удачном месте: отсюда мне был виден неф до самой апсиды и киворий — замечательная особенность апулийских церквей. Это — каменный шатер над алтарем. Он покоится на четырех мраморных колоннах, а сверху на нем — аркада из миниатюрных колонн, иной раз в два этажа. Похоже, в XI веке это стало возрождением античной архитектуры. Киворий в церкви Святого Николая заставляет вспомнить такие же сооружения в римских храмах Святого Климента, Святой Агаты и Сан-Джорджо-ин-Велабро, хотя мне кажется, что здешний алтарный навес самый грациозный. Священник, стоящий под киворием, обычно обращен лицом к пастве, как и римский папа, служащий мессу в соборе Святого Петра.

В ожидании начала слушали торжественную музыку, впрочем, она тут же оборвалась, когда мощный взволнованный голос начал рассказывать историю

появления святого в Бари. В отдалении был слышен шум толпы. Это означало появление процессии. На площадь вошли барабанщики в средневековых костюмах, за ними — герольды. Затем на площадь выступили знаменосцы, они размахивали цветными флагами, подбрасывали их, пропускали между ног и кидали вверх чуть ли не до фонарей, после чего ловко ловили. И наконец, в окружении факелоносцев, на площадь явилась каравелла. Ее тащили люди, наряженные матросами. Это был декоративный корабль античного вида, и на нем стояла большая обрамленная картина с изображением святого Николая. С появлением на площади корабля дружно грянули «аллилуйя», и доминиканский приор, в сопровождении монахов, вышел встретить изображение святого. Моряки в форме с капюшонами, напоминавшие скорее Робин Гуда с разбойниками, осторожно спустили образ и подали его двум доминиканцам. Монахи с опахалами из страусовых перьев выстроились рядом с образом и во главе с приором медленно поднялись по ступеням в церковь под звон колоколов.

На обратном пути в гостиницу я затесался в толпу норманнских лучников, знаменосцев и лохматых юнцов с топорами или горящими факелами. На побережье раскинулась шумная ярмарка. Торговцы предлагали кучу товаров. Тут под ярким электрическим освещением можно было приобрести амулет от дурного глаза, детскую погремушку из имитирующей коралл пластмассы, ботинки, картинку с изображением святого Николая, тарелку с горячим спагетти, нейлоновые чулки, шляпы, пальто и, конечно же, кусок жареной свинины — все это на пространстве в несколько ярдов. Из репродукторов, установленных на фургонах, неслась зазывная реклама — четверо или пятеро мужских голосов старались перекрычать друг друга. Есть мнение, что испанцы — любители самой шумной рекламы, но итальянцы ничуть им не уступают, а возможно, и превосходят.

Поведение паломников тоже изменилось. Мрачные старые женщины теперь пели под аккордеон и хлопали в

ладоши. На морщинистых лицах сияли старые глаза. Особенно выделялась одна веселая группа. Мужчина играл на губной гармонике. Возле него образовался кружок. Люди танцевали и щелкали пальцами. Возможно, эта джига называется у них тарантеллой. Веселая песня сменилась арабской мелодией. Никто не смог мне объяснить, откуда пришли эти люди и что они пели. Кто-то предположил, что, возможно, они из Неаполя, другой человек думал, что из Калабрии.

Когда я вернулся в гостиницу, мне показалось, что отель находится в миллионе миль от только что виденных мною сцен. Бизнесмены с кейсами (в Италии это — символ коммерсанта) просили соединить их с Миланом.

5

Статуя святого Николая в натуральную величину создана и окрашена способным скульптором XVII века. Мы видим перед собой милосердного бородатого человека с нимбом над головой, с епископским посохом в одной руке и с книгой в другой. На книге три золотых шара — напоминание о трех мешках с золотом, которым, как говорят, святой, возможно, к изумлению психолога, спас трех девиц от греховной жизни. Эту статую и носят в Бари раз в год, после чего отправляют на день в море в рыбацкой лодке.

На следующий день я чуть свет отправился к молу Святого Николая, чтобы выбрать место, с которого можно будет хорошенько разглядеть отправление лодки. Явился так рано, что на волнорезе стояло лишь несколько рыбаков да группа карабинеров в парадной форме. Они держали под мышками головные уборы, курили сигареты и шутили. Утро выдалось прекрасное. За старой гаванью распростерлась изумрудная гладь Адриатики, и на ее фоне дома сверкали ослепительной белизной, характерной для прибрежных городов. Плоские крыши, узкие улочки, террасы, похожие на

театральные ложи, купола, стройные башни, а иногда даже пальма напоминали мне о морских портах Северной Африки.

Я спросил у полицейского, зачем в гавани стоит итальянский военный корабль. Он сказал, что моряки, так же как и рыбаки, образуют почетный караул в честь святого Николая, и я подумал, что это вполне уместно, так как он является святым покровителем и тех и других. Долгое ожидание скрасило то, что один из рыбаков поймал при мне огромного осьминога. Морское чудовище обвило рыбаку щупальцами ногу, и моему воображению явился Лаокоон. За этой борьбой наблюдали также девочки ангельского вида, впервые надевшие ритуальные платья для обряда посвящения. Каждый ребенок держал молитвенник, обернутый в белую бумагу, и с запястья каждой девочки свешивался крошечный аккуратный носовой платок. Две монахини, пришедшие с ними, не меньше детей разглядывали осьминога, и выражения всех лиц, восклицания, маленькие руки в кружевных митенках, вскинутые к губам, — на все это было так приятно смотреть. Карабинеры подошли и предложили «Лаокоону» шпагу. На молу стала собираться элита Бари. В отдалении зазвенели колокола: святой Николай направлялся к берегу.

Я встал в огороженном месте, в нескольких шагах от пришвартованной к причалу разукрашенной баржи. Она должна была доставить статую святого на рыбацью лодку. Офицеров гарнизона, мэра, членов муниципального совета, адвокатов, врачей, их жен и детей проводили на отведенные им места. Я удивлялся, почему огороженный участок, на котором я стоял, остается свободным, и вскоре узнал, что он стал сценой для трансформации, совершающейся в последнюю минуту, — типичная черта итальянских церемоний. Все слушали звуки приближающегося оркестра, и вдруг толпа важных персон расступилась: к ней подкатил маленький фургон, из которого неторопливо вышли трое рабочих. Они выгрузили массивный, красный с золотом, барочный трон, две позолоченные скамеечки и неприглядный старый кухонный стол на хлипких ножках. Эти разномастные предметы

поставили на огороженном участке, один подле другого, и через несколько минут мужчины, разодетые в костюмы с вышивкой и кружевами, преобразовали старый стол в алтарь и поставили на него четыре массивных подсвечника. Разложили на каменных плитах богатый ковер и возвели за алтарем красный задник. Так же не спеша уселись в машину и уехали. Почти в ту же секунду появился архиепископ. Его препроводили к золотому трону, стоящему на богато украшенном месте (а ведь всего несколько минут назад этот участок больше смахивал на загон для скота!).

Когда голова процессии приблизилась к волнорезу, тысячи пилигримов, сжимая посохи с набалдашниками из сосновой шишки, выстроились с обеих сторон, распевая хвалебные гимны святому Николаю. Под влиянием сильных эмоций многие захотели выступить с речами. Им предоставили микрофон, на присутствующих излился усиленный громкоговорителями поток слов с выражением хвалы и покаяния. В речи итальянских крестьян не было ни малейшей скованности и косноязычия. Некоторые из них, хватая микрофон, старались удержать его у себя как можно дольше и отдавали его следующему оратору только после некоторой борьбы. Не знаю, готовились ли эти красноречивые высказывания во время долгого пути в Бари или рождались мгновенно. В любом случае, красноречие — врожденное качество итальянца.

Святой вошел в узкий проход. С высокого паланкина смотрел на толпу. Мы видели, как солнце позолотило его нимб. Святой двигался, слегка подрагивая. Казалось, он кивает то одной, то другой стороне. Его сопровождали доминиканцы и люди в белых саккосах,^[20] державшие на позолоченных шестах тугие букеты красных и белых гвоздик — геральдических цветов Бари. Эти же цвета повторялись в костюмах XVIII века двух знаменосцев. Один нес знамя области, другой — белое с красным знамя Бари. На знаменосцах были белые кафтаны, красные бриджи и белые чулки.

Процессия остановилась в нескольких ярдах от трона, и архиепископ, в золотой митре и золотой мантии, вышел

вперед встретить святого и провести его на причал. Статую плавно и ловко перенесли на баржу. Архиепископ и знатные особы заняли места вокруг него, и под пение пилигримов, выстрелы ракет, взметнувшихся в залитое солнцем небо, и гул корабельных сирен святой Николай на старой барже двинулся к рыбацкой лодке. Лодка сверкала свежей краской, на корме был установлен алтарь. Святого перенесли на него, и там он должен был оставаться до наступления темноты. Немедленно с визитом к нему направилась лодочная флотилия, и так продолжалось весь день. Тот, кто стоял на берегу, видел святого с епископским жезлом в руке. Он стоял, повернувшись лицом к Бари, словно благословляя город. Пробудились старые воспоминания, и люди всех сословий столпились в гавани либо вышли на лодках повидать своего патрона. Как все это было по-итальянски: в самые эмоциональные моменты церемонии в небе появился самолет, которому разрешено было, пролетая, рекламировать пиво.

Прибытие святого вечером происходило еще более торжественно. Николай появился под аккомпанемент фейерверков. Небо усеяли падающие звезды. Святого пронесли по ярко освещенному Старому городу, и под приветственные крики святой Николай Мирликийский прошел по улицам приютившего его города.

6

Во время моего пребывания в Бари я с нетерпением ждал наступления каждого воскресенья. В этот день я посещал на волнорезе рыбные прилавки. Их там бывало от двадцати до тридцати штук. Разнообразие морских продуктов поражало, в особенности великолепные устрицы по шесть шиллингов за дюжину. Их можно было унести с собой либо съесть под одним из шатров, где стояли столы и стулья.

Когда я вошел в один из таких шатров и заказал дюжину устриц, рыбак поставил на стол ведро, из которого он

вынимал устрицы и, ловко вскрывая их одним движением ножа, подавал мне одну за другой. Гурманы считают, что это — лучший способ поедания устриц. Обслуживая меня, рыбак рассказал, что устрицы выловлены не в Адриатическом, а в Ионическом море, в знаменитом заливе Таранто.

Так же хороши были съедобные моллюски, мидии и морские ежи. По словам римского гурмана Апиция, римляне готовили морских ежей множеством способов, но я ел ежей только в сыром виде, сразу после того как их вынули из воды. Крошечные съедобные сегменты икры цвета шафрана, когда мне выпадала удача ее есть, напоминали мне по вкусу обезвоженный озон. Я не знаю другого морепродукта, который заключал бы в себе столь мощный запах океана. Английского гурмэ привлекают еще более заманчивые, твердые, точно камень, *tartufi di mare* — морские трюфели, — которые, к сожалению, насытившись устрицами и моллюсками, я не попробовал. Элизабет Дэвид — перед ней преклоняют колена все гурманы — говорит, что «обычно их поедают сырыми, и это очень хорошо». Ни разу не пробовал я и *datteri di mare* — морские финики, которые и в самом деле внешне похожи на эти плоды, зато отважился съесть *cannolicchi* — двустворчатый моллюск, похожий на червяка длиной в три дюйма. Он живет в красивой серой раковине, похожей на карандаш. И все же охватывает беспокойство, когда кладешь в рот нечто живое.

Великолепное зрелище представляют собой лежащие на прилавках крабы, речные раки, креветки, каракатицы и осьминоги. Никогда еще не встречал я столь дешевых морепродукты. В воскресенье на завтрак я обычно просил официанта принести мне несколько кусков хлеба с маслом. Отправляясь на берег, брал этот хлеб с собой, поскольку никаких предметов из мира цивилизации рыбаки не предлагали. Даже вилку. Приятно было устроить себе ланч, медленно прогуливаясь от одного прилавка к другому, выбирая в одном месте несколько морских ежей, в другом — устрицы или мидии. Впрочем, хочу предупредить читателя, оказавшегося в Бари вот в такое приятное утро: не

перенимайте слепо мое поведение, посоветуйтесь прежде с внушающим доверие местным жителем. Такие моменты, однако, оставляют незабываемые воспоминания о Бари. В нескольких ярдах от темной Адриатики, лениво лижущей волнорез, слышатся гулкие шлепки: это рыбаки колотят камнями осьминогов, чтобы те стали нежнее.

Продолжение труда на протяжении многих столетий всегда впечатляет, и я иногда размышляю о двух родах деятельности, которые пережили империи. Это — уличные рынки и рыбные прилавки. Когда Гораций со своим богатым другом Меценатом путешествовал по Виа Аппиа от Рима и до Брундизия (ныне Бриндизи), они проходили через Бари (тогда Бариум) и, возможно, задержались здесь. Описывая путешествие, Гораций не мог придумать лучшего описания Бари, чем «Барий, рыбой обильный». Прогуливаясь мимо рыбных прилавков воскресным утром, я думал, что Гораций и Меценат, возможно, делали то же самое и видели такое же разнообразие моллюсков, выловленных такими же невысокими, темноволосыми, просоленными насквозь рыбаками.

7

Некоторые издатели «Цветочков святого Франциска» выпускают эпизод встречи святого с проституткой, по-видимому, из этических соображений. История такова: в 1219 году, во время пятого крестового похода, святой Франциск находился в Святой Земле. Он остановился на постоялом дворе, где молодая женщина предложила ему разделить с ней постель. «Да, я хочу», — сказал святой и пошел за молодой женщиной в спальню, где в очаге горел большой огонь. Франциск разделся и, улегшись у самого пламени, пригласил девушку сделать то же самое. Святой весело лежал возле пылающих красных языков, однако не только не обжегся, у него даже кожа не покраснела. Девушка испугалась и, как рассказывает легенда, пожалела о своих греховных намерениях.

Какая глупая история! Ну зачем ее вставлять в «Цветочки»? Она не настолько изящна, чтобы стать аллегорией. Нет в ней и поворотов сюжета, помогающих создать увлекательный рассказ или вывести мораль. Этот инцидент выбивается из общего настроя, однако по этой же причине интересный. Это из разряда рассказов, когда правдивая история может быть извращена. Я часто думал, что на самом деле произошло между святым Франциском и девушкой. Никогда не ожидал, что найду ответ в Бари, потому что не подозревал, что святой Франциск вообще бывал в этом городе.

В одно прекрасное утро я пошел в замок на краю Старого города. Огромная крепость, окруженная рвом, ныне превратилась в сад. Сначала ее строили норманны, потом территорию расширил Фридрих II, в последующие периоды ее довели до нынешнего состояния. В стародавние времена волны омывали крепостные стены, но сейчас от моря их отделяет широкая улица. Возле ворот я заплатил за вход. Слева от меня высились старинные стены, очевидно, сохранившиеся от старого замка. На глаза попалось объявление, прикрепленное к этой стене. Я прочел, что замок Бари был тем самым местом, где святого Франциска соблазняла молодая женщина.

Я обнаружил, что все жители Бари слышали о том, что святой Франциск приезжал сюда из Святой Земли в 1220 году. Бари тогда был одним из портов, которые использовали крестоносцы. В том году Фридриху II было двадцать шесть лет. В замке Бари он держал свой двор. В окружение Фридриха, как всегда, входили сарацины, астрологи, ученые, танцовщицы, соколы, леопарды и, конечно же, знаменитый слон. Рассказывают, что Фридрих, желая проверить добродетель святого, обручившегося с леди Нищетой и проповедовавшего целомудрие, пригласил его в замок. Он хотел провести в спальню святого красивую девушку, с тем чтобы она соблазнила Франциска. Фридрих специально проделал в стене отверстие, чтобы тайком подглядывать за этой сценой. Святому Франциску в то время было тридцать восемь лет. Он отверг

соблазнительницу точно так, как рассказывает легенда, пылающими в камине углями. Фридрих был так восхищен этим, что остаток ночи провел в разговорах со святым.

Этот рассказ звучит правдиво и согласуется с хитрыми уловками Фридриха II, любившего испытывать людей. Точно так он пытал своего математика, почти легендарного Майкла Скотта, — попросил измерить расстояние от верхушки башни до неба, после чего приказал рабочим потихоньку опустить башню, и снова попросил Скотта проверить измерения. Когда обнаружил, что вторая длина оказалась чуть выше первой, пришел в восторг, как и в случае со святым Франциском.

Святой умер через шесть лет после предполагаемой встречи с императором, и кого надо было послать в Ассизи для возведения там церкви (в ней и сейчас покоятся останки святого Франциска), как не императорского архитектора, немца Якоба. Зодчий осел в Италии, женился (получил имя Лапо) и удостоился пера Вазари, хотя биография его изложена не слишком точно. Интересно, что после смерти святого Франциска император подружился с братом Илией, очень земным францисканцем. Про него говорили, что он сделал леди Ницету богатой. Жаль, что не существует записи бесед этих людей: наверняка они часто заводили разговор о «маленьком бедном человеке из Ассизи».

Замок Бари отличается от других замков Апулии тем, что в нем некогда находилась резиденция ренессансного двора. Это был двор Боны, королевы Польши и последней герцогини Бари. Она умерла там в 1558 году, а похоронили ее в базилике Святого Николая. Гробница помещается в апсиде здания, неуместно близко к киворию. Усопшая королева, со сладким выражением на лице, преклоняет колена перед собственным саркофагом из черного мрамора. Ее охраняют две стоящие в нишах фигуры. Это — скульптуры святого Казимира и святого Станислава, впрочем на святых они мало похожи. При взгляде на Бону невольно вспоминается Милан, великие дни Лодовико Сфорца по прозвищу Мора и его очаровательной юной жены Беатриче д'Эсте. Матерью Боны была Изабелла Арагонская,

герцогиня и жена слабого и больного шестого герцога Милана Джангалеаццо Сфорца. Не было никогда доказано, что Лодовико отравил племянника, чтобы сделаться седьмым герцогом, но как бы то ни было, смещенная Изабелла быстро приобрела репутацию самой несчастной и обиженной вдовы на свете. Она подписывала письма того периода как «Изабелла Арагонская, уникальная в своих несчастьях». Но обычному человеку несчастья высокомерной ренессансной герцогини вряд ли покажутся такими уж невыносимыми. Если она и в самом деле верила в то, что ее муж умер от яда, то могла почувствовать себя удовлетворенной, когда французы захватили Милан и приговорили Лодовико к пожизненному заключению. В правах герцогини Изабеллу не восстановили. Двоих ее сыновей по политическим причинам направили во Францию, а сама она покинула Ломбардию и с двумя юными дочками приехала в Бари. Она стала герцогиней Бари, и жители приняли ее с распростертыми объятиями.

Она полностью посвятила себя образованию дочерей. Бона была грациозной, красивой и очень умной девочкой. Она впитала в себя интеллектуальную атмосферу миланского двора, а потому в старом замке Бари всегда были рады художникам, музыкантам и писателям. В пятнадцать лет Бона вышла замуж за пятидесятилетнего короля Польши Сигизмунда I, внешне настоящего Геркулеса. Как и большинство гигантов, он отличался мягкостью и добротой. Подробности прощального вечера Боны сохранились в дневнике Джулиано Пассеро. Он писал, что мероприятие продолжалось девять часов. На Боне было платье из голубого венецианского шелка, усеянное пчелами из битого золота, на голове шапочка, расшитая драгоценными камнями и жемчугом.

Пожилой муж был в восторге от юной жены. Примечательно, что такие союзы нередко оказываются удачными. Школьницы оказывались способны к контролю и даже к управлению свирепыми старыми мужьями. Что-то в этом роде произошло и в Польше. Сигизмунд и Бона находились у трона в течение тридцати лет. Король умер в

возрасте восьмидесяти одного года. Сначала Бону очень любили, но с годами любовь перешла в неприязнь. Произошло это из-за ее алчности, жажды к обогащению за счет государственной казны. Говорят также, что она постоянно вмешивалась в политические и внутренние дела государства. Возможно, пожилой муж предоставил ей слишком много свободы. Этого бы не произошло, будь он помоложе, но Сигизмунд старел, и, хотя внешне он был все так же монументален, характер его сделался апатичным. Он потерял интерес к делам, не желал видеть перед собой новый мир и новых людей. Бона родила ему сына-наследника и четырех дочерей, но ее репутация была такой, что, когда жена ее сына, Барбара Радзивилл, умерла через три дня после коронации, все тут же решили, что ее отравила свекровь.

Можно понять, почему Бона — в дополнение к титулу вдовствующей королевы Польши она была и герцогиней Бари — решила вернуться в Италию. Она перевезла свой двор в старый замок Бари, и он снова сделался местом блестящих интеллектуальных встреч, как было во времена ее юности. Это эхо великого двора Милана, как и при последних Сфорца, длилось десять лет, пока королева-герцогиня не скончалась в возрасте шестидесяти пяти лет.

Вот такая история стоит за погребальным памятником королеве Польши, чье присутствие здесь может озадачить туриста, увидевшего его в апсиде церкви Святого Николая.

8

В Бари я пришел в восторг от музея, забитого от пола до потолка черно-красной фигурной керамикой, произведенной за шесть-пять столетий до Рождества Христова. Меня привел туда археолог. Он нелепо извинялся передо мной за здание, имитацию ренессансного дворца, в то время как мне оно понравилось, заставляя вспомнить о библиотеке Ватикана. Очевидно, он считал его старомодным и недостойным Бари. Сказал, что вскоре здесь будет построен

современный музей, и все экспонаты будут представлены в лучшем виде.

Однако меня устраивал и этот старый музей. Я впервые увидел коллекцию «Великая Греция». От тех веков, когда Афины и Спарта были еще молодыми, а Рим еще не родился, шел яркий свет. Вазы, оружие, детские игрушки, куклы, грациозные маленькие цветные статуэтки были обнаружены на местах захоронений тех прибрежных городов Южной Италии и Сицилии, которые были колонизированы выходцами из Древней Греции.

Мой спутник объяснил, что большая часть раскрашенной керамики была изготовлена в этих краях, за несколько сот лет до новой эры, хотя некоторые изделия импортированы. Он сказал, что на юге я увижу много керамических изделий, выполненных в античной манере современными гончарами. Огромное количество греческой керамики в музеях Южной Италии известно лишь нескольким специалистам, а работа по классификации и занесению в каталоги ваз и картин едва началась.

Люди, жившие много веков назад в прибрежных греческих городах, очень любили маленькие раскрашенные терракотовые статуэтки. Их называют танагрскими. Фигурки запечатлели мужчин и женщин в естественных позах. Женщины танцуют или играют в бабки или позируют в модных в то время одеждах. Мужские фигурки часто гротескные, иногда это — комические или трагические актеры.

Мне интересно было увидеть греческое оружие, прекрасно сохранившееся в земле Апулии. Бронзовый нагрудник кирасы использовался в Греции и перешел от Греции Риму. Я заметил, что у некоторых шлемов есть наносники, похожие на те, что использовались норманнами, а после долгого временного интервала — конницей Кромвеля. Увидел я и отличную коллекцию серебряных греческих монет, среди них попадались такие, красивее которых я ранее ничего не встречал. И все же больше всего меня тянуло в коридоры, заставленные вазами. Рассматривал богов, героев и обыкновенных женщин и

мужчин, которых неизвестный художник видел в порту две тысячи лет назад.

Глава четвертая. Вдоль побережья Адриатики

Норманнские соборы Апулии. — Отвиль. — Норманнские рыцари Сицилии. — Норманны в Англии и в Италии. — Свадебные посольства. — Поле боя в Каннах. — «Дисфида» из Барлетты. — Бронзовый император Фридрих II, «Поражающий Вселенную». — Его замок дель Монте. — Его книга о птицах и соколиной охоте. — Его похороны.

1

Я не знаю более романтического побережья, чем в Апулии. За многие сотни лет солнце выбелило местный песчаник так, что он стал похож на мел. На пятьдесят миль, в любую сторону от Бари, протянулась череда маленьких морских портов и рыбацких деревень, причем в каждом таком селении имеется свой норманнский массивный замок — иногда обновленный Гогенштауфенами или представителями Анжуйской династии — и лабиринт узких улиц, в некоторых случаях таких восточных на вид, что может показаться, будто ты в Марокко. Но больше всего мне запомнился ослепительный свет и, разумеется, изумрудное Адриатическое море, переходящее в оттенок, который Гомер назвал «винно-темным».

Нигде в Европе вы не найдете столько норманнских соборов, стоящих рядом друг с другом. Возможно, педант упрекнет меня в том, что я называю их норманнскими, а не апулийско-романскими. На это я смогу лишь сказать, что темные и торжественные нефы, с их округлыми арками, резные массивные двери, изящные аркады и сотня других деталей исключительно норманнского происхождения. Трудно сказать, какой из этих соборов самый интересный, но возможность пройти пешком от одного здания к другому

побуждает не однажды посетить их и сделать сравнение. В десяти милях от Бари находится собор Джовинаццо, построенный в 1283 году. Еще две мили, и вы уже в прекрасной Молфетте. В воде отражается белый собор с тремя куполами и двумя колокольнями. Восемь миль — и вас приветствует Бишелье с собором XII века. Не поленитесь, преодолите еще пять миль — вы увидите собор Трани (1096) и наверняка залюбуетесь его великолепными бронзовыми дверями. Как и Молфетта, он стоит рядом с морем. Тот, кто проедет еще десять миль, окажется в прибрежном городе Барлетта. Здешний собор возвели в 1139 году. А ведь отсюда до Бари каких-то тридцать пять миль.

Если, возвращаясь в Бари, сделать крюк и отъехать на восемь миль в глубь материка, можно увидеть место, где проходила битва при Каннах, и могилу крестоносца Боэмунда, покорившего Антиохию в 1098 году. Проедете еще двенадцать миль — попадете в Андрию. В соборе этого города похоронена английская жена Фридриха II. Затем ваш путь лежит в Руво-ди-Пулья с норманнским собором, еще двенадцать миль — и вот вы уже с восхищением разглядываете изысканный собор Битонто (построен в 1200 году). Ну, а теперь — в Бари.

Не могу представить другого столь маленького пространства, которое представляло бы такой интерес для историка и в особенности для архитектора. Апулийские соборы и церкви — относительно неизвестная глава в истории норманнской архитектуры, и вряд ли что-нибудь о них написано. Они остаются в восхитительной тени; в маленьких бухтах жизнь идет своим чередом; раз в неделю возле соборов шумят уличные базары. Это — самое красивое воспоминание о норманнах, некогда завоевавших Южную Италию.

Думаю, только в Англии и Южной Италии норманнское завоевание стало существенной частью исторического процесса. Но юные итальянцы и английские дети читают о двух разных завоеваниях. В Англии феодальная армия под командованием герцога высадилась на остров и захватила

страну после одного сражения. В Италию норманны являлись поодиночке, продавали свои услуги тому, кто больше заплатит, и постепенно, в течение долгого времени, брали власть над своими хозяевами и в конце концов стали контролировать всю страну.

Норманны напоминают людей, к которым чувствуешь... Нет, неприязнь — слишком сильное слово... Скорее, инстинктивное неприятие. В ряду их пороков можно назвать алчность и жестокость, а в числе достоинств — исключительную физическую доблесть. К этому можно добавить дисциплину и преданность руководителю. В отличие от них, англосаксы, несмотря на присущую им меланхолию, были приятными, поэтичными людьми, работающими на земле, в то время как ломбардцы, византийцы и сарацины, кому в Италии противостояли норманны, являлись продуктом более высокой цивилизации. Норманны — надо отдать им должное — были бесстрашными солдатами, смелыми политиками и хорошими администраторами. Но почему их нельзя любить?

Вероятно, потому, что они были невероятно жестоки. Возможно, ужас, с которым связано у нас слово «темница», происходит со времен завоевания Англии, когда появились мрачные рассказы о судьбе людей, которых чужеземцы забрали с собой в стоявшие на горах замки. С тех пор их никто не видел. Английский монах, Одерик Виталий, хроникер XII века, походя упоминает рыцаря по имени Уильям Фицджеральд. Его любезно пригласили на свадьбу и прямо на пиршестве «без какой-либо причины и обвинения лишили глаз, гениталий и верхней части ушей». Был один норманн: рассердившись на жену, он приказал ей надеть свадебное платье, после чего привязал к столбу и сжег. Тот же человек имел привычку унижать сыновей: предварительно взнуздав их, как лошадей, отец заставлял детей ползать на четвереньках. Это были не действия нескольких маньяков или садистов, о зверствах норманнов можно долго рассказывать. Во время войны они сжигали целые поселения, уничтожали посевы и скот. Об этом

свидетельствуют их «набеги на Север» в Англии и голодомор, устроенный армией норманнов в Калабрии.

Рассказ о норманнском завоевании Южной Италии хорошо изложен Гиббоном, и это, возможно, расхолодило последующих английских авторов, за исключением Джона Джулиуса Нориджа, чья книга «Норманны на Юге» посвящена исключительно этой теме. Лорд Норидж распутал клубок свидетельств современников и дал жизнь персонажам, которые до сих пор казались темными и загадочными. Его книгу непременно должен прочитать всякий, кто с познавательной целью выезжает к югу от Рима. Главными персонажами времен завоевания стали члены семьи, о которой я уже упоминал, — Отвили. Отец, Танк-ред де Отвиль, был скромным рыцарем. У него имелось феодальное поместье примерно в восьми милях от Кутанса, к югу от Шербура, на приятном полуострове Котентан, чья западная сторона обращена к острову Джерси. У Отвиля от двух браков имелось двенадцать сыновей и несколько Дочерей. Пятерых сыновей от первого брака звали: Гийом (известен под прозвищем Железная Рука), Дрого, Хамфри, Джеффри и Серло. От второго брака у Танкреда родилось семеро сыновей: Роберт (известен как Гвискар, или Хитроумный), Може, Гийом, Обри, Танкред, Умберт и самый младший, ставший по воле судьбы самым известным, — Роджер. Маленький замок, в котором выросло это шумное семейство, вскоре стал слишком тесным для них, и, по словам хрониста Одерика Виталия, который жил при последних Отвилях, отец передал поместье своему четвертому сыну, Джеффри, а остальным сказал, что «с помощью храбрости и талантов они должны заработать себе на жизнь за пределами родной земли».

Живи Отвили в 1066 году, вместо 1036-го, то, без сомнения, их храбрость и таланты с успехом были бы приложены в завоевании Англии, однако в 1036 году Вильгельму Завоевателю было лишь девять лет. Амбициозные молодые норманны грезили о поиске своей фортуны в Испании, в сражениях с маврами или в более тяжелых сражениях на юге Италии. Норманны прославились

в Италии как смелые воины, и в течение десяти лет город Аверса являлся норманнским городом. Туда устремлялись норманнские наемники, и потому трое старших Отвилей в 1036 году отправились в Аверсу в поисках счастья.

Никто из тех, кто провожал первых трех братьев в дорогу, и предположить не мог, как отметит их судьба. Фортуна, обычно столь капризная, благоволила не только тем троим, но и младшим членам семейства Отвилей: они сделали герцогами и королями.

Дрого и Хамфри приехали в Аверсу в 1035 году и тотчас смекнули, что политическая ситуация сложилась для них чрезвычайно удачно. Солдата-наемника ожидала куда большая награда, чем в какое-либо другое время, вплоть до Ренессанса. Престиж норманна как воина стоял так высоко, что ломбардцы, византийцы и местная знать буквально дрались за эмигрантов. Отвилям выпала масса возможностей для хитроумных маневров, в которых норманны особенно искусны. Однако такими уж паладинами, какими воображают их современные исследователи, они вряд ли все были. Вероятно, что и норманнское завоевание Южной Италии не было столь трудной военной операцией, как это можно себе представить. Местный ландшафт был тяжелый, да и сарацины не из легкого десятка, однако хорошо тренированный норманнский кавалерист способен был одолеть несколько византийцев и ломбардцев. Норманнская военная база в Аверсе, находившаяся к северу от Неаполя, была создана норманном Райнульфом за двадцать лет до появления там Отвилей. Райнульф был еще жив. Должно быть, он с радостью принял троих столь искусных рекрутов. Норманны не были высоким народом, но древние авторитеты постоянно подчеркивают рост Отвилей, создавая тем самым впечатление о семье великанов. Возможно, это было лестью, поскольку маленьким мужчинам нравится, когда их называют высокими. Впрочем, Анна Комнина, у которой не было причины для лести, тоже отметила рост Роберта Гвискара.

Первой экспедицией, в которой отличились братья, стала атака на сарацин в Сицилии. Во время этой кампании Гийом и получил прозвище, под которым впоследствии стал известен, — Fer-de-Bras Железная Рука. Он отправился верхом в одиночку и зарубил знатного воина-сарацина. За десять лет пребывания в Италии братья сделались знамениты и богаты. Когда Райнульф скончался, его место занял Железная Рука, Дрого сделался графом Апулии, а Хамфри стал графом Лавелло. Обстоятельства смерти Гийома, случившейся в 1046 году, остались неизвестны. Дрого наследовал брату.

Можно вообразить, что после историй, ходивших по Нормандии, много беспокойных и амбициозных молодых людей стали думать об Италии. Семья Отвилей, должно быть, гордилась братьями. Интересно бы увидеть их переписку, но, к сожалению, наше желание неосуществимо. Печально, однако, что братская любовь в больших семьях, бывает, дает осечку. Более того, ненависть между братьями приобретает особенно жестокий характер: она подпитывается жгучими воспоминаниями о детских обидах, ревности и несправедливости. Возможно, что и в семье Отвилей было что-то подобное, поскольку занявшие прочное положение братья не часто приветствовали появление младших родственников. Когда старший сын от второго брака, Роберт, позднее прозванный Гвискарором — самый свирепый из семейства, — явился в Италию, Гийом только что умер, и делами заправлял Дрого. Он не только отказал в помощи своему юному сводному брату, но и послал его в малярийный район Калабрии охранять горные проходы. Роберту это не понравилось. Разве для этого он явился в Италию? У него совсем не было денег, а брат отказался ему помочь. Поэтому он сделал то, что сделал бы на его месте в то время любой нормандец: захватил в горах крепость и стал феодалом-разбойником. Из своего замка в Сан-Марко-Арджентано он командовал бандой головорезов, сжигал фермы, монастыри и церкви, уничтожал посевы, угонял скот и сделался проклятием этих мест. Его хитрость заключалась в том, что он начинал жечь зерно, виноградники, дом,

церковь или монастырь, но тотчас гасил огонь, когда ему приносили золото. Документы того времени пестрят описанием его подвигов, среди которых были даже и фальшивые похороны (у гроба, доверху заполненного мечами, сидели плакальщики, в подходящий момент бросавшиеся в атаку). Впрочем, удивительно, что в Калабрии кто-то мог попасться на такой трюк. Брат Аматус из монастыря Монте-Кассино вел хронику событий. Он составил перечень злодеяний Роберта, записывал количество ослов, племенных кобыл и откормленных свиней, которых украл, заметив при этом, что не жалел даже крестьян: отбирал у них хлеб и вино. Странно поэтому, что Роберт ничуть не разбогател и даже похудел. Во время посещения Апулии, возможно, пытаясь вытянуть из Дрого деньги, он встретил земляка по имени Жирар, который — как пишет хроникер — первый назвал его Гвискаром. «Эй, Гвискар, — сказал Жирар, — что ты мыкаешься? Послушай меня, женись на моей тетке, сестре моего отца, а я стану твоим рыцарем и пойду с тобой покорять Калабрию. Я приведу тебе двести всадников». Роберт послушал его совета и женился на тете. Звали ее Альберада, и она прославилась тем, что произвела на свет великого крестоносца, Боэмунда Антиохского. Должно быть, замуж она вышла совсем юной, потому что, согласно документам, после родов она жила еще семьдесят лет.

Положение Роберта Гвискара продолжало улучшаться. Однажды в 1051 году, когда Дрого шел на мессу, человек по имени Рис выскочил из-за двери и пронзил его ножом. Хотя Дрого и бессердечно поступил с юным сводным братом, он тем не менее был самым благожелательным из троих старших сыновей Танкреда. Хамфри, принявший после него бразды правления, не был таким приятным: в его жилах текла жестокая норманнская кровь. Чтобы «облегчить свое горе», писал старый хронист, он отрубил у убийцы своего брата руки и ноги, а все, что осталось, сжег заживо.

Смерть Дрого была частью заговора, поддержанного, возможно, византийцами. Во всяком случае, это был явный знак, что местное население не хочет более терпеть

алчность и жестокость норманнов. Роберт Гвискар был не единственным разбойником, таких бандитов здесь были сотни. Дисциплинированные отряды под управлением командиров, таких как Хамфри, пользовались относительным уважением. Другое дело — рыцарь с бандой головорезов, делающий жизнь невыносимой. В 1053 году его святейшество Лев IX, в ответ на жалобные обращения, захотел убрать норманнов и пошел на юг с большой, но недисциплинированной армией, укрепленной немецкой инфантерией. Норманны забеспокоились, но больше всего их мучило то, что придется поднять мечи на наместника Христа. Тем не менее в момент опасности они сомкнули ряды, и Роберт Гвискар поспешил из Калабрии на помощь брату, забрав с собой всех, кого удалось привлечь.

Папская армия переправилась через реку Форторе у северного входа в Капитанату и разбила лагерь возле города Сивита, которого больше нет, хотя руины его находятся вблизи сельской дороги в тридцати милях к северо-западу от Фоджи. Норманны направили к папе делегацию. Посланцы признались в своих прегрешениях и пообещали исправиться, но германская инфантерия, состоявшая из светловолосых гигантов, осмеяла маленьких норманнов. Когда Хамфри и Роберт поняли, что сражение неизбежно, они решили, что чем скорее его начать, тем лучше, в особенности потому, что знали: папа поджидает византийское подкрепление. Сражение, которое затем последовало, превратилось в зверскую резню. Кавалерия норманнов пропахала папскую армию. Лев IX наблюдал за ее уничтожением с крепостных стен Сивиты. Только германская инфантерия оказала сопротивление норманнам и погибла до последнего человека. Администрация города Сивита, опасаясь мести норманнов, передала папу Хамфри и Роберту. И тут люди стали свидетелями странной сцены. Торжествующие норманны, взглянув на гордую и печальную фигуру понтифика, упали перед ним на колени и попросили прощения. Затем в сопровождении почетного караула проводили его к его городу Беневенто, «вдоволь обеспечив

вином и хлебом». Лев IX приехал в Рим на следующий год, где через несколько недель скончался.

Та битва выдвинула Роберта Гвискара на первый план и изменила статус норманнов. Три года Вильгельм Завоеватель не мог преодолеть наложенное папой вето: он не разрешал ему жениться на Матильде Фландрской, возможно, из-за кровного родства. Как только Вильгельм услышал, что папа взят в плен, тут же отменил вето и женился на Матильде.

Через четыре года Хамфри на смертном одре назначил Роберта Гвискара, брата от второго брака отца, своим наследником и опекуном младшего сына. Сын этот исчез из истории, хотя неизвестно, имел ли дядя отношение к его исчезновению. Гвискару открылась дорога к славе и богатству. Он был уже не главарем головорезов, а вождем норманнов, защитником папства. Вскоре он сделался герцогом Апулии и Калабрии и стал самой большой силой на юге Италии. Решив, что заслуживает более благородной и эффектной герцогини, нежели Альберада, он обнаружил фатальный недостаток в их союзе, распространенную уловку во времена Средневековья при совершении развода — кровные узы. Гвискар расстался с ней, преподнеся на прощание богатые дары. Альберада забрала с собой их единственного сына, Боэмунда, в то время маленького мальчика. Роберт женился на Сигельгаите, сестре ломбардского князя Салерно. Если он хотел иметь эффектную супругу, то не мог сделать лучшего выбора. Как и многие женщины того времени, она любила носить мужское платье, у нее даже имелось воинское облачение, изготовленное по ее фигуре. Анна Комнина, очевидно, цитировала кого-то, кто видел Сигельгаиту (в ее изложении — Гаиту), когда писала, что вид ее внушал страх. В воображении невольно возникает облик оперной Брунгильды, но Сигельгаита была намного опаснее. Она выросла в Салерно, славившемся своей медицинской школой. Говорят, она была большой любительницей отравлений, но кто знает, было ли это правдой. В те времена любую неожиданную смерть приписывали

отравлению. Одерик Виталий слушал, должно быть, рассказы странствующих монахов и священников об эскападах знати с юга Италии и припас историю о последней жене герцога. Говорили, будто она пылала ненавистью к Боэмунду и напоила его зельем собственного приготовления. Когда он был на пороге смерти, его отец, Гвискар, поняв, что случилось, взял в руки Библию и меч. «Послушай меня, Сигельгаита, — сказал он, — клянусь святым Евангелием, что, если мой сын Боэмунд умрет, я воткну этот меч в твою грудь». Сигельгаита, если верить рассказу, пошла в свою лабораторию, и Боэмунд стал поправляться, хотя, как отмечал Виталий, до конца своей жизни был очень бледным.

Какие бы слухи ни ходили в народе, Роберт Гвискар и Сигельгаита оказались прекрасной парой. С первого дня их брака и в последующие двадцать семь лет, до кончины Роберта, они редко расставались. Согласно документам, Сигельгаита сопровождала своего супруга во все горячие точки доминиона. Она скакала подле мужа, с копьем в руке, и ухаживала за ним на смертном одре.

После кончины графа Хамфри и до того, как Роберт Гвискар сделался герцогом Апулии, в страну стали приезжать другие Отвили, а среди них тот, кому было назначено судьбой оставить в тени даже Гвискара. Это был младший сын от второго брака их отца — Роджер. Тогда ему было около двадцати шести лет, а его знаменитому брату — сорок два. Между ними завязались точно такие же отношения, как между Робертом Гвискаром и Дрого. Старший брат делал все, чтобы помешать младшему. Они часто ссорились на публике. Однажды Роджер метнул меч в Гвискара, а тот погрозил ему темницей. Они осаждали друг друга в городах и замках, но, когда приходила настоящая опасность, объединялись. Таким было начало великого партнерства.

В лице Роджера мы впервые встречаем симпатичного Отвиля, веселого, взбалмошного молодого человека, которому нравилось дразнить своего властного и, возможно, надутого старшего брата. Он не однажды заставил герцога

помотаться по горам Калабрии. И как же приятно, что после долгого рассказа о кровавых событиях, мучениях и сражениях мы наконец наталкиваемся на очаровательную любовную историю. Похоже, что, прежде чем уехать из Нормандии, Роджер влюбился в молодую женщину по имени Юдит. Она была близкой родственницей Завоевателя и не могла считаться ровней бедному юному Отвилю. Юдит приехала в Италию со своим опекуном, который, очевидно, спасался от гнева Завоевателя. Роджер немедленно на ней женился и увез в свой замок, в Милето, на северо-западном побережье Калабрии. Виталий злорадно описывает это событие. Он сообщает, что Юдит (Юдифь) была монахиней в монастыре Святого Аbruльфа. Она устала от монотонной спокойной жизни, нарушила обет и уехала в Италию, где вышла замуж за Роджера Отвиля, который понятия не имел о ее прошлом. Виталий также делает чудовищное предположение, что Юдифь осталась бесплодной из-за того, что вызвала неудовольствие божественного супруга.

Роджер и Юдит были счастливы; по крайней мере, известно, что она рыдала, когда он оставил ее в Милето и отправился в одно из своих сицилийских приключений. В последующем он брал жену с собой. Они перебрались через Мессинский пролив и захватили самый высокий город Сицилии — Троину. Здесь они несколько зимних месяцев выдерживали осаду, и Роджер, вспоминая впоследствии об этих событиях, сказал, что у него и у Юдит был только один плащ, который они, стараясь согреться, носили по очереди. Как и полагается хорошей норманнской жене, Юдит исполняла обязанности караульного и обходила сторожевые посты на крепостных стенах. Они питались кониной и всем тем, что могли украсть во время ночных вылазок.

В последние годы Роберт Гвискар посвятил себя завоеванию Бари, последнего византийского оплота в Италии, а Роджеру предоставил покорение Сицилии. Из всех врагов, противостоявших норманнам, сарацины были самыми опасными и организованными. Интересно, например, узнать, что в бой они ходили с корзинами, в которых сидели домашние голуби (птиц кормили зерном и

медом). Голуби должны были приносить в штаб новости. И как типично по-норманнски вел себя Роджер: после победы он захватил вражеских голубей, окунул бумагу в кровь сарацин и отправил птиц домой с этим мрачным посланием. Бари пал в 1071 году после мужественного сопротивления: осада города длилась три года. В следующем году пал Палермо. Победный марш по улицам сицилийских городов возглавил Роберт Гвискар. Рядом с ним шагала Сигельгаита. С момента первого появления братьев Отвилей в Италии минуло тридцать шесть лет. За это время они изгнали византийцев и готовы были покорить сарацин. Начался второй акт их потрясающей эпохи.

Амбиции Роберта Гвискара взлетели до небес. Несмотря на то что ему шел седьмой десяток, он был силен и страшен. Почему бы не напасть на Константинополь, не скинуть с трона императора Алексея I и не увенчать собственную голову византийской короной? В 1081 году он переправил армию и флот через Адриатику. Авангардом командовал Боэмунд, его сын от первого брака. Роберта сопровождала Сигельгаита. По сравнению с этой авантюрой — завершилась она успехом — вторжение норманнского герцога в Англию показалось сущей мелочью. Гвискар едва разместил свою армию на территории, известной сейчас как Албания, когда на Рим и на папу Григория VII обрушилась беда. Минуло четыре года с тех пор как папа отлучил императора Генриха IV и к тому же заставил его лезть в гору (если верить легенде — по снегу) к замку Каносса между Моденой и Пармой, где в это время находился папа, чтобы просить прощения. Прощение было даровано, но только после того, как император, словно кающийся грешник, прождал его три дня. Желая отмщения за доставленное унижение, Генрих шел на Рим, чтобы скинуть с трона Григория, а тот послал норманнскому вассалу клич о помощи.

Клич дошел до Гвискара лишь на следующий, 1082 год. Но, как только он его получил, хотя момент был выбран крайне неудачный, Гвискар немедленно откликнулся. Поклявшись душой покойного отца, что не будет ни мыться,

ни браться, пока не доберется до Италии и не поможет Григорию, он оставил свою армию на Боэмунда и поспешно пересек Адриатику. В Южной Италии он собрал ужасное войско норманнов, сарацин и калабрийцев для разграбления Рима. Они прибыли в мае 1084 года и узнали, что армия императора бежала, а папа по-прежнему томится в тюрьме замка Святого Ангела. Гвискар освободил Григория, а затем позволил своему войску предать Рим мечу и огню. Как пишет Аанчиани: «Несчастный город сделался сценой ужасов, в сравнении с которыми нападение вандалов кажется милосердным».

Норманнская армия двинулась на юг, оставив Рим, где в некоторых местах слой сажи доходил до двенадцати футов в глубину. Ради собственной безопасности они взяли с собой папу Григория VII и поселили во дворце Гвискара в Салерно, а освободитель снова пересек Адриатику и присоединился к армии на Балканах. В 1085 году папа умер.

2

Перед смертью сказал: «Я любил справедливость и ненавидел неправду, поэтому умираю в ссылке». Человек, посетивший Салерно и наткнувшийся в соборе на его могилу, вероятно, удивится тому, что самый могущественный средневековый понтифик погребен так далеко от Рима.

В том же году умер и Роберт Гвискар. Он пережил папу менее чем на два месяца. Анна Комнина, сестра Алексея I, написала в своем замечательном историческом дневнике, что Гвискар умер от лихорадки в возрасте семидесяти лет, и Сигельгаита была подле его постели. Некоторые историки утверждают, что он умер в Дураццо, но Анна Комнина говорит, что Роберт скончался на греческом острове Кефалония, и это больше похоже на правду. В те дни, когда я путешествовал по Греции, маленькое суденышко, пропахшее козами и оливковым маслом, отправлялось из Пирея каждую неделю, вроде бы по четвергам. Оно

причаливало к северной оконечности Кефалонии, и местные люди готовы были поклясться, словно все случилось только вчера, что Роберт Гвискар умер именно там, и в доказательство указывали на название их маленького порта — Фискардо.

Сигельгаита старалась, чтобы ее пасынок Боэмунд, унаследовавший кое-что от характера Отвилей, не унаследовал бы и герцогство, которое перешло к ее безразличному отпрыску Роджеру, прозванному Борса «кошелек» из-за его привычки пересчитывать деньги. Он правил двадцать шесть лет и передал герцогство сыну, не оставившему наследника.

Героический этап норманнского завоевания Южной Италии закончился; начался период выстраивания государственности. Главный интерес вызывает фигура Роджера, младшего брата. Сейчас ему пятьдесят четыре. Его волнует не Византия, а Сицилия. Здесь он основал династию, кровь которой потечет в венах Гогенштауфенов и многих других представителей королевских семей Европы. Его сын, Роджер II, сделался королем Сицилии в 1139 году и стал одним из самых знаменитых монархов в Европе. Его экзотический двор в Палермо отличался культурой, роскошью и терпимостью к арабам, грекам и евреям. Сицилия стала ведущей морской державой на Средиземноморье. Было бы интересно отметить, что потомки викингов снова пошли на корабли, однако это не так: сицилийскими моряками были арабы или греки из областей Калабрии, колонизованных греческими мореплавателями за несколько столетий до новой эры. Из Сицилии примерно в это время в лексикон пришло слово «адмирал». Оно образовалось от арабского «эмир» или «амир» («командир») и «амир-ал» (то есть «командующий чем-то»), после чего превратилось в англоязычное «адмирал».

В это время английское влияние в Сицилии было сильно. Архиепископом Палермо был англичанин по имени Уолтер Оффамил. Король Вильгельм II женился на Иоанне, дочери

Генриха II Английского и сестре Ричарда Львиное Сердце. Путешественник того времени видел Вильгельма, окруженного евнухами и женщинами в шелковых платьях, расшитых куфическими письменами. Они говорили по-арабски. Поскольку наследника не было, королевство передали тетке Вильгельма, тридцатилетней Констанции. Ее привезли из монастыря, в который она к тому времени удалилась. Вытащили из полной неизвестности в центр событий. Констанция вышла замуж за императора Генриха VI и стала матерью величайшего монарха XIII века, императора Фридриха II, призванного *Stupor Mundi* — «Поражающий Вселенную».

Итак, за какие-то сто шестьдесят лет Отвили, приехавшие в Италию нищими авантюристами, покорили южную половину полуострова. Кровь норманнов потекла в жилах великих Гогенштауфенов. В истории Средневековья это — самая успешная карьера одной семьи.

3

В жаркие весенние дни я исходил морское побережье и никак не мог понять, какой город мне нравится больше. У них было семейное сходство: все ослепительно белые, рядом с самым синим из морей. Одни стояли на песке, другие, такие как Полижнано-а-Маре, — на скалах. У всех имеются рыбацьи гавани, и в каждом городе есть собор, построенный то ли при норманнах, то ли при Гогенштауфенах. Свой выбор остановил на Молфетте и Трани, косясь одним глазом на Джовинаццо.

Молфетта — один из самых оживленных рыбацких городов. Здесь есть старинный собор. Сотни разноцветных лодок, названные в честь какого-то святого, стоят в тени этого благородного здания. Многие лодки — обычные, весельные, с двумя большими ацетиленовыми лампами для ночной рыбалки. Один рыбак сказал мне, что он только что вернулся с побережья Югославии, где поймал самого большого осьминога в жизни. Я спросил, как он ловит

осьминогов. Он пошел к своей лодке и вернулся с трезубцем, рукоять которого была подлиннее, чем у Нептуна, в остальном он был таким же. Таким орудием здесь пользуются со времен античности.

Вид из гавани великолепен. Даже сейчас не могу решить, лучше ли он, чем в Трани! В конце причала в море лежат огромные каменные глыбы. Они сдерживают сильные зимние ветра. Между глыбами образовались пруды. В них плещутся мальчишки, ловят в водорослях крабов и креветок. На заднем плане поднимаются две башни собора, белые, точно мел. За собором раскинулся лабиринт улиц старого города. Дома отражаются в маленьких горных прудах. Церковь освятили примерно в 1150 году, когда еще был жив Роджер II. Короли и рыцари, участвовавшие во 2-м крестовом походе, высаживались в апулийских портах. Когда несчастливый французский король Людовик VII возвращался домой, горюя о неудачном крестовом походе, его поджидало еще большее унижение: его едва не схватили пираты. Освободил его сицилийский адмирал. Он подплыл к бухте Золотой Рог, выпустил стрелы с серебряными наконечниками и доставил спасенного короля в Палермо.

Я всегда ходил в Трани (10 миль) с чувством приятного предвкушения. Этот город чуть меньше Молфетты. Как и все прибрежные города Адриатики, он ведет двойную жизнь — древней рыбацкой деревни и современного продолжения — города легкой промышленности. Эта деятельность появилась здесь около двадцати пяти лет назад. В Трани, однако, один из видов производства известен с древних времен. Трани — центр винной торговли на юге Италии. Собор стоит рядом со старой гаванью, стены большой величественной площади омывают морские волны. В наши дни редко увидишь в городе такое большое пустое пространство. Я вдоволь налюбовался элегантной архитектурой этой красивой церкви. На этот раз мне не мешали туристские автобусы и автомобили.

С другой стороны бухты раскинулся приятный парк. В тени падубов и пальм играют дети, а садовники поливают

из шлангов клумбы с желтыми и красными каннами. Здесь я увидел цветочные часы. Стрелки перемещаются с помощью часового механизма или электрического устройства, вкопанного в землю. Я предпочитаю солнечные часы, но, увидев, что цветочные работают исправно, и это в публичном месте, где так много маленьких мальчиков, снова подивился цивилизованному поведению юных итальянцев.

Еще я обратил внимание на то, что местные жители очень интересуются предсказанием судьбы, даже если им ответит механический оракул. В парке был автомат, который, словно пифия, выдавал за монету безапелляционный ответ. Машина эта внешне походила на большие весы. За полученную от меня монету машина предостерегла меня от темной женщины, посоветовала поехать в Америку, а закончила такими словами: «Вы скоро окажетесь в необычной ситуации». Пророчество немедленно свершилось. Возле автомата дружески беседовали двое мужчин. Один из них стоял, повернувшись ко мне спиной. Читая свой листок, я поднял глаза и увидел, что мужчина завел за спину руки и сделал жест против дурного глаза. Мне это и в самом деле показалось необычным. Никогда еще я не видел, чтобы кто-то воспринимал это суеверие так серьезно. Большой и четвертый палец его правой руки указывали в землю. Я обошел эту пару, чтобы посмотреть на собеседника суеверного человека, однако не прочел на его лице никакого злого умысла. Напротив, он показался мне весьма приятным человеком. Если бы кто-то спросил моего мнения, то, скорее, я заподозрил бы как злонамеренного именно того человека, который сделал этот жест. Однако дурной глаз — странное явление, и даже твой лучший друг не скажет об этом, если он у тебя есть. Говорят, дурной глаз был у папы Пия IX. Я читал, что иногда те, кто подходили к нему за благословением и преклоняли колена, потихоньку делали этот жест.

Маленький порт Трани имеет форму полукруга. Он напоминает бухту Палермо. Там, где ожидаешь увидеть маяк, высится красивый и одинокий собор. Вся сцена

напоминает изящную модель в витрине туристского агентства. Рассказ о соборе смахивает на фантастику. Сооружение состоит из трех церквей, помещающихся одна над другой. Этот привлекательный духовный сэндвич появился в римские времена вместе с захоронением или катакомбами, которые христиане того времени связывали со святым Левкием.^[21] В VI столетии был построен красивый собор, его посвятили Богородице, но при этом не разрушили стоявшую внизу романскую церковь. Теперь она стала криптой для здания, бывшего собором Трани почти четыре века. Потом начались крестовые походы. Лучшие и худшие люди Европы проходили через порты Адриатики по пути в Святую Землю. В это время в Трани явился молодой грек-пилигрим. Он нес тяжелый крест и распевал «Купе Eleison». Звали этого молодого человека Никола. Он произвел сильное впечатление на современников, поскольку со времени его смерти в 1094 году прошло пять лет, и папа Урбан II его канонизировал. Люди города Трани приняли Николу Пеллегрино как своего святого покровителя и отказались от прежнего святого, Левкия, после чего построили над старым собором еще один. Деньги собирали с населения, вероятно поэтому строительство так долго не могли закончить. Здание нынешней церкви начали в год смерти пилигрима — 1094-й, но через сто лет работа все еще не была сделана. Результат все же вышел отличный: теперь мы видим красивую норманнскую церковь, стоящую над византийской предшественницей, а ниже — крошечные римские катакомбы.

Отличительной чертой собора Трани являются красивые бронзовые двери, примерно шестнадцать футов в высоту и десяти футов в ширину. Это чудо Южной Италии появилось в 1179 году. В то время у власти находились Вильгельм II Добрый и его английская супруга. Еще не был поражен стрелой в Нью-Форесте Вильгельм Рыжий. С полудня и до заката, на протяжении девятисот лет, бронзовые двери согревало жаркое солнце, и сейчас они сделались зелеными, словно поле ирландского клевера. Быть может, они не такие элегантные, как византийские, виденные мной

в пещерной церкви Святого Ангела. Они грубее, массивнее, но барельефы на тридцати двух панелях выглядят более живыми. Как жаль, что мы мало знаем о создателе этих дверей. Известно лишь, что звали его Баризано да Трани, что он — автор дверей собора Равелло и боковых дверей собора Монреале близ Палермо. Интересно было бы узнать, где он выучился изготавливать такие массивные изложницы, и он ли либо кто другой задумал эти тридцать две панели со святыми. Они здесь и сидят, и стоят, и едут верхом. Много тут и других сюжетов. Моделью для святого Георгия с копьем в руке несомненно послужил какой-то норманнский барон, а фигура святого Юстаса (выезжающего на охоту со своими любимыми гончими) была, должно быть, знакома людям, жившим в мирные дни правления доброго короля Вильгельма. Тяжелый каркас двери украшен затейливыми узорами и медальонами, в каждом из них имеется изображение животного или птицы. Одно мне особенно понравилось: мчащийся во весь опор кентавр выпускает позади себя стрелу.

В соборе темно, словно в испанской церкви. Свет просачивается сквозь тонкие пластины алебаstra. То же я видел в Равенне. Золотой поток стекает на сдвоенные колонны из гранита и алебаstra. Они попарно стоят вдоль нефа, поддерживая круглые норманнские арки и хоры. На хорах группы из трех арок и мраморные колонны, простые и с каннелюрами. В церкви, что пониже, лес античных колонн, стоящих близко друг к другу, и ступени, ведущие в темный древний собор Святой Марии. Под алтарем, в крипте, я увидел кости святого Николы Пеллеgrино. Они лежали в стеклянной раке, аккуратно перевязанные красной лентой.

В нижней церкви я увидел первую на юге Италии Мадонну Долората. В стеклянной витрине стояла фигура в натуральный человеческий рост; на восковом лице застыло болезненное выражение. Мадонна одета по моде XVI века в черное бархатное платье, такое как у шекспировской героини, возможно, у Оливии. На голове вуаль, к талии прикреплен аккуратно сложенный кружевной платок, из области сердца торчит медная рукоятка кинжала.

У каждого морского порта Апулии есть собственный маленький пляж, где на узкой полоске песка поджидают посетителей несколько дюжин зонтов. На одном из этих пляжей мне кто-то подсказал название нового отеля с хорошей кухней. Когда я отыскал его, то решил пойти туда на ланч. В обеденном зале было много крупных мрачных мужчин, очевидно, приезжих из других районов Италии. Казалось, они не знают друг друга или не хотят в этом признаться. Возможно, это были делегаты съезда предпринимателей или частные детективы. Официант сказал, что это — дилеры из Ломбардии. Они приехали покупать для купажирования вино Трани. Мне подали для пробы мускат. У него оказался потрясающий вкус и невероятна крепость. Мне сказали, что без маленькой добавки местного вина северные вина не стоит и пить. Возможно, в этих словах сказался местный патриотизм. Но должен заметить: по сравнению с южными винами северное вино бледно выглядит.

4

Самое большое спланированное ограбление совершилось в 1203 году при захвате Константинополя. Участники 4-го крестового похода развезли по Европе украденные сокровища. Каждый турист, посетивший Венецию, не мог не восхититься четырьмя бронзовыми конями над западными дверями собора Святого Марка. Они тоже были частью того грабежа. Барлетта поживилась по чистой случайности: затонувшую галеру выбросило на берег вместе с огромной бронзовой статуей римского императора. Я думал, что эту статую поставят возле собора, однако там ее не нашел. Люди, которых я о ней спрашивал, пожимали плечами, пока один пожилой человек, поумнее других, не сказал: «А, вам нужен Are!» Оказалось, что это — местное имя гиганта, очевидно, сокращение от Ereclio — Геркулеса. Он привел меня в центр города, где напротив церкви

святого Сеполкро стоит самая большая бронзовая римская статуя. Те, кто ее измерял, говорят, что высота скульптуры шестнадцать футов, но мне он показался выше. На Are облачение римского полководца. В одной руке он держит шар, в другой — крест. Никто не знает, Геркулес это или Валентиниан — эти предположения самые распространенные. Фигура тяжелая и непривлекательная, к тому же и установлена не так, как следует. Скульптуру предполагали поставить на колонну или высокое здание, внизу же она кажется неуклюжей и непропорциональной. Пожилой прохожий сказал, что статуя пролежала на морском берегу две сотни лет, прежде чем ее установили в городе, и за это время доминиканцы из порта Манфредония отпилили у нее руку вместе с запястьем: им нужен был металл для церковного колокола.

Хотя Are популярен у населения Барлетты, он все же идет на втором месте после Disfida — «Вызов» при Барлетте. Когда люди рассказывают о прошлом Апулии, непременно слышишь это слово. Это один из рассказов из итальянской истории, о нем знает каждый ребенок. Эта история предоставила материал (и продолжает это делать) для написания статей, рассказов, стихов и газетных заголовков. Мы подошли к зданию в старой части города и по ступеням спустились в подвал со сводчатым потолком. Помещение было украшено геральдическими щитами и освещено факелами. Мой гость назвал его cantina и объяснил, что в 1503 году, когда французы осаждали Барлетту, здесь был трактир. Город в то время защищал смешанный гарнизон итальянцев и испанцев под командованием Гонсальво де Кордовы. Когда захватили в плен злобного французского капитана по имени Ла Мотт, то здесь, в cantina, француз стал подвергаться сомнению отвагу итальянцев, говорил, что побьет любое число итальянцев, если у него будет столько же французов. Вызов был принят. 13 февраля тринадцать французов и тринадцать итальянских рыцарей сошлись в схватке за стенами Барлетты. Итальянцы скинули с седел своих оппонентов и были провозглашены победителями. В память о событии на этом месте была установлена каменная

плита с надписью, но в 1805 году, во время наполеоновских войн, французские солдаты ее убрали, однако после Ватерлоо доска была возвращена на место. Ее до сих пор можно увидеть возле дороги, между Андрией и Корато.

Старый город Барлетты сохранил черты далекого прошлого. Мне показали маленькую церковь, в которой, как мне сказали, молились крестоносцы перед тем как отправиться в Святую Землю. Есть легенда о «Riccardo Cuor di Leone», нашем Ричарде Львиное Сердце, будто бы пожертвовавшем на строительство собора Барлетты. Об этом свидетельствует запись. Я долго ее разыскивал, пока не увидел с левой стороны нефа вырезанное на одной из колонн изображение человека в лодке. Там же имелась надпись, слишком истертая и высоко расположенная, чтобы ее можно было прочесть. Церковный служитель заверил меня, что человек в лодке — Riccardo, и он отправляется в крестовый поход. Однако Ричард, насколько я знаю, никогда не был в Барлетте.

Я приобрел редкий предмет — местный путеводитель, устаревший лет на сорок. Он был издан в 1926 году. Также нашел несколько старых открыток того же временного периода. На них изображены гавани апулийских городов, заполненные дау арабского вида, довольно большими судами с вертикальными грот-мачтами и латинскими парусами. Они были когда-то самыми распространенными на Средиземноморье. Увы, сейчас, насколько я заметил, они почти исчезли. В бухтах Апулии скорее можно увидеть катер, чем старый латинский парусник.

Путеводитель напомнил мне, что император Фридрих II в 1228 году, накануне отправления в крестовый поход, пригласил всех баронов своего королевства. На собрании он объявил своего сына Генриха наследником империи и королем Неаполя и Сицилии. В Барлетте, однако, больше помнят не Фридриха, а самого привлекательного из его детей — незаконнорожденного Манфреда. Очаровательный молодой человек очень любил этот город. Говорят, он бродил по его ночным улицам в сопровождении двух

сицилийских музыкантов и распевал старинные местные песни.

5

Свернув с главной дороги, я оказался на земле, засаженной оливами и миндалем. Время от времени встречал фермерские телеги, колеса которых были ростом с высокого мужчину. Это — характерная особенность Апулии. Часто видел на лошадях нарядные хомуты, отделанные медью и голубыми бусами в качестве защиты от дурного глаза. Заметил, что только самые лучшие лошади имели такие амулеты. И в самом деле, кто может сглазить тощее и неказистое животное? Фермы показались мне зажиточными, скот выглядел здоровым. Южной бедности я не приметил, во всяком случае на поверхности.

Увидел табличку «*Canne della Battaglia*» — «Битва при Каннах». В 216 году до новой эры на этой мирной равнине произошло сражение. Один из искуснейших полководцев карфагенянин Ганнибал окружил большую римскую армию и, обладая меньшими силами, разбил ее наголову, так что до нынешнего дня слово «Канны» является синонимом поражения. Я с интересом смотрел на поле боя, так как недавно прочел живую реконструкцию современной истории под названием «Август 1914 года», в которой автор, Барбара Такман, объясняет, как стратегия Ганнибала вдохновила немцев на блицкриг 1914 года. Странно объединять Ганнибала с пруссаком, обладателем осиной талии и монокля в глазу. Граф Альберт фон Шлиффен был начальником германского генерального штаба с 1891 года и по 1913-й. По словам мисс Такман, «мертвые битвы, как и мертвые генералы, удерживают боевой дух в своих мертвых объятиях». Граф Шлиффен оказался под гипнотическим влиянием Канн и даже после отставки продолжал об этом писать. Умирая в 1913 году в возрасте восьмидесяти лет, он пробормотал: «Нужно начать бой. Только укрепите правый фланг». Годом позднее «План Шлиффена» был применен на

практике, когда германская армия двинулась через Бельгию с целью взять в кольцо Францию: так же некогда делал Ганнибал. Однако молниеносная атака, представлявшаяся воображению графа Шлиффена, превратилась в затяжную окопную войну. Достижение Ганнибала не было повторено до 1967 года, когда Израиль устроил Египту и Иордании современные Канны и уничтожил их армии за несколько дней.

Я пришел к маленькому музею возле дороги — здание вполне современное. Надеюсь, что найду внутри серьезных студентов, изучающих военную историю, однако помещение поначалу показалось пустым. Затем услышал смех, донесшийся из буфета. Молодой человек, опершись о холодильник, покупал своей юной спутнице мороженое с вишней наверху под названием «Поцелуй любви». Военная стратегия их не интересовала, да и с какой стати? Я посмотрел им вслед: они вышли к припаркованной «Веспе», девушка скромно уселась позади.

В музее, кроме битой керамики, смотреть было нечего, а я-то надеялся увидеть здесь бронзовые мечи и шлемы. Возможно, самым интересным экспонатом был висевший на стене хороший план, на нем видно, как Ганнибал заманил римских генералов в ловушку и как ловко захлопнул ее в подходящий момент. Ошибается тот, кто думает, будто войны в античности были простым выступлением двух армий друг против друга, будто победа зависела от того, кто крепче ударит противника. Шлиффен говорил, что, хотя оружие может меняться, стратегия остается все той же. Древние командиры знали все хитрости военного дела, многие из которых сейчас позабыты. Работа, которая достаточно не изучена даже классическими учеными, представляет собой коллекцию военных анекдотов, названных «Стратегемы» и собранную римлянином имперского периода Секстом Юлием Фронтином. Одно время он был наместником провинции Британия, позднее занимался римскими водопроводами. Он сохранил несколько анекдотов о Ганнибале, большинство из которых, я думаю, взято либо у Полибия, либо у Ливия. Только

выдающемуся полководцу могла прийти в голову такая идея — захват города путем истощения сил противника, он их морозил и заражал. По словам Фронтинуса, Ганнибал выманил вражескую армию из осаждаемого им города, заставив ее зимой перебраться через реку. Собственных солдат он быстро привел обратно в лагерь, разжег костры и растер тела людей маслом. Предположив, что у противника не будет такой заботы и внимания, выждал, когда холода закрепятся, и промозглым ранним утром захватил город. Типичен и такой поступок Ганнибала: однажды его слоны отказались переплывать широкую реку. Он приказал погонщику ранить одного из животных за ухом, а потом самому поплыть от него, якобы спасаясь. Разъяренный слон начал преследовать беглеца, а его товарищи пустились за ним.

В 216 году до новой эры люди задавались вопросом: почему после битвы при Каннах Ганнибал не пошел на беззащитный Рим? Также многие недоумевали из-за того, что Гитлер не предпринял попытки захватить Англию после Дюнкерка. Возможно, в обоих случаях причиной было море. Хотя Ганнибал разрушил самую большую армию, которую когда-либо Рим выпускал на поле боя, римский флот остался в неприкосновенности. Странно то, что графу фон Шлиффену, думавшему о Каннах, кажется, не приходило в голову, что, несмотря на ту битву, Рим в конце концов победил Ганнибала.

6

Еще несколько миль — и я в Канозе-ди-Пулье, в то священное для итальянца время, когда все население принимает горизонтальное положение. Во время сиесты вы не услышите ни звука. Главная площадь пуста, магазины закрыты, церкви заперты. Ничто так не бесит путешественника, когда он, преодолев долгий путь в надежде увидеть достопримечательности Италии, обнаруживает, что четыре часа его драгоценного времени

потеряны. Он воспринимает это как сознательный итальянский эгоизм. Я смотрел сверху на старинный собор, стоящий во впадине на уровне мостовой норманнского периода.

И тут я заметил паренька, лет около двенадцати. Тот растянулся на крепостной стене, хотя лишь притворялся спящим: он незаметно наблюдал за мной. Я спросил, могу ли я увидеть собор. Он ответил, что parroco спит, и ключник тоже спит, но в четыре часа... Пока он говорил, я вынул купюру в пятьсот лир. Мальчишка пулей слетел со стены и скоро вернулся с ключами.

Миллионер, который, как рассказывают, купил отель, потому что не мог получить что-то в гриль-баре, вряд ли бы больше обрадовался власти денег, чем я, с помощью взятки добившийся права войти в итальянскую церковь во время сиесты.

Мы оказались в прохладном темном месте, пропахшем затхлым ладаном. Возможно, это не самый красивый апулийский собор, подумал я, однако один из самых величавых в это тихое время дня. Говорят, что собор построен Боэмундом, и сам он похоронен здесь в 1111 году своей матерью Альберадой. Почему древние историки вспоминают его мать, а не жену, Констанцию, дочь французского короля Филиппа? Почему Боэмунд, князь Отранто, похоронен в Канозе-ди-Пулье, а не в своей столице?

Как и Молфетта, этот собор продолжает византийскую традицию — купола. Их здесь пять, а в Молфетте — три. Но здесь, как и в других городах Южной Италии, есть норманнский неф. На него сразу обращаешь внимание, когда видишь большие колонны. Такие колонны чаще всего встречаются в классических руинах. Капители колонн в этом темном соборе все разные, вряд ли найдешь две похожие. Я увидел епископский трон, типичный для Апулии. В отличие от мраморного трона в Бари, который покоится на человеческих фигурах, этот стоит на двух слонах. Может, подумал я, здесь увековечен слон, благодаря которому войско быстро прошло вперед?

Боэмунд покоится во внутреннем дворе церкви вот уже восемь с половиной столетий. Его часовня построена возле южной стены. Я постарался вспомнить могилу другого лидера 1-го крестового похода, но на память пришла лишь одна — герцога Роберта Нормандского в Глостере. Дверь часовни Боэмунда — прекрасный образец древнего бронзового литья. Левая створка выполнена из одного массивного листа; правая состоит из четырех пластин, вставленных каждая в свою раму. Сделано это так замечательно, что, проводя ногтем по металлу, я не смог обнаружить, где они соединяются друг с другом. Дверь цвета медяницы. На двух панелях правой створки имеются высеченные фигуры, обведенные в византийской манере серебром. Левая створка декорирована рельефными арабесками в больших медальонах, и там есть надпись на латыни, ее еще можно прочесть. Эпитафия воздает должное смелости Боэмунда. Ниже приведено имя мастера, изготовившего дверь, — Роджер Мельфи. Мы с мальчиком отворили двери, и, завибрировав, они издали звук, похожий на музыкальный. Этот звук напомнил мне «поющие двери» Латеранского баптистерия. Внутри было холодно и пусто. Две колонны поддерживали арки, и пространство между ними освещалось солнечными лучами, пробившимися в пять маленьких окошек купола. Посередине, в полу, была голая могильная плита с выбитым на ней единственным словом:

BOAMUNDUS.

Вокруг камня, в горшках, стояло девять аспидистр. Мне показалось, что это — странный знак памяти древнему воину. От единственного слова на плите отдавало патетикой: предполагалось, что все знают, кто такой Боэмунд. Когда-то так и было, но сейчас это имя не значит ничего. Оно известно разве только некоторым ученым и жителям Канозы. Да и имя это фантастическое. Мальчика нарекли Марком, но его отец, Роберт Гвискар, вдохновившись подвигами великана Боэмунда, настоял на том, чтобы малютке-сыну дали это дикое имя. Внешностью Боэмунд пошел в отца — такой же невероятно высокий и

голубоглазый. Анна Комнина, не любившая Боэмунда, тем не менее признавала его очарование и красивую внешность и в своем дневнике неохотно об этом писала. Характер этого великана сговорчивым назвать было нельзя. Как я уже упоминал, ему было четыре года, когда Роберт Гвискар оставил его мать Альбераду и женился на Сигельгаите. Мачеха всю свою жизнь боялась Боэмунда и сделала все, чтобы ее флегматичный сын Роджер Борса унаследовал герцогство и состояние Гвискара. С обидой, но и с присущей Отвилям энергией Боэмунд начал завоевывать себе место под солнцем. Начался 1-й крестовый поход.

С течением времени на крестоносцев стали смотреть как на носителей благородной идеи, однако это качество было присуще очень немногим, и Боэмунд явно был не из их числа. Он думал не об освобождении святых мест, а о завоевании для себя королевства. Для людей, подобных ему, крестовые походы открывали великие возможности. Со временем они вставали во главе армий, о чем в другое время не могли бы и мечтать. С такой властью в руках Боэмунд сделался первым князем Антиохии. Довольно трудно понять то благоговение, которое он внушал своим современникам. Может, дело было в его бесстрашии. Когда он появился в Италии в поисках денег, один писатель того времени сказал, что люди сбегались посмотреть на него, «словно перед ними предстал сам Христос». Когда, опять же нуждаясь в деньгах, Боэмунд явился ко двору французского короля Филиппа I, его очарование и слава, как обычно, сделали свое дело, и закаленному в боях пятидесятитрехлетнему ветерану была отдана в жены дочь французского короля Констанция.

Через четыре года, во время очередной военной кампании, Боэмунд умер от какой-то болезни в родной Апулии. Нам известно, что похоронила его мать, Альберада. Она же распоряжалась строительством уникального мавзолея. В личном плане он более интересен, чем его отец. Гвискара боялись, его сына — любили. Им восхищались. Его взлеты и падения, борьба за славу и деньги, ставшая следствием того, что его лишили наследства, делает его

более романтической фигурой, нежели фигура его везунчика-отца. За восемь с половиной столетий прах императоров и королей окончательно развеялся, а Боэмунд спокойно спит в своей могиле. Иногда кто-то подходит к его усыпальнице и обтирает губкой листы девяти аспидистр, последней дани уважения великолепному герою. И я не так уж уверен, что аспидистра — слабая дань уважения к воину. Греческое слово *aspidion*, от которого произошло название этого растения, означает «щит».

Еще пятнадцать миль — и я в оживленном городке Андрия. Жители приходят в себя после сиесты. Воздух наполнился характерным треском, похожим на автоматные очереди. По всему городу поднимаются металлические жалюзи, являя на свет витрины магазинов. Андрия на вид ничем не примечательна. Люди могут проехать по ней, не вспомнив о ее древности. А ведь этот город уже был древним, когда в 1046 году его захватили норманны. Андрия стала одним из их первых оплотов на юге. Город гордится своей связью с Фридрихом II, любившим приезжать сюда. Жители расскажут вам об этом больше, чем в любом другом городе Пульи. Среди чудачеств императора было сочинение латинских слоганов для своих городов, которые они писал над арками и на стенах. Изречения были язвительными и благожелательными. Нынешним жителям до сих пор нравится определение их города — «верная Андрия». Шестнадцатилетняя жена Фридриха, Иоланда, умерла в Андрии при родах. Здесь ее и похоронили. Ее можно назвать самой трогательной из трех его жен, хотя все они были жертвами политических союзов. Приданого у нее не было, зато ничем не подкрепленный наследственный титул королевы Иерусалима во времена Фридриха обладал некоторой привлекательностью. Иоланде было четырнадцать, когда ее привезли из Святой Земли в качестве невесты для императора. Фридриху тогда исполнился тридцать один. Говорят, он тут же от нее отвернулся и обратил свой взор на очаровательную и образованную двадцатилетнюю девушку из ее свиты.

Бедная Иоланда провела два года хотя и в роскоши, но в слезах. Ее ребенок, Конрад, выжил.

В Андрии затерялось несколько красивых старинных церквей и великолепный герцогский дворец. Собор, хотя и претерпел много изменений, по-прежнему стар, старше самого города. Смотритель провел меня по норманнскому нефу к крипте. Мы исследовали ее со свечами в руке. Наши тени ложились на каменные арки и колонны с резными капителями. Цоколей у колонн не было, они, точно поганки, выпрастывались из-под пола. Мне казалось, что мы — путешественники, невесть как забредшие в акватинту XIX века.

— Вы американец? — спросил смотритель.

— Нет, — ответил я. — Я англичанин.

— А... — сказал он. — Пойдемте, я вам кое-что покажу.

Он поднял свечу и осветил надпись на стене. Привожу ее в переводе:

ЗДЕСЬ ЛЕЖАТ СМЕРТНЫЕ ОСТАНКИ
ИОЛАНДЫ ДЕ БРИЕН
1228
И ИЗАБЕЛЛЫ АНГЛИЙСКОЙ
1241
АВГУСТЕЙШИЕ СУПРУГИ ФРИДРИХА II,
КОРОЛЯ ПУЛЬИ И СИЦИЛИИ.

Я спросил, остались ли в захоронении кости. В ответ смотритель поднял плиту, чтобы я посветил свечой. Я не увидел ничего, кроме камней, пыли и труб.

— Вон там грудная клетка! — сказал смотритель. — Разве не видите?

Я не стал просить его еще раз поднять камень.

Вот и все, что осталось от двух императриц. Обе женщины умерли молодыми во время родов. Я уже упоминал о двух несчастливых годах царствования Иоланды. Шестилетнее пребывание на троне Изабеллы было не таким печальным. Возможно, что Фридрих, кого никто не назвал бы идеальным мужем, способен был сделать счастливой свою красивую английскую жену. Уверенность в

том, что все принцессы красивы, чистая правда в случае с Изабеллой, дочерью нашего оклеветанного английского короля Иоанна. Ее отец к тому времени несколько лет как умер, а брат, Генрих III, был королем, когда в 1235 году ее просватали за императора Фридриха II. Изабелле исполнился двадцать один год. Брат послал ее на свадебное торжество, окружив роскошью, ослепившей Европу. Даже кастрюли в ее приданом были из серебра, отмечал хронист Роджер Уэндовер. Проезжая через Кельн, невеста привела в восторг зрителей, наблюдавших с балкона свадебную процессию, потому что подняла вуаль и проехала по улицам с непокрытой головой. Фридрих был ею очарован и, должно быть, сравнил ее с предыдущими двумя женами, первая из которых была старше его на десять лет, а вторая — на семнадцать лет моложе. Среди подарков, которые император послал Генриху III, были три леопарда, намек на королевский герб Англии. Если это были избалованные, прирученные охотничьи леопарды, выученные сидеть на крупах лошадей и привыкшие к людям, то их можно только пожалеть, поскольку судьбе было угодно послать их в лондонский Тауэр. Со временем к ним присоединились белый медведь и слон. Эти Животные составили ядро королевского зверинца. Его обитатели в XIX веке были переправлены в Риджент-парк и стали питомцами лондонского зоопарка.

Изабелла дала нам возможность заглянуть в императорский гарем в Сицилии. В 1241 году ее брат, Ричард Корнуэльский, приехал из Святой Земли, и император оказал ему радушный прием. Обращение, по словам Матвея Парижского, было «самое почтительное и мягкое. Гостю делали кровопускание, он принимал ванны, его лечили разнообразными медицинскими припарками, восстанавливали силы после опасного морского путешествия». Сестры не было видно, а Ричарду не терпелось ее повстречать. Несколько дней на его просьбу не откликались, но потом пригласили на увеселительное мероприятие, проводившееся в ее апартаментах. Разумеется, тут были евнухи и охранники-сарацины. После

продолжительной беседы с сестрой Ричарда развлекали фокусники и танцовщицы. Две девушки удостоились его особого внимания. Когда раздвинулся занавес, они приблизились к четырем стеклянным шарам, установленным на блестящем полу. Девушки встали, каждая на два шара, и начали танцевать. «Они прокатывались на этих шарах вперед и назад, хлопали в ладоши, — писал Матвей, — взмахивали руками, напевали разные мелодии и изгибали тела в такт музыке, били в тарелки, щелкали кастаньетами и принимали самые изящные позы. Зрители были в восторге». Эта сцена, так хорошо описанная, явно выбивается из традиционного повествования жизни монарха. Ричард Корнуэльский внес разнообразие в «Великую хронику» Матвея Парижского.

7

Вскоре после того как я покинул Андрию, не более чем в десяти милях от города я увидел самую главную достопримечательность Апулии — Кастель-дель-Монте. Замок можно увидеть с любой точки провинции: он венчает горную вершину.

Объехал гору, и замок вдруг скрылся из глаз. Добравшись до вершины, я с некоторым удивлением увидел, что здание не круглое, как мне казалось раньше, а восьмиугольное, да и маленьким его не назовешь. Куда там! Огромный замок подпирал небо, стены из желтого песчаника согревало вечернее солнце. Чувствовалось, что он обитаем. Здание смотрит на Мурдже (так называют Апулийское предгорье) и на прибрежные города.

Замок в тот день был закрыт, но я заметил на небольшом расстоянии таверну или буфет, где я надеялся найти человека с ключом. Его там не оказалось, и я уселся с бокалом красного вина «Кастель-дель-Монте», а владелец закусочной, указывая на бутылки, сказал, что производят вино здесь. Оно напомнило мне ароматные, крепкие красные вина, что наливают из мехов в тавернах испанской

Ла-Манчи. Здешние виноградники растут в похожем, жарком и солнечном краю.

Я соглашусь с тем утверждением, что и в Италии вино по мере продвижения на юг становится все лучше. В нем, без сомнения, меньше примесей, и оно крепче более знакомых нам вин северной и центральной части Италии. Большинство людей, возможно, отдадут пальму первенства вину «Кастель-дель-Монте». Оно может быть красным, белым или розовым. Я же предпочитаю темно-красное вино «Барлетта». Есть здесь также сухое вино цвета соломы, напоминающее шабли. Оно называется «Торре Джулия». Им хорошо запивать морепродукты. Отмечу также красновато-оранжевое вино, для которого у знатоков припасен эпитет «щедрое». Это — «Торре Кварто». В Апулии огромный ассортимент крепких сладких десертных вин: мускат «Трани» — его букет мне напомнил розы; мускат «Мистелла» — еще одно ароматное сладкое вино; мускат «Мурдже» похож в бокале на расплавленный янтарь. Всем, кто любит сладкое, насыщенное вино, советую попробовать темно-красное «Дзагарезе».

Прежде чем покинуть это место, я обошел вокруг замка. Говорят, его архитектурный облик создал сам Фридрих II. Строительство было закончено примерно в 1240 году, то есть замок строился последние десять лет жизни императора. Никто не знает, почему он предложил форму в виде восьмигранника. В результате замок напоминает корону. Одни говорят, что он хотел воплотить в архитектуре восьмигранную корону Священной Римской империи. Другим кажется, что, возможно, в качестве модели он взял восьмиугольную мечеть Омара в Иерусалиме, тем более что, побывав на Святой Земле, он ею публично восхищался. Форму короны подчеркивают здесь стоящие по углам восемь восьмигранных башен. Окон в них немного, и расположены они наверху. Дверь в замке одна — красивая классическая мраморная дверь.

Я вернулся сюда на следующее утро, когда солнце стояло высоко в небе. Приятно было посидеть на

крепостном валу и посмотреть сверху на Апулию и Адриатику, поэтому я повременил с посещением замка. Смотрел на море, окруженное маленькими городами — каждый со своим собором, — на долину, засаженную оливами, миндалем, вишневыми деревьями. С южной стороны все было по-другому: здесь горы катились к мрачной земле, с которой связана книга «Христос остановился в Эболи». Там, среди гор, всего лишь в тридцати милях отсюда, находятся отдаленные деревни, такие, как Грассано и Гаглиано, с их языческим прошлым, так хорошо описанные Карло Леви. Далее, к юго-западу, драматизм этой горной местности подчеркивает огромный голубой вулкан Монте-Вультуре. К югу от старинного замка Мельфи находится потухший вулкан, чей кратер, поросший лесом, исследовал в детстве Гораций. Он ходил туда из своего родного селения Венузии, ныне носящего название Веноза.

Во времена Фридриха II нынешняя красиво засаженная долина и голые скалы были густым лесом, в котором водилось невероятное количество дичи. На нее охотились вплоть до XV века. По словам историка Понтана, Фридрих I Арагонский однажды вышел на рассвете из Барлетты, желая привести в замешательство своих врагов. Дело в том, что его разведчики принесли ему тревожное донесение: они увидели огромное пыльное облако и решили, что его подняла вражеская кавалерия. Фридрих приказал вернуться в лагерь. «Но когда встало солнце, оказалось, что страшный враг — стадо оленей».

Я смотрел на ястребов-перепелятников — поддерживаемые воздушными струями, они скользили над замком, едва шевеля крыльями. Само собой, мысли мои вернулись к Фридриху II. Мне хотелось бы верить, что глава его книги, посвященная соколиной охоте, написана в этом замке. Скорее всего так и было. Книга была завершена до 1248 года, и сейчас, по прошествии более семисот лет, появляются новые ее издания. Самый последний английский перевод вышел в 1956 году. Он принадлежит Вуду и Файфу. Название труда — «Искусство соколиной охоты Фридриха II

Гогенштауфена, или *De Arte Venandi cum Avibus*». ^[22] Известна легенда о любимом сыне Фридриха, незаконнорожденном Манфреде. Ему и посвящена эта работа. Именно Манфред убедил отца написать ее, а после смерти императора Манфред выпустил новое издание. Библиофилы скорбят о том, что среди книг, потерянных для человечества, есть два собственных тома императора. Это — прекрасно иллюстрированные книги, с изображением птиц, некоторые из которых, как говорят, нарисованы самим Фридрихом. Переплеты украшены серебром и золотом. В последний раз о них слышали в 1265 году, но с тех пор их след окончательно затерялся.

Это произведение — не первая книга о соколиной охоте (говорят, что подобную книгу написал Альфред Великий, а также — Эдуард Исповедник), однако перу Фридриха принадлежит первая научная книга по орнитологии и охоте на птиц времен Средневековья. Фридрих писал только о вещах, которые сам наблюдал и проверял. Если не знал ответа, признавал свое невежество. Он не ссыался постоянно на Священное Писание, как это делал Эдуард Исповедник. Фридрих II простыми словами описывал опыт человека, относившего соколиную охоту скорее к искусству, нежели к препровождению времени. Ему не важно было суммарное количество охотничьих трофеев, его интересовало взаимопонимание человека и птицы. Он высоко оценивал способности человека, направляющего свою волю в небеса и умеющего вернуть из облаков посланного им эмиссара. Фридрих стал первым исследователем, наблюдавшим за птицами. Именно он описал привычки кукушки, когда обнаружил в гнезде чужое яйцо. Фридрих вынул его и дал высидеть. Император разоблачил абсурдную средневековую легенду о гусях, вылупившихся из яиц белошеких казарок, когда эти яйца случайным образом пристали к бортам кораблей. Фридрих послал людей на север за лучшими яйцами и опытным путем доказал, что рассказ — фальшивка. Удивительно, что такой занятой человек, как Фридрих, пребывавший в постоянном противостоянии папству и загруженный тысячью проблем

империи, находил время для того, чтобы сесть за стол и написать учебник по соколиной охоте.

Его книга состоит из шести частей, хотя вряд ли где сохранились полные экземпляры. После общего наблюдения за птицами, видами гнездования, способами высиживания, миграцией, изучения анатомии и полета, он описывает разные виды соколов и рассказывает, как их следует обучать. В его собственных клетках содержались птицы из всех концов света. Он советовал сокольничему петь птицам во время кормления, причем одну и ту же песню, чтобы птицы связывали ее с едой. Он говорил, что птицы нуждаются в бережной заботе. Гладить их надо только после тщательного мытья рук. Чтобы птицы успокоились, нужно попрыскать на них водой, только прежде следует не менее трех раз сполоснуть рот. Чтобы сокол быстрее привык к новому жилью, император распорядился получше его кормить — куриной ножкой или яйцами, бережно сваренными в молоке. Он подчеркнул, что сокольничий должен быть преданным слугой птицам, посещать их посреди ночи, чтобы удостовериться, что у них все хорошо. Последняя часть книги имеет технический характер, но очень интересна тем немногим, кто занимается самым аристократическим видом спорта. Среди заимствований, которые император взял с Востока, был колпачок, который, как говорят, был до тех пор неизвестен в Европе, хотя кажется странным, что его сицилийские арабы о нем не слышали.

При входе в замок дель Монте сталкиваешься с математической задачей: здание представляет собой восьмиугольники, вычерченные на двух этажах. В центре внутреннего восьмиугольного двора до недавнего времени находился восьмиугольный фонтан или бассейн. Восемь комнат первого этажа вторят таким же помещениям на втором этаже. В восьми восьмигранных башнях имеются винтовые лестницы, ваннные комнаты и туалеты, вода в которые поступает по свинцовым трубам, выходящим из установленной на крыше цистерны. Это — один из старейших образцов дошедшей до нас средневековой

канализации. За несколькими исключениями, все комнаты в замке одного и того же размера и формы. Полы в них мозаичные, а стены облицованы лучшим мрамором. Особенность проекта в том, что почти все шестнадцать комнат имеют сообщающиеся двери. Винтовая лестница — на которую можно подняться со стремянки — и люк в нижнюю комнату называются *Scala del Falconiere* — Лестница сокольника. Она ведет на крышу, где, как полагают, император держал своих птиц. Таким образом он отгораживал их от остального замка и от нежелательных поклонников. Возможно, идеей замка было обеспечение птиц искусственным гнездом.

Для кого построен замок? Каких гостей хотел принимать Фридрих в сообщающихся комнатах? И где кухни, конюшни, комнаты для прислуги? Я думаю, что, возможно, все эти помещения были построены из недолговечного материала, а потому давно исчезли. Это здание кажется мне загадкой. Снаружи оно похоже на норманнскую крепость. Таким его делают восьмигранные башни с узкими окнами. Внутри все поражает роскошью и элегантностью ренессансного дворца. Такие помещения могли принадлежать Медичи. Несмотря на роскошь, здание производит мрачное впечатление. Если бы меня пригласили сюда на уикенд, я бы не обрадовался. Любое здание с единственным входом, высокими потолками и почти полным отсутствием окон наводит на мысль о тюрьме. Каким бы радушным ни был Фридрих II, думаю, что его гости, особенно те, за кем водились грешки, должны быть, чувствовали себя не в своей тарелке в замке дель Монте: ведь в таких комнатах невозможно уединиться, да и из замка нельзя выйти незаметно, поскольку в нем была единственная дверь.

Я с облегчением вышел на свежий воздух и засмотрелся на кружившего в небе коршуна.

Лучший способ рассмотреть страну — это пройти по ней пешком. Неплохо также объехать ее верхом или на велосипеде (это в зависимости от ландшафта). Менее предпочтительный способ — воспользоваться автомобилем, а наихудший вариант — путешествие на поезде. Апулия — прекрасное место для велосипедных поездок. Города с их прекрасными соборами так близко стоят один подле другого, что велосипедист может за неделю очень много увидеть. К тому же на главных дорогах пока еще не слишком оживленное движение, а на второстепенных и вовсе пусто.

В нескольких милях от Бари находятся два городка — Руво и Битонто. Они стоят так близко друг к другу, что могут слышать колокольный звон соседнего собора. Руво — невероятно старый город. Он появился за несколько столетий до новой эры. Когда-то здесь находилась колония греческих гончаров. Они изготавливали не только всевозможные виды горшков, но и импортировали из Греции урны, вазы, тарелки и чайные чашки. Примерно сто лет назад здесь были обнаружены древние захоронения, в которых оказались тысячи красивых экземпляров местной и аттической керамики. Примерно две тысячи этих предметов можно увидеть в музее Джатта. Там находится одна из самых больших и красивых частных коллекций мира. Чтобы увидеть ее, необходимо туда написать и заранее договориться.

Руво был для меня особенно интересен, потому что он упомянут в одной из самых знаменитых сатир Горация. Он с большим юмором описывает путешествие, совершенное за сто лет до Рождества Христова. Часть пути — от Рима До Бриндизи, по Аппиевой дороге — поэт прошел вместе с Другом Вергилием и их общим покровителем, миллионером Меценатом. В Руво они пришли усталыми, так как после дождя дороги развезло. Выходит, что даже в компании с римским миллионером поход не отличался комфортом. А вы бы, наверное, вообразили, что они то и дело устраивали роскошные пикники. Не тут-то было: Гораций жаловался на отсутствие комфорта. Однажды они остановились в месте, в

котором не было даже питьевой воды. Возможно, Меценат был одним из тех миллионеров, которым нравится демонстрировать друзьям пример бережливости. Во время их путешествия не было и следа роскоши, никаких тебе «спальных повозок» (*carruca dormitoria*), которые, по словам Марциала, стоили наравне с целым имением.

Собор в Руво — один из красивейших в провинции Бари. Как и в Канозе, он стоит в ложбине, на которой виден уровень улицы конца XII века. Главный вход — в числе самых богатых, которые я когда-либо видел. Круглая арка окружена резными каменными лентами, подобными кружеву. По ломбардской моде боковые столбы опираются на спины двух львов, а сверху, из стен, словно горгульи, высовываются странные каменные существа, в том числе и два злобных грифона, зажавшие в лапах человеческие головы. Внутри собора солидный норманнский неф подводит к благородному киворию.

На главной улице современного Руво я заметил на прилавке *braseros*,^[23] на вид точно такие, что продают в Испании. В них тлеют раздавленные масличные косточки. Они отдают слабое тепло, что лишь подчеркивает суровость средиземноморской зимы.

Я приехал в Битонто. На гербе города — два вздыбленных льва. Они смотрят друг на друга под оливковым деревом. Битонто — апулийский сельскохозяйственный городок с историей, начавшейся задолго до христианских Бремен. От городского поселения Бутунтум ничего не осталось, кроме названия да нескольких монет. Когда я увидел собор Битонто, то решил, что он красивее всех остальных, и на мгновение моя преданность Трани пошатнулась. В архитектурном плане собор Битонто, возможно, значительнее, чем его соседи. Он стоит на широком открытом пространстве, и глаза немедленно замечают его отличительные черты. На одной из стен — открытая галерея; у него нет и двух одинаковых колонн, все византийские капители разные. Колонны поддерживают круглые арки. Внутри церковь украшена богатой резьбой. В каком-то смысле она напомнила мне собор Святого Николая

в Бари. Неф и трифорий ничем не отличаются от любой норманнской церкви во Франции или Англии, зато здесь есть византийские капители и две изящно декорированные кафедры, на одной из них стоит странная примитивистская скульптурная группа. Некоторые думают, что это — изображение Фридриха II, его жены Изабеллы Английской и двух его сыновей. Впрочем, автор этого творения даже не попытался запечатлеть портретное сходство.

Стоя на площади и любуясь великолепной маленькой открытой галереей, я вспомнил, что в конце декабря 1250 года хронист Спинелли приехал в Битонто. Он хотел своими глазами увидеть похороны Фридриха. Процессия задержалась здесь по пути в Таранто: там их поджидал корабль, готовый перевезти тело императора в Палермо. Спинелли видел, как по площади несли носилки, накрытые алым бархатом. Тело императора сопровождала личная охрана, составленная из сарацин. Все они заливались слезами. Бароны, в черных плащах поверх воинского облачения, следовали верхом на лошадях. Герольды дули в трубы, оповещая всех о кончине Фридриха и о том, что трон отныне перешел к его сыну, Конраду. Итак, останки великого императора — для кого-то он был Антихристом, для других — «Поражающим Вселенную» — проследовали в Сицилию. Там они до сих пор покоятся в стоящей на львах порфировой урне. В прошлом веке могилу открыли, увидели, что Фридрих лежит в богатых шелковых одеждах, с куфическими письменами, вышитыми на них золотой ниткой. К красному плащу крестоносца был пришит крест; на шелковых сапогах — шпоры; возле него лежал меч; к поясу привязан кошелек; на среднем пальце правой руки — золотое кольцо с большим изумрудом.

Вспоминая все это на пустынной площади, я почувствовал позади себя какое-то движение и оглянулся. Я увидел неподалеку похоронную процессию. Две костлявые лошади везли по брусчатке обычный для Италии катафалк. Видно было, что его недавно покрасили блестящей черной краской, однако это его не обновило. Напротив, он стал казаться еще старше и скрипучее. К катафалку были

прицеплены шесть лент из белого шелка, держась за которые шли маленькие девочки, впервые надевшие ритуальные платья. Когда печальная процессия подошла поближе, я увидел, что гроб не более четырех футов в длину. Дети медленно ступали в башмачках из мягкой белой кожи, держались за шелковые ленты — последнее, что связывало их с ушедшей подругой. На мгновение их осветило вечернее итальянское солнце, и процессия исчезла в тени собора.

Глава пятая. Край земли по-итальянски

Побережье Апулии. — Где старший сын Вильгельма Завоевателя нашел себе жену. — Страна трулли. — Бриндизи. — Барочное очарование Лечче. — «Каблук» Италии. — Замок Отранто. — итальянский край земли. — Город Галлиполи. — Летающий монах из Копертино. — Тарантул. — Крестьяне, танцующие до упаду. — Загадка тарантизма.

1

Слева от меня сверкала Адриатика, солнце било в глаза. Я выехал из Бари рано утром и взял курс на Бриндизи. Дорога шла вдоль побережья. Маленькие бухты, пока еще не названные словом «лидо» или «марина», встречались буквально на каждой миле. Туда по воскресеньям направляются целыми семьями, чтобы вдоволь накупаться в теплой синей воде, а потом устроить пикник. Древние города сбегают с гор по террасам — плоские крыши, белоснежные стены... Вид у них, скорее, исламский. Иногда они изгибаются полумесяцем на берегу, их имена известны истории, но им довольно сейчас и рыбной флотилии, хотя они с благодарностью принимают новые виды промышленности, которые предлагает им «Касса дель Меццоджорно».

Вокруг бухты Мола-ди-Бари столпился народ. Там собрались парусные рыбацьи лодки. Полицейский, вежливо извинившись за отсутствие места на парковке, сказал мне, что город проводит ежегодный праздник осьминога. В честь события рыбаки представили на рынок разнообразную адриатическую рыбу — серебряную, красную, серую, алую — яркую и праздничную. На дальнем конце причала

священник в зеленой ризе благословлял суда и славил Господа за одно из Его самых странных созданий.

Приблизившись к рыбацкой деревне, удачно названной Cozze, что по-итальянски означает «моллюск», я увидел дорожный знак. Он указывал направление к Конверсано. До него было недалеко. В норманнские времена здесь находилась крепость Жоффруа де Конверсано, чья дочь Сибилла вышла замуж за Роберта Нормандского, старшего сына Вильгельма Завоевателя. Мне интересно было посмотреть, осталось ли что-либо в Конверсано, напоминающее о семье молодой женщины, которая могла и должна была стать королевой Англии.

Я оказался в чистеньком аккуратном старинном городе. С высокого холма открывался чудный вид на плодовые деревья — оливы, персики, черешни. Бари и море были как на ладони. В соборе мужчина на коленках мыл ступени, ведущие к алтарю. Он охотно оставил свою работу и отдернул шелковую занавеску с самой важной достопримечательности Конверсано — Мадонны Фаунтенской. Это — византийская икона, изображение, не имеющее точной датировки. Человек сказал мне, что в Конверсано ее привезли много столетий назад, и она является старейшей Мадонной в Апулии. Должно быть, мое лицо выразило недоверие, потому что он пошел в ризницу и вернулся с маленькой книжицей, в которой был записан возраст всех мадонн Апулии. Первой шла Мадонна из Конверсано. Было написано, что в 487 году ее привез епископ Симплицион по возвращении из Африки. Затем в порядке старшинства шли следующие иконы: Мадонна Семи Покрывал из Фоджи (500 г.); Мадонна святого Луки из Бари (733 г.); Мадонна Константинопольская из Аквавивы (750 г.); святая Мария-ди-Сипонто, которую я видел в темной крипте этого города (900 г.), и Мадонна из Барлетты (1000 г.). Он сказал мне, что Мадонна Конверсано прибыла по морю в деревню Коцце, которая мне только что повстречалась по пути. В память об этом событии икону каждый год в мае проносят по округе, с заходом к морю.

Гуляя по Конверсано, я узнал, что это место — центр выращивания вишни в Апулии. На телеги с большими колесами грузят ящики с вишней и везут в полуподвальные помещения. Я вошел в один такой подвал и посмотрел за тем, как взвешивают ягоды и расплачиваются с садоводами. Затем молодые женщины сортируют ягоды и упаковывают. Их развозят по городам и фабрикам. Я услышал названия сортов — «Донателла», «Тости», «Франсиа» и «Ферровиа». В этих местах они пользовались наибольшей популярностью. Я спросил, нельзя ли купить полкило. Мне дали около двенадцати фунтов, и обошлось мне это всего в два шиллинга. Вишня была чудесной — крупной, сладкой, напомнившей мне о сорте «Уайтхартс», который я ел в кентских садах.

Замок в Конверсано — массивное, изогнутое здание, с норманнской основой и добавлениями, доставшимися ему от каждого последующего столетия. Он никогда не пустовал, и сегодня, за отсутствием владельцев по закону, его разбили на квартиры. Здесь мне ничто не напомнило о том дне в 1100 году, когда, возвращаясь домой из 1-го крестового похода, сюда завернул важный гость. Это был старший, самый неумелый, но вместе с тем и самый симпатичный из сыновей Вильгельма Завоевателя — Роберт Нормандский. Вильгельм не любил своего старшего сына и не только кричал на него, но — что еще хуже — насмехался над его внешностью: Роберт был толстый и маленького роста. Отец прозвал его «Кургез»^[24] и «Гамбероне»^[25] — слова, которые в вежливом изложении означают «коротышка». Роберт отомстил отцу тем, что возглавил направленные против него мятежи, и это отравляло последние годы жизни Завоевателя. Роберт был любимцем матери, и она помогала ему за спиной мужа, создавая тем самым ситуацию «мать и сын», против которой мало кто из мужчин может бороться, пусть даже будет он и трижды завоевателем.

Роберт был неглуп, обладал веселым характером, слыл транжирой, отличался эмоциональной нестабильностью. Удивлял друзей эрудицией и храбростью в бою. В Конверсано он приехал после триумфального похода в

Святую Землю. В ту пору он был уже не слишком молод, в его характере было что-то от донкихотства. Пока он был в походе, младший брат поднялся на английский трон. Его тесть, Жоффруа де Конверсано, без сомнения, считал его удачным капиталовложением, поскольку не только выдал за него Сибиллу (хотя Роберт неоднократно становился отцом, но женат еще не был), но и одолжил ему крупную денежную сумму. Роберт намеревался претендовать на английский трон, поскольку был старшим сыном, однако вместо того чтобы вернуться домой из Италии и усесться на трон, когда его брата Вильгельма Рыжего убили в Нью-Форесте, он предоставил это право младшему брату, ставшему королем Генрихом I. Все это еще раз подчеркивает особенности характера Роберта.

О Сибилле ничего не известно, кроме того, что, по отзыву современника, она отличалась необычайной красотой и способна была управлять делами лучше, чем Роберт.

Правда, такой возможности у нее не было. Через три года после свадьбы она умерла в Нормандии. Некоторые говорят, что ее отравила амбициозная вдова, мечтавшая о троне для Роберта, но скорее всего виной тому был плохой уход после трудных родов. Она оставила маленького сына, Уильяма (Гийома). «Клито» мог бы изменить ход английской истории. В течение двадцати лет он был в центре интриг.

Роберт был из тех людей, что неизменно совершают неправильные поступки, впрочем, иногда он делал то, что следует, только не в тот момент. Ему так не везло, что современные хронисты взялись отыскать причину постоянных неудач. И нашли: он, дескать, прогневал Бога тем, что отказался от короны Иерусалима. По словам добросовестного хрониста Уильяма Малмсберийского, Господь решил его наказать, «устанавливая повсюду ему препоны, все его удовольствия оборачивались неприятностями». Генрих I арестовал старшего брата, когда тому шел шестой десяток, и осудил на пожизненное заключение — сначала в лондонский Тауэр, потом в Бристоль и наконец в замок Кардиффа, где он и умер в

возрасте восьмидесяти лет. Говорят, что во время своего почти тридцатилетнего заключения Роберт выучился говорить по-валлийски и написал на этом языке поэму. Вдохновил его зеленый дуб, который он видел из своего окошка. В поэме шесть трехстрочных стихов, и она отвечает современным стандартам айстедвода.^[26] К сожалению, все следы происхождения поэмы утеряны, единственный текст, что сохранился в прошлом столетии, принадлежит барду из Уэльса Эдварду Уильямсу, известному как Иоло Моргануг. Его энтузиазму коллекционера не уступала способность сочинять хорошие, якобы исторические стихи. Уэльские ученые, опасаясь попасться впросак, отшатывались от Иоло Моргануга, точно испуганные лошади. И все же, если нерадивый Роберт способен был изучить валлийский язык (в конце концов, на это у него были двадцать восемь лет) и если мог выражать свои мысли стихами, то написал бы именно такую поэму.

Интересный факт, хотя я никогда не видел, чтобы его упомянули в связи с поэмой, то, что тюремщиком Роберта был незаконнорожденный сын его брата Генриха I, то есть родной племянник. Роберт, граф Глостерский, был среди первых английских аристократов, покровительствовавших писателям и ученым. Данные о текущих событиях он сообщал Уильяму Малмсберийскому, и тот в благодарность посвятил графу свою английскую хронику. Возможно, я слишком увлекусь, если предположу, что ученый граф и его пленник вместе изучали творчество бардов, но, по крайней мере, характер Роберта, графа Глостерского, опровергает рассказы о печальном и болезненном пребывании в тюрьме герцога Роберта. И в самом деле, судя по тому, что пишет Уильям Малмсберийский, жизнь герцога была приятна, насколько это возможно в тюрьме. У него было много развлечений, и кормили его отменно. То ли из хроники Уильяма, то ли из какого-то другого источника стало известно, что у плененного герцога было в услужении несколько рыцарей.

Если у старшего сына Завоевателя и была надежда подняться на трон или поверить в то, что его сын, Клито,

сможет сделать это, то такая возможность могла представиться, когда Роберт Кургез отбыл четырнадцать лет своего заключения. В 1120 году ушел на дно «Белый корабль», и вместе с ним утонули принц Вильгельм и его брат Ричард, сыновья Генриха I и наследники престола. Это сделало Роберта (на ту пору ему стукнуло шестьдесят шесть) и его девятнадцатилетнего сына единственными прямыми, законными наследниками Вильгельма Завоевателя, но злая судьба, шедшая по пятам Роберта, снова оказалась безжалостной. Через восемь лет после крушения «Белого корабля» Роберту приснилось, будто его правую руку проткнуло копье. Проснувшись, он сказал своим тюремщикам: «Увы, мой сын мертв». Оказалось, что это правда. Вскоре стало известно, что в незначительной заварушке во Фландрии Клито был ранен в руку, началось заражение, и ему пришел конец. Итак, единственный сын Сибиллы из Конверсано и Роберта Куртгеца погиб на двадцать седьмом году жизни. Он был единственным законным внуком Завоевателя.

Я подумал, что, возможно, ни одна живая душа в Конверсано не знает, что одно из самых провокационных «если» в английской истории случилось именно здесь, но оказалось, что я ошибался. Меня представили местному историку. Об этой семье он знал очень много.

— Все знают, — сказал он, — что дочь Жоффруа вышла замуж за короля Англии.

Какая ирония! Я не сделал попытки его поправить, а позже узнал, что в другом месте, на юге Италии, есть те немногие, кого волнуют такие вещи. Они верят в то, что Роберт поднялся на английский трон.

Я снова выехал на Виа Аппиа и, миновав несколько миль, оказался возле руин римского города. Развалины лежали слева от дороги и в ста ярдах от моря. Видны были древние улицы и фундаменты домов. Они занимали несколько акров и заканчивались возле гор. Ящерицы замирали до самого последнего момента, а потом, словно молнии, исчезали в расщелинах нагретых солнцем камней. На главной улице

росли маки. Этот город назывался Игнация. Он прославлен одной или двумя строчками Горация. Это было последнее место перед Брундузием, где он остановился на постой во время своего путешествия с Меценатом. И здесь поэт подшутил над местным чудом (феномен, серьезно отмеченный Плинием), представлявшим собой алтарь, на котором курилось благовоние без какого-либо огня. Странно, что Гораций так уж заострил на этом внимание, ведь подобный алтарь с подземной печкой был среди изобретений Герона Александрийского. Возможно, конечно, что Гораций знал об этом и не стал делать вид, что потрясен.

2

Ландшафт по дороге к Бриндизи необычный и привлекательный. Среди виноградников и оливковых рощ встречаются круглые каменные здания с конусообразными крышами, сделанными из известняковых плит, красиво соединенных без раствора одна с другой. Это мне напомнило Камберленд. Здания называются трулли. Происхождение слова неизвестно. Первое трулло, которое я увидел, было скорее всего шалашом, в нем люди, работающие на винограднике, хранят свои стремянки и тачки, но чем глубже заходишь в страну трулли, тем больше видишь группы круглых строений, каждое из которых имеет форму конуса. От такого зрелища начинает казаться, будто находишься в деревне африканских мигрантов.

Главный город трулли — Альберобелло: здесь около двух тысяч таких домов. Между ними проложены улицы. Тут можно дружески побеседовать с обитателями этих домов. Они с радостью пригласят вас к себе. Большая часть домов имеет круглую форму, но есть и прямоугольные, хотя крыша у них все равно в виде конуса. Трулло может начаться с одной комнаты, но по мере роста семьи или благосостояния к нему прибавляется еще одно такое же. Иногда можно увидеть сразу пять или шесть трулло, соединенных друг с

другом. Самым «продвинутым» считается двухэтажное трулло. Его называют трулло соврано.

Альберобелло осаждают художники и фотографы. Мне говорили, что сюда как-то приехал канадец с семьей — взглянуть на самый эксцентричный город Италии. Я могу его понять. У этого места странный, призрачный вид. Не веришь, что видишь это своими глазами.

Все трулли, в которые я входил, были чистыми и прохладными. В некоторых было очень много домашних принадлежностей, во многих имелись кровати с альковами. Стены иногда достигали толщины в пять футов, а окна, размером в лист писчей бумаги, пропускали слабый пучок света. В больших трулли имелись отдельные спальни, почти целиком занятые супружескими кроватями. Владелец одного трулли пригласил меня распить с ним стакан вина. Он поднял в полу каменную плиту, и я с удивлением увидел, что там — винный погреб. Он представлял собой цементную цистерну, наполненную вином. Хозяин опустил в нее резиновый шланг и нацедил в кувшин вина. Оно было темным, красным, крепким и довольно сладким, как и большинство лучших вин Юга. Да, очень крепкое: маленького количества было уже достаточно. Хозяин рассказал мне, что лучшие вина Апулии готовят в стране трулли. Его охотно покупают виноторговцы с целью купажирования. Здесь я также попробовал пирог с миндалем, изюмом и засахаренными фруктами. Он называется *pan repata*, или пряник. Мне показалось, что он имеет арабское происхождение... Впрочем, вряд ли: арабы ничего еще не изобрели, скорее, византийское. Я попрощался с гостеприимным хозяином и поехал в Бриндизи.

3

Устав от ходьбы по Бриндизи, стал оглядываться по сторонам в поисках ресторана. Я стоял на самом знаменитом месте города: на верхней площадке

великолепной лестницы, на которой возвышается высокая римская колонна. Она символизирует завершение строительства дороги Виа Аппиа, соединяющей Рим с восточными воротами империи. Колонна стоит в порту, как и сотни лет назад. Здешняя гавань — чудо природы. Море втекает в узкое пространство и распадается на два широких рукава, или бухты — слева и справа от города. Корабли могут спокойно стоять здесь, даже если на море бушует шторм.

День был теплый. Небо и море — синие, словно горечавка. Я спустился по ступеням и пошел вдоль западной бухты в направлении замка, построенного Фридрихом II. Новые обитатели добавили к нему массивные пристройки. Здесь я увидел скромную тратторию, столы которой были выставлены на улицу, под раскидистую пальму. Владелец траттории был дородным, грубоватым мужчиной в матросской тельняшке. Он порекомендовал мне *cozze alla marinara*,^[27] но к тому времени я уже столько съел моллюсков, что запротестовал. Тогда мужчина окликнул мальчика, шедшего по набережной с ведром в руке. В ведре, в соленой воде Адриатики, плавали отличные моллюски, большие, одинакового размера. Я не устоял.

Приятно было сидеть здесь со стаканом белого вина и из-под укрытия пальмы смотреть на горячий белый мир, видеть, как входит в канал яхта, дети плещутся в чистой зеленой воде возле песчаного пляжа, а с противоположного берега медленно движется баржа. На той стороне я увидел строение, созданное фашистами из кирпича и камня, — образчик дурного вкуса. Это — огромная башня примерно той же высоты, что и колонна Нельсона. Ее поставили в качестве памятника морякам, погибшим в 30-е годы XX века. Глядя на памятник, я думал, что автор проекта, похоже, носил слишком тесную форму, и ему очень хотелось произвести впечатление на начальство.

Мне рассказывали, что в башне есть лифт — он поднимает желающих полюбоваться чудесной панорамой. Вид, в самом деле, должен быть хорош: ведь перед тобой Бриндизи, словно на ладони. Взгляду открываются обе ее

бухты. Неудивительно, что такая картина напоминала древним грекам голову оленя с ветвистыми рогами. Восточную бухту надежно укрыл от океанских штормов остров Святого Андрея и островки помельче. Когда мне принесли заказанные мной *cozze*, то выяснилось, что ждал я не зря. Нотку экзотики добавили африканец с женой и их ребенок, на вид лет трех. Он смотрел по сторонам огромными глазами. Казалось, что его только что принесли из магазина игрушек. Кое-кто утверждает, что только родители способны разглядеть изысканную красоту в розовом младенце, в то время как чернокожие, так же как котята и щенята, взрослея, навсегда утрачивают привлекательность. Отец посадил очаровательного ребенка на стол и позволил ему засунуть себе в рот пальцы. Это были первые африканцы, которых я увидел на юге Италии. Странно, каким ветром занесло их в Бриндизи? Мне никак не удавалось отнести их к какому-либо социальному слою общества. Они сидели под сенью пальмы и, похоже, дивились, что их окружает родная обстановка. Первой моей мыслью было то, что они стеснены в средствах. Возможно, у них и вовсе нет денег, потому что они заказали лишь бутылку оранжада с соломинкой в горлышке. Мужчина и женщина пили из нее по очереди. Из-за сочувствия к простым африканцам, которое поселилось во мне, кажется, после прочтения знаменитой книги Гарриет Бичер-Стоу, я почувствовал себя не в своей тарелке. Как бы им помочь? Но тут, к моему удивлению, официант принес им на стол антипасту и огромные тарелки со спагетти. Я думал, что они накинутся на еду, как изголодавшиеся люди, но они лишь попробовали по ложке того и другого и отставили тарелки в сторону. Мясные блюда ожидала та же участь. До вазы с апельсинами, вишней и бананами они даже не дотронулись.

Я вышел на набережную. Первым, что привлекло мое внимание, оказался английский дорогой автомобиль. Он выглядел необычно, поэтому я решил, что это, должно быть, новая модель. Багажа в нем было загружено под самую крышу. Пока я на него смотрел, за спиной послышался бархатный голос и вежливое покашливание.

— Вам нравится мой автомобиль?

Это был африканец, вышедший из trattoria.

— Я специально оснастил его левым рулем, — сказал он, — и поставил другие шины. Приспособил для своей страны.

Я поздравил его. (А я-то думал, что этот человек нуждается в помощи!) По-английски он говорил бегло и правильно, но все же чувствовалось африканское произношение. Он открыл кошелек, в котором, как я успел заметить, было столько денег, сколько большинство людей боялись бы с собой носить, и подал мне визитку: Уже не король ли он какой-нибудь африканской страны или министр финансов? Но нет: на карточке стояло его имя и адрес в Африке, а в уголке я прочитал слова: «Борьба с саранчой».

Я улыбнулся и сказал, что он находится далеко от мест распространения саранчи. Похоже, его мое замечание обеспокоило. Он попросил вернуть визитку, и я подумал, что, возможно, его обидел. Но нет: он взял у меня карточку и подал другую визитку. Там, вместо слов «Борьба с саранчой», я прочитал слова «Государственная администрация». Он сказал, что проходил шестимесячное обучение при Манчестерском университете, а оттуда на автомобильном пароме заехал в Грецию по пути в Африку. И потом он сделал замечание, которое я никогда не забуду.

— Греция — слаборазвитая страна, — произнес он.

Бриндизи вызывает в памяти античную историю, в самом названии сохранилась старая форма этого слова — Брундизий. Это был главный порт для Греции и Востока, и старая связь крепка, как никогда. На Корсо Гарибальди я прочел на магазинах, расположенных друг подле друга, следующие слова: ΒΑΣΙΛΙΣ ΡΟΔΙΤΙΣ, ΕΣΤΙΑΤΟΡΙΟ ΕΛΛΗΝΙΚΗ ΚΟΥΖΙΝΑ.^[28]

Морская связь с Грецией так же крепка, как и во времена цезарей. С марта по октябрь два автомобильных парома, оборудованные кондиционерами, циркулируют между Бриндизи, Корфу и Патрами. Один из них может

перевезти более семисот пассажиров и более ста автомобилей, а второй — немного больше. Как бы заинтересовались римские инженеры таким паромом! Я смотрел, как один из них, «Игнация», выгружал пассажиров и автомобили, и вдруг вспомнил, что за девятнадцать лет до новой эры больной человек, путешествовавший по Греции, был высажен в этом самом месте. Через несколько дней он скончался. Поэту Вергилию тогда исполнился пятьдесят один год.

Названия парома «Игнация» напомнило и старый маршрут крестоносцев — от портов Адриатики и до Диррахия (теперь этот главный албанский порт называется Дуррес). Там крестоносцы выходили на Виа Аппиа, эта дорога вела их к Константинополю. Роберт Нормандский избрал Бриндизи как порт отправления, однако развлекался здесь столько времени, что многие его соратники утратили энтузиазм и разъехались. Весной он наконец направил свои войска, но первая галера затонула еще прежде, чем выплыла из бухты. Погибли около четырехсот человек, а вместе с ними — множество лошадей, мулов и сундуки с деньгами. Когда мертвые тела вымыло на берег, оказалось, что у всех у них на ключицах появились кресты. Это обстоятельство помогло успокоить остальных крестоносцев, подумывавших отказаться от похода.

Я обнаружил две симпатичные связи с крестоносцами — очаровательную круглую церковь Святого Иоанна, основанную тамплиерами, и удивительный старинный фонтан, где, говорят, крестоносцы перед отплытием поили коней. Вода выливается через маски в длинной кирпичной стене. Стена эта с обеих сторон заканчивается купольным сооружением наподобие мусульманского алтаря.

Книги, вышедшие пятьдесят и даже сорок лет назад, говорили о Бриндизи как об убогом, умирающем городе, поэтому я не был готов увидеть живой современный порт. Мне объяснили, что своим благосостоянием он обязан недавно построенным нефтехимическим комбинатам (они входят в число самых крупных промышленных предприятий Италии), а также — популярности Греции как страны

туризма. Продвигаясь на юг, к городу Лечче, я воспроизводил в своем воображении красивую, похожую на озеро бухту Бриндизи. В голове звучали греческие слова, услышанные мной на городских улицах, и я вспомнил африканца, назвавшего «слаборазвитой» страну Гомера и Платона. Вспомнил и высокую мраморную колонну (когда-то их было две), обозначающую конец Аппиевой дороги. Думаю, что лестница, ведущая к колонне, одна из самых величественных в Италии. Ее смело можно сравнить с римскими лестницами — на площади Испании и у дворца Квиринал.

4

Приблизившись к Лечче, я впервые почувствовал, что лето уже наступило. Июньское солнце нещадно поливало каменистую почву. На раскаленном ландшафте сменяли друг друга табачные поля и виноградники. Никакого движения, лишь на каменных стенах заметно дрожат шеи ящериц. Из виноградников и оливковых рощ доносится неумолчное стрекотание цикад. Пульс жаркого полдня. Лечче погрузился в сиесту. Сонный портье в большом старомодном отеле дал мне ключи от номера с ванной, и я с облегчением пошел по затемненному коридору.

Из крана с холодной водой полилась коричневая струя. Я наполнил ванну, не обращая внимания на ржавчину, и улегся в прохладную воду, ощущая, как температура тела постепенно снижается. Потом с удовольствием сидел в темноте с закрытыми ставнями. Одно из главных достоинств старомодного отеля состоит в том, что все здесь сделано с размахом: большая кровать, высокие потолки, ванна, рассчитанная не на карлика, и банное полотенце — не жалкий ярд ткани, а простыня внушительных пропорций.

Охладившись и снова одевшись, я пошел по отелю и обнаружил в коридоре занимательную серию гравюр. На них были изображены не экипажи, запряженные четверкой лошадей, а «паровые кареты», ездившие по Англии между

1830 и 1840 годами. Думаю, что это — малоизученная глава в истории транспорта. Странные на вид джаггернауты пыхтели на английских дорогах, преодолевая четыре мили в час. Удивительный эксперимент закончился так же неожиданно, как и начался, когда компания, что их финансировала, обанкротилась. Среди этих машин я увидел любопытный экипаж мистера Уильяма Черча. В 1832 году он ездил из Лондона в Бирмингем. В 1833 году пользовалась известностью машина мистера Уолтера Хэнкока, со странным названием — «Аутопсия». На гравюрах я разглядел еще один паровой дилижанс, он вышел на дороги в том же году. В желто-коричневой машине, неестественно выпрямив спины, сидели пятеро мужчин в цилиндрах и одна бесстрашная особа женского пола. Интересно, как эти необычные зарисовки старой Англии оказались в Лечче, подумал я.

Хотя солнце и садилось за горизонт, было все еще жарко, когда я вышел взглянуть на город, которые называют «Афинами Апулии» и «Барочной Флоренцией». Эти комплименты, однако, не так много значат. Во время периода высокой коммерческой активности, в конце XVII века и начале XVIII, Лечче перестроили по тамошней моде, которую впоследствии и презирали, и ценили. Мне показалось, что на главной площади история повторилась, но с неутешительным результатом. Лечче и в самом деле — декоративный пережиток XVII века. Я почувствовал, что здесь уместнее ездить не на машинах, а верхом на лошадях с плюмажем на шляпе, в сопровождении Санчи Пансы на муле. В атмосфере Лечче ощущалось что-то испанское. Я видел это в серьезности и важности его жителей, в строгости их манер и в затейливости архитектуры, напомнившей мне об испанском барокко в тех регионах, где камень режут, как масло, и он застывает, как сталь. Барокко Лечче не рассчитано на эффект, это стиль, основанный на классике. Исследовав собор, епископский дворец, несколько церквей и улиц с резными каменными балконами, благородные городские ворота Порты Рудиа и нарядные дворцы, я подумал, что экзотическая резьба на

классических фасадах имеет больше сходства с поздними романскими храмами Сирии, например Баальбеком, нежели с иезуитской экстравагантностью Рима.

Фантастичнее всего в Лечче, однако, не поражающие буйным воображением работы Джузеппе Дзимбало и Чезаре Пенна, а обширная яма на центральной площади, в ней находится половина римского амфитеатра, созданного в лучший период строительства этих сооружений, то есть при императоре Адриане. Рядом с амфитеатром высится мраморная колонна (некогда она стояла в Бриндизи, рядом со своим двойником, но потом ее приобрел Лечче). На колонну взгромоздился покровитель города, святой Оронто. На нем епископское облачение. Воздетую руку Оронто следует понимать то ли как благословение, то ли как выражение удивления по поводу неожиданной археологической находки. Впрочем, кто знает?

В начале XX века жители Лечче наверняка испытали шок, когда в сердце города при раскопках обнаружили это древнее строение. Амфитеатр меня поразил. Это — замечательная реликвия. Вы можете походить по нему, подняться к верхним рядам. Восемнадцать сотен лет назад здесь сидели зрители. Юные жители Лечче гоняются сейчас друг за другом, прячутся за арки, как наверняка делали и юные римляне в дни, свободные от представлений. В небе над головой носились стрижи, ныряли, зависали в воздухе, наполняли пространство пронзительными криками, заглушавшими вечерние звуки, а возможно, и аплодисменты той древней аудитории.

В маленьком Лечче полно баров и кафе. Я уселся за столик одного такого заведения рядом с амфитеатром и подумал, что, хотя нам мало известно о *Lupiae* (так в античности звался Лечче), в наше время мы с удивлением обнаруживаем, что древний амфитеатр может вместить двадцать пять тысяч зрителей. Ко мне подошел мужчина и вежливо предложил мне купить у него пакетик свежего миндаля. Орехи оказались безвкусными.

Магазины удивили своей элегантностью. Город специализируется на изготовлении предметов из папье-

маше и украшений. Как и большинство южных городов, Лечче нуждается в освоении новых видов промышленности. Здесь уже появилась табачная фабрика, а местный рынок доказывает, что сельское хозяйство способствует благополучию города. В тени замка, построенного Карлом V, живописно расположилась группа фермеров и крестьян. В архитектуре замка я снова заметил испанское влияние. В Лечче есть академия наук, Салентинская академия литературы и изящных искусств; есть также общество Данте и даже «Ротари-клуб» и «Лайонс-клуб». Следует также добавить, что в Лечче есть одиннадцать больших гаражей и пять автозаправочных станций. Из всех городов, что я видел на юге Италии, Лечче, как мне кажется, должен более всего приглянуться почти исчезнувшему как вид обеспеченному и умному английскому путешественнику.

Я проснулся посреди ночи от бессознательного беспокойства. Оказывается, на меня напали! Мне казалось, что это были змеи или вампиры. Но нет: меня пожирали москиты. Я включил свет. Часы показывали почти два. На стенах сидели мои враги, но не москиты, а гнусная разновидность комаров. Я стал лупить их свернутой в рулон газетой и обнаружил, что на стене остались следы, свидетельствовавшие о том, что прежние обитатели моего номера вели такие же сражения. За окном я увидел разгадку: хотя моя комната была всего лишь на втором этаже, благодаря особенностям архитектуры, подо мной, на крыше, был устроен сад, а в нем — дюжины горшочных растений. Герани и олеандры пышно цвели (а я-то думал, что мне повезло!), и мои враги устроили здесь засаду. Я затворил окно, и в комнате стало очень жарко. О сне можно было забыть, поэтому ночь прошла в партизанской войне, но наконец пришел благословенный рассвет. Такое наказание я получил за то, что пренебрег первым правилом путешественника: если услышишь над городом крики стрижей, немедленно запасись средством самозащиты.

Музей Лечче занимает часть помещений великолепного губернаторского дворца, но лучше было бы, если он находился не в столь пышном здании. И все же большое количество ваз, надписи на латыни и древнегреческом языке, грустные мраморные лица остаются в памяти посетителя. Мне бы хотелось каждый день видеть перед собой маленькую тонкую чашку, сделанную гончаром Аттики, возможно, за пять столетий до Рождества Христова. На красном фоне черной краской выписаны злые сатиры и испуганные фавны с длинными шеями. Запомнилась мне и ваза с очаровательным рисунком: на нем Полиник подкупает Эрифилу с помощью знаменитого ожерелья Афродиты. Он соблазнительно подносит его, так что оно свисает под воздействием собственного веса, при этом виден каждый магический камень. Эрифилу тянется к ожерелью: ей не терпится надеть его на шею и вернуть тем самым увядающую молодость.

Я заметил, что музей носит имя своего основателя, герцога Сигизмундо Кастромедиано. В 50-х годах XIX века у него был мимолетный и необычный контакт с Англией. Те, кто читал знаменитый рассказ Тревельяна о Рисорджименто, возможно, припомнят, что герцог был в числе троих аристократов, приговоренных к смерти неаполитанским правительством за либеральные убеждения. Гладстон, которому случилось в то время быть в Неаполе, не только присутствовал на суде, но и посещал неаполитанские тюрьмы и собрал материал для атаки на Бурбонов, так что монархия упала в глазах Европы. Естественно, что, когда герцогу Кастромедиано удалось сбежать и отправиться в Лондон, первым его желанием стало отыскать своего героя, Глад стона. По странной случайности, гость пришел в тот момент, когда государственный деятель читал рассказ о тюремной жизни, написанный герцогом, и затем опубликовал его в ирландской газете!

Об этом рассказала Дженет Росс в книге «Земля Манфреда». В 1888 году она приезжала в Лечче, и герцог провел ее по своему музею. Он сказал, что «ничто не может

дать ему столько удовольствия, как встреча с англичанкой». На нее произвела большое впечатление его высокая, худощавая аристократическая фигура и густая шевелюра, ставшая в тюрьме совсем белой. Он описал ужас, испытанный им в страшной темнице. Там его приковали к ноге закоренелого убийцы. Иногда, говорил он, они находили человеческие кости в земляном полу тюрьмы. Герцог умер почти нищим в самой маленькой комнате своего замка в Каваллино, в окрестностях Лечче. На гроб ему положили цепь галерного раба и красный жакет, который носили неаполитанские заключенные. Это, как он выразился, были его ордена. Две его книги были опубликованы в Лечче — «Мемуары» в 1885 году и «Тюрьмы и галеры политики» в 1895-м. Они стали классикой, в них описывалась борьба Италии за единство.

И я подумал: а может, благодаря событиям XIX века гравюры в гостиничном коридоре показывают расположение горожан к Англии?

5

Взяв курс на Отранто, я нырнул в залитое солнцем пространство. Сообразил, что это не просто летняя жара, это — сирокко, сухой, злобный ветер, раздражающий печень и делающий людей неуравновешенными и бранчливыми. Ветер дует из степей и пустынь Северной Африки.

Тамошнее население ненавидит его так же сильно, как и здешнее.

Провинция Лечче, как известно, расположена на «каблуке» Италии. Официальное название «каблука» — Салентинский полуостров. С одной стороны полуостров омывают воды Адриатики, с другой — Ионического моря. Ни одна точка провинции не удалена от того или другого моря на расстояние большее пятнадцати миль. В этом районе Италии сохранились обычаи и традиции языческих времен. Путеводители отмечают, что часть сельских жителей говорит на греческом языке. Полагают, что это — реликвия

Великой Греции, хотя более вероятно то, что здесь живут потомки албанцев, для которых греческий язык является родным. На юг Италии албанцы эмигрировали несколько веков назад.

Я проехал мимо городков и деревень, отделенных друг от друга несколькими милями каменистой земли, засаженной виноградником. Оливковые деревья со стволами немыслимой толщины изнывали на солнце. Подъехал к Отранто, увидел старинный замок, стоящий на берегу темно-зеленого моря. Полюбовался его круглыми бастиями. За старинными улицами, карабкающимися по горам, я разглядел крышу большого собора. Чуть в сторону расположилось несколько летних бунгало и приятный отель, стоявший едва ли не в море. Ласковые волны лениво вздыхали. Ресторан уходил вдаль, словно пирс.

Отранто выделяется среди бесчисленных южных городков Италии — ведь он вдохновил английского писателя на самое привлекательное название романа. Хорас Уолпол назвал свое произведение «Замок Отранто». Считается, что роман стал предшественником жанра «триллер», но более важно то, что вместе с ним появились первые признаки перемен литературного вкуса, которые привели к Вальтеру Скотту и Джеймсу Барри. Название такое совершенное, что можно простить любого писателя, заподозрившего, будто вначале появилось заглавие, а уже потом — книга. Однако это не так. Уолпол описал, как, увидев ночью яркий сон, принялся за роман и написал его за два месяца. Такая скорость всегда вызывает зависть у медлительных писателей. Закончив повествование, он задумался о названии. В Отранто он никогда не был и даже не знал, что там есть замок. Он признался в этом леди Крэйвен, когда она прислала ему рисунок с изображением здания. «Когда роман был окончен, — писал он, — я стал рассматривать карту Неаполитанского королевства в поисках звучного названия, и слово „Отранто“ показалось мне очень подходящим». Итак, название романа «Замок Отранто» стало счастливой литературной находкой, хотя благозвучие зависит в большей степени от английского

произношения этого слова. Итальянцы делают ударение на первую букву — О, а не на второй слог, как мы.

Я подошел к замку. Теперь здесь помещается школа. Ученики входят в ворота, увенчанные большим гербом императора Карла V, пересекают мощный двор и входят в классные комнаты. Когда-то в них размещались казармы солдат гарнизона. За этими зданиями я обнаружил лестницу, поднимающуюся к красивой дорожке. Оттуда открывается захватывающий вид на прекрасное иссиня-зеленое море и белое побережье. На противоположном берегу Адриатики я увидел отдаленные горы Албании — это была слабая, тонко очерченная линия, увенчанная то ли снегом, то ли облаком.

Отыскал ресторан, нависший над морем, и выбрал столик, который мог бы стоять на носу корабля. Лет двести назад, подумал я, человек совершил бы подвиг, если бы прошел мимо крепостных стен замка Отранто. Этот поступок удостоился бы нескольких строчек автора, жившего в Стробери-Хилл. Как прекрасны краски Южной Италии! Слово сквозь несколько слоев зеленого стекла я видел покачивавшиеся в воде пурпурные водоросли и девушку в красном бикини, плывущую в желтом sandolino. [\[29\]](#) Ее тень следовала за ней по морскому дну.

Меню предложило мне pesce spada — рыбу-меч, «ксиф гладыи» античного мира. Эту рыбу ловили у южных берегов Италии во времена Древней Греции, но — можно не сомневаться, что и задолго до этого. Официант сказал, что в Отранто она бывает нечасто, и в этом сезоне ее больше не будет, хотя в Мессинском проливе ее еще ловят. Рыба по виду напоминала белый стейк из лосося. Ее обжарили на гриле с обеих сторон и полили ароматным соусом, состоящим из оливкового масла, лимона и оригано — приятной пряной травы, эквивалента английского майорана. Я думал, что по вкусу рыба должна напоминать тунца, но она оказалась ближе к белокрылому палтусу, и я решил по возможности всегда ее заказывать.

В старом городе мне показали самые большие пушечные ядра, которые я когда-либо видел. Думаю, что ими, должно

быть, выстреливали из катапульт. Это были реликты неумирающего ночного кошмара Отранто — ужасного сассо. [30] Два пожилых человека рассказали мне об этом событии так, словно оно произошло на прошлой неделе, а не в 1480 году, когда Отранто был оживленным портом с населением двадцать две тысячи человек. По их словам, в августе 1480 года мощный турецкий флот, пришедший из Родоса, приступил к бомбардировке Отранто. Затем турки высадились на землю и, перебив жителей, подняли турецкий флаг в знак захвата города. Это событие вызвало дрожь у Европы: многие боялись, что исламские знамена взвоятся над соборами Святого Петра и Нотр-Дам. Однако Мехмед II умер на следующий год, наследники стали драться за престол и выехали из Отранто. Однако город так и не оправился от сассо — ни материально ни морально.

— Если хотите посмотреть, помним ли мы о восьмистах мучениках, пойдете в дуомо, — предложили мне старики.

Собор в Отранто производит сильное впечатление. Это — базилика, колонны в его нефе имеют греческое происхождение. Церковь не сильно изменилась с тех пор, как ее освятили в 1088 году. Как мне сказали, при этом присутствовал Боэмунд.

— Боэмунд Крестоносец? — уточнил я.

— Да, сын Роберта Гвискара. Этот город был его вотчиной.

Слово, которое употребил мой собеседник, было feudo, и я подумал, что только на Юге Италии кто-то мог употребить это старинное норманнское слово. Это словно сохранившееся в Ирландии слово demesne. [31]

Среди всех соборов в Италии собор Отранто единственный сохранил в неприкосновенности норманнский мозаичный пол, который тянется от западной двери к алтарю и продолжается в апсиде. Казалось, я иду по байосскому ковру. Священник сказал мне, что это — работа монаха или священника по имени Панталоне. Он закончил ее в 1166 году, когда умер Вильгельм I Сицилийский. С художественной точки зрения пол наряден, но груб. Это восприятие мира человеком, родившем в норманно-арабо-

византийском мире Южной Италии. Рисунок начинается с западного конца нефа. Здесь изображены три «дерева жизни», в ветвях которого можно найти красочную компанию мужчин, женщин и животных. Затем следует изгнание из рая Адама и Евы, Ной, строящий ковчег. На полу можно узнать Каина и Авеля, но светские сцены даже интереснее. Люди, изучающие цикл короля Артура, возможно, удивятся, узнав, что Панталоне был с ним знаком и украсил пол изображением короля Артура верхом на коне. Артур гладко выбрит и имеет норманнскую наружность. Мифические чудовища и знаки зодиака в медальонах, возможно, скопированы с византийских ковров.

Священник привел меня в боковую часовню. Вдоль ее стен стояли высокие шкафы с распашными дверями. Священник отворил одну из дверей — за стеклом на полках аккуратно стояло несколько сотен человеческих черепов.

— Восемьсот мучеников Отранто, — сказал он. — Под алтарем лежит камень, на котором происходила экзекуция.

Священник интересовался историей Отранто. Он мне напомнил, что, поскольку порт ближе всех расположен к Греции, две страны общались друг с другом, проходя по здешнему морскому пути. Цицерон часто пользовался этим проходом.

— В римских хрониках город встречается под именем Гидрунт, — продолжил он. — Возможно, вы сочтете проявлением консерватизма то, что и в наши дни несколько тысяч людей, живущих здесь, называют себя и других — идрунтини. Вам известно, что спустя несколько столетий, начиная с 1964 года, возобновилось регулярное движение на морском пароме между Отранто и Грецией? Путешествие занимает всего три часа. Все говорят, что самый короткий морской путь до Греции из Бриндизи, но это не так.

Я заверил его, что Отранто — один из самых красивых маленьких городов, которые мне довелось увидеть. Пообещал вернуться сюда и провести здесь месяц. Кажется, он был доволен. На прощанье он подарил мне цветную репродукцию с картины художника прошлой эпохи. На ней были изображены жители Отранто. Обнаженные люди

выстроились в ряд, приготовившись к экзекуции. На заднем плане видны были безголовые тела, плавающие в лужах крови. Над ними кружили три херувима с коронами мучеников. Это было странное напоминание о месте, которое, несмотря ни на что, осталось в моей памяти образцом тишины и спокойствия.

6

На протяжении двадцати миль дорога бежала мимо скал к крайней точке итальянского «каблука». Место это называется Финибус Терра — «край земли». Прозрачное море лизало пустынный берег и забегало в одинокие горные пещеры. В тех местах, где земля вдавалась в воду, я слышал, как море гудит в кавернах. Земля красная, как в Девоншире, и если бы вместо олив я увидел бы яблони, то подумал бы, что путешествую у себя дома при невероятной жаре. Спустился к рыбачьим деревушкам, прилепившимся к скалам. Известняковые дома были выкрашены в голубой и розовый цвет. У маленькой пристани стояло несколько рыбацких лодок. Потом дорога снова прогнала меня из долины наверх.

На полпути к мысу увидел спа. Курорт минеральных вод принадлежит государству и называется Санта-Сезария. Из гротов подавалась горячая серная вода. Один из источников находился под морем. Ослепительно белые дома взбегали по террасам на гору. Их марокканскому облику соответствовал большой дворец арабского вида. Вот где можно излечить артрит, подумал я. К сожалению, источник был закрыт, и мне не удалось попить воды или хотя бы взглянуть на лечебную грязь, зато я услышал необыкновенную легенду. Спросил, кто такая Санта Сезария, и мне рассказали. Жил-был в этих местах человек по имени Алоиз. Он был предан своей жене. Когда она внезапно скончалась, его горе не знало предела. Его единственная дочь была копией матери, и человек, обезумев от горя, решил на ней жениться. Девушка пришла

в ужас и задумала бежать из дома. Она сказала отцу, что хочет принять ванну, связала за лапки двух голубей, оставила их плескаться в воде и бежала. Утром отец отправился на поиски дочери и нашел ее бродящей по морскому берегу, однако стоило ему приблизиться, как плотный туман скрывал ее из вида. В этом тумане Алоиз потерялся и утонул. Тем временем Сезария бежала по берегу, пока одна из скал не сдвинулась, словно дверь. Девушка увидела божественный свет, струящийся из пещеры. Как только она вошла, скала за нею закрылась, и Сезарию приняли Небеса. Говорят, даже сегодня рыбаки в море накануне праздника Вознесения видят, как открывается скала и из нее проливается божественный свет. Вот такую сагу услышал я о береговых пещерах. Говорят, каждый год в церкви возле пещеры служат мессу.

Дорога поднималась и снова опускалась. Я ехал к мысу Санта-Мария-ди-Леука, или Санта-Мария-ди-Финибус-Терра, или к мысу Мадонны Края Земли. Обратил внимание, что на протяжении нескольких миль почти каждый дом окрашен в особый оттенок пурпура. Такой цвет вы можете увидеть в складках одежды греческих терракотовых фигур в музее Бари. Никогда раньше я не видел, чтобы дома красили в такой цвет. Мне он не показался привлекательным. Вскоре я начал спускаться к юго-восточной оконечности Италии, мысу Санта-Мария-ди-Леука. Название это греческое (*akra leuca*), происходит от белых известняковых скал, что поднимаются на двести футов над слиянием Адриатического и Ионического морей. Некогда моряки, направлявшиеся в Сицилию и обратно, в города Великой Греции, знали его под другим именем — *Jarygium Promontorium*. На высшей точке мыса стоял древний эквивалент маяка — храм Минервы. Сейчас на террасах, спускающихся к воде, стоит высокая колонна со статуей Мадонны, а на месте древнего храма высится церковь Санта-Мария-ди-Финибус-Терра. Странности превращений в неживом мире так же часты, как и в живом. Говорят, что алтарь церкви — тот же, что и в храме богини.

Покинув Бари, я до сих пор ехал на юг, теперь же повернул на северо-запад. Здешнее побережье омывают темные волны Ионического моря. Но меня поджидало сильное разочарование! Залив Таранто не поразил меня блеском и цветом. Куда ему до морского пейзажа, который я только что оставил! Низкое побережье с голыми известняковыми холмами и печальные рыбацьи деревни навели на меня тоску. А может, виной тому был сирокко, который на Ионическом побережье полуострова дует еще сильнее, чем на Адриатике? И все же я нетерпеливо ждал встречи с Галлиполи (греческим Каллиполи, «красивым городом»), который, как и его тезка на Дарданеллах, был основан за несколько столетий до новой эры. При въезде в старый город я увидел человека с большим крестом. Он медленно шагал посреди дороги в одеянии религиозного братства, глядя сквозь вырезанные в капюшоне щели. За этой мрачной средневековой фигурой следовали пять старых монахинь, а за ними костлявые лошади, тащившие дряхлый катафалк. За катафалком шел священник вместе с мальчиком, прислуживающим в алтаре. Мальчик нес кадило. Фоном для этой картины был старый Галлиполи с белыми домами, залитыми заходящим солнцем, и небесно-голубое море.

Обычай, зародившийся в Бари при Мюрате, — пристраивать новый город к старому, изменил характер страны. Такие путешественники, как Рэмидж (1828) и Эдвард Лир (1847), ее бы не узнали, хотя, когда в начале XX века Норман Дуглас посетил юг Италии, перемены уже начались. С тех пор, благодаря политике правительства и грантам, процесс получил ускорение. Теперь это явление узаконено: у всех старых городов Юга должен появиться новый сосед. Почти повсеместно новый город не только безобразен, но и угнетает своей посредственностью. Впрочем, у этих городов имеется одно достоинство: по крайней мере один чистый отель с душем в номере.

Если кому-нибудь захочется испытать на себе средневековые условия, описанные ранними

путешественниками, то он может начать с Галлиполи. В списке путеводителя «Guida d'Italia del Touring Club Italiano» в старом городе нет ни одной гостиницы и есть только один отель в новом. В старом городе не найдешь ни одного дерева, и это обстоятельство напоминает многонаселенный остров Венецианской лагуны, однако Венецианская лагуна никогда не отличалась такой синевой, как море, что окружает Галлиполи. Остров в Венеции не такой белый и не такой африканский, и нет там ничего похожего на массивную анжуйскую крепость с круглыми бастionsами. В ее толстых стенах помещается маленький кинотеатр. При наступлении темноты он освещается электрическими лампами.

Гордость Галлиполи — греческий фонтан, почти изъеденный временем. Эта архитектурная разновидность известна как нимфаум. Такие фонтаны были популярны в эллинистические времена. Женские и мужские скульптуры иллюстрируют какой-то греческий миф. Подозреваю, что пуританские молотки оказали поддержку Времени, однако полным успехом эта попытка не увенчалась: скрыть некоторые детали так и не удалось. Красота Галлиполи бросается в глаза и днем, но при лунном свете ты словно покидаешь реальность. Галлиполи превращается в зачарованный вечный город, тишину которого нарушает лишь ропот темного моря. Греки, должно быть, таким его и видели — *kalli-polis* — красивый город.

7

По пути в Таранто я сделал остановку в городке Копертино, который, как помнят читатели книги Нормана Дугласа «Старая Калабрия», был местом рождения Иосифа, летающего святого. Остановившись, я засмотрелся на девушек, наливающих в кувшины греческой формы воду из городского фонтана. Напротив фонтана стояла симпатичная статуя святого Иосифа во францисканском облачении. Он раскинул руки, собираясь взлететь.

Иосиф родился в 1603 году. Его отец, плотник, умер еще до его рождения, оставив мать Иосифа без средств к существованию. Будущий святой родился в хлеву. Уже в раннем возрасте Иосиф был способен к левитации. Он мог подняться в воздух и летать либо внутри церкви, либо на открытом воздухе. Большинство из нас, особенно в детстве, помнят о полетах во сне. Психологи утверждают, что это — память о жизни на деревьях во времена обезьяньего прошлого, но Иосиф и в самом деле мог совершать такие полеты наяву. Людям, которые видели эти полеты, не верили.

Копертино оказался удивительно тихим и малолюдным городком. Я не мог понять, почему итальянский путеводитель назвал его *simpatica cittadina*.^[32] Мне так не показалось. Я нашел церковь Святого Иосифа, построенную в 1754 году, через девяносто лет после его смерти и за несколько лет до того, как его канонизировали. Всего в нескольких шагах оттуда я увидел жалкий беленый домик без окон. На его открытой двери написано «Casa Paterna».^[33] Я вошел внутрь и мне пришлось подождать, пока зрение не приспособилось. Единственный скудный свет исходил из нескольких свечных огарков, стоявших на грубом деревянном чурбаке. Я заметил надпись, которая сообщала, что в 1603 году здесь родился святой Иосиф. В стеклянной витрине висело его коричневое одеяние. Необычная для итальянцев вещь — сохранить место рождения святого в первоначальном виде. Можно не сомневаться: отсутствие денег объясняет то, что его со временем не украсили драгоценным мрамором.

Священник в церкви открыл ящик стола в ризнице.

— Он похоронен в соборе в Осимо, это недалеко от Лорето. Там он и умер, но у нас есть его сердце. Взгляните, вот здесь, под алтарем. Его к нам привезли в 1953 году.

Изучая жизнь и полеты Иосифа, Норман Дуглас опирался на биографию, которую в 1853 году написал Джузеппе Монтанари. Эта работа цитировалась в сборнике, который я купил в церкви. Моя книжка была издана столетием позже. Ни один автор не делает попытки скрыть факт, что Иосиф

был человеком, которого в наши дни называют умственно отсталым, дефективным и, если выразиться помягче, инфантильным. Когда святой впадал в экстатическое состояние, вызванное литургией или медитацией, то он, издав звук, который, по описанию, соответствовал «громкому восклицанию», а иногда и «раскату грома», взмывал в воздух и целеустремленно двигался к какому-то недоступному изображению или иконе Богоматери. У меня создалось впечатление, что его полеты были опасными и раздражающими. Во многих случаях начальство резко приказывало ему вернуться на землю, словно он был гиперактивной домашней птицей.

Если бы эти полеты ограничивались неизвестными церквями в отдаленных местах страны, то наверняка сказали бы, что разговоры о преодолении земного притяжения преувеличены, однако Иосиф летал и в Риме, и в Неаполе, и в других городах на глазах у известной культурной публики, включая понтифика Урбана VIII. Изумление, которое он вызывал, было чрезвычайным. Во всяком случае, один человек из избранной аудитории упал в обморок от страха, когда Иосиф пролетал над его головой.

Иногда он брал с собой в полеты друга. Когда происходила церемония пострижения в монахини, Иосиф бывал так взволнован красотой обряда, что подбегал к священнику, брал его за руку и взлетал вместе с ним к потолку. В другой раз он прижал к себе духовника монастыря. Держась за руки, они поднялись над землей и стали стремительно над ней кружиться. Самый замечательный полет состоялся в Ассизи, когда он, как всегда, громко вскрикнув, схватил за волосы одержимого по имени Бальтазар и поднял с собой в воздух к огромному восхищению зрителей. Когда они снова опустились на землю, Бальтазар сознался, что излечился от серьезной нервной болезни.

В 1645 году гранд-адмирал Кастилии, которого только что назначили испанским послом в Ватикан, прослышал о святости Иосифа и вместе с женой специально поехал посмотреть на него в Ассизи. Он долго беседовал со святым

в его келье и сказал жене: «Я только что встретил еще одного святого Франциска». Она попросила отца настоятеля, чтобы тот пригласил святого в церковь, и она бы тоже на него взглянула. К Иосифу послали гонца. Как только Иосиф вошел в церковь, сразу же устремил взор на статую Мадонны над алтарем и, издав пронзительный крик, пронесся над головами присутствующих, после чего обнял статую. Жена адмирала упала в обморок.

Современники находили в Иосифе поразительное сходство со святым Франциском. Как и его великий предшественник, он называл свое тело «братом Ослом» и говорил о связи животных и растений, но в его жизни не было святой Клары, пока в 1650 году он не встретил принцессу Марию Савойскую, глубоко религиозную женщину и члена францисканского ордена. Говорят, что их свидание оказалось встречей душ-близнецов. Она осталась жить в Перудже, неподалеку от Иосифа. Среди других экзальтированных друзей Иосифа были принц Казимир, ставший королем Польши (он много лет поддерживал переписку со святым), а также принц Леопольд Тосканский. Фридрих, герцог Брауншвейгский, после того как увидел один из полетов Иосифа, отрекся от лютеранства и стал ревностным католиком. К концу жизни святого слава Иосифа стала так велика, что приходилось запира́ть его, чтобы спасти от внимания поклонников и любопытства зевак. Хотя силы его слабели, он все же совершил короткий полет за день до смерти. На смертном одре Иосиф прошептал: «Ослик начал карабкаться в гору; ослик не может пойти дальше, он хочет сбросить свою шкуру». Иосифу было шестьдесят лет. Похоронили его в соборе Осимо и через четыре года канонизировали.

Я повидал множество салентинских городов. Некоторые из них были такими маленькими, что англичанин ошибочно принял бы их за деревни. Но здесь нет деревенских полей,

и, какими бы крошечными и пыльными ни были эти городки, в них имеется главный признак латинского урбанизма — пьятца. Мелкий фермер и трудящийся по утрам покидают город и отправляются на работу в виноградник или оливковую рощу, а вечером возвращаются домой. В этой части Италии легко узнать греческое лицо, хотя, возможно, это — моя романтическая иллюзия. Местный ландшафт дышит стариной, Ионическое море тихо рокочет в скалистых бухтах. Складывается обманчивое впечатление, будто в молчании оливковых рощ и в движении городов прошлое совсем рядом.

По дороге в Таранто я остановился в маленьком городе, чтобы взглянуть на церковь. Возвращаясь к машине, услышал звуки музыки. Играли что-то вроде джиги. Я различил скрипку, гитару, барабан и, кажется, тамбурин. Оглянувшись по сторонам в поисках источника звука, увидел толпу, стоявшую на соседней улице. Вытянув шею, глянул через головы зрителей и увидел танцующую деревенскую женщину. Глаза ее были закрыты, и лицо, как у человека, погруженного в транс. Женщина держала в руке красный носовой платок, которым помахивала с грацией, которой я от нее не ожидал. Меня удивила серьезность толпы. Никто не улыбался. Что-то во всем этом было странное. Может, эта женщина сумасшедшая или пьяная? Оглянувшись на сосредоточенные лица зевак, не стал задавать вопросов и, не желая вмешиваться в это болезненное действо, пошел прочь. До конца жизни буду жалеть о своем поступке.

Несколько дней спустя вспомнил о танцовщице и рассказал о ней приятелю в Таранто.

Ты так и не понял, чему стал свидетелем? Женщина была «взята» тарантулом, потому и танцевала. Возможно, она будет танцевать несколько дней, пока окончательно не лишится сил. Ей надо выгнать яд. Я видел это лишь дважды, а ведь я прожил на Салентино всю свою жизнь. Тебе повезло. Иногда можно увидеть *tarantolati* на деревенских улицах, на перекрестках, но обычно это происходит в домах, и, хотя большинство людей думает, что тарантеллу давно

не танцуют, на самом деле сотни крестьян Лечче продолжают ее танцевать. Они верят, что таким образом спасают себя от яда паука.

Когда ты сказал, что женщина была «взята» тарантулом, что ты имел в виду?

Просто то, что он ее укусил. Мы называем это пиццика (щипок), а люди, которые думают, что их укусил тарантул, называются пиццикати. Чаще всего жертвами паука становятся женщины, потому что они работают на полях после жатвы, и пауки там — обычное явление.

— Но я читал, что укус тарантула не ядовит и не опаснее укуса пчелы.

Приятель пожал плечами.

— Возможно, — согласился он. — Но это продолжается столетиями. Кто может сказать, что стоит за этим?

9

Посмотрев на тарантеллу воочию, я вернулся в город в надежде увидеть еще одного танцора, но больше такого случая мне не представилось. Мне рассказали, что женщина с перерывами танцевала всю ночь и весь следующий день и так измучила себя и музыкантов, что уснула, а проснувшись, почувствовала себя здоровой. Ее семья отнеслась к этому происшествию спокойно, словно она поправилась после сильной простуды. Родственники были со мной вежливы и обходительны, поблагодарили за сочувствие.

Я крайне удивился тому, что эта болезнь или мания, которую я всегда связывал с древней магией, до сих пор существует. Опросил несколько людей, знакомых с этим феноменом, в том числе и врачей, и они любезно рассказали мне все, что знали. Литературы на тему о тарантизме вышло достаточно. Об этом стали писать еще в XVI веке. Симптомы неизменны, как и лекарства. Странные случаи, происходящие и сегодня на Салентинском полуострове, ничем не отличаются от наблюдений, подробно описанных в XVII веке итальянским врачом Эпифанием Фердинанде.

В мозгу человека происходит значительное отклонение от нормы, и люди приписывают свою болезнь укусу скорпиона или другого вредоносного насекомого, хотя главной причиной такого сбоя являются пауки, которых можно увидеть на итальянском сжатом поле. Насекомое это — *Lycosa tarantula* — быстрое, мохнатое, длина его туловища составляет три четверти дюйма. Несмотря на страшноватую наружность, тарантул, по уверениям ученых, совершенно безвреден. Имя свое он получил от города Таранто, где, как говорят, его чаще всего находят, хотя несколько знакомых сказали мне, что они его никогда не видели. Второй паук — *Latrodectus tredecim guttatus* — помельче первого и медлительнее. Его яд может причинять боль в течение двух дней. Жертва его укуса терзается страхом, страдает от боли, рвоты и галлюцинаций, но ни один врач, с которым я говорил, не верит, будто яд двенадцать месяцев может никак себя не проявлять, а потом ровно через год совершить на человека вторую атаку, как настаивают на этом многие укушенные этим пауком люди. Можно подумать, что древняя мания, с необычным антидотом в виде музыки и танца, окружена какой-то тайной, но это не так. Часто страдальцы сами охотно обсуждают симптомы своей болезни, и каждый крестьянин на Салентинском полуострове расскажет вам, что единственным средством от укуса является танец. Необходимо танцевать, пока яд не выйдет вместе с потом наружу. Если симптомы повторятся, нужно снова пуститься в пляс. Люди, подвергшиеся нападению паука, чрезвычайно чувствительны к цвету. Они не отдадутся во власть музыки, пока им не дадут ленту или платок того цвета, который им нужен. Одна пострадавшая женщина описывала свои ощущения Джузеппе Джильи:

«Я жала пшеницу на поле, — рассказала она. — Было жарко и душно, так что мы прекратили работу еще до полудня и улеглись в тени у стены. Съев немного хлеба, я закрыла глаза и постаралась уснуть, как вдруг почувствовала боль в руке. Но я ничего не увидела! Я сразу догадалась, что меня укусил тарантул. Стала плакать. Это — ужасное несчастье для бедных людей: ведь из-за долгой

болезни нельзя работать. Я пошла домой, а несчастье следовало за мной. Знала, что единственное средство — танец. Боль в руке не проходила. Душа ныла. Все казалось мне черным: люди в черной одежде, черные предметы, черные дома. Меня преследовала мысль о смерти. Если умру, муж останется с четырьмя детьми, а самому младшему всего четыре года. Я ходила по дому кругами. Мне трудно было дышать, казалось, железная рука сдавила мне грудь.

В доме начали приготовления к танцу. Я почувствовала себя получше и легла на кровать. Но через полчаса вскочила, не в силах успокоиться. Домашние пошли за музыкантами. Расстелили предо мной десять, а может, двадцать платков разных цветов. Начала танцевать, но вы даже представить не можете, как я страдала! Цвета не уменьшали моей тоски. Значит, ни один из цветов не совпадал с цветом тарантула, который меня укусил. Неожиданно я вскрикнула, увидев молодого человека в черной одежде! Почувствовала себя лучше, видно, потому что укусивший меня тарантул, должно быть, был черным. Я упорно смотрела на одежду парня. Танцевала три дня подряд, после чего совершенно выздоровела».

Долгая история тарантизма полна рассказов, иллюстрирующих важное значение цвета для больных. Они приходят в отчаяние, пока какой-то цвет не совпадет с нужными им ощущениями, хотя, конечно же, представление о том, что пауки бывают разных цветов, — чистое воображение. Писатель XVII века упоминает монаха-капуцина из Таранто. Он тоже стал жертвой паука. Его танец привлек такое внимание, что сам кардинал Каэтано пришел посмотреть на него. Как только монах увидел красную сутану посетителя, тотчас, странно жестикулируя, прыгнул к нему и обнял бы, если бы тот не отстранился. Он отказался танцевать и обращать внимание на музыку, которая до того момента приводила его в восторг, но страшно опечалился, и дело кончилось обмороком. Кардинал оставил монаху свою красную сутану и ушел, а

монах немедленно вскочил на ноги и пустился в буйный пляс, прижимая к себе сутану.

Так же важно, как и цвет, выбрать правильную музыку. Существует около тридцати тарантелл, все они известны, некоторые были написаны в XVII веке. Одна из самых старых называется *rapno rosso* — «красная ткань», а другая, более медленная, — *rapno verde*, «зеленая ткань». Обязательно наличие трех музыкальных инструментов — скрипки, гитары и тамбурина. Иногда к ним присоединяется флейта или аккордеон. Музыкантам требуется большой репертуар, поскольку, как мне сказали, иногда необходимо проиграть вступление к десяти или двенадцати мелодиям, прежде чем больной будет доволен.

Известно, что в прошлом возникало немало сочувственных истерик. Многие люди, не пострадавшие от укусов, начинали испытывать невероятное волнение, а другие, возможно шутки ради, к ним присоединялись. Группы странствующих музыкантов ходили по Южной Италии и аккомпанировали танцующим страдальцам. Следует отметить, что женщины бывали укушены чаще мужчин. Этот летний экзорцизм называли *il carnevaletto delle donne* — маленький женский карнавал.

Чаще все вспоминают историю о богаче из Таранто. Он не верил в тарантизм и приписывал это явление женской истерии. Даже угрожал наказать женщин в своем поместье, если кто-то из них проявит симптомы такой болезни. По иронии судьбы, его самого укусил тарантул. Испытывая страшную боль и лихорадку, богач соскочил с кровати и принялся танцевать. К нему привели музыкантов, и его прыжки стали еще более дикими. Он выбежал из дома на улицу и заорал: «*Напно ragion'le femmine! Напно ragion'le femmine!* — Женщины правы! Женщины правы!» Еще одной невольной жертвой стал епископ из Фолиньо. Он ради шутки дал себя укусить тарантулу, но так заболел, что, не в силах найти облегчения, стал танцевать.

Самая значительная книга о тарантизме появилась в 1961 году — это «*La terra del rimorso*» («Земля раскаяния»), принадлежащая перу римского профессора истории религии

Эрнесто де Мартино. Профессор задумал лечить тарантизм современными методами и пригласил для этой цели команду ученых, в которую включил психиатра, психолога, антрополога и музыканта. Они отправились на Салентинский полуостров, в провинцию Лечче. В июне 1959 года команда выявила тридцать пять человек, считавших, что они страдают от укуса паука. Девятнадцать человек были тщательно обследованы на дому.

Хотя исследователи не обнаружили никаких симптомов, которые не были бы описаны учеными XVII века, они посмотрели на проявления болезни под новым углом. В ходе работ обнаружили, что на Салентинском полуострове есть одно место, в котором никогда не бывает случаев тарантизма. Это — город Галатина, один из крупных городов винной торговли, с населением более двадцати тысяч человек. Среди церквей есть одна, посвященная Петру и Павлу. Благодаря тому, что город является вотчиной святого Павла, все верят, что в Галатине нет змей, рептилий, пауков и прочих вредоносных созданий. Причина? Потому что святой Павел на Мальте не понес никакого вреда от змеи, обвившей его руку (Деяния святых апостолов, 28:3–4). В то, что апостол защищает от ядовитых укусов, верят не только на Салентинском полуострове, но и на всем юге Италии. Словосочетание — *feudo di Calatina* — «вотчина Галатина», — используемое крестьянами для описания города, уцелело в разговорной речи со времен Отвилей и норманнских королей Сицилии.

Профессор де Мартино и его коллеги отметили, что ежегодное возвращение тарантизма происходит в июне, когда жертвы паука становятся беспокойными, грустными и начинают испытывать страх, что яд снова возьмет над ними власть. Тогда они снова начинают танцевать. Команда ученых изучала одну женщину, которая, протанцевав несколько дней, начала лаять, как собака, а потом, не выходя из состояния транса, стала вдруг нормальной и кивнула музыкантам, чтобы те прекратили играть, после чего пошла спать и излечилась. Такие люди после излечения посещают «вотчину Галатину» 20 июня, в день праздника

святого Петра и Павла, чтобы отблагодарить апостола за излечение. По этому случаю люди надевают белые одежды. Спрятавшись на церковной галерее, профессор наблюдал удивительные, сумасшедшие явления. Священники на это время тактично удалялись из помещения. Один человек, войдя в церковь, упал на спину и, издавая громкие крики, последовал в такой позе к алтарю. Тело его при этом судорожно дергалось. Добравшись до алтаря, он полез на него и притронулся к иконе святого Павла. Одна женщина улеглась на алтарь всем телом. Трудно понять, выражали ли жертвы тарантизма благодарность за излечение или просили апостола убрать из своего организма остаток паучьего яда.

Книга удивит тех, кто думает (и таких людей большинство), что тарантизма больше нет и что тарантеллу играют только ради увеселения туристов. В одной из книг приводятся фотографии людей, считающих себя жертвой паука. На их лицах нет и следа веселости и живости, которые должна бы внушать тарантелла. Мы видим измученных крестьянских женщин. Они скинули башмаки и, оставшись в черных шерстяных чулках, печально кружатся по своим бедным комнатам, а мрачные музыканты в расстегнутых рубашках, из-под которых видны майки, исполняют древние мелодии. На фотографиях танцоры показаны в начале пляски, а потом несколько дней спустя, когда они без сил падают на руки друзей. Похоже, это конец тарантизма. Тем не менее он окружен тайной. Ни один разумный человек не поверит в то, что пауки отравили этих людей, но, возможно, что вид паука закрепился у них в подкорке. С ним связаны древние языческие импульсы, которые, как ни странно это может показаться, связывают крестьян Апулии с безумием корибантов.

То, что этот вид нервного расстройства приписывают безобидному пауку, возможно — последний отголосок массовой мании Средневековья. Тогда это было обычным явлением. Можно упомянуть детское паломничество, когда тысячи девочек и мальчиков отправлялись в Святую Землю, при этом они либо поголовно погибали, либо их продавали в

рабство. Были и флагелланты — и до и после черной смерти. Они ходили по Европе и стегали себя бичами, замаливая грехи мира. К ним присоединялись тысячи добровольцев из мест, по которым они проходили. Флагелланты сделались таким общественным злом, что, заслышав об их приближении, города крепко-накрепко запирали ворота, а Милан в качестве предупреждения ставил виселицы.

За флагеллантами на Европу накатил новая напасть — пляски. Начало этому, после черной смерти, положила Германия. Под бой барабанов и звуки волынок тысячи людей выходили из дома и, приплясывая, шли по стране. Они держали друг друга за руки и тряслись в конвульсиях. Скакали, пока не падали без чувств. Многие умирали, другие в бреду падали в реки, либо сознательно кончали с собой. Как и сегодняшние жертвы пауков в Италии, танцоры верили в то, что страдают от тяжелой болезни, которую можно вылечить только сильными телодвижениями. В Льеже, Утрехте и других северных городах танцоры выходили с Цветами в волосах и на талии, обматывались длинными отрезами ткани, при этом надеялись, что, когда упадут в обморок, кто-нибудь воткнет в ткань палку и крепко ее привяжет. Верили, что такая конструкция принесет страдальцу облегчение до новой атаки. В Метце однажды на улицах собралось более тысячи пляшущих и орущих людей. Крестьяне покидали свои поля, ремесленники уходили из мастерских, женщины — из домов. Они присоединились к беснующимся, и скоро в богатом городе настал полный хаос. Любопытно то, что все верили: излечиться можно в часовнях Святого Вита, возле Цаберна и Ротштейна. Можно не сомневаться, что такие исцеления случались. Великий врач Парацельс, изучавший эту проблему в XVI веке, сказал: те, у кого не было другого средства, кроме пляски, танцевали, пока не умирали, однако те, кто шел к святому Виту, излечивались.

А что это за святой? Он был уроженцем Южной Италии, родился в Сицилии и был замучен в 303 году при Диоклетиане. Виту посвящено много церквей на юге Италии. Рассказывают, что он обнажил перед палачом шею

и попросил Господа дать ему силу излечить всех, подверженных плясовой мании. Будто бы голос с Небес ответил: «Вит, твоя молитва исполнена». Однако эта легенда появилась лишь в Средневековье. Конечно же, это была попытка Церкви унять страшную истерию, из-за которой опустели деревни, а города погрузились в хаос. Как и в случае с тарантеллой, музыка была настолько приятна танцорам, что магистраты, стараясь увести плясунов из города, специально держали музыкантов в сельской местности.

Тех, кто приходил в часовню Святого Вита, после религиозной церемонии подводили к алтарю, где из них изгоняли танцующих демонов. Хотя многие совершенно излечивались, некоторые продолжали дергаться до конца жизни. Название «пляска святого Вита» дожило до наших дней. Его применяют к мышечным сокращениям, которые не имеют ничего общего с массовыми плясками Средневековья.

Англичане всегда интересовались тарантеллой — и в XVII, и в XVIII веке. Им нравился живой неаполитанский танец, который прислуга обоих полов тут же исполняла, стоило только намекнуть на чаевые. Я обнаружил одно из самых ранних английских упоминаний о тарантуле и тарантелле. Это был путешественник Джордж Сэндис, который, возвращаясь в 1611 году с Ближнего Востока, вышел на побережье Калабрии, где, по его словам, «великое множество тарантулов».

«Они прячутся в ямках, пещерах, — продолжил он, — в грязных отбросах, между бороздами, и деревенским людям приходится жать урожай в сапогах. Укус смертелен, а если средства, принятые против яда, помогают, то такие случаи считаются чудом. Некоторые люди после укуса тарантула впадают в глубокий сон; другие — напротив — никак не могут уснуть. Кто-то все время подпрыгивает, а другие становятся невероятно ленивы. Один бранится, второй страдает от непрерывной рвоты, третьего охватывает помешательство. Кто-то рыдает, а кто-то не может удержаться от смеха, и это — самое распространенное

явление. Когда человек слишком весел, о нем говорят, что его ужалил тарантул. Разновидностей тарантула так же много, как и симптомов вызванного им заболевания... Веселые, буйные и другие, чересчур активные, излечиваются музыкой. Заслышав ее, они пускаются в пляс и танцуют без устали, так как с движением и потом яд выходит из организма. А музыку приходится выбирать, чтобы пробудить в печальных и сонных людях желание танцевать. Если это удастся, они своей пляской доводят музыкантов до изнеможения. Со временем боль уходит вместе с инфекцией, и мозг освобождается от страдания. Если музыка прерывается, болезнь возвращается, поэтому надо играть, пока она окончательно не исчезнет».

Затем Сэндис упоминает знакомого нам персонажа — епископа в красной сутане.

«Епископа этой страны, — пишет он, — облаченного в красную сутану, увидел человек, пострадавший от укуса тарантула. Больной издал истошный крик и пустился в пляс вокруг священника. Епископ оскорбился и приказал ему оставить себя в покое, а сам торопливо пошел прочь. Однако присутствовавшие при этом люди стали просить епископа проявить сочувствие к бедному несчастному человеку, который, возможно, умрет. Пусть епископ постоит тихонько и потерпит, пока из больного не выйдет дьявол. Священник устыдился и остался стоять, а больной плясал вокруг него несколько часов. Случилось чудо: больной окончательно выздоровел». Сэндис не понял: то, что, по его понятиям, было «истошным» криком, на самом деле выражало не насмешку, а восхищение. Не зря люди просили епископа остаться: они знали, что красный цвет его одеяния может содействовать излечению.

Сэмюел Пипс в своем дневнике за 4 февраля 1662 года упоминает некого «мистера Темплера», великого путешественника, который, говоря о тарантуле, заметил, что во время сбора урожая в Италии «музыканты идут на поля, ожидая, что их наймут люди, укушенные пауками». Среди английских путешественников, интересовавшихся тарантизмом, был философ Джордж Беркли, епископ

Клойна. Он приезжал в Южную Италию в 1717–1718 годах, и жаль, что мало видел, потому что рассказчик он идеальный. В Бари, однако, он стал свидетелем редкого проявления: танцующий человек схватил меч и сделал в его сторону угрожающий жест. В дни, когда мечи стали атрибутом тарантеллы, женщины, как и мужчины, часто танцевали с ними и иногда наносили себе ими ранения, как жрецы Кибелы. Куда бы ни приезжал Беркли, он просил показать пауков, но ему удалось увидеть их очень мало. О тарантулах он слышал много вздора. Например, один приор из Барлетты сказал мне, что человек может отравиться, если съест фрукт, укушенный пауком.

Начиная с XVIII века, путешественники, которые редко углублялись в страну южнее Неаполя, знали тарантеллу лишь как быстрый деревенский танец, о котором Рэмидж писал, что «он похож на старинный, довольно вульгарный шотландский танец, прозванный pillow („подушка“), от которого отказались, после того как в моду вошла кадриль». 15 апреля 1801 года в Лондоне произошло любопытное представление. В этот день до Англии дошла весть о победе Нельсона при Копенгагене. Лорд Рексол говорит, что примерно в десять часов вечера он решил навестить сэра Уильяма Гамильтона, который жил тогда в особняке, что соответствует сейчас дому 23 на Пикадилли, напротив Грин-парк. Там он обнаружил маленькую компанию друзей, которым Эмма Гамильтон пела песни, аккомпанируя себе на клавесине. Потом она решила станцевать тарантеллу.

«Сэр Уильям начал танцевать вместе с ней, но, как и следовало ожидать, через несколько минут устал. Герцог де Нойя сменил его, но и он, будучи на сорок лет моложе сэра Уильяма, быстро сдался. Тогда леди Гамильтон послала за своей горничной, но и она вскоре запыхалась. Ее выручила чернокожая служанка, которую лорд Нельсон подарил леди Гамильтон по возвращении из Египта».

Леди Гамильтон тогда было сорок; сэру Уильяму — семьдесят один год.

Глава шестая. Воспоминания о Великой Греции

Древний порт Таранто. — Ирландский святой покровитель. — Изматывающий сирокко. — Великолепные устрицы. — «Фермы» морепродуктов. — Посещение Платоном Таранто. — Реликвии Великой Греции. — Город гончаров Гроттальи. — Место рождения Родольфо Валентино. — Колония Метапонт. — Матера и пещерные дома. — Страна Карло Леей и Эболи.

1

Славе Таранто — по утверждению Ленормана в его работе «Великая Греция» — немало способствовал ввоз в Европу *cattus domesticus*, или домашних кошек. Полагают, что кошка явилась сюда из Египта или с Крита. Если это действительно так, то, вступив на священную землю, вы видите берег, к которому приставали корабли с философами, поэтами, купцами и завоевателями. Все они, как и вы, смотрели на место, куда ступило это существо, возмущенно покачивающее хвостом. Кошка соблаговолила разделить с нами жилье. Участия в таком переселении достаточно для того, чтобы обрести славу, а налить кошке первое блюдо молока или сливок — значит удостоиться невероятной привилегии. Давайте не будем слишком присматриваться к этой легенде: было бы невежливо с нашей стороны найти в ней изъян и оскорбить Таранто. И как же кстати то, что святой Кательдо (ирландец по происхождению) является покровителем города.

В античности город отмечали за его географическое положение. Известен он также и за выращивание морепродуктов. Хотя инвестиции и помогли Таранто развить сталелитейную промышленность и другие отрасли

народного хозяйства, больше всего запоминаются его рыбные рынки и люди, выходящие на берег со связками иссиня-черных моллюсков и ведрами, полными устриц и других морепродуктов.

По продолжительности это занятие — одно из древнейших на земле. Таранто — греческий Тарас — был основан за семьсот лет до Христа, то есть две тысячи шестьсот лет назад. Мир за это время изменился: зарождались, расцветали и исчезали нации и города, но рыбаки Тараса — Тарента — Таранто, — кажется, бессмертны. Так же, как и много лет назад, выглядят их лица цвета кирпича, греческие носы и брови, похожие на усики у раков.

Тарас возник не так, как другие греческие города Южной Италии. Греки основывали колонии за пределами страны, посоветовавшись прежде с Дельфийским оракулом. Для этого у них имелись разные причины: сельское хозяйство не поспевало за ростом населения; колонистам хотелось торговать за морем; к тому же авантюрный характер греков не давал им усидеть на месте, но главное — это то, что бедная, каменистая почва не могла поддержать всех своих граждан. Однако жители будущего Таранто покинули дом по другой причине: их презирали как бастардов. Слово при этом использовалось менее приятное. Эти молодые люди родились в Спарте во время войны, длившейся девятнадцать лет. Армия тогда была далеко от дома. Недовольные своим статусом, они решили уехать из Спарты и образовать собственную колонию, где надеялись стать политически независимыми и заработать себе на жизнь. Так они и поступили. Тарас сделался самым знаменитым и богатым городом Великой Греции. В пору своего расцвета жители Тараса могли выставить на поле боя тридцатитысячную пехоту, не говоря уже о знаменитой кавалерии.

Я приехал в душный, жаркий вечер. Заходящее солнце нещадно поливало город. Таким я его себе и представлял — узкий остров с белыми домами у входа в голубую лагуну. Неподвижная вода раскинулась на шестнадцать миль. В ней

отражалось южное небо. Два моста — по одному с каждого конца — соединяли остров с материком. Лагуну делили друг с другом рыбацкие суда и военные корабли, словно все они относились к временам Великой Греции и знать не знали о Риме.

Увы, я смотрел на все с болью и меланхолией. В чем дело? Я подумал, что простудился. Разозлившись на самого себя за то, что опростоволосился в самый важный момент путешествия, я печально поехал по прямоугольному новому Таранто, не зная, в каком отеле остановиться. Наконец, увидев хорошую парковочную площадку, выбрал гостиницу, в которой предлагали лишь номер и завтрак. Тем не менее все здесь было поставлено на широкую ногу. Отель недавно открылся, что характерно для меняющегося лица Южной Италии. Я вышел из лифта в полутемный, прохладный коридор, облицованный мрамором. Подумал, что интерьер соответствует моему настроению: все здесь напоминало о похоронах. Направился в номер с таким чувством, словно шел в гробницу Великой пирамиды. Одна стена в комнате была сплошь стеклянной, оттуда открывался вид на приятный городской сад, где старики сидели под деревьями, а дети гонялись друг за другом по посыпанным гравием дорожкам. Номер был — слава тебе, господи — оборудован кондиционером. Ванная являлась образом итальянской страсти к *far figura* — желанию произвести впечатление. Начало этому заложил Голливуд, в фильмах которого актрисы нежатся в пышной пене. Из черных мраморных стен торчали хромированные краны. Все выглядело великолепно, за исключением того, что пробка в ванне не работала: она застряла в сливной трубе. Вероятно, это сделал ребенок, впервые увидевший такую современную ванную. В обычном состоянии я просто бы рассмеялся, однако нахлынувшая на меня депрессия проявила себя в полной красе. Я сурово высказал претензии по телефону (в номере имелись два аппарата). После звонка явился молодой человек в голубых джинсах, с гаечными ключами, торчащими из всех карманов. Вид у него, как и у всех водопроводчиков, был растерянный, словно его закабалила

сила, справиться с которой было не в человеческих возможностях. Тихонько постучав по трубе, он сказал, что сделать ничего нельзя. Тут вошла горничная и выслушала наш спор. Это была крепкая деревенская девушка — невысокая, темноволосая, расторопная. Насколько могу судить, в ней не было ни одной черты, которой бы заинтересовался Пракситель. Она взяла меня за руку, словно шестилетнего ребенка, повела в ванную и быстро заговорила на местном наречии, из которого я не понял ни слова, и продемонстрировала самую простую вещь в мире — заткнула отверстие дорогой ванны мокрой губкой. Я был благодарен за то, что она понизила статус *far figura* до нормального уровня.

Затем я пошел к фармацевту. Итальянские фармацевты придерживаются латинской логики — продают лекарства. Здесь не продают фотоаппараты, часы, соли для ванной, косметические маски, зажигалки, карандаши, губную помаду или бритвенные лезвия. Это означает, что обычная фармация не забыла, с какой целью ее создали, и не важно, как далеко она ушла от Эскулапа. И в самом деле: здешние аптеки навевают ранние воспоминания, кажется, что вот-вот увидишь чучело аллигатора. Аптека, в которую я пришел, была хорошей. Здесь было темно и пахло лекарствами. Пожилой человек ученого вида вышел из тени, и я пожаловался ему на недомогание.

— Синьор, — сказал он. — Это всего лишь сирокко. Когда он пройдет, вы немедленно поправитесь.

— Но когда он пройдет?

Аптекарь передернул плечами и вздохнул.

— Кто может сказать? Один-два дня — не больше. Он дал мне мазь для губ, черного цвета. Она пахла так, словно ее приготовил кто-то из клана Медичи. Еще он мне дал флакончик с аспирином.

С удовольствием вспоминаю день, когда сирокко не стало. Прогуливаясь утром по саду, я радостно отметил, что мир выглядит и ощущается таким, каким был всегда. Депрессия ушла, и люди на улице снова улыбались и даже смеялись.

Теперь я был способен посетить новый Национальный музей совсем с другим чувством, нежели в предыдущие дни. Меня интересовали женщины, жившие в Тарасе за несколько столетий до новой эры. Мне кажется, что этот музей собрал самую большую в мире коллекцию греческих терракотовых статуэток. Говорят, их здесь почти пятьдесят тысяч, и это еще не все: когда строят новые здания и прокладывают подземные дороги, находят и другие статуэтки. Возрождение греческого Тараса в последние восемьдесят лет столь же сенсационно, как и обнаружение Помпеи и Геркуланума. Все чудесные экспонаты в музее были найдены на кладбищах Тараса. Их обнаружили, когда Таранто сделали морской базой и построили новый город.

Любопытно, что никто не подозревал о существовании погребенного сокровища. Когда английский путешественник Суинберн осматривал эту территорию в конце XVIII века, он написал: «Не знаю в истории второго такого поселения, которое было окончательно стерто с лица земли».

Из всех малых видов искусств, что дожили до наших дней, мне больше всего по душе танагрские статуэтки. Это — изящно смоделированные фигурки из обожженной глины, около фута в высоту, на некоторых из них сохранились слабые следы краски. Обычно они изображают женщин в ниспадающей красивыми складками одежде. На головах некоторых фигур маленькие шляпки — плоские или конической формы. Иногда это две женские фигурки, сплетничающие друг с другом. Есть и сидящие женщины. Часто женщины держат в руке веер, зеркало или шар. Встречаются танцовщицы, стоящие на одной ноге. Видел я и двух девушек, танцующих одна подле другой, похоже, древний автор изобразил профессиональных балерин. Есть даже африканская танцующая девушка. Очаровательна

фигурка танцовщицы, поправляющей на поднятой ноге балетную туфельку. Но чаще всего увидишь женщину, любующуюся на себя в зеркало, поправляющую прическу или оправляющую платье или шляпку. По всей видимости, дама готовится выйти из дома.

Эти маленькие фигурки потому так очаровательны, что они правдиво отражают обычную жизнь, протекавшую двадцать столетий назад. Искренний взгляд на человека привлекает куда больше, чем постановочные сценки, запечатленные в севрском и мейсенском фарфоре. Многие из тех, кто бродил по местам раскопок и разглядывал музейные экспонаты, время от времени задавались вопросом: как бы выглядела встреча с человеком, жившим в отдаленном столетии, и какие точки соприкосновения можно было бы найти при общении с ним? Думается, что с танагрскими женщинами наверняка мы нашли бы общий язык. Некоторые из них очень похожи на наших современниц, которые, оправляя платье, стоят на ступенях театра, поджидая такси.

Нет ничего приятнее такого вступления к знакомству с Великой Грецией. Я бродил от одной витрины к другой, с восхищением разглядывая экспонаты — фигурки, вазы, ювелирные изделия, монеты, которые жители этого города когда-то создали и ценили. Некоторые литераторы сравнивали цветущие, предприимчивые города Великой Греции с Соединенными Штатами. Если продолжить это справедливое сравнение, то Тарас за четыре века до новой эры можно уподобить Нью-Йорку. «Греческие города на западе были процветающими нуворишами; их храмы были чуть больше, чем на родине; их искусство было чуть наряднее, — писал Джон Бордман. — Художников и философов заманивали из Греции комиссиями или лекционными турами, и их работа от этого не всегда страдала».

В этом ярком и богатом мире некогда презируемые бастарды очень быстро сделались миллионерами. Они сколотили себе состояние, строя корабли, выращивая скот, занимаясь производством шерсти. Одни стали владельцами

мельниц, другие работали в красильном либо гончарном производстве. Их доки и склады ломились от прекрасных товаров того времени. Об их богатстве и значении говорила самая большая статуя в мире (исключая Колосса Родосского) — бронзовый Юпитер, возвышавшийся над городом. Были построены широкие дороги, появились многочисленные рынки, на берегах лагуны выросли виллы и плавательные бассейны, городские и фруктовые сады, пасечники производили отличный мед, не уступавший гимету.^[34]

Греки говорили, что когда-то собака Геркулеса нашла на берегу улитку, раздавила ее во рту, да так и осталась навсегда с пурпурными челюстями. Эта улитка называется багрянка. Моллюск стал источником пурпурной краски, которая высоко ценилась в античные времена. Красильные мастерские Тараса были знамениты, и еще век гору панцирей багрянки показывали как одну из достопримечательностей Таранто, но при строительстве нового города эта гора исчезла. Краска улитки заключена в маленькой железе с жидкостью, поначалу бесцветной. Будучи извлеченной на воздух, она становится красновато-пурпурной. Одной из сцен Тараса, которую многие путешественники, должно быть, видели в древние времена, были рабочие-красильщики, извлекавшие мешочки с краской и выбрасывавшие пустую скорлупу в ту самую, исчезнувшую гору.

Шерсть Тараса ценилась не меньше краски, в которую ее окунали. Говорят, что на местных овец надевали кожаные жилеты, чтобы защитить их драгоценную шерсть. В Тарасе изготавливали и шелк, пользовавшийся большим спросом у танцовщиц. Его получали из прочных волокон моллюска пиннанобилиса. С помощью этих волокон он прикреплялся к подводным скалам. Материал этот, как можно предположить, был очень дорогой. Его покупали либо натурального коричневого цвета, либо окрашенного в пурпур. Разумеется, больше его не производят, но один человек сказал мне, что помнит галстуки и перчатки, которые все-таки иногда шили из этого шелка, и, кажется,

недавно он видел такой галстук в магазине. Я обошел все галантерейные магазины Таранто, в особенности те, куда ходят молодые люди с целью произвести впечатление (*far figura*), однако все оказалось напрасно.

В залах музея полно предметов, относящихся к великому периоду истории Тараса — к 409 году до новой эры.

Город тогда был в зените славы и богатства. Делами города заправлял человек, которому удалось прожить безукоризненную жизнь, и это действительно уникальный случай. Он не только был идеальным мужем и отцом, но и «восхитительным Крайтоном»^[35] Великой Греции, философом, математиком, астрономом, изобретателем, государственным деятелем и победоносным генералом. Если даже он и допустил в своей жизни какую-то ошибку, то о ней никто не помнил. Если согрешил, то этот грех потерялся бы в его многочисленных добродетелях. Рассказывают, что удобствам, счастью и образованию своих рабов он уделял не меньше внимания, чем собственным детям. Среди его изобретений запомнился деревянный голубь, который летал по комнате, направляемый струей пара. Окружающие смотрели на него как на чудо. К чести жителей, они из года в год избирали Архита главой города.

Среди друзей Архита был Платон. Он не однажды заглядывал в город по дороге в Сицилию и обратно. В Сицилию его приглашали как психиатра: он смотрел, как действует его лечение на здоровье Дионисия II. Как это часто бывает с психиатрами и даже с участливыми друзьями, философ вызывал к себе у своего пациента враждебные чувства. Говорили, что однажды Платон избежал опасности лишь благодаря всесильному Архиту. Среди немногих воспоминаний о пребывании Платона в Сицилии сохранился эпизод, когда он выразил неуважение к тирану. Дионис, по словам Плутарха, будто бы сказал: «Не сомневаюсь, Платон, когда ты дома, среди философов, друзей, то жалуешься на меня и перечисляешь все мои недостатки». Платон с улыбкой ответил: «Надеюсь, у академии найдется более достойный предмет для обсуждения, чем твоя особа». Жестокое заявление, однако

есть что-то человеческое и многообещающее в признании тираном собственных недостатков. Приятно, однако, думать, что на людной набережной Тараса Платона встречал его друг Архит. Интересно представить, как два великих человека запускали деревянного голубя. Однако письменное свидетельство такого эпизода отсутствует. Единственное упоминание о Тарасе в работах Платона — замечание персонажа в одном из диалогов. Он говорит, что приехал сюда в один из официальных праздников и увидел, что весь город напился.

Интересно, как Тарас превратился в Тарент. Это случилось в 272 году до новой эры. Долгое время жители богатого греческого города не желали замечать возвышения Рима. Тарас объявил Риму то, что сейчас мы называем «холодной войной». Спрятавшись за этим дипломатическим заявлением, он объединился с врагами Рима. Город разыгрывал роль «Большого брата», обещавшего финансовую и военную помощь тем, кто вступит в конфликт с Римом, однако сам при этом держался в тени. Однажды в 302 году зрители, присутствовавшие в театре Тараса, откуда открывался прекрасный вид на море, заметили десять римских военных кораблей, приближавшихся к городским стенам. Аплодисменты сменились гневными восклицаниями. Произошло нарушение договора с Римом. Согласно договору, римским военным судам запрещено было входить в эту акваторию. Немедленно были собраны отряды. Греческие триремы дали отпор нарушителям границ. Публика, за мгновение до этого следившая за любимыми бурлескными сценами, увидела реальную драму, когда четыре римские галеры потопили их корабли вместе с командиром. Один корабль они захватили и торжественно пришвартовали в гавани. За этим эпизодом последовала девятилетняя война с Римом, закончившаяся поражением Тараса.

С 272 года до новой эры название города сменилось, и он стал называться Тарентом. Город по-прежнему соблюдал греческие законы и традиции, но в цитадели расположился римский гарнизон.

В Таренте всегда была мощная антиримская группировка, и во время Второй пунической войны она проявила активность. Ливий писал о предательской выдаче города Карфагену, а потом о возвращении его римлянам тоже путем предательства. Текст замечательный и дает полное представление о величине и мощи Тарента.

Ганнибал, самый хитрый из генералов, раскинул лагерь на расстоянии трехдневного марша от Тарента. Он тайно встретился с лидерами антиримской группировки. С их помощью устроил ловушку. Лидером греков был молодой человек по имени Филомен, заядлый охотник. Ему предложили по ночам ходить на охоту, чтобы со временем к его походам привыкли. С наступлением темноты он выходил вместе с собаками и возвращался до рассвета с дичью (иногда Ганнибал давал ему уже подстреленное животное). Каждый раз Филомен приносил сторожам подарки. Вскоре римские стражники в ответ на условный свист сразу же отворяли греку ворота.

Бдительность усыпили, и настал момент захлопнуть ловушку. Вслед за Филоменом, охотничьим трофеем которого на этот раз был огромный кабан, Ганнибал подошел к спящему городу, а легковооруженная армия тихо следовала за ним. В ответ на условный свист римляне, как обычно, отворили ворота, и, пока стражники восхищались кабаном, их всех перебили. Операция зависела прежде всего от скорости. Другие заговорщики в это же время поубивали часовых у восточных ворот, и карфагенская армия быстро и бесшумно проследовала к форуму. Тревогу подняли слишком поздно. Римский гарнизон отступил в цитадель. Крепость была такой мощи, что Ганнибал с ней не справился. К тому же цитадель перекрывала выход из лагуны, заперев в ней греческий флот. Ганнибала это не встревожило. «Многие проблемы можно решить, надо лишь найти способ, — так написано у Ливия. — Смотрите, ваш город расположен на открытом пространстве. У вас широкие улицы. Я смогу погрузить ваши корабли на повозки и перевезти по дороге, что идет от гавани в центр города, и далее к морю». Чтобы облегчить исполнение этой операции,

главную улицу замостили, и через несколько дней военные корабли перевезли из лагуны в море.

Через три года римский полководец Фабий с помощью хитрости снова захватил Тарент. Это был старый трюк: он отыскал в цепи слабое звено. Не следует думать, что до этого додумались современные ученые мужи, это было известно и тысячи лет назад. Случилось так, что капитан подразделения противника влюбился в сестру римского солдата. Она писала своему брату в цитадель. Из рассказа сестры тот узнал, что ее поклонник — богатый человек, и он занимает высокое положение в обществе. Солдат подумал, что ради сестры влюбленный капитан готов будет пойти на все. Рассказал об этом командиру, и тот решил, что неплохо будет претворить план в жизнь. Римлянин получил инструкцию войти в Тарент под видом дезертира и подружиться с капитаном через сестру. Подробности заговора неизвестны, но из-за слабости несчастного капитана однажды ночью ворота открылись, и римляне вошли в город, разграбили его и выслали статую Геркулеса в Рим. Тридцать тысяч жителей Тарента были проданы в рабство.

Лишившись силы и величия, Тарентум тем не менее вступил в счастливый старческий возраст и жил в мире и спокойствии. Он по-прежнему был по-гречески элегантен, не поддавался варварским племенам и москитам; сохранил Красоту; славился душистым медом и овцами, которых, как отметил Гораций, ради сбережения шерсти наряжали в кожаные кафтаны. Поэт смотрел на Тарент как на место будущего проживания. Ему нравилась здешние вёсны и мягкие зимы. Он был бы счастлив удалиться сюда на покой, если ему не позволят вернуться в дорогой его сердцу Тибур (ныне Тиволи).

Как я уже говорил, нет ничего лучше, чем ходить по местному археологическому музею, где на каждом шагу можно увидеть следы прошлого Тарента. Некоторые экспонаты могут показаться странными и непонятными, в то время как другие, особенно те, что демонстрируют любовь к животным, перекидывают мостик к людям из далекого

прошлого. С какой любовью и наблюдательностью выполнены фигурки и рисунки резвящихся дельфинов, длинношеих фавнов, довольных уток. Только люди, любящие животных, могли создать с таким юмором маленькую вазу в форме дикобраза и кувшин в виде осла с повешенными на него корзинами. А вот кошек я не увидел, и это, учитывая легенду, странно!

3

Старый город Таранто находится на узкой полоске земли, омываемой с одной стороны морем, а с другой — солеными водами лагуны. Здесь имеется только три главных улицы, параллельных друг другу, а от них отходит лабиринт переулков. Можно не волноваться, что заблудился: с любой точки города можно за несколько минут выбраться либо к морю, либо к лагуне. Здесь стоят в беспорядке старые желтоватые дома, которые при определенном освещении или с расстояния могут показаться не менее романтичными, чем наше представление о Камелоте.

Так выглядит место, на котором когда-то стоял великолепный акрополь Тарас — не скала, а территория, не сильно возвышающаяся над уровнем моря. Должно быть, потому жители и поставили здесь огромную статую Юпитера, корона которого давала знать штурманам, что их корабли приближаются к знаменитому городу. Одно из мест, с которого лучше всего можно наблюдать за жизнью Таранто, находится возле разводного моста, соединяющего на востоке новый город со старым. Он перекинут через канал, который построили лишь в XV веке. Механизмы моста спрятаны в одной из круглых башен Анжуйского замка, построенного в то же время. Канал используется военными кораблями итальянского флота. Обычно они проходят в лагуну вечером или когда стемнеет и встают в доке, там, где когда-то бросали якоря военные галеры Тараса. Эта сцена была знакома британским морякам в Первую мировую

войну, когда они направлялись к восточному театру военных действий. В последнюю войну британский флот, после бомбардировки Таранто и итальянского флота, вошел в 1943 году в лагуну и высадил солдат. Уинстон Черчилль написал в книге «Вторая мировая война»: «Дома у меня стоит „Юнион Джек“, подарок генерала Александера. Его водрузили в Таранто. Со времени нашего изгнания из Франции союзный флаг впервые взвился над Европой».

Счастливые моменты я испытал, прогуливаясь по Чивитта-Веккье. Смотрел на рыбаков, мне было интересно, что за шутки отпускают они на своем городском диалекте. Некоторые слушатели ошибочно принимали его за греческий язык, но это не так, хотя и греческие слова они, несомненно, в свою речь вставляли. Рыбацкий квартал выходит не на море, а на лагуну. Многолюдные набережные, снующие в обоих направлениях рыбацьи суда. На заднем плане выстроились в линию старые дома, с коврами или бельем, сохнувшим на балконах. Все это напоминает бедную Венецию. Любопытно, что рыбаки в море не ходят.

Они всегда были на короткой ноге с Посейдоном, и он, похоже, шел им навстречу. В отличие от других, здешние рыбаки не пропадают на несколько дней в океане, а мирно спят каждую ночь в постели. Богатый улов сам приходит к ним в лагуну вместе с приливом. Рыбаки выращивают в лагуне улиток и устраивают питомники для мидий и других моллюсков. Их отмечают шестами, с которых свешиваются толстые веревки с иссиня-черными морепродуктами. На самом деле этот промысел больше напоминает фермерство, чем рыболовство.

В Бари я думал, что нигде больше не увижу и столько не съем морепродуктов, но оказалось, что Бари — пустяк по сравнению с тем, что увидел сейчас. Таранто — место, где население питается преимущественно рыбой. В лицах жителей мне стало мерещиться сходство с ракообразными, а вялое рукопожатие напоминало о мертвом осьминоге, да и глаза, лишённые блеска, тоже наталкивали на ассоциации. Рыбный рынок в Таранто — музей южного моря. Мне

сказали, что здесь почти сто разновидностей рыбы и морепродуктов. Мне кажется, что я видел их все.

Устрицы Таранто славятся на протяжении столетий. Римские эпикурейцы предпочитают их всему остальному, хотя, когда Британию наводнили устрицы колчестер, то они пользовались не меньшей популярностью: их засыпали снегом и немедленно направляли в кухни Рима. Я подумал, что устрицы Таранто так же хороши, как и колчестер, бывший у нас много лет назад, когда еще можно было позволить себе купить устрицы. На рынке в Таранто я съел их дюжину возле рыбного прилавка. Их доставали из ведра по одной, открывали и протягивали мне на раковине. После некоторого затруднения нашелся лимон. Друзья сказали мне, что цена — десять шиллингов за дюжину — грабительская. Стало быть, рыбаки приняли меня за иностранного миллионера! Думаю, что это немного несправедливо. Я вовсе не считаю, что торговцы рыбой — грабители. Напротив, когда я останавливался в магазине или на рынке незнакомого города и спрашивал, как называется неизвестный мне моллюск, то меня почти каждый раз приглашали войти внутрь и попробовать одну или две штуки. Если я хвалил их, то мне улыбались, говорили комплименты, приглашали попробовать еще один или два моллюска и провожали меня на улицу. Ученые говорят, что греческой крови здесь не осталось, но я чувствовал, что Таранто населен персонажами Аристофана. Должно быть, само место сохранило генетическую память.

Собор ирландца, святого Катоальдо, находится в самой оживленной части Старого города. Норман Дуглас описал его как «веселый кошмар из камня», и я приготовился увидеть нечто экзотическое в стиле барокко, но с тех пор как Дуглас написал эти строки, прошло много лет, штукатурка осыпалась, и церковь предстала в виде строгой базилики XI века, с нефом из классических мраморных колонн, увенчанных византийскими капителями. Она сохранила все черты, которые связывают ее с апулийским собором норманнской постройки.

Я ничего не знал о святом Кательдо, и церковный служитель сказал лишь, что святой был чудотворцем, в Таранто приехал в VII веке из Ирландии. Он мне не сказал — это я выяснил позже, — что святой Кательдо вышел на берег Таранто на обратном пути из Святой Земли и, обнаружив, что город пребывает в грехе, решил здесь остаться. Говорят, что у него был брат, святой Донат. Он стал святым покровителем Лечче и, как я уже говорил, смотрит сейчас на город с верхушки колонны.

Я с удовольствием наблюдал за крошечными школьницами. Их привела с собой в боковую часовню маленькая пожилая монахиня. Она учила девочек таблице умножения. В овальное окно заглянуло солнце. Возможно, оно пришло из Дарема и осветило арку, под которой уселись ученицы. Спокойная сцена так далека была от шумной набережной и пыльных улиц, что я подумал о символической функции Церкви на протяжении истории. Вспомнил о тенденции поиска сочувствия у Церкви, когда ученицы поднимали руку и спрашивали разрешения покинуть комнату. Ответом им служило доброе поблескивание очков.

Гробница святого видна сквозь решетку темной исповедальни. К ней вели два лестничных марша. Я спустился и посмотрел сквозь железные прутья крипты, где непроницаемая тень скрывала саркофаг, в котором, как говорят, лежат ирландские кости.

Стемнело. Я пришел на рыбный рынок, в один из маленьких ресторанов. Дверь открывалась на набережную. Сел за столик в нескольких ярдах от рыбачьих лодок. Слабое покачивание суденышек доказывало, что они не на земле. Луна перешла во вторую четверть. На неподвижную лагуну изливался зеленый свет. Вдали, с правой стороны, военный корабль подмигивал лампой, передавая какое-то сообщение. Дзуппа-ди-пеше^[36] оказался самым лучшим из тех, что мне доводилось пробовать в Италии. Существует свыше девяноста вариантов этого блюда. Мне порекомендовали взять после него triglie — красную кефаль,

особым образом приготовленную. Я согласился, хотя эта рыба мне всегда не слишком нравилась. Не понимаю, почему римляне так ее любят. Они часто подают ее на званых обедах не совсем прожаренной. Моя рыба явилась в фольге, в которой ее запекали. Она была свежее, чем это бывает обычно, и пахла морем, тем не менее я по-прежнему считаю ее неинтересной рыбой.

Я пошел по старому городу, любуясь видами, открывавшимися в распахнутых окнах. Эти живые картины напомнили мне произведения Хогарта, только без джина. С балконов и из темных аллей звучало радио. Я заглянул в кафе. Мужчины сидели в темноте молча, точно в церкви. Смотрели по телевизору футбольный матч. Поднявшись на разводной мост, я обнаружил, что одна его половина повисла над новым городом, а вторая — над старым. Канал, ведущий в док, был открыт. Я ждал вместе с автомобилистами и мужчинами, оседлавшими мотороллеры. Яркая луна освещала эту экстравагантную сцену. Анжуйский замок плавал в зеленом свете, ленивое море лизало его округлые бастионы. Повсюду были зеленые и красные огни, потом неожиданно канал заполнили огромные серые тени, одна за другой, и из моря вышли три эскадренных миноносца. Шума не было, только плеск воды. Корабли исчезли в лагуне. Половинки моста сомкнулись, пробежал вперед моряк небольшого чина и отдал распоряжения. Машины двинулись, и вскоре мы оказались в новом Таранто.

4

Не существует причины, по которой романтически настроенные молодые люди должны отказывать себе в комфорте и соглашаться на жалкие условия, о которых писали старинные путешественники. Так было на юге Италии сравнительно недавно, свидетелем тому — Норман Дуглас. Ныне нет необходимости спать в гостиницах,

населенных клопами. Если не проколете по дороге шину, то даже ночью отыщете приличный отель.

Будучи привязанным к своему номеру с панорамным окном и голливудской ванной, я тем не менее совершал набеги в окрестности, а к ночи возвращался в комфорт отеля. Одним из таких мест стал Гроттальи, маленький город на расстоянии четырнадцати миль от Таранто. Он находится в горной местности, продырявленной пещерами. Рассказывают, что в старину пещерные жители покинули гроты и, собравшись вместе, основали городок Гроттальи. Здесь живут гончары. Восхитительные копии амфор, больших и маленьких — я обращал на них внимание у городских фонтанов, — а также дюжины старинных греческих сосудов — их увидишь в любой скобяной лавке или магазине — и множество нарядных (иногда ужасных) цветных ваз выходят из мастерских и печей этого городка. Возможно, что такое ремесло — продолжение знаменитых гончарен Тараса, продукция которых экспортировалась во все концы Италии. Глиняный горшок в те времена использовался так же, как в нашей цивилизации жестяная банка. В горшках продавались сотни продуктов — вино, зерно, мед, оливки, растительное масло, соленая рыба и прочее. Гончары, с которыми я встречался в Гроттальи, верят, что они — прямые потомки античных мастеров, хотя и не могут представить никаких доказательств. Они используют хорошую местную глину. Мне показалось, что самые популярные формы их продукции похожи на те, что изготавливали несколько столетий назад. Думаю, что Гроттальи выглядит так же, как квартал гончаров в любом городе Великой Греции. У каждого мастера есть собственная officina, или мастерская, собственный штат и ученики, собственные секреты производства. В наше разрушительное время мне было приятно увидеть, что много мальчиков и молодых людей идут по стопам отцов.

Куда бы я ни бросил взор, всюду видел тысячи горшков. Они стояли рядами на плоских крышах домов, во дворах, на полу под навесами и даже в пещерах. Целый полк амфор и не меньшее количество кувшинов или тарелок. Они

выстроились на солнце, и каждый предмет отбрасывал собственную тень. Я забрался в мастерскую, расположенную выше всех остальных, посмотрел сверху на Гротталии и подивился, что гончары находят место еще для одного кувшина. Тем не менее мужчины в легкой спортивной обуви, словно носильщики — два впереди и два позади, — осторожно ступали между рядами с новыми изделиями. Я унес с собой воспоминание, которое навсегда останется магическим: руки гончара, серые от слизи. Они создавали форму, словно доставая ее из воздуха. Запомнил и юношу — он сидел под навесом с кистью в руке и рисовал на вазе очередную греческую фигуру.

Однажды я приехал в горы, что в двадцати милях к северо-востоку от Таранто. Измученная земля, изувеченная пещерами. В некоторых пещерах заметил темные заброшенные часовни, в других — вылинявшие византийские фрески. Заговорил с пастухом, но тот то ли не понял меня, то ли не захотел говорить с чужаком. Повернулся и, ни слова ни говоря, исчез между скалами вместе со своими овцами. Девушка, подвязывавшая виноград, сказала, что в старину греческие отшельники жили в гротах. Пейзаж показался мне мрачным и нереальным.

Поднявшись на холм по пути в Кастелланету, я остановился в удивлении. Возле дороги я увидел скульптуру шейха-бедуина в натуральную величину. Фигура была изготовлена из цветного фарфора. Преобладал синий блестящий цвет. К статуе вели ступеньки. Поднявшись по ним, я прочел: «Родольфо Валентино». Здесь, в сердце гончарного района, была увековечена память первого киношного героя-любовника — Родольфо Валентино. Это сделали люди из его родного города. Валентино появился на свет в 1895 году. В восемнадцать лет в качестве танцора уехал в Соединенные Штаты.

Я въехал в город, стоящий на горе. С одной ее стороны разверзалась страшная бездна, с другой — открывался великолепный вид на морское побережье, идущее в сторону

греческой колонии Метапонт. Город казался на удивление тихим. Никого поблизости. Даже кафе пустовало. На вывеске было написано: «Бар Руди». Я обратил внимание, что парикмахерская называется «Basette (усики) di Valentino». Выходит, его не забыли.

В аптеке увидел несколько пожилых интеллигентных людей, которые, узнав сначала, что мною движет исключительно любопытство, предложили показать дом, в котором родился Валентино. Оказалось, что он находится почти против статуи. Сейчас его занимает дантист. Отец Валентино был районным ветеринаром. «Нет, — объяснили мне, — в районе больше нет его родственников». Один старый человек сказал, что учился в школе с Родольфо, однако вспомнить ничего не может. Кто-то припомнил, что великий любовник в зените славы приезжал в большом автомобиле, но надолго не задержался, завтракать уехал в Таранто. Насколько они знали, это был единственный раз, когда, сделавшись знаменитым, он посетил родной город. Однако я заметил: гордились они им не как актером, а как человеком, производившим неизгладимое впечатление на женщин.

Я порадовался тому, что увидел Кастелланету, и уехал, припоминая, что в двадцатых годах одним из наказаний для влюбленных мужчин было желание девушки увидеть фильм с Родольфо Валентино. У меня сохранились смутные воспоминания о высокой худой фигуре и усиках. Этот человек произносил слова любви под нарастающие звуки фортепьяно, а сентиментальная барышня, рыдая, падала в его объятия. Довольно странно, что в те времена это вызывало смущение. Впервые английская девственница встречалась на публике с потрясающим латинским любовником. Валентино случайно сделался киноактером, ибо его карьера танцовщика прервалась в Сан-Франциско, когда театр музыкальной комедии, с которым он гастролировал, остался без средств. В поисках работы он обратился на киностудию, и ему предложили что-то весьма жалкое. Проблема сценического имени его не интересовала: ему было из чего выбрать. Его звали Родольфо Альфонсо

Рафаэль Питер Филипп Гильельмо де Валентино д'Антонгуолла. Нужно отдать ему должное, он сделал лучший выбор. Валентино стал известным, сыграв в «Четырех всадниках Апокалипсиса», и его слава стала мировой после фильма «Сын шейха». Ничто теперь не могло его остановить. Все женщины сходили по нему с ума.

Один из первых агентов по связи с общественностью, энергичный циник по имени Гарри Рейхенбек уговорил Валентино отрастить бороду. Немедленно, как и предвидел Рейхенбек, международная общественность потребовала, чтобы их герой сбрил растительность, и бороду торжественно принесли в жертву парикмахеру, однако знаменитые усики остались. Многочисленные рекламные трюки Рейхенбека — это слово киноиндустрия позаимствовала у летчиков Первой мировой войны — пользовались широкой известностью. Сам он ласково называл их «фантомной славой».

Интересно отметить, что знаменитый критик Элинор Глин считала технику великого актера-любовника довольно посредственной. В биографии своей бабушки Энтони Глин говорит, что, когда Элинор Глин в двадцатых годах поехала в Голливуд, она думала, что любовные сцены у Валентино выглядят попросту беспомощно. «Знаешь, — говорила она много лет спустя, — он целовал только тыльную сторону женской руки, пока я не заставила его поцеловать ладонь». Дело в том, что Валентино пользовался успехом у женщин только на экране. «Ни один мужчина не привлекает так женщин, как Валентино, — писал Чарли Чаплин. — Ни одного мужчину женщины так не обманывали».

Смерть Валентино в 1926 году от септического эндокардита вызвала истерию во всем мире. Сейчас больше вспоминают эту трагедию, чем саму его жизнь. Полиции приходилось рассеивать толпу, собравшуюся возле больницы. Пока он лежал в коме, сотни женщины падали в обморок, окна госпиталя были разбиты, одна актриса совершила самоубийство, заявив напоследок, что смерть Валентино была для нее «последней каплей». Врач назвал причиной его смерти передозировку ультрафиолетовым

излучением на студии вкупе с калифорнийским солнцем. Этот вердикт вызвал у Голливуда тревогу. Хотя Валентино был дважды женат, актриса Пола Негри, хотя и не бывшая замужем за Родольфо, была вне себя от горя. Она присутствовала на похоронах, ее сопровождали врач и медсестра. Вечером, когда Элинор Глин пришла навестить ее, на ней был «самый черный из вдовьих нарядов». Даже сейчас, когда прошло более сорока лет, женщины, облачившись в черные платья и прикрыв лицо темной вуалью, 31 августа совершают паломничество к могиле великого любовника.

Я не спрашивал жителей Кастелланеты, поклоняются ли они блестящему изображению их идола.

5

В этих местах не на что посмотреть, разве только на обширные кустарниковые заросли, песчаные холмы, голубые горы на горизонте да полное камней извилистое русло, по которому ручей проложил себе дорогу к морю. Тем не менее местечки носят звучные названия, живущие лишь в нескольких строках греческих и римских писателей. Это — Великая Греция, страна для исследователей. Только тот, кто помнит, какую роль в истории человечества сыграли ныне разрушенные или исчезнувшие города, способен вообразить на ныне пустынном ландшафте улицы, дома, дворцы, храмы и базары, а также флот античного мира в доках и гаванях.

Размышляя о славе Метапонта, я проехал около двадцати миль вдоль западного побережья залива и прибыл в отдаленный район, в котором скоро потерялся. Недавно построенные дороги привели к морю. Здесь я увидел крошечные курорты, состоящие из отеля с рестораном, нескольких летних бунгало и пляжа. Эти места обросли автомобилями. На выходные сюда приезжают жители из соседних городов. У Кастелланеты есть два морских курорта, в двенадцати милях от города. Один называется Святая Кастелланета Марина, а другой — Марина-ди-

Кастелланета. Как бы удивился Рэмидж (и как восхитился бы Норман Дуглас), если бы приехал в такое место в субботу или воскресенье и увидел бы под зонтами почти нагишом Навсикаю и ее служанок — которые вышли на берег, по словам Гомера, «искупавшись и густо намазавшись маслом».

[\[37\]](#)

Подошел к высохшему руслу реки — в нем не было и намека на воду — и остановил человека с мулом. Он сказал, что река называется Брадано, и я понял, что все-таки не потерялся, поскольку Метапонт стоит возле реки Бранданус. Подъехал к железнодорожной станции и прочитал на табличке слово «Метапонто» — странное, наводящее на размышления слово. Пшеничные миллионеры и ячменные короли исчезли, не стало корабельных магнатов, чьи галеры экспортировали золотой урожай Метапонта, но название города жило на сонной маленькой железнодорожной станции. Я обратился к человеку, грузившему мешки в машину, и спросил, где находятся руины Метапонта. Он указал пальцем и сказал, что если я проеду несколько километров, то увижу Таволе Паладине — Рыцарский Стол. Я знал, что это — местное название дорического храма. Вспомнив об изображении короля Артура на полу собора Отранто, я спросил, уж не является ли этот стол круглым столом паладинов короля Артура, но мужчина покачал головой и пожал плечами. Через несколько минут я подъехал к долине, сделавшей благосостояние Метапонта за несколько столетий до Христа. Здесь некогда колыхалось море пшеницы, и воспоминание об этом осталось на красивых золотых монетах Метапонта: на обратной их стороне изображен пшеничный колос.

С удовольствием я приблизился к тому, что поначалу принял за небольшой ресторан, стоящий посреди цветочных клумб, но тут же сообразил, что такое заведение вряд ли построят в пустынном месте. Еще больше обрадовался, увидев, что это — музей. Куратор приветствовал меня с теплотой, свидетельствовавшей о том, что он соскучился по посетителям. Он сказал, что музей открыли в 1961 году. Видеть там было нечего, хотя каждый осколок керамики и

ржавой бронзы был выставлен для обзора с такой любовью, словно это было нечто уникальное. В сотне ярдов отсюда находится большой дорический храм. Он стоит на ковре из маргариток и маков — единственная не упавшая реликвия Метапонта, греческий Стоунхендж, видный на расстоянии нескольких миль. На этой некогда оживленной равнине стояли пятнадцать колонн, насколько я мог видеть, сильно потраченных временем. Один из музейных работников решил составить мне компанию. Я заметил, что Таволе Паладине мало похож на стол, и он согласился. Возможно, стол невидим, поскольку — объяснил он мне — крестьяне думают, что каждая колонна когда-то была стулом сарацинского эмира.

— В этом случае, — сказал я, — паладины, должно быть, были сарацинами, а не христианскими рыцарями.

Он сделал глубокий вдох, поднял и опустил руки в национальном жесте, который всегда сопровождают слова «Chi lo sa» — Да кто там знает?!

— А как называется этот храм? — спросил я.

— Мы называем его храмом Пифагора, — ответил он.

Бесполезно было спрашивать, почему они его так называют или как давно появилось это наименование, но мне очень хотелось думать, что имя это пришло из далеких веков. Когда Пифагор скончался, некоторые древние писатели утверждали, будто на месте дома великого философа жители города возвели храм Гере и назвали его Академией. Через два с половиной столетия римские туристы посетили опустевший к тому времени Метапонт, и среди них был Цицерон. Римский оратор отказался идти в приготовленные ему апартаменты, прежде чем не увидит дом, где жил и умер Пифагор. Из этих слов можно сделать вывод, что дом Пифагора или здание, на которое указывали туристам как на его дом, сохранился внутри храма Геры. Если же эти сведения неверны, то храм был построен не на этом месте. Пифагор умер в 497 году до Рождества Христова, а Цицерон приезжал в Метапонт в 43 году до новой эры. Дому тогда было четыреста пятьдесят лет, и он бы не пережил исторических передряг Метапонта, если бы

его не защитили стены храма. Если же писатели говорили правду, то дом философа в это время должен был оставаться в приличном состоянии.

Другой реликвией Метапонта является храм Аполлона, который, как сказал музейщик, находится в двух милях отсюда. Каким же большим был этот город! Следуя его указаниям, я проехал по пыльным дорогам мимо табачных плантаций. Увидел пшеничные поля, они мне напомнили об исчезнувшем городе и о кипучей жизни, иссякшей за два столетия до новой эры. Римским туристам, посетившим Метапонт, рассказали несколько легенд о происхождении города. Согласно одной из них, основателем города был Эпей, герой, изготовивший Троянского коня. В доказательство этого туристов пригласили в храм и показали молотки, топоры и другие столярные инструменты, использованные Эпеем. О другой туристской достопримечательности упомянул Геродот (он умер в 432 году до новой эры в пятидесяти милях от Метапонта, в греческой колонии Турий). Это была статуя загадочного волшебника, который, как говорят, восстав из мертвых, по желанию мог принимать разные обличья и появляться где угодно. Сделал он это и в Метапонте, поэтому здесь, на рыночной площади, ему поставили памятник, окруженный благородными лаврами (похоже, деревья сделаны из бронзы).

Метапонт обрел богатство благодаря экспорту зерна, а славу — вместе с Пифагором. Философ искал здесь уединения во время революции в своем родном Кротоне. Даже если он и написал что-нибудь, ни одного слова до нас не дошло, хотя учение его известно. Он учил спокойствию и самодисциплине. Пифагор был вегетарианцем, хотя по неизвестной причине запретил своим последователям есть бобы. Он верил в терапевтическое значение музыки, утверждал, что безнравственность — это болезнь души, а добродетель вознаграждается переходом души после смерти в некую высшую форму. Хотя его учение не преследовало политические цели, он считал, что людей должна вести за собой дисциплинированная

аристократическая элита. Быть пифагорейцем значило примерно то же, что и членство в эксклюзивном клубе. Можно также уподобить это средневековому рыцарству или даже масонскому обществу. Человек, вступавший в ряды пифагорейцев, проходил церемонию инициации, ему давались знаки, с помощью которых пифагорейцы узнавали друг друга. Пифагор верил в переселение душ и в то, что реинкарнация — это процесс очищения. Шекспир дважды упомянул эту доктрину. «Каково мнение Пифагора относительно дичи?» — спрашивает шут в «Двенадцатой ночи». «Что душа нашей бабки может обитать в теле этой птицы», — отвечает Мальволио.^[38] Очевидно, Шекспир находил привлекательной теорию Пифагора, поскольку Грациано в «Венецианском купце» говорит:

Во мне почти поколебал ты веру,
И я почти поверить с Пифагором
Готов в переселенье душ животных
В тела людей.^[39]

Как и многие другие греческие города на юге Италии, Метапонт был разрушен во время Второй пунической войны. То ли от страха, то ли из ненависти к Риму, город предпочел Ганнибала, и после возвращения Тарента римлянам в 207 году до новой эры Ганнибал создал в Метапонте свой штаб и разместил там гарнизон карфагенян. Однажды часовые подобрали предмет, перелетевший через стену. Это была отсеченная голова брата Ганнибала — Гасдрубала. Римляне сохранили ее в воске или в оливковом масле и перевезли с западного побережья Калабрии. Таким образом до Ганнибала дошла весть, что армия, главнокомандующим которой был его брат, потерпела поражение. С этого момента удача начала от него отворачиваться.

Ганнибал решил покинуть Метапонт. Прошло два года с тех пор, как Тарент был снова взят римлянами, а его население продано в рабство или истреблено. Ради спасения жителей Метапонта от такой же судьбы Ганнибал

эвакуировал все население города, и они сделались тем, что мы называем сейчас «перемещенные лица». Что случилось с ними и где оказались сотни тысяч людей, неизвестно. Но с 207 года до новой эры Метапонт, со своими золотыми прериями и потоком экспортируемого зерна, исчез из истории.

Цицерон, посетивший город через два с половиной века, описывал Метапонт так, словно он по-прежнему оставался городом, стало быть, какие-то люди туда вернулись. И все же город уже умирал, а малярия нанесла ему окончательный удар. Через сто пятьдесят лет Павсаний упомянул, что город превратился в руины. «Я не знаю, что послужило причиной разрушения Метапонта, — писал он, — но в мое время от него не осталось ничего, кроме театра и замкнутой стены».

Я ехал между табачными полями и приглядывался — искал храм Аполлона, однако не увидел ни единого дорожного знака, который помог бы путешественнику. Вскоре безнадежно потерялся. Пусто, не к кому обратиться. Наконец увидел человека, опыляющего серой виноградник. Он направил меня совершенно в другую сторону, но я так и не увидел ничего, напоминающего храм. В конце концов я вернулся в музей, и куратор любезно согласился сопровождать меня.

Мы отправились по второстепенной дороге, идущей через равнину. Оставив автомобиль на краю поля, пошли к груде камней. Огромные глыбы серого камня в беспорядке лежали в стоячей воде. Стоило нам приблизиться, как послышался одновременный плеск: элегантные маленькие зеленые лягушки нырнули под воду в поисках спасения. Вот где когда-то стоял храм Аполлона. Куратор сказал, что это — центр древнего Метапонта. Махнув рукой в сторону табачного поля, он сказал, что там находилась агора — рыночная площадь. Вокруг нее стояли храмы и публичные здания. Немногим более ста лет назад, продолжил он, здесь проходили раскопки за счет герцога де Люиня, его коллекцию вы можете увидеть в Национальной библиотеке

Парижа. Около двадцати отличных терракотовых фонтанов в форме львиных голов. Они до сих пор сохранили окраску, белые зубы, красные десны и нёбо, ярко-красные языки. Такой же фонтан из этого храма он видел в музее Неаполя.

Ученые археологи не проводили раскопок на территории Метапонта. Кто знает, что скрывается под табачными плантациями? Когда мы вернулись в музей, куратор пошел в свой кабинет и дал мне прощальный подарок. Это была замечательно сделанная копия золотой монеты Метапонта. Я даже сначала принял ее за настоящую. С лицевой стороны на ней было изображение головы одного из легендарных основателей Метапонта — Левкиппа, бородатого грека в шлеме, а с другой — пшеничный колос. Оригиналы находились в обращении в 350 году до новой эры.

С талисманом в кармане, я радостно поехал через равнину по направлению к горам.

6

Я покинул Апулию и ехал в Базиликату. Когда-то она называлась Луканией, потом сменила имя. Базилики являлись византийскими представителями восточного императора. Область эта небольшая, она разместилась под «подъемом итальянского сапога». Побережье с разных сторон омывают Ионическое и Тирренское моря. В Базиликате всего две провинции — Потенца с одноименным главным городом и Матера, с довольно странной столицей, о которой я читал. Надеюсь в этот день устроиться там на ночлег.

Я заметил здесь большое количество олеандров. Начиная с Таранто, они растут не дикими зарослями, а выращиваются специально. В тамошнем городском саду они представлены во всем разнообразии. В Кастелланету вы едете по обсаженной олеандрами дороге. Я бы не сказал, что это мой любимый кустарник, хотя однажды на меня что-то нашло и я вырастил целую изгородь из олеандров — белых и розовых. Млечный сок этих растений ядовит: я где-

то читал, что в последнюю войну солдаты, служившие в Африке, отравились жареным мясом, насаженным на олеандровые прутья. Эта история была знакома и армии Веллингтона во время войны на полуострове.

Норман Дуглас говорил своему другу Ориоли, что бывает малярия без олеандров, но не бывает олеандров без малярии. Ориоли подверг это утверждение сомнению, хотя, возможно, Дуглас имел в виду болотный олеандр. Классические ученые чрезвычайно осторожно высказываются о малярии и ее влиянии на города античного мира. Они говорят, что не существует достаточных доказательств тому, что конец Великой Греции и других областей был вызван исключительно малярией, или же тому, что распространение малярии вызвало сокращение численности населения. Вряд ли это имело значение. Скорее всего в этих городах произошло снижение уровня жизни, безработица, непринятие мер по осушению земель, засорение бухт и, как следствие, эпидемия туберкулеза. До недавнего времени многие крестьяне с юга Италии, жившие на малярийных землях, садились вечером на поезд и ехали ночевать в ближайшие горные города. Возможно, что-то в этом роде произошло и в Великой Греции.

Олеандры цвели и в долине Брадано. Затем дорога поднялась в горы. Несколько миль — и я увидел на вершине горы город. Он четко вырисовывался на фоне неба. Матера... Не могу припомнить ничего написанного по-английски об этом городе. Насколько я знаю, его не посещал никто из наших ранних путешественников — ни Гиссинг, ни Норман Дуглас. Самым полным отчетом — в английском переводе — является книга Карло Леви «Христос остановился в Эболи». Страшное описание. Читатели этой книги вспомнят, что, когда в 30-х годах писателя сослали туда за антифашистские высказывания, его сестра, врач в Турине, получила разрешение посетить брата в отдаленном горном городке к югу от Матеры. Приехав в Матеру на поезде, он пришла в ужас от увиденного. В 30-х годах половина населения, составлявшего сорок тысяч человек, проживала в пещерах на противоположных склонах речной долины.

«Так представляют себе школьники Дантов ад», — сказала она своему брату.

«По причине жары дома были открыты, — продолжила она, — и по дороге я невольно заглядывала в пещеры, свет в которые проникал только через открытые двери. У некоторых пещер вообще не было нормального входа, а лишь люк и ступеньки. В темных отверстиях видны были земляные стены, жалкая мебель, кровати и лохмотья, вывешенные для просушки. На полу лежали собаки, овцы, козы и свиньи. У большинства семей имелась всего одна пещера, и в ней спали все вместе — мужчины, женщины, дети и животные. Вот как живут двадцать тысяч человек.

Детей здесь очень много. Они появлялись повсюду, в пыли, в жаре, среди мух, абсолютно голые или одетые в лохмотья. Никогда в жизни не видела я такую нищету... Женщины, заметив, что я заглядываю в дверь, приглашали меня войти, и в темноте, в зловонных пещерах, я видела детей, лежащих на полу под рваными одеялами. Они были в лихорадке и стучали зубами. У других из-за дизентерии остались лишь кожа да кости, и они еле таскали ноги».

За мисс Леви ходили дети, кричали что-то, но она не понимала их диалект. Думала, что они просят пенни, чтобы купить конфеты, но потом разобрала их слова: «Синьорина, дайте мне хинин».

Остановившись в Матере, конечно же, было негде: гостиница открылась там лишь несколько лет назад.

На первый взгляд, Матера показалась мне обычным итальянским городом, с площадью Витторио Венето, старым городом и окрестностями, застроенными безобразными многоэтажными домами. Дошел до собора и увидел под ногами огромную панораму пещерных трущоб, с живописной мерзостью которых в Италии ничто не может сравниться. Вот что так расстроило дотторессу Леви в 30-х годах XX века, однако с тех пор почти двадцать тысяч людей были переселены в новые районы. На обоих склонах долины видны были пустующие дома-пещеры. Один берег реки называется Сассо-Кавеосо, другой — Сассо-Барисано. Слово «Сассо» означает — «скала». До сих пор я не видел

ничего подобного. В отличие от большинства городов, стыдящихся своих трущоб, Матера, уверенная в своей уникальной живописности, устроила смотровые площадки, с которых можно хорошенько разглядеть пещеры. Имеется даже Страда-Панорамика-дей-Сасси, которая охватывает все пространство. Как утверждает местный путеводитель, она «предлагает туристу необычные ощущения».

Пока я смотрел вниз на эту архитектурную фантазию, ко мне подошел человек и заговорил на языке, который я поначалу принял за местный диалект, пока не обнаружил, что он пытается что-то сказать мне по-английски. Человек объявил, что во время войны работал переводчиком в британской армии. Я заметил, что многие итальянцы внедряются в туристские бюро на том основании, что способны произнести «yes» или «по». Впрочем, мой новый знакомец оказался приятным человеком, и мы вместе с ним пошли по Сасси. Это место кажется еще невероятнее, когда ты по нему ходишь, а не смотришь на него вниз с одной из площадок. Попутчик сказал, что, по мнению некоторых людей, первыми обитателями Матеры стали греческие беженцы, пришедшие сюда во время Второй пунической войны из Метапонта. В подтверждение своей экстравагантной теории он привел некоторое количество греческих слов, употребляемых в местном диалекте. Любопытно, что в поиске корней люди чаще ссылаются на исчезнувшую Великую Грецию, а не на более близкий византийский период.

Было бы неправильно описывать Сасси как пещерный город. Есть дома, построенные над пещерами — под разнообразными углами, всех размеров, периодов и стилей. Они поднимаются кверху террасами; дорог нет, есть только узкие проходы и ступени, ведущие наверх или вниз. Плана застройки тоже нет. Дома напоминают скорее термитники, нежели человеческое жилье. Я спросил, почему некоторые пещеры залиты бетоном. Оказалось, что городская администрация борется таким образом с жителями, желающими вернуться из новых квартир в свои антисанитарные дома. Я не видел нигде голых малярийных

детей, тем не менее угощал марципановыми конфетами хорошо одетых маленьких девочек возле городских фонтанов.

Солнце заглянуло в одну все еще обитаемую пещеру и осветило старую согнутую женщину, стирающую белье в деревянном корыте. Заметив меня, она улыбнулась и пригласила войти. Пещера оказалась просторной. Двери, возможно, пришли сюда от какой-то старой церкви. Они были по меньшей мере пятнадцати футов высотой, толстые, разделенные на панели. В углу стояла кровать, во много раз Шире обычной двуспальной. Над нею были иконы, включая и образ Мадонны-делла-Бруна, рядом — цветная фотография покойного президента Кеннеди. Она рассказала, что один из ее четверых сыновей работает в Питтсбурге, в фирме, занимающейся строительством дорог. Ее муж родился в этой пещере, она пришла сюда юной женой более чем пятьдесят лет назад и родила на этой самой кровати пятерых сыновей и шесть дочек. Похоже, что на этой постели спала вместе вся семья. Счастливое время. Она взглянула на нас, и ее старое морщинистое лицо выразило беспокойство. Женщина подумала, что мы из муниципалитета, и стала просить, чтобы мы разрешили ей остаться жить в этой пещере, а не переезжать в новый город. Пока она разговаривала на местном диалекте с моим попутчиком, я заметил привязанного к кольцу осла. По пещере бегало несколько кур. Возможно, вы сочтете это негигиеничным, но на меня эта сцена произвела благотворное впечатление.

Мы посетили опустевшие пещерные церкви. Их стены были покрыты фресками с вылинявшими изображениями святых. Неподвижные византийские фигуры с поднятыми руками и глядящими сквозь тебя глазами. В одной маленькой церкви за иконостасом находился алтарь, вырезанный из монолитного куска дерева. Я подумал, что эти греческие церкви показывают ранние годы Сасси. В Сассо-Ба-рисано в полутьме мы спустились по ступеням и попытались разглядеть средневековые гербы, вырезанные над воротами мрачных заброшенных дворцов. Снова

забравшись на гору, вошли в собор, построенный в 1268 году. Его резные двери окружены лентами каменного кружева, но внутри, за исключением византийских колонн нефа, все задышалось в барочной лепнине. Здесь мы увидели главный образ Матеры — Мадонну-делла-Бруна, которая вовсе не брюнетка,^[40] а бело-розовая и одета в длинное белое платье. Раз в году, как сказал мне попутчик, Мадонна, в сопровождении всадников, помещается в триумфальную повозку, запряженную мулами, и, покружив по городу, возвращается в собор. Как только Мадонну заносят в церковь, толпа набрасывается на повозку и ломает ее: кто — ударом ноги, кто — ножом. Каждый человек берет с собой кусочек в качестве амулета и надеется, что сбережет его до следующего раза.

Ресторан, который посоветовал мне новый знакомец, оказался длинным помещением, похожим на туннель. Он напомнил мне о ниссеновском бараке^[41] военного времени. Однако он оказался одним из лучших и дешевых итальянских ресторанов, которые мне приходилось посещать. Хотелось бы, чтобы таких заведений было побольше. Дон Эугенио (испанский титул распространен на юге Италии) никогда не отказывался от приглашения пообедать и пожаловаться на жизнь. Если бы в его недовольстве было что-нибудь божественное (в этом я всегда сомневался), то он был бы самым богоподобным из людей. Единственным его желанием было уехать из Италии в золотую Америку. Как и многие другие итальянцы, он верил, что, стоило ему только ступить на землю этой страны, фортуна тотчас осыпала бы его благодеяниями, и, как почти все итальянцы, которых мы видим бездельно просиживающими в кафе, где-то за его спиной была невидимая жена и несколько детей. Кем он работал, я так и не узнал. Понял только, что он имеет техническое образование. Он сказал, что половина мужского населения Матеры работает в других странах либо на промышленных предприятиях Северной Италии. В Матеру тоже приезжают мигранты. После сбора Урожая возвращаются домой.

В ресторане было жарко. На потолке крутились вентиляторы. Посетители, в основном мужчины, сидели без пиджаков, хотя несколько gente per bene (джентльменов) остались в костюмах. Во время еды смотрели по телевизору старую американскую драму из времен гражданской войны. Садист-капитан грубо обращался со своими южными пленниками, и даже хуже, когда его красивая жена (из Южной Каролины) за них вступалась. Как все там закончилось, я так и не выяснил, поскольку моего компаньона поприветствовал крупный мужчина и согласился выпить с нами бокал вина. Половина его лица была очень красива, а вторая ужасна — сморщенная и изуродованная. Когда он ушел, дон Эугенио сказал, что его друг, как и многие люди из Матеры, работал в Родезии на Карибской дамбе. С тех пор он говорит только о возвращении в Солсбери или Булавайо.

— К сожалению, — сказал дон Эугенио, — когда он скопил денег, чтобы снова увидеть Матеру, он так счастлив был увидеть знакомые места и друзей, что женился на старой innamorata.^[42] Сейчас у него пять детей, и, должно быть, теперь он останется здесь навсегда.

Дон Эугенио сочувственно вздохнул.

— Он сильно ранен, — заметил я.

— Это не военная рана, — ответил дон Эугенио. — Когда он был ребенком, его утащил волк. Слава богу, его вовремя нашли.

7

Новая Матера знаменита одним из лучших музеев юга Италии — здесь находится музей Ридола. Пятьдесят лет назад его создал и завещал государству известный местный житель. В музее все замечательно выстроено в хронологическом порядке, особенно выделяется древний исторический период. Очень хороша греческая керамика, найденная в этом районе. Я заинтересовался необычной коллекцией резьбы по дереву и кости, выполненной

пастухами: трости, музыкальные инструменты, фигурки животных и птиц. Здесь имеются разнообразные предметы, спасенные от пожара или найденные в кучах мусора: прялки, деревянные ведра и все виды кухонной утвари.

Однажды вечером, когда читать было нечего, я наткнулся в отеле на оставленную кем-то неаполитанскую газету. Номер был недельной давности. Я нашел в нем объявление о том, что вскоре в Ноле будет проведен праздник *Danza dei Gigli* — Танец лилий. Я давно хотел его увидеть, и, хотя планы мои в связи с этим менялись, решил поехать туда не откладывая. Рано утром поднялся и был тронут тем, что дон Эугенио пришел ко мне попрощаться. Он сунул мне в руки картонную коробочку — чуть больше спичечного коробка. Внутри лежал маленький фрагмент лакированного дерева. Это был кусок колесницы Мадонны-делла-Бруна.

— Он принесет вам удачу, — сказал он.

Хотя между Матерой и Неаполем чуть менее двухсот миль, дорога в горах довольно опасна. Это расстояние за день не одолеть, во всяком случае такому водителю, как я. Утро выдалось превосходное. По далеким долинам скользили тени облаков. На горных дорогах я чувствовал себя словно в низко летящем самолете. Безлесный ландшафт, сжатое золотистое жнивье в долинах и спелые пшеничные поля на горах раскинулись, насколько мог охватить глаз. Прекрасные переходы цвета — от золотисто-желтого до коричневой умбры и жженой охры — прерывались лишь на севере, где в озере Сан-Джулиано отражалось небо. На Широком пространстве никаких признаков жизни, за исключением мест, где далекие горные хребты ловили солнце: там я видел белые города и деревни. По дороге мне не встретилось не только ни одной машины, но даже и увешанного корзинами мула. Лишь ястребы кружили высоко в небе, иногда я видел их внизу, над долинами: они планировали на воздушных потоках.

Эту страну и описал Карло Леви. Передо мной был пейзаж из книги «Христос остановился в Эболи». Далеко на

юге затерялись горные деревушки — Гальяно и Сильяно, — в которые фашистское правительство сослало писателя. Впереди был Грассано: там началась его ссылка. В отличие от Овидия, наказанного таким же одиночеством и проклинавшего свою судьбу, Карло Леви времени зря не терял: дотошно изучал крестьянскую жизнь, а в результате написал лучшую книгу о Южной Италии.

Вскоре я начал подниматься по дороге в Грассано. Дома деревушки следовали за горным рельефом. С уличных столбов свешивались фонари без абажуров. Магазинов я не заметил. Из дверей домов на меня смотрели женщины в черных одеждах. Дети играли в пыли, куры клевали что-то в кучах мусора. В церкви несколько женщин в наброшенных на головы черных шалях усердно молились. В разбитом стеклянном гробу лежала фигура в картонном облачении римского центуриона. Фигура была сломана, из туловища торчал пучок соломы. Одна женщина шепнула мне, что это — святой Донат, и они организуют сбор средств для его реставрации. Какого Доната он представлял, я так и не понял. Таких святых много, включая мученика, епископа из Ареццо, а также епископа из Фьезоло, имевшего власть над волками. Карло Леви написал об этой неизвестной части Италии как об «обособленной стране... огороженной обычаями и горем, отрезанной от истории и государства, бесконечно терпеливой», о стране «без какого бы то ни было комфорта и утешения, где крестьянин понятия не имеет о цивилизации. Он живет на голой земле, в полной нищете и в ожидании смерти».

Я прошел в верхнюю часть Грассано. Она была точно такой, какой ее описал Леви. В мусорной куче рылась свинья, дети гонялись за козой. Взрослой жизни я не заметил, не видел даже стариков, что обычно, словно старые ящерицы, вылезают греться на солнце, но зато повстречал представителя элиты, идущего вместе с деревенским священником. Он был в аккуратном сером костюме и серой велюровой шляпе. Я вежливо поздоровался с ними и спросил, не помнят ли они Карло Леви. Я сделал большую ошибку: задел обнаженный нерв. Взглянув на

священника в ожидании поддержки, мужчина возмущенно воскликнул:

— Христос остановился в Эболи! Какое безобразие! — Он всплеснул руками. — Христос повсюду! — заключил он.

Очки священника одобрительно блеснули. Они развернулись и продолжили прогулку.

Большинство женщин показались мне пожилыми и старыми, но, когда я спросил у одной из них, как пройти к местному кафе, выяснилось, что ей не больше тридцати. Однако здешняя тридцатилетняя женщина, как правило, обзавелась пятью, а то и восьмью детьми, она ни разу не посетила дантиста или парикмахера, не приняла ванну, не знала и дня продыху от домашних хлопот. Что ж удивительного в том, что она выглядит старше своих лет? Трудно поверить, что эти похожие на ведьм существа (часто сходство не только внешнее) могут испытывать нежные чувства. Тем не менее местный врач предупредил Карло Аеви в первое же его посещение:

— Хорошие люди, но примитивные, — сказал он. — Будьте осторожны с женщинами. Вы человек молодой, красивый. Ничего не берите от женщины. Ни вина, ни кофе, ни еды, ни питья. Они обязательно добавят туда приворотное зелье. Вы наверняка понравитесь женщинам, и все постараются вас приворожить. Ничего не берите у крестьянок. Мэр знает, что я прав. Эти зелья опасны. И на вкус неприятные.

Должно быть, это зелье воистину удивительно, если в глазах мужчин эти бедные женщины превращаются в Елен Прекрасных. Очевидно, у них получается, ведь они готовят его многие столетия.

Измотанный трудной дорогой, я провел ночь в Потенце, в прохладном номере на пятом этаже восхитительного нового отеля. Из окон можно было увидеть горные вершины. Город возвышается над уровнем моря на три тысячи футов. Потенца так часто страдала от землетрясений, что в городе почти ничего не осталось от старины. Сохранилась средневековая прогулочная дорожка — *passeggiata*, — и когда на город опустились сумерки, я стал свидетелем

самого интересного гулянья за пределами Испании. Молодые мужчины и женщины Потенцы, нарядившись в самую лучшую одежду, ходили по этой дорожке взад и вперед. На протяжении двух часов они серьезно разглядывали друг друга. Иногда хихикали и оглядывались назад, очевидно, сделав свой выбор.

На следующий день чуть свет пустился в дорогу. Несколько раз останавливался: пережидал, когда дорожные рабочие взорвут очередную скалу для строительства новых дорог и виадуков. Все они вели на юг. Я поднялся на холм в Эболи и, не желая мучиться на узких улицах, протоптанных некогда мулами и осликами, припарковался на крошечной площади возле винного магазина. На пороге стояла рослая владелица со скрещенными на груди руками. Она словно сошла со страниц Декамерона. У женщины был вид заговорщицы, и, когда я спросил, нельзя ли мне у нее позавтракать, она тут же согласилась и прошептала, что приготовит артишоки в оливковом масле, анчоусы и зажарит бифштекс. Предложила вернуться через двадцать минут.

На широкой рыночной площади я нашел газетный киоск. Продавец сказал, что у него где-то завалялся экземпляр «Christo si è fermato a Eboli». Порывшись, обнаружил его под стопкой других книг. Приятно приобрести классическое произведение в том самом городе, где остановился Христос. Поразительно, но сам продавец эту книгу не читал. Я выяснил, что святым покровителем города является святой Вит. На протяжении всей дороги из страны тарантеллы я убедился, что этому уроженцу Сицилии посвящено немало алтарей, а стало быть, как я уже и говорил, существует некая связь между экзорцизмом тарантеллы и танцевальной манией Средневековья. На обратном пути к винному магазину я посетил церковь Санта-Мария-дел — ла-Пьета-ди-Эболи, где увидел поразительный барочный *coup de theatre*^[43] — на восточном окне была изображена сцена снятия с креста. Дневной свет, умело направленный сверху на витраж, драматически подсвечивал фигуры, изображенные в натуральную величину.

После ланча веселая хозяйка и ее супруг помахали мне у дороги, и, взяв курс на Салерно, я окунулся в туристскую Италию. ОТЕЛЬ был заполнен до отказа. Только что подошел автобус и выпустил партию американских жен и матерей. Носильщики хмуро смотрели на гору чемоданов. Воздух вибрировал от вопросов и жалоб. «Скажите, есть почта для миссис Уонамейкер?»; «Послушайте, носильщик, мне дали не тот ключ»; «В номере пятьсот шесть не работает кондиционер»; «В отеле есть парикмахерская?»

Я наблюдал за тем, как умело молодой человек обращается с капризными женщинами — с юмором и обаянием.

В Салерно мне ничего не понравилось, кроме рыбных и овощных рынков, музея и собора. Собор превосходный, ничего не скажешь. Я пошел взглянуть на залив и подумал, что осенью 1943 года вышедшие на берег молодые британские и американские солдаты увидели его совсем другим. Им предстояло встретиться с шестнадцатой танковой дивизией. Я походил по оживленным улицам, раздумывая, где могла здесь находиться знаменитая медицинская школа, в которой размещался штаб. Она существовала со Средневековья и до XIX века. Потом Мюрат закрыл ее. Одним из ее самых знаменитых пациентов был Роберт Нормандский, старший сын Вильгельма Завоевателя. Тогда он возвращался домой из крестового похода. Вильгельм страдал от последствий ранения стрелой. Произошло заражение. Некоторые говорят, что знаменитая латинская поэма «Regimen Sanitatis Salerni»^[44] посвящена Роберту. Другие возражают, говорят, что ее написали позднее и что «король Англии», упомянутый в первой строке, не мог быть Робертом, поскольку на трон он так и не поднялся. Однако это можно расценивать и как аргумент в его пользу, поскольку в Италии все верят, что он стал королем.

Медицинская школа переживала не лучшие дни, когда Фридрих II преобразовал ее и запретил врачам практиковать без диплома, а курс обучения длился восемь лет, хотя в него входила и хирургия. Врач приносил клятву: сообщать о

любой незаконной деятельности фармацевтов. Он должен был лечить бедных бесплатно. Установленная шкала платы за лечение позволяла врачу взимать с пациента больше денег, если тот жил за пределами города. Медицинская профессия, должно быть, пользовалась большим уважением в XIII веке, поскольку сам император был врачом-любителем и фанатично верил в лечебные ванны и Простую жизнь. Однажды мне попалась старая гравюра с изображением школы в Салерно. Я увидел величавое здание, а рядом с ним сад, в котором стояла группа профессоров и студентов, серьезно рассматривающих клумбы и бордюры цветущих растений.

Вскарабкавшись по узким, шумным улицам к собору, я почувствовал, что совершил полный круг: вернулся в яростный мир Роберта Гвискара. Эта церковь в каком-то смысле стала его эпитафией, а также памятником норманнскому завоеванию Южной Италии. Пусть кто-нибудь сядет на стену за Львиными воротами и постарается вспомнить более красивый вид, нежели атриум, что находится внизу. Я — точно не вспомню. Когда Гвискар бросал вызов восточному императору, его придворные архитекторы и строители отыскиали в недавно покинутом городе Пестум двадцать восемь мраморных колонн, которые стоят по периметру этого прекрасного двора. Не знаю более красивого входа в раннюю христианскую церковь с ее центральным фонтаном — он напоминает нам об обычае окунать руку в воду в знак церемониального очищения перед входом в базилику, а также о том, что здесь когда-то была огромная гранитная чаша. Ее увезли в Неаполь, и она установлена там в городском парке. Неаполь сделал бы благородный жест, если бы вернул ее в Салерно.

Как и несколько величайших церквей этого периода, главные ворота собора явились из бронзовых литейных мастерских Константинополя. Их панели — числом пятьдесят четыре — некогда были украшены серебряными вставками. За воротами находится церковь, которая не заслуживает слов, приведенных в путеводителях, будто она погублена реставрационными работами предыдущего

столетия. Это не так. Она по-прежнему является одним из величайших памятников норманнского могущества в Италии. Человек, изучающий средневековый Рим, соединит ее с одним из самых больших несчастий — норманнским разграблением города в 1084 году. Здание в том году было закончено, но еще не освящено. Я уже говорил, что Роберт Гвискар, покидая Рим, засыпанный толстым слоем пепла, убедил папу ради собственной безопасности вернуться вместе с ним в Салерно, где на следующий год Григорий VII скончался.

Размышляя об этих вещах, я вошел в боковую часовню, к защищенному стеклом алтарю. В подсвеченном пространстве внизу лежала фигура папы, со сложенными на груди руками в перчатках. На нем была тиара античной формы, облачение украшено медальонами с птицами и византийскими крестами, расшитыми золотом; на ногах красные туфли. Это была восковая фигура Григория VII. Рядом со мной стояла и смотрела на мертвого папу красивая молодая женщина. Я заметил, что по щекам ее катятся слезы. Интересно, почему? И в самом деле, странно: ведь понтифик умер более восьми столетий назад. Неужели он произвел такое впечатление на современную молодую женщину?

Ближе к вечеру в тот день в кафе Салерно я с прискорбием увидел молодого человека, туриста, целенаправленно и ужасно напивавшегося итальянским бренди. Это напомнило мне, возможно, лучшие строки, написанные Норманом Дугласом в книге «Один».

«Я не более добродетелен, чем другие, однако — сознаюсь — мне всегда больно видеть, когда молодой человек проявляет какую-либо несдержанность. В этом есть что-то несообразное, если не отталкивающее. Прав я или нет, но эту пору жизни я связываю с неуклонной целеустремленностью. Как мне представляется, молодой человек обязан держать себя в узде.

Юность не должна жалеть себя! Юность может позволить себе быть добродетельной.

Когда у тебя впереди вся жизнь, посвяти этот период идеалам — сдержанности, самоотречению и самодисциплине, верности цели. Как хорошо говорили греки: „Трезвость — колыбель юношей“. Божественный Платон утверждал, что дети до восемнадцати лет не должны вкушать вина, потому что „не надо ни в теле, ни в душе к огню прибавлять огонь“. Он добавляет, что старику, напротив, вино доставляет радость общения, возвращает его к жизни, а Феофраст рекомендует его в качестве лекарства против „естественной мрачности возраста“».

Утром я ехал по автостраде с ее заманчивыми поворотами в сторону Помпей и Геркуланума. И вот Неаполь, город, в котором автомобильное движение давно зашкалило за все мыслимые пределы.

Глава седьмая. Неаполитанские канцоны

Балкон в Неаполе. — Безумное движение. — Неаполитанские легенды. — Кровь святого Януария. — Красноречивость неаполитанской жестикуляции. — Анжуйцы и арагонцы. — Бурбоны Неаполя. — Сэр Уильям Гамильтон. — Эмма и Нельсон. — Дворец в Казерте. — Капуя и ее колизей. — Флегрейские поля. — Поццуоли. — Грот Сивиллы. — Танец лилий в Ноле. — Подъем на Везувий.

1

С высокого балкона своего номера в Неаполе я смотрел на замок Яйца — Кастель дель Ово. Глядя вниз с олимпийской зоркостью, я различал каждую деталь скалы и ее драматической крепости, видел в ее тени маленькую бухту в обрамлении туристских ресторанов. Здания Виа Партенопе закрывали слева от меня панораму под названием «Увидеть Неаполь и умереть», но я не расстраивался: мне интереснее был замок Яйца, который являлся для меня источником постоянного удовольствия.

В Неаполе я до сих пор был лишь дважды и недолго: приезжал в 30-х годах, когда Везувий носил белый плюмаж и иногда светился ночью. Но с 1944 года у вулкана наступила передышка и плюмаж исчез, и вместе с ним для меня улетучилась большая часть его очарования. Теперь это была просто еще одна гора. В Неаполе выросло целое поколение, никогда не выдавшее на фоне неба этот чудесный вопросительный знак, и только люди старшего поколения знают, как можно скучать по живописному цветению дыма и пара, которое появлялась по сто раз на дню, словно это был барометр или оракул. Люди говорили о

Везувии как о живом существе. «Он сегодня очень дымит» или «Что-то он притих».

Подо мной на Виа Партенопе, улице с односторонним движением, автомобили двигались в четыре ряда. Транспортный поток не иссякает ни днем ни ночью. У Неаполя, расположенного вокруг горы, по географической причине не такие широкие дороги, как у большинства городов такого же размера, и соответственно движение достигает умопомрачительной плотности. Однако в этом нет ничего нового: изменился лишь характер скопления. В XVII столетии на дороге возникали не меньшие пробки из-за скопища портшезов и карет. Они представляли такую же опасность для современников, как и нынешние автомобили. В XVIII и XIX веках перейти через Ривьера-ди-Чиаджа и Виа Толедо было не легче, чем современную Виа Партенопе. Леди Блессингтон в записках о Неаполе 1820-х годов упомянула английского резидента Матиаса (некогда библиотекаря в Букингемском дворце). Он так боялся быть сбитым экипажем, что «застывал столбом посреди дороги, не в силах набраться храбрости и перейти через Чиаджа». Так как все его знали, возницы придерживали лошадей, чтобы он наконец решился, но «напрасно, — писала леди Блессингтон, — потому что он, дойдя до середины улицы, останавливался в ужасе перед воображаемой опасностью и кидался назад, восклицая „Господи, помилуй!“». Его дилемму разделяют и современные приезжие.

Я разработал собственную методу: подхожу к пешеходному переходу, поднимаю руку в римском приветствии, словно сердитый актер в роли Кассия, предупреждая тем самым очередного водителя, и начинаю переходить. Рука должна быть поднята решительно. Ни в коем случае нельзя ее опускать, пока не доберешься до другой стороны улицы. Нельзя позволять себе слабости, как бедный мистер Матиас. При малейшем признаке нерешительности все четыре ряда водителей, в отличие от более человечных извозчиков 1820-х годов, срываются с места. Все это напоминает сражение между волей пешехода и намерениями водителей. Впрочем, рад заметить: все не

так опасно, как кажется, потому что в случае чего итальянцы нажимают на тормоза и останавливаются в футе от пешехода. Я провожал множество людей через Виа Партенопе, и все сошло благополучно: никого не потерял, хотя стоит признать, что в часы пик многие люди так и не решались пуститься в опасное приключение и оставались на тротуаре. Они смотрели в спины дорогих им людей, идущих на верную смерть.

Первое, что я видел еще до рассвета, был старый Кастель дель Ово. На фоне неба с не успевшими померкнуть ночными звездами он казался особенно мощным и грубым. Рыбаки отвязывали лодки и выходили в море. Одни вытаскивали яркие морские водоросли и выкладывали на них выловленных устриц и моллюсков, другие заходили за пределы бухты и забрасывали удочки. Я пускался в фантазии: что видел в древности на этом участке какой-нибудь греческий путешественник? То же ли самое, что и я? Разве только галеры, а не грузовые суда. Люди выходили в море засветло. Во все две тысячи лет каждый день кто-нибудь да рыбачил.

Здесь начался Неаполь. Скала, некогда остров, была местом, куда, согласно греческой легенде, было выброшено мертвое тело сирены Партенопы, после того как ее пение услышал Одиссей. Как цепко ее имя, означающее «девичье лицо», прилипло к городу! Вергилий, а следом за ним и другие поэты использовали его в своих стихах. Именем Партенопы была названа недолго просуществовавшая Неапольская партенопейская республика, основанная французами в 1799 году, а название улицы — Виа Партенопе — стало очевидным выбором для главной городской магистрали. Суда, идущие на Капри, принадлежат Партенопейской компании, что связывает остров с сиренами.

Хотя Кастель дель Ово так и не был открыт общественности, мне говорили, что этот огромный лабиринт скоро станет одной из достопримечательностей Неаполя. Ко времени издания моей книги путешественник сможет купить в кассе у ворот билет в замок. Если это произойдет —

при условии, что архитекторам и реставраторам разрешат полную свободу, — мрачное нагромождение камней сделается одним из чудес Италии. О замке мало что известно. Даже тот, кто сумел получить разрешение министерства обороны и вошел на эту территорию, смутно помнит темные коридоры, длинные бараки, церковь VII века постройки, страшные темницы и мраморные колонны, по слухам, стоявшие на вилле у Лукулла за пятьдесят лет до новой эры. Лукулл построил свою виллу на морском берегу Неаполитанского залива. У него были рыбные пруды, банкетные залы, на плоской земле он разбил парки и сады. Вилла, должно быть, несколько столетий содержалась в неизменном виде. В 475 году там принимали самого загадочного гостя — мальчика по имени Ромул Август. Последнего цезаря избрали в Равенне. Не убили, но заставили отречься от престола. Вождь варваров неожиданно расчувствовался, увидев перед собой «юность, красоту и невинность». Он дал мальчику достойное обеспечение и сослал на старую виллу Лукулла. Что он там делал, и как сложилась его жизнь, неизвестно. На этом красивом месте завершилась династия императоров, управлявших Римской империей на протяжении пяти столетий.

В средние века распространилась легенда, что будто Вергилий, которого все почитали за волшебника, построил замок на яйце, стоявшем на морском дне, оттого у него такое странное название — Кастель дель Ово. Вильгельм I Сицилийский перестроил замок, а император Фридрих II расширил. Фридрих отдавал должное мощи замка и потому хранил там свои сокровища. При Роберте Мудром, в 1399 году, Джотто расписал фресками стены капеллы Спасителя, стоявшей на территории замка. От фресок сейчас не осталось и следа. Темницы замка такие же мрачные, как в лондонском Тауэре, да и события там происходили не менее трагические.

Вечером разноцветные огни освещают воды маленькой бухты. На набережную выставляют обеденные столы. Из ресторанов доносится музыка: играют на гитарах и

скрипках, а сладкоголосый тенор распевает «O Sole Mio», а после хороших чаевых — «Bella Napoli». С одного судна на другое перепрыгивает, крадучись, один из портовых котов — словно белка в лесу. Рыбак отвязывает лодку и гребет куда-то, потом встает и смотрит по ходу лодки. Его движения над неподвижной водой разбивают отражение неоновых и электрических огней на маслянистые маленькие водовороты — красные, зеленые и золотые. По мере удаления лодки отражение принимает прежнюю форму. На заднем плане, словно гора или спящий левиафан, высится древний замок — Кастель дель Ово. Он закрывает собой миллион звезд. Ни разу мне не доводилось обедать в присутствии столь многочисленных призраков.

Рано утром, прогуливаясь по улице, я бросил взгляд в окно ресторана и увидел там завтракающего американца. Он ел яичницу с беконом. Во мне уже много недель копилось раздражение от так называемого «континентального завтрака», и сейчас оно дошло до критической точки. Я вошел в ресторан.

— Американский завтрак, сэр? — спросил официант.

— Можете назвать его, как хотите, — ответил я, — если только это будет яичница с беконом и тосты с джемом.

Ресторан был американским, одним из мест, куда люди главенствующей расы могут пойти, прочитать меню на родном языке и заказать еду, по которой соскучились. Все здесь, за исключением меня, были американцами. На каждом столе стояли холодная вода и апельсиновый сок. Дети ели корнфлекс со сливками, взрослые пили не европейский, а «настоящий» кофе. Здесь чувствовалась атмосфера, удаленная на тысячу миль от Италии. Тротуар здесь внезапно стал панелью, фармация — аптекой, лифт — элеватором, печенье — крекером, да и подтяжки, которые носят мужчины, тоже стали называться по-своему. Так до социальной революции чувствовали себя и английские путешественники: им казалось, что они вдыхают родной воздух.

Наслаждаясь после долгих недель настоящим завтраком, я смотрел на утренний Неаполь — на набитые битком автобусы, на продавцов цветов, опрыскивающих водой гвоздику и гладиолусы, на людей, выгуливающих породистых собак. Я заметил боксеров, мальтийских терьеров, красивого бульдога, несколько декоративных собачек и достойную, прекрасно обученную самку добермана-пинчера. Пожилой человек прошел мимо с миниатюрными белыми пуделями под мышками. Им, видимо, не позволялось смешиваться с другими собаками. У них был виноватый вид, словно они знали, что вошли в высшее общество обманным путем, и боялись, что это в любой момент обнаружат. Собачки с тоской смотрели на фонарные столбы и испытывали унижение от того, что хозяин несет их на руках.

Мужчина вошел в ресторан, где его, очевидно, хорошо знали и ожидали. Официант поставил три стула. Мужчина уселся посередине, собак посадил на соседние стулья. Животные были белыми как снег, за исключением черного пятна на носу и черных глаз. Хозяин — американец. Поговорил сначала с одной собачкой, потом — с другой. Во время завтрака он отламывал маленькие кусочки тоста, смазывал их маслом, и собаки вежливо принимали угощение.

Каждое утро в Неаполе я ходил в этот ресторан завтракать, и в это же время появлялся американец с пуделями под мышкой. Однажды в ресторан пришло много народу, и американец спросил, не может ли он сесть за мой столик. Официант принес стулья. Я принялся хвалить собачек. В ответ хозяин слегка наклонил голову, а потом тяжело вздохнул. Он сказал, что его жена, дочь и две собачки неделю назад безо всякой охоты приехали в Неаполь из Соединенных Штатов. Лучше бы им поехать в Англию, но карантинные ограничения (он по-отечески кивнул в сторону пудельков) сделали этот визит невозможным. Все же они решили перед отъездом на родину остаться в Неаполе на несколько дней, а потом ехать в Рим и Флоренцию. Он снова вздохнул. В день их

приезда жена внезапно упала на ступенях отеля. С коронарным тромбозом ее увезли в машине скорой помощи в больницу. По его лицу я видел, что он в ужасе от случившегося: для американца нет более тревожной ситуации, чем попасть в руки иностранного врача.

К его облегчению и изумлению, итальянские врачи оказались специалистами первого класса. Невероятно, но это так и было. Поскольку его жена не в состоянии была передвигаться еще несколько недель, он снял квартиру для пуделей и посвящал им много времени: мыл, расчесывал шерсть, носил на прогулку и следил, чтобы они не вступали в контакт с чужими собаками. Все остальное время он сидел возле постели жены в больнице. В Неаполе он ничего не видел, да и не хотел видеть.

Опять же, к его удивлению, администрация отнеслась к нему со всей душой. Ему позволили поставить кондиционер в палате жены, а что еще удивительнее, разрешили дочери спать в больнице рядом с матерью.

— Вот такое невезение, — сказал он и, намазав маслом кусочек тоста, положил его на розовый собачий язычок, — как только моя жена сможет ходить, мы тут же вернемся в Штаты.

Вздыхнув, оплатил счет, кивнул на прощание и, расстав собачек по местам, вышел.

2

«О Неаполе справедливо говорят как о „рае, населенном дьяволами“, но это — живые и забавные дьяволы; беззаботные и ленивые; добродушные и вороватые; добрые и лживые; смешливые, если им не противоречат (в этом случае они без сожаления вонзят кинжал в лучшего друга). Почти все в Неаполе мошенничают, но делают это живо и приятно, если только представляется такая возможность. Почти все чиновники занимаются казнокрадством, и, возможно, не более двух третей налогов поступает в государственную казну. Если путешественника ограбят, он

никогда не вернет похищенное, ибо, как и в Ирландии, здесь невозможно добыть свидетельских показаний или найти честных юристов... Однако для жизни в Неаполе требуется совсем немного. Тысячи людей считают блюдо фасоли на обед роскошной едой, а ужасный пирог под названием пицца (испеченный из теста с начинкой из протухшего бекона, вонючего сыра и сдобренного чесноком) почитают за пиршество».

Так в 1883 году писал Огастес Хэйр. Со временем (чеснока, возможно, стало меньше) пицца стала интернациональным блюдом, но во всем остальном многие согласятся: мнение Хэйра о неаполитанской еде, высказанное почти сто лет назад, верно и по сей день. Мое собственное ощущение: если человек не говорит на превосходном неаполитанском итальянском языке и не знаком с большим количеством неаполитанцев, то наверняка присоединится к такому высказыванию. Хэйр жил в Италии и знал, о чем пишет, но, к сожалению, Неаполь пострадал от педантичных заключений, подобных высказыванию Рескина, который высказался о городе так: «Самое отвратительное гнездо человеческих паразитов, в котором я вынужден был находиться, ад с безумными чертями». Удивительно, что человека, столь чувствительного к камню, люди не интересовали.

За те дни, что провел в прогулках по старому Неаполю, я здоров вымотался, но был очарован. Я исследовал улицы, где под сохнувшим бельем бегали и кричали дети, в то время как следующее поколение лежало под гордо округлившимися передниками. Быстро отворачивал глаза от подвалов и чердаков, откуда меня радостно приветствовали лежащие в постелях люди. Здешнее население предпочитает фабрикам работу в крошечных мастерских. Оттуда доносится стук молотков и визг пилы. Двери мастерских стоят нараспашку, каждый может беспрепятственно войти туда и поговорить, посплетничать о друзьях. В этих местах царит матриархат, женщины правят бал, громко переговариваются со своих балконов. Жизнь

крутится колесом, и здесь нет места одиночеству, этой коррозии души.

В восхитительной книге «Неаполь: палимпсест» Питер Ганн упоминает неаполитанца, который, когда его спросили, почему он вернулся из-за границы, где у него так хорошо шли дела, просто кивнул в сторону шумной улицы. И я хорошо это понимаю. Звуки и запахи Неаполя можно уподобить песне сирены Партенопы. Они заставляют сородичей вернуться в удушающие объятия их любимого города.

Не следует забывать, что каждый житель трущобы Неаполя обладает роскошным помещением всего в нескольких шагах от его basso, то есть подвала. И хотя он ест и готовит на улице, он всегда может расслабиться, поразмышлять и даже насладиться сравнительной тишиной в позолоченных залах постройки XVII века. Я имею в виду, конечно же, церкви. Начал считать и бросил, когда дошел до ста сорока храмов. В них имеются и катакомбы, одна из которых, по-моему, лучше, чем в Риме. Я посетил около тридцати церквей и каждый раз удивлялся, когда группы матрон, заглянув в храм ради краткой молитвы, при входе и выходе преклоняли колена перед одним из христианских ликов Геры или Венеры.

Я стоял в красивой церкви Святого Лоренцо, где Боккаччо, ставший одним из первых средневековых звеньев между поэзией и бизнесом, впервые увидел и мгновенно полюбил свою Фьяметту. Некоторые думают, что настоящее ее имя было Мария и она была родной дочерью Роберта Мудрого, короля Неаполя. В средние века явилось удивительное трио — женщины, которых полюбили с первого взгляда и обожали всю жизнь, — Беатриче, Лаура и Фьяметта. Боккаччо встретил Фьяметту в 1341 году, когда в Неаполь приехал другой великий любовник — Петрарка. Его должен был проэккзаменовывать Роберт Мудрый. Король хотел убедиться, достоин ли поэт лаврового венка, которым хотел наградить его римский Сенат. Поэт и король беседовали на протяжении трех дней, и это интервью было названо самым долгим из зарегистрированных в истории *viva voce*.^[45]

Перейдя через крытую галерею, где после двадцати лет воздушных бомбардировок все еще не закончились восстановительные работы, я вошел вместе с францисканским монахом в монастырь, в котором останавливался Петрарка, когда приехал в Неаполь в качестве папского посла. Четыре года прошло с памятного *viva voce*, и Иоанна I унаследовала престол после своего деда, Роберта Мудрого. Мы поднялись по стертým ступеням. По ним ходил поэт, поднимаясь в спальню гостевой половины. Интересно, какую из больших старых комнат он занимал в страшную ночь 1345 года, когда разразилась буря? Монахи прибежали с факелами, прихватив с собой самое ценное, что было в монастыре, и Петрарка вместе с ними спустился в церковь, провел несколько часов до утра на коленях, а в это время в заливе тонули корабли и шторм рушил город.

Среди всех городских храмов самым главным, конечно же, является собор, посвященный чудотворцу Януарию. Он является святым покровителем города и защищает его от стихии, да и вообще Януария можно назвать небесным адвокатом. Церковь стоит на месте храма Аполлона. Те из неаполитанцев, кому посчастливилось креститься там, погружались в огромную базальтовую купель с вакхическими символами, которые, как говорят, остались от храма Диониса. В этом языческом месте, в капелле, сверкающей золотом, серебром и драгоценными камнями, хранятся голова и кровь святого Януария. Красный парчовый занавес скрывает за алтарем серебряные дверцы сейфа. Сейф можно открыть лишь несколькими ключами, хранящимися у разных церковных служителей. Внутри находится палладиум Неаполя — сосуд с твердой коричневой субстанцией, которая, как говорят, является кровью святого Януария, замученного в 395 году. Трижды в год — в первое воскресенье мая, 19 сентября и 16 декабря — после шумной церемонии кровь святого становится жидкой, а иногда краснеет. По утверждению многих людей, видевших это, она «кипит».

Рака круглая, размером и формой напоминает ручное зеркало. За стеклом видны два античных сосуда, каждый содержит святую «кровь». Интересно, сколько людей, подумал я, увидев эту раку в витрине антикварного магазина, удостоили бы ее второго взгляда? Химический состав субстанции никогда не исследовался, поэтому никто доподлинно не знает, является ли она настоящей кровью или чем-то другим. В приложении к своей работе «Возвращение в Неаполь и Кампанию» Эдвард Хаттон пишет, что «в 1922 году через нее, во время разжижения, профессор Спериндео пропустил пучок света и получил спектр крови». Лэйси Коллисон-Морли писала в книге «Неаполь сквозь века»: «К тайне разжижения не следует относиться с легкостью... Профессор химии в университете Неаполя не так давно (1925) положил на алтарь термометр — сначала с разрешения священников, а потом и самовольно. Студенты помогали ему в экспериментах. Разжижение субстанции происходило при температуре 18–20° по Цельсию (65–68° по Фаренгейту), в другой раз при 15–17° по Цельсию (59–63° по Фаренгейту), однажды при 3° по Цельсию (38° по Фаренгейту). Испробовали все химические формулы, но нашли только одну. Она дала почти удовлетворительный результат, однако действовала лишь при температуре крови, а такой температуры не было ни в церкви, ни на алтаре. Жидкость часто кипела и после чуда. Мой друг сам притрагивался к серебряной подставке, и оказалось, что, несмотря на кипение жидкости, она осталась холодной. Для разжижения субстанции требовалось разное время. Окраска жидкости также разнится: иногда она бывает цвета темного шоколада, иногда — ярко-красной. Все это требует объяснения. Священники не признают мошенничества».

Тем не менее известно, что во время оккупации французами Неаполя кровь отказывалась разжижаться, и это обстоятельство производило плохое впечатление на население. Французский командующий пригрозил застрелить архиепископа и капитул, если через десять минут чуда не произойдет. И оно произошло. В XVIII веке

случился большой скандал: князь Сансеверо, изобретатель и химик-любитель, заявил, что может повторить феномен. «Он изготовил дароносицу или раку, похожую на ту, что содержала кровь святого, — пишет Гарольд Эктон в книге „Неаполитанские Бурбоны“, — с сосудами той же формы, наполненными смесью золота, ртути и киновари. Цвет смеси напоминал свернувшуюся кровь. Чтобы сделать ее жидкой по консистенции, в полый ободок сосудов заливалась ртуть. Клапан открывал доступ ртути в сосуды, когда дароносицу поворачивали. Вот так князь развлекал гостей».

Неистовые сцены, разыгрывавшиеся в церкви как до, так и после чуда, напоминали их свидетелям о языческой церемонии. Так и я, выйдя из церковного великолепия на шумную улицу, на каждом углу видел перед собой яркие проявления жизни. Я думал об античном мире, о Древней Греции и персонажах Аристофана. Этот грубый смех, думал я, земная мудрость, фатализм аттической комедии и жесты достались в наследство от Геркуланума и Помпей.

Если хотите увидеть самые красноречивые неаполитанские жесты, присмотритесь к людям на улицах и в кафе. Это не преувеличенное размахивание руками итальянских актеров. Нет, жестикуляция неаполитанцев куда тоньше. Ее можно уподобить искусству мимов. Для беседы она — словно музыкальное сопровождение для песни. Такие жесты невозможно выдумать. Этот молчаливый язык создавался столетиями. Не знаю более красноречивого жеста, чем едва заметное пожимание плечами. Спрашивается: ну что здесь такого? Всего лишь сжатие и расслабление плечевых мускулов, однако он способен выразить недоверие, сочувствие, горе, презрение и целую гамму чувств. Движения рук, глаз и вздохи завершают впечатление. Но, как мне кажется, пожатие плечами — базовый жест, на котором строится молчаливое красноречие неаполитанца. Если северному европейцу задать вопрос, требующий отрицательного ответа, тот — каждый на своем языке — скажет «нет», а южный итальянец не произнесет ни слова, однако сумеет выразить категорическое «нет». Для этого он медленно поднимет

голову и устремит твердый взгляд на своего собеседника. Следователи в полиции хорошо понимают этот язык. Жест может означать «да», «нет», «возможно» или «иди к черту!».

Поднятый указательный палец тоже весьма красноречив. Он может призвать к осторожности, выразит недоверие и многие другие чувства. Медленное движение пальца под подбородком — взад и вперед — означает: «можете на меня не рассчитывать». Если человек на секунду приставит этот палец к носу, рту или правой брови, то выразит тем самым разные соображения — от необходимости соблюдать молчание до подозрения в сумасшествии.

Бывает, что водитель в Неаполе, к собственному ужасу, врежется в другую машину или как-то по-другому обижает другого автомобилиста. Вскоре он увидит рядом с собой пару черных глаз. Холодных и непримиримых. Человек может даже улыбнуться ему, или махнуть рукой, или сказать «простите» в попытке усмирить осуждающие глаза, но напрасно. Вскоре он заметит, что обиженный водитель выставил в его сторону кулак с высунутыми наружу пальцами — большим и безымянным. Этот жест ему хорошо знаком. «Господи, помилуй, — думает неловкий человек, — неужели он думает, что у меня дурной глаз?!»

Нет, конечно же, нет! Это не самозащита, такой жест привлекает несчастье. Его можно поместить в каталог вместе со знаменитым жестом V Уинстона Черчилля, только значение у него более широкое. Водитель словно бы говорит: «Если ты еще не носишь рога, то пусть сейчас жена изменит тебе с твоим лучшим другом!» Выразив такие чувства, водитель с непримиримыми глазами исчезает в транспортном потоке.

Будучи в Неаполе, Диккенс отметил, что «здесь все выражаются пантомимой». Он привел несколько хороших примеров. «А вон человек, повздорив с другом, — пишет он, — кладет ладонь правой руки на тыльную сторону левой и поводит большими пальцами обеих, изображая „ослиные уши“, чем приводит противника в бешенство. Сошлись

покупатель и продавец рыбы. Узнав ее цену, покупатель выворачивает воображаемый жилетный карман и отходит, не говоря ни слова: так он убедительно объясняет продавцу, что считает цену чрезмерно высокой. Встречаются двое в колясках. Один из них два-три раза притрагивается к губам, поднимает пять пальцев правой руки и проводит горизонтальную черту в воздухе. Другой быстро кивает в ответ и едет своей дорогой. Его пригласили на дружеский уровень в половине шестого, и он непременно придет».

Мне показалось, я заметил несколько жестов, которые я всегда считал греческими, такие как загребание одной рукой воображаемого золота. Это означает богатство, а также легкое подергивание лацкана на пальто и скорбное выражение. Это значит, что человек, о котором идет речь, не представляет никакого интереса. Сильное подергивание обоих лацканов и раздувание щек или междометие «пап-пап-пап» означает, что человек обладает невероятным богатством, а подергивание одного лацкана и печальное раскачивание туловища выражает недоверие, пожелание осторожности или, еще лучше, совет ничего не предпринимать.

3

Гуляя по второстепенным улочкам Неаполя, я вышел на пьядцу дель Меркато, где гудела ярмарка. Площадь была пыльная и захудалая. Во время войны она подверглась бомбардировкам, да так и не оправилась. В центре стояла круглая платформа, на которой под аккомпанемент оглушительной музыки дети ездили на маленьких машинках и врезались друг в друга, подражая взрослым и, возможно, репетируя собственную судьбу.

В средние века на площади устраивали казни. Площадь можно увидеть на старых картинах. Там она приятно сельская и одной стороной выходит к бухте, так что люди, поднимаясь на эшафот, видели перед смертью Неаполь. На этой площади произошло важное событие осенью 1268 года,

когда династия Гогенштауфенов прекратила свое существование в лице смелого и красивого шестнадцатилетнего мальчика по имени Конрадин.

Его дед, великий Фридрих II, был уже восемнадцать лет как мертв. Папа, ненавидевший Гогенштауфенов, пригласил Карла Анжуйского, брата французского короля Людовика IX, в Италию, с тем чтобы передать ему корону Сицилии, на что тот с радостью согласился. Ему помогла жена, Беатриче Прованская, чьи три сестры были королевами. Это обстоятельство внушало ей такой комплекс неполноценности, что она с готовностью заложила свои драгоценности, лишь бы помочь мужу сделать и ее королевой. Одной из сестер была Алиенора Прованская, королева Англии и супруга Генриха III. К несчастью, амбициозная Беатриче недолго наслаждалась своим королевством: не прошло и года, как она умерла.

Когда Карл Анжуйский вошел в Италию, ему противостоял незаконнорожденный и любимый сын императора Фридриха — Манфред. Его благородная личность вдохновила поэтов на сочинение многих баллад и романсов. Имя его увековечено на карте Италии: это маленький порт Манфредония, который я посетил на полуострове Гаргано. Армия Манфреда, однако, сильно уступала армии Карла Анжуйского. В возрасте тридцати четырех лет Манфред был убит в бою в 1266 году. Оставался единственный законный наследник Гогенштауфенов — юноша в Германии, четырнадцатилетний Конрадин. «Он был красив, как Авессалом, и хорошо говорил по-латыни», — написал его современник.

Убив Манфреда, победоносный Карл пришел в Неаполь и сделал город своей столицей вместо Палермо. Он был на троне два года, когда юный Конрадин, не послушавшись матери, вошел в Италию и заявил французам свои права на корону предков. Карл разбил войско мальчика в местечке Тальяццо, что в Аbruццо. Я видел его в начале своего путешествия: под нахмуренным небом — искореженная земля, сложившиеся горы.

На Конрадина надели оковы и отправили в Неаполь. Цепи, однако, скоро сняли, поскольку, если верить рассказу в «Истории» Виллани, мальчик играл в шахматы с Фридрихом Австрийским, когда протонотарий^[46] королевства объявил смертный приговор Конрадину, его сторонникам и нескольким примкнувшим к нему неаполитанским аристократам. Карла Анжуйского усадили на трон, который поставили специально для него на Кампо Морисино (так тогда называлась пьяцца дель Меркато). Пропели фанфары, извещая о прибытии осужденных. Как только протонотарий прочел Конрадину смертный приговор, граф Роберт Фландрский выкрикнул, что тот не имеет права осуждать на смерть такого высокопоставленного человека. С этими словами он выхватил меч и убил протонотария. Должно быть, это единственный случай в истории, когда судья погиб на эшафоте прежде приговоренных им к смерти людей.

Тело протонотария убрали, и казнь продолжилась. Первым принял смерть молодой герцог из Австрии. Когда его голова упала в опилки, Конрадин рванулся вперед, поцеловал голову друга и пролил на нее слезы. Затем и сам приготовился к смерти. Объявил, что он не предатель, а человек, пришедший взять по праву королевство своих предков. Затем бросил в толпу свои перчатки и, попросив Господа простить ему грехи, положил красивую голову на плаху. «Ах, мама, какое горе я тебе доставил!»

В это же время его мать, Елизавета Баварская, спешила из Германии в Италию с большой суммой денег. Она надеялась выкупить сына. Елизавета опоздала. Говорят, что эти деньги она отдала монахам соседнего монастыря — Санта-Мария-дель-Кармине — с тем, чтобы они перестроили свою церковь. Но сначала Конрадина там не похоронили. Набожный Карл Анжуйский не мог допустить, чтобы тело его бывшего соперника лежало в священной земле. Поэтому последний представитель Гогенштауфенов был похоронен в песке под Кампо Морисино. Более чем через три с половиной столетия, в 1631 году, рабочие, раскапывавшие землю на участке, ставшем площадью дель Меркато,

наткнулись на свинцовый гроб с буквами R.C.C. (Regis Conradini Corpus); внутри они нашли скелет молодого человека. Отрезанная голова покоилась на грудной клетке. Рядом лежал меч. Кости с почетом похоронили в Церкви Санта-Мария-дель-Кармине, и церковный сторож покажет за алтарем буквы R.C.C., которые помечают место погребения.

Я стоял на пыльной площади, размышляя о том, как быстро могут пасть самые могущественные люди. Мысль, разумеется, банальна, однако она невольно приходит на ум в месте, где когда-то стояли дворцы и замки, а великий император Фридрих II держал свой двор. Я вспомнил высокие стены Лучеры, орлов, круживших над Кастель дель Монте, где Фридрих однажды следил за святым Франциском, и подумал: расстроило бы человека, прозванного «Поражающим Вселенную», если бы он узнал, что величие его будет так недолговечно. А может, взглянул бы на это с греческой иронией или ответил бы арабской пословицей. Кто знает?

Род Гогенштауфенов пресекся, не оставив следа. Мрачность площади вызвана не памятью о юном герое, казненном, словно преступник (неслыханная судьба для принца, захваченного в бою), а бедностью, грязью и печальными старыми зданиями, знавшими лучшие дни. Я смотрел на детей, налетающих друг на друга в своих игрушечных автомобилях. Интересно, где они нашли деньги на это развлечение? Я думал о мистике королевства, чарующее влияние которой до сих пор чувствуется в Неаполе и на юге Италии. На расстоянии брошенного камня от места, где умер юный Конрадин, я увидел нацарапанные на стене слова: «Viva il Re».^[47]

Молодого человека окружала толпа туристов. За его спиной поднимался огромный замок Кастель Нуово, а еще дальше — залив. Ни у кого из туристов не было «Бедекера» или «Мюирхеда». Сейчас не принято искать информацию самому, предпочитают услышать ее от гида или молодого студента, пытающегося заработать несколько честных шиллингов во время каникул. Пожилые мужчины и

женщины стояли вокруг, словно группа школьников на экскурсии, неохотно слушающих учителя.

— Французов в Неаполе не любили, — сказал молодой человек, — и еще меньше любили их на Сицилии. Однажды, в 1282 году, французский сержант оскорбил девушку в Палермо, и ее молодой человек убил обидчика.

Пожилой американец в эксцентричной соломенной шляпе, купленной на Капри, пошел к поребрику и бросил на дорогу окурок. Остался на месте, раздраженно повернувшись спиной к истории.

— Очень скоро, — продолжил гид, — в Палермо перебили всех французов. Это событие называли сицилийской вечерней, потому что убийства начались со звона церковных колоколов, призывавших к вечерне. Убивали даже иностранных монахов и послушников, если они не могли произнести слова, которое французы не могут сказать правильно.

Туристы беспокойно зашевелились. Некоторые подумали о ланче. Женщина в переднем ряду, из тех, кто постоянно задает вопросы, подала голос:

— А что это было за слово? — осведомилась она. В вопросе прозвучала тревога.

— Это — *ciciri*, — ответил молодой человек.

Туристы произнесли за ним слово и рассмеялись, обрадовавшись тому, что это оказалось так просто. Группа последовала за экскурсоводом, и я их уже не слышал.

Забавно, что лекция молодого человека оказалась продолжением моих мыслей. Сицилийская вечерня была, разумеется, ответной мерой, но насколько спонтанной или насколько просчитанной, не берусь сказать. Умение собрать толпу, организовать демонстрацию и устроить драки, заканчивающиеся убийством, было хорошо известно в средние века, как, впрочем, и в наше время, или, пожалуй, лучше будет сказать, что мы откатываемся к новому Средневековью. Старые технологии успешно возродились. Некоторые историки думают, что Сицилийская вечерня стала кульминацией заговора тех, кого погубило анжуйское завоевание Неаполя и южных территорий. Падение

Гогенштауфенов произошло так стремительно, что были живы еще, преданные друзья Фридриха II, обязанные ему богатством и положением. Теперь они были разорены, новая администрация конфисковала их земли. Естественно, что они хотели изгнать французов и поставить к власти оставшихся Гогенштауфенов. Ну, а кто остался-то?! После смерти Конрадина были живы лишь незаконнорожденные потомки, да и то большинство из них сидело в тюрьме. Самым лучшим выбором представлялась дочь Манфреда, Констанция, вышедшая замуж за Педро III Арагонского.

Заговор дошел до Барселоны. Шпионов и заговорщиков было столько, что ни одному романисту не справиться. Были вовлечены и папа, и византийский император, короли и — самое главное — флорентийские банкиры. Педро Арагонского убедили войти в Сицилию и предъявить права на трон от имени своей жены. Он благополучно прибыл на место, и вскоре за ним последовала Констанция вместе с детьми. Испания встала одной ногой в Италию. С этого началось соперничество Испании и Франции за властные полномочия в Италии.

Ситуация изматывала всех, имевших к ней отношение. В результате два королевских двора царствовали одновременно, называя себя королями и королевами Сицилии. Анжуйская династия французов управляла из Неаполя, арагонская — из Сицилии. С XV века испанцы стали управлять из Мадрида и Сицилией, и Неаполем, назначая для этого вице-королей.

Рассказу молодого гида о Сицилийской вечерне придал драматизма Кастель Нуово. Этот замок вызывает у меня ассоциации с лондонским Тауэром и Бастилией. За несколько столетий по исторической сцене прошла вереница странных персонажей, в том числе и сумасшедших. Сначала это были представители анжуйской династии, потом — арагонской. При входе в замок туриста привлекают, а может, и оттолкнут две огромные полукруглые башни. Между ними повисла ренессансная арка. Контраст странный до нелепости. Арка посвящена триумфальному входу Альфонсо I в Неаполь в 1443 году. Два каменных

мастодонта, вместо того чтобы раздавить непрошеную гостью, удерживают ее на своих плечах с почти трогательной нежностью. Так мог бы слон нести розу. Замок не так-то просто увидеть, он никогда не пустовал, и сейчас в нем находится уйма научных обществ.

Самое сильное впечатление производит зал баронов. Его потолок поднялся на высоту в девяносто футов. Название увековечило типичное событие неаполитанского Средневековья. Король Неаполя, желая показать баронам, что их мятеж прощен и забыт, пригласил их на свадебный пир, но, как только все они радостно расселись за столом, подняли разводной мост и гости из обеденного зала опустились в темницы. Где-то в этом массивном здании была келья, в которой томился бедный старый пап-отшельник, Целестин V, чью могилу я видел в Аквиле. Поверив всему, что говорили ему амбициозные и свирепые мошенники, которыми он был окружен, старика легко заставили отречься. Этому поспособствовал загадочный голос, звучавший по ночам, который, как я уже рассказывал, принадлежал Бенедикту Каэтани (Бонифацию VIII), шептавшему в переговорную трубу.

В отличие от лондонского Тауэра, из которого, кажется, выгнали всех призраков, Кастель Нуово, несмотря на все свои научные общества, служит притоном для привидений. Не хотел бы я быть секретарем общества, в котором по рассеянности оставили бы на столе небольшие деньги, поскольку не сомневаюсь, что призрачные анжуйские или арагонские пальцы их тут же бы обнаружили!

Приятно, тем не менее, вспомнить счастливое царствование Роберта Мудрого (1309–1343), когда Неаполь посетили Петрарка и Боккаччо. Те яркие дни запечатлел «Декамерон». Книга эта имеет больше отношения к Неаполю, нежели к Флоренции. Согласно легендам, по замку бродят две скандально известные королевы. Иоанна I (Джованна), внучка Роберта Мудрого, прожила бурную жизнь, у нее были четыре мужа и многочисленные любовники, а под конец ее задушили подушкой. Иоанна II

переплонула тезку по части скандалов, однако многие ее грехи приписали предшественнице.

Некоторые арагонские короли были не многим лучше анжуйских монархов; один из них, возможно, унаследовал мавританские наклонности от Гонсальво де Кордовы — любил сохранять трупы своих врагов. Другой, как говорят, держал в темнице крокодила, которому время от времени скармливал пленников.

Такие истории надо воспринимать с долей недоверия, но должен сказать, что мрачный старый замок будто бы рождает их сам.

4

В одно воскресное утро я сел в фуникулер, уносящий к горной вершине. Позади Неаполя находится старый форт Святого Эльма. Был полный штиль — не колыхался ни один листок, и жалюзи на окнах дорогих квартир были опущены: хозяева не пускали в дом солнце. Тем не менее здесь было прохладнее, чем внизу, а на улицах — слава богу — спокойно. Можно было даже перейти дорогу, не призывая мысленно ангела-хранителя. В пространствах между домами, далеко внизу, мелькал Неаполитанский залив. Передо мной развернулась панорама, запечатленная в тысяче иллюстраций и открыток — крыши и купола Неаполя, оживленный морской порт и Капри в отдалении.

Я подошел к ресторану, стоящему на самом краю горы. С террасы открывался еще более прекрасный вид на залив и город. Под звяканье приборов официанты, с сигаретой в зубах, накрывали к завтраку столы. Я подумал, что вернусь сюда к ланчу, однако так и не сделал этого, потому что в музее Мартино позабыл обо всем и пробыл там до четырех часов, до самого закрытия. В этот момент, обнаружив, что страшно проголодался, вошел в скромную маленькую тратторию, где спросил свое любимое неаполитанское блюдо — моццарелла-ин-кароцца. Это — аналог валлийских гренок с сыром, приготовленным из молока буйволицы. Я

еще не упоминал моццареллу, а следовало бы. Отели слишком важные заведения, чтобы ставить это блюдо в свое меню. Если вы спросите его в модном ресторане, смущенный официант отреагирует так, как если бы вы заказали в «Ритце» что-то непотребное. Но моццарелла ин кароцца (в переводе «сыр в карете») стоит того, чтобы его попробовать, хотя вкус отличается в зависимости от места приготовления. Лучше всего он бывает в самых непрезентабельных ресторанах. Рецепты этого кушанья в книгах Колетт Блэк «Кухня Южной Италии» и «Итальянская кухня» Элизабет Дэвид более сложные, чем обычно, однако типичные для итальянской кухни. Элизабет Дэвид с неизменной своею мудростью пишет: «Моццареллу нужно есть абсолютно свежей, так чтобы из нее капала нахта... Если уж говорить правду, то настоящая моццарелла превращается в редкость. Причина проста: каждый год в Италии становится все меньше буйволов. Моццареллу заменяют фьор-ди-лате и скаморца — сыр из того же разряда, однако приготовлен он из коровьего молока, а потому в нем нет прежнего аромата».

Музей, который так меня восхитил, посвящен предметам, иллюстрирующим историю и социальную жизнь Неаполя на протяжении нескольких столетий. Не знаю музея, у которого было бы такое замечательное помещение. Это — средневековый монастырь, перестроенный в XVII веке. Здесь можно увидеть картины, костюмы, прокламации, гравюры, монеты, карты и сотни других предметов, имеющих отношение к жизни Неаполя. Общее впечатление, что это — раззолоченный барочный город испанских вице-королей и сменивших их Бурбонов. Некоторые залы (всего их здесь около девяноста) закрыты. Думаю, что в каком-то из них находится королевская барка, которую мне бы очень хотелось увидеть. Прохладными вечерами Фердинанд IV любил покружить по Неаполитанскому заливу. За ним следовала другая барка, со струнным оркестром. Для таких прогулок, только в удаленных и более холодных водах, Гендель и написал свою «Музыку на воде». До того как Эмма вышла замуж за сэра

Уильяма Гамильтона и ее стали принимать в обществе, король часто садился в барку со своими менестрелями и приближался к барке английского министра. Он расточал английской красавице комплименты на неаполитанском диалекте, а музыканты приветствовали ее приятными мелодиями. Эмма вступила в брак, и королева приняла Эмму во дворе. Она была довольна тем, что комплименты короля не вскружили красавице голову. Возможно, поэтому сестра Марии-Антуанетты и дочь чеширского кузнеца сделались закадычными подругами. Неудачная попытка взглянуть на королевскую барку была до некоторой степени компенсирована: я увидел карету Карла III. Это — золотая шкатулка на высоких расписных колесах.

Молодежи больше всего нравится Presepio, или колыбель. Она стоит в подсвеченной стеклянной витрине. Должно быть, это — самый большой и красивый макет, изображающий поклонение волхвов. В некоторых церквях и частных домах такие макеты выставляют к Рождеству. Музейный экспонат воистину уникален. Мы видим горный пейзаж с сотнями замечательно вырезанных и раскрашенных фигурок, каждая высотой в шесть дюймов. Над руинами классического храма на тонких нитях подвешены ангелы. Действие происходит на высокой вершине. Волхвы приносят дары младенцу Христу. Повсюду кипит жизнь, и это напоминает улицы современного Неаполя. Мужчины играют на гитарах, женщины готовят еду, в витринах магазинов висят колбасные гирлянды. Вон там пастухи, а здесь — группа людей, устроивших пикник под развесистым деревом. Вся сцена очаровательна и красива. Чувствуется, что прежде чем сделать макет, художник изучал картины великих мастеров. Мне показалось, что я уловил здесь влияние Боттичелли. Возле макета толпятся восхищенные ребяташки, на многих выходная одежда. Они прижимают носы к стеклу и, указывая пальцем, шепотом сообщают друг другу массу замеченных подробностей.

С балкона музея можно увидеть самую красивую панораму Неаполя. Вечером, должно быть, она

представляет волшебное зрелище, однако музей закрывается в четыре часа, и, кроме хранителей, ее никто не видит.

Полчаса я провел в аквариуме, на который набрел случайно. Разместился он в центре городского парка, расположенного между Ривьерой-ди-Чиайя и морем. Кажется, это — первое сооружение такого рода. Основал его в 1874 году доктор Антон Дорн, и аквариум сразу стал знаменитой достопримечательностью Неаполя. До недавнего времени здание оставалось открытым до десяти часов вечера, а иногда и до полночи. В городе, где многие церкви, музеи и художественные галереи закрываются в четыре часа, а то и в полдень, странно представить себе человека, желающего ночью поглазеть на осьминога.

Должен сказать, что эти создания меня заворожили. Когда осьминог мертв и лежит в ведре, его вид вгоняет в депрессию, но живой, в движении, он бывает разным: иной раз отвратительным, а через мгновение — прекрасным! Осьминог двигается толчками — то замирает, то поднимается на поверхность. Видишь перед собой ужасную массу из щупалец, но вот он идет наверх, прижимая щупальца к телу, — в этот момент осьминог похож на артиста балета, демонстрирующего поэзию движения.

5

Посетители музея Прадо в Мадриде, возможно, помнят портрет работы Гойи. На нем старик в охотничьем костюме. В одной руке он держит длинноствольное ружье, в другой — белую перчатку. Под большой треугольной шляпой худое насмешливое лицо, самой заметной чертой которого является нос. Это Карл III, король двух Сицилии, унаследовавший трон Испании в пожилом возрасте. Видно, что человек этот — «тертый калач», он больше похож на егеря, хотя, возможно, циничное выражение лица объясняется тем, что за свою жизнь он повидал немало

людей и познал их слабости. Егери таким знанием вряд ли обладают. И все же деревенский вид, свойственный многим представителям итальянских и испанских Бурбонов, — любопытная черта в семье голубых кровей.

Карл был сыном первого короля Испании из династии Бурбонов — Филиппа V от его второй жены, Елизаветы Фарнезе, дочери Эдуарда Пармского. Когда ее сыну исполнилось шестнадцать, она послала его из Испании править Пармой, затем через два года, после не слишком серьезного военного опыта, он сделался королем Неаполя и Сицилии. Карл любил Неаполь, а Неаполь любил его. Он женился на Амалии Саксонской в Неаполе, и там родились его дети. Принято называть монархов XVIII века «милостивыми деспотами», и в этом случае фраза как нельзя лучше подходит. Девизом короля было: «Все для народа, но ничего через народ». В нем было сильно патерналистское начало, и ему нравились маленькие реформы, например он запретил жителям города вывешивать белье на окнах или же призывал их носить шляпы определенного фасона.

Он разгонял меланхолию — этой болезнью страдали Бурбоны, а до них и Габсбурги — с помощью охоты и строительства. Заезжий человек непременно замечал строения, к которым был причастен Карл III. В число его архитектурных достижений входит оперный театр Сан-Карло, дворец Каподимонте, огромная богадельня на площади Карла III и дворец Казерта. Должно быть, он вложил всю свою архитектурную энергию в Неаполь, потому что, сделавшись королем Испании, в этой стране он ничего не построил, за исключением дворца Эль-Прадо в окрестностях Мадрида (в нем жил генерал Франко).

Когда Карл унаследовал Испанию, ему исполнилось сорок три года. Характерно, что из его уст никто не слышал ни гнева, ни печали из-за того, что он покинул любимую землю и великолепный Неаполитанский залив, сменив их на засушливый Мадрид. Он уехал, как благоразумный менеджер, переведенный на другое место работы. Он знал, что когда-то это произойдет. Затем произошла болезненная

для него ситуация. На встрече официальных лиц и врачей решался вопрос, может ли его старший сын Филипп (тогда ему исполнилось двенадцать) взойти на трон. Вердикт был таков: принц безумен и наследовать не может.

Оставив несчастного наследника под наблюдением врачей и телохранителей во дворце Неаполя, Карл и королева уехали в Испанию вместе со своим вторым сыном, ставшим впоследствии испанским королем Карлом IV. Гойя написал и его. Портрет получился безжалостным. Третий сын, Фердинанд, был провозглашен Фердинандом IV, королем Неаполя. Рассказывают, что два принца спорили по поводу своего наследия. «Я буду управлять самыми большими доминионами в мире», — сказал одиннадцатилетний Карл, на что восьмилетний Фердинанд будто бы ответил: «Да, возможно и будешь, а я уже король».

Если он действительно так сказал, то, вероятно, это — самое яркое его высказывание, зафиксированное в истории. Он вырос абсолютно необразованным. Имея в виду пример сумасшедшего сына, отец — прежде чем уехать в Испанию — дал строгий приказ: не перегружать мозг Фердинанда излишними знаниями. Так и вышло: единственное, чем Фердинанд интересовался, были охота, рыбалка и общение с людьми самого низкого пошиба — лаццарони. Король всю жизнь говорил на их диалекте. Лаццарони любили его за это, а другие находили короля несносным. Он женился на Марии-Каролине Австрийской, сестре Марии-Антуанетты. Однажды она так сказала о нем своему брату, императору Иосифу: «Er ist ein recht guter Narr» — «Он добрый дурачок».

Меня всегда восхищала и в то же время раздражала пьядца дель Плебесцито, с одной стороны которой стоят королевский дворец и оперный театр, а с другой — базилика Святого Франциска ди Паола, архитектурное эхо Пантеона и колоннады Бернини. Угнетающее впечатление производят сотни машин, припаркованных против дворца.

Над рядами автомобилей, напоминающих рекламу фирмы «Фиат», возвышается бронзовый, облаченный в тогу Карл III. Он здесь моложе, чем знал его Гойя. С другой

стороны площади на него смотрит его сын и наследник в Неаполе — Фердинанд IV. Каждый день, проходя по площади, которая должна бы быть красивейшим местом в Неаполе, я задавал себе вопрос: «Если нельзя закрыть города или части городов для автомобилей, то нельзя ли хотя бы запретить им въезд в такие архитектурные шедевры, как пьяцца дель Плебесцито?»

Я пришел во дворец, горя желанием увидеть сцену, на которой разыгралось так много трагических и фарсовых событий, замечательно описанных Гарольдом Эктоном в самых популярных книгах об итальянской истории — «Неаполитанские Бурбоны» и «Последние Бурбоны в Неаполе». Проходя по анфиладе залов с канделябрами, важными всадниками в золоченых рамах, я думал о несчастном сумасшедшем неаполитанском принце, спрятанном здесь подальше от людей. Дворцы хорошо приспособлены для скрывания таких трагедий. Принцы должны всегда улыбаться, казаться счастливыми, быть здоровыми и успешными. Однако из всех зданий, через которые проходят любопытные толпы, дворцы являются самыми обманчивыми, да к тому же и самыми монотонными.

Натаниэль Рексолл, наслушавшись от сэра Уильяма Гамильтона рассказов о сумасшедшем принце Филиппе, привел их впоследствии в своих мемуарах. «Когда принц достиг половой зрелости, за ним постоянно наблюдали гофмейстеры, иначе произошла бы тысяча эксцессов. Старательно держали его подальше от противоположного пола, к которому принц проявлял сильнейшее пристрастие. Тем не менее невозможно было прекратить его попытки к эмансипации в этом отношении. Много раз он ускользал от бдительных стражей и, завидев дам, проходивших по дворцовым залам, набрасывался на них со страстностью Пана или сатиров, преследующих нимф, и с теми же намерениями. Не одну придворную даму приходилось спасать от его объятий. Несколько раз в году ему позволялось устраивать у себя что-то вроде приема. Иностранные министры приходили в его покои и расточали

ему комплименты. Принц веселился, когда слуги надевали ему перчатки: одна рука у него была больше другой».

Фердинанд IV был трогательно привязан к своему несчастному брату и часто навещал его. Время от времени Филиппа наряжали и вывозили в карете в город. Тем самым показывали, что правители ведут себя как положено. Вряд ли такие выезды были приятными, потому что с первого взгляда все видели, что принц — идиот. Он умер в тридцать лет, как говорят, от оспы.

Кажется, что по королевскому дворцу ходит тень его доброго брата, странного персонажа, которого мог бы придумать Филдинг или Сертиз. В отсутствие родителей и учителей, которым приказали предоставить Фердинанду полную свободу, он вырос диким малым. Впрочем, невозможно представить в XVIII веке такого учителя, который положил бы королевского отпрыска на колени и отшлепал бы его, хотя такое обращение могло бы принести ему пользу. Поскольку этого не произошло, вырос он в общении с конюхами, рыбаками, охотниками и нищими. Говорил с ними на их диалекте. Они любовно называли его «король Длинный Нос». Это была семейная черта Бурбонов. Любовь к охоте у Фердинанда доходила до мании. Он в прямом и переносном смысле купался в крови кабанов, оленей и других животных. Сэр Уильям Гамильтон тоже был отличным стрелком, а потому сразу же привязался к Фердинанду и сопровождал короля в кровопролитных утехах. Гамильтон говорил, что после охоты Фердинанд снимал с себя одежду, надевал фланелевый костюм, в котором с ловкостью, которой позавидовал бы любой мясник, разделывал туши убитых животных. «Часто он с ног до головы был забрызган кровью».

Его жена, Мария-Каролина, дочь австрийской императрицы Марии-Луизы, была полной противоположностью мужу: она интересовалась государственными делами и горела ненавистью к нации, которая отправила на гильотину ее сестру, Марию-Антуанетту. Нельсон спас Фердинанда, Марию-Каролину и их детей — вывез из Неаполя в Сицилию. Благодаря

адмиралу, династия Бурбонов уцелела во время недолговечной Парthenопейской республики. Французская армия приближалась к Неаполю, и королева думала, что ее ждет гильотина. Ее верная подруга леди Гамильтон решила вызволить королевскую семью. Казалось, сама Британия возложила мантию на красивые плечики своей соплеменницы, женщины, находившейся в то время возле королевского трона, и доверила ей спасти Европу. Подготовка к побегу происходила в условиях жесточайшей секретности. Сокровища и деньги стоимостью более двух миллионов стерлингов были переправлены на флагманский корабль Нельсона «Вэнгард». Во дворце принимались мелодраматические меры предосторожности. Королевская семья должна была уйти через тайный ход, соединявший дворец с одной из пристаней. Пароли произносились по-английски: слова «Все в порядке» означали, что можно садиться на корабль. Фраза «Все плохо, возвращайтесь» означала, что произошло нечто непредвиденное и ситуация изменилась. К счастью, королевской семье удалось добраться до Сицилии в страшный декабрьский шторм, подобного которому и Нельсон не мог припомнить. Один из принцев во время бури умер на руках у Эммы Гамильтон, а австрийский посланник выбросил за борт ценную табакерку, потому что в ней хранился портрет его обнаженной любовницы. Он посчитал, что негоже хранить такой предмет на пороге вечности. Сэр Уильям Гамильтон спокойно зарядил свои пистолеты и приготовился совершить самоубийство. Он считал, что благороднее будет застрелиться, нежели утонуть. К счастью, погода улучшилась, и король, приняв хавшись, заметил сэру Уильяму: «Мы настреляем уйму вальдшнепов».

Я вспоминал эти события, пока ходил по дворцу. Сказал экскурсоводу о секретном ходе к Арсенальной набережной, но он и понятия об этом не имел.

Ссылка двора Бурбонов в Палермо демонстрирует глубину любви (или страсти) Нельсона к леди Гамильтон. Его часто видели дремлющим за спиной любовницы, когда она сидела за карточным столом. В то время Эмме было

около тридцати четырех, Нельсону — сорок один, а сэру Уильяму Гамильтону — шестьдесят девять. Часть людей подозревала, что старый дипломат, помня о том, что супруга намного моложе его, знал, что человек, которым он восхищался, обманывает его с его женой. Эмма тайно, под чужим именем, родила в Лондоне девочку, Горацию, которую зачала в Палермо. Через четыре года сэр Уильям умер в Англии. Лежа на смертном одре, он держал в своих руках руки Эммы и Нельсона. Шесть лет спустя Нельсон умер в Трафальгаре с именем Эммы на устах. Эмма Гамильтон скончалась в нищете в городе Кале, позабытая и нелюбимая.

В рассуждениях об истории всегда ищут сослагательное наклонение. Что бы произошло, если бы Нельсон выжил и женился на Эмме Гамильтон? Хирурги сказали, что его тело и жизненные органы были как у молодого человека, а не как у сорокасемилетнего ветерана. В одном из его писем есть намек, что, выйдя в отставку, он поселился бы с Эммой в сицилийском имении Бронте, которое Фердинанд IV подарил ему в знак благодарности за спасение династии.

О самом дворце я мало что могу сообщить, за исключением того, что в нем содержится обычный набор золоченых стульев, обитых красной материей, нужное количество портретов, льстящих портретируемому, длинные анфилады залов. Единственное исключение — удивительная история, в которой адмирал, влюбленный в жену английского посланника, спасает династию.

6

Хотя оперный театр Сан-Карло был закрыт, меня вежливо пропустили в тихое здание. Я постоял некоторое время у входа. Смотрел, как появляются певцы и музыканты — кто на репетицию, кто на прослушивание. Некоторые пытались скрыть волнение под маской невероятной веселости, другие выглядели профессионально бесстрастно. Я зачарованно прислушивался. Из внутренних помещений,

за вращающимися дверями доносились отголоски арий, слышался звук далекой трубы, но тут же прервался, словно музыканта внезапно убили. Свистели далекие свирели, и мне казалось, что это арестованные пастухи пытаются пообщаться друг с другом, а может, и кого-то утешить.

Меня провели через обширную, пустую, устрашающую сцену Сан-Карло. В центре этой мрачной пустыни девушка в трико и джемпере крутила пируэты. Делала она это медленно, словно во сне, но вместе с тем решительно. Хорошенькая балерина напоминала фею, заблудившуюся на мебельном складе. Вдруг она рванулась вперед, по-прежнему на касках голубых балетных туфелек, отбежала в пыльный, убогий угол, грациозно нагнулась и, приложив одну руку к уху, прислушалась, затем, словно поняв, что пришла не в то место, совершила серию мелких, легких шагов и исчезла. Несколько маленьких фонарей освещали партер. Возле царской ложи в почетном карауле стояли две большие пальмы, однако ничего величественного, того, что так поразило президента де Броссе, я не увидел. Президент говорил, что при виде интерьера у него «мороз пробежал по коже». Я же подумал, что из всех зданий, которые видишь *en deshabelle*,^[48] оперный театр производит самое гнетущее впечатление. Такие здания созданы для света, музыки и женщин в бриллиантах, но не дай вам бог увидеть их в потемках, когда уборщица, расхаживающая по залу со шваброй и ведром, на местном диалекте обменивается любезностями с электриком, работающим под крышей. Магический мир Кармен и Мими лишится последней доли романтики.

Мой гид, спускаясь со сцены, — какие же они все крутые, эти лестницы! — вдруг выдал теноровую трель и пригласил меня последовать его примеру. Никогда еще не был я так смущен. Ведь я не способен пропеть ни единой ноты, однако, не желая молчать на сцене Сан-Карло, выступил вперед и, пока уборщица возилась вдалеке со шваброй и веником, пропел: «Боже, спаси», но, сообразив, что взял слишком высокую ноту, начал с начала: «Боже,

спаси королеву». Мое пение разбудило эхо, и теперь я мог с полным правом сказать, что пел на сцене Сан-Карло. Мой гид из вежливости неискренне пробормотал «браво».

Пожар 1816 года уничтожил интерьер театра, которым в 1786 году так восхищался английский хирург Сэмюел Шарп из лондонской клиники Гая. Он приезжал тогда в Италию, чтобы поправить здоровье, и написал интересные «Письма из Италии». Как и следует ожидать от хирурга, заметки эти лишены сантиментов. «Партер здесь, — писал он, — очень просторный. Он вмещает около шестисот зрителей. Кресла удобные, с подлокотниками. Посередине зала, как и по периметру, вокруг лож, имеются проходы... Сиденья каждого кресла поднимаются, как крышка у коробки, и у них есть замок, с помощью которого можно удерживать их в поднятом положении. Аристократы Неаполя могут позволить себе годовой абонемент. Они держат за собой места в первых четырех рядах, рядом с оркестром. По окончании оперы ключи от кресел уносят с собой. Таким образом они всегда знают, что могут прийти в Оперу в любое время и сесть на свое место. Публику они не беспокоят, потому что проходы между рядами широкие, и даже полный человек может пройти по нему, не заставляя зрителей вставать».

Уже в следующем году после пожара театр был восстановлен и открыт для зрителей. Потрясающая скорость! Возможно, миланцы вспомнили об этом, когда в рекордное время отреставрировали Ла Скала после Второй мировой войны. Стендаль, для которого жизнь без оперы теряла всякий смысл, специально приехал из Рима на открытие Сан-Карло. Он был в восторге. Описал все подробности, цветовую гамму, логи, сохранил в памяти любопытные детали. Во время спектакля в зале появилось темное облако, встревожившее публику до такой степени, что, если бы не присутствие королевской семьи, зрители бы кинулись к выходу. Но это был не дым, а туман: новое здание высыхало.

Одной из особенностей Сан-Карло во времена Бурбонов было то, что балерины, повинувшись королевскому указу,

носили черное трико. Этот цвет считался не слишком провоцирующим, менее опасным для морали жителей Неаполя.

Вместе со своим новым знакомцем я перешел через дорогу к галерее, которая, возможно, навсегда останется в памяти американской армии. Пока мы пили горький эспрессо, я спросил, как часто пел здесь Карузо, самый знаменитый сын Неаполя.

Карузо, сказал мне мой гид, родился в трущобах Неаполя. В семье было восемнадцать детей. У мальчика оказалось золотое горло. После триумфальных выступлений по всей Италии Карузо предложили петь в Сан-Карло. По какой-то неизвестной причине он возбудил ненависть местной клаки, и она его освистала. Хотя Карузо допел до конца, он поклялся, что никогда больше не будет петь в родном городе. Никогда не вернется в Неаполь, разве только чтобы съесть здесь тарелку спагетти. И он сдержал свое слово.

— Странные все-таки люди попадаются, — сказал мой спутник, качая головой.

Возможно, он думал об эксцентричных персонажах, встретившихся нам по дороге. Мы пожали друг другу руки, и он вернулся в театр.

Меня задержали чистильщики сапог, которые устроились у входа в галерею. С испанской настойчивостью они взмахивали щетками, взывая к прохожим, называя их «дуче», или «профессоре», или «капитано» в зависимости от возраста и внешности. Они настаивали, чтобы человек почистил у них ботинки. Чистильщики смотрели на совершенно чистую обувь с таким выражением, что чувствительному прохожему казалось, будто он целый день бродил по грязи. Того, кто соглашался, усаживали на барочный стул или, скорее, трон. На таком стуле Тициан писал римских пап. Стул был украшен медными гвоздями и завитушками. Человек, точно восточный монарх, смотрел на коленопреклоненного раба. Чистильщик демонстрировал чудеса мадридского сервиса. Сначала вставлял в обувь кусочки картона, чтобы не запачкать носки клиента. Затем

наносил на ботинки чистящее средство, растирал его сначала щетками, затем суконкой, а потом подушечкой. Клиент спускался с трона и шел, чувствуя себя приближенным к Богу.

Я заметил в Неаполе другие следы испанской оккупации, например использование титула «дон» (к сожалению, это уже уходит), кроваво-красные распятия, любовь к титулам и дежурные комплименты (журналист Луиджи Бардзини назвал Неаполь «столицей бессмысленной лести»).

7

Период Гамильтонов в Неаполе длился исполненные очарования, но, к сожалению, короткие тридцать пять лет. Слова «Vedi Napoli e poi muori» — «Увидеть Неаполь и умереть» — были заменены более волнующим обещанием: «Esse Roma».^[49] Блестящий и дружелюбный королевский двор являлся итальянской версией двора английского. Великолепные дворцы, вместе с позолоченной мебелью и расторопными слугами, можно было взять в аренду, и это привлекало в Неаполь богатых аристократов. Все восхищались британским министром Уильямом Гамильтоном: он был светским, эрудированным человеком, разъезжал по Италии, изучал вулканы, коллекционировал греческую керамику, писал монографию для Королевского общества. Двери его дома всегда были открыты для соотечественников-мигрантов. Король неизменно во время поездок брал министра с собой. Вряд ли британская дипломатия может привести лучший пример нужного человека в нужном месте и в нужный момент. Его разнообразные интересы делали его знатоком во многих областях науки и культуры. Я благодарен одному наблюдательному человеку: он заметил, как сэр Гамильтон, в своем придворном костюме, помогал оборванному рабочему донести корзину с греческими вазами.

Иногда в Неаполь являлся всадник и приносил новость с другой стороны залива, однако новости этой было уже две или три недели. В Неаполь не доносились бестелесные голоса вроде «Голоса Америки»; не падали с небес замученные путешественники с тревожными слухами из отдаленных земель; приезжий человек получал здесь спокойствие, которое в другом месте ему было недоступно. Читая дневники и письма, написанные в Неаполе в период с 1764 по 1799 год, я не нашел в них ни одного упоминания о постороннем мире, ни одного словечка о Банкер-Хилле, ничего о Стрелецком бунте и Патрике Гордоне в Московии. Даже Бастилия не помешала спокойным встречам за обеденным столом. Тем не менее гильотина положила конец неаполитанскому Эдему: упала голова французской королевы, и счастливый сон прервался. Гёте, миссис Пьюцци, Уильям Бекфорди многие другие описывали то чудное время, пока ему не пришел конец.

Уильям Гамильтон был четвертым сыном лорда Арчибальда Гамильтона и леди Джейн Гамильтон, дочери графа Аберкорна. В двадцать восемь лет он женился на Кэтрин Барлоу из графства Пембрукшир, хрупкой и очаровательной молодой наследнице, которая его обожала. Тридцатичетырехлетнего Гамильтона направили в Неаполь, где они с Кэтрин прожили двадцать четыре года. Однажды их постигло горе: умерла дочь, их единственный ребенок. Когда доктор Чарльз Берни во время своих музыкальных гастролей по Европе посетил Неаполь, то сказал, что, по его мнению, Кэтрин Гамильтон — лучшая исполнительница музыкальных произведений на клавесине.

Итак, под звуки клавесина и с Везувием за окном, первая леди Гамильтон исчезла из истории. Такая же судьба могла постигнуть и ее супруга, дипломата, писателя, ученого, автора первой и наиболее полной книги о Неаполе и вулкане, первого ученого коллекционера греческих ваз; первого человека, понявшего значение Помпей и Геркуланума. Вспоминали бы его сейчас только библиофилы, если бы он о1; овдовев, он не женился в пожилом

уже возрасте на красивой молодой любовнице своего племянника.

То, что молодому человеку хотелось передать красивую любовницу дяде не из-за материальной выгоды, а просто так, довольно необычно для людей XVIII века. Такая тема понравилась бы Шеридану. Причина в том, что Чарльз Гревиль, племянник, сошелся с отчаявшейся Эммой во время ее беременности («Что мне делать? Господи, помилуй, что мне теперь делать?» — писала она не без ошибок.) Чарльз устроил ее вместе с матерью в маленьком доме на окраине города. Эмма страстно влюбилась в благодетеля и, чтобы сделать ему приятное, старалась усвоить манеры леди. Гревиль обеднел и стал подыскивать себе наследницу с капиталом не менее 130 000. Чарльз сообразил, что это ему не удастся, если он не избавится от прекрасной Эммы и ее матери. И тут он вспомнил о жившем в Неаполе дяде-вдовце, богатом, знаменитом.

Эмма Гамильтон являет собой необычный пример женской адаптации. Мало кто может сравниться с ней в умении усваивать поверхностные знания вместе с речью, манерами и социальными устоями, отличными от тех, в которых она родилась. В данном случае ей помогали редкая красота, сердечная теплота и преданность. Она была дочерью кузнеца, жившего на границе Чешира и Ланкашира. Об отце ничего не известно, кроме имени — Генри Лайон. Вместо подписи он ставил крест. Мать, никогда не покидавшая преданную дочь, была сделана из другого теста. Хотя на момент рождения Эммы она была неграмотной, однако сумела социально развиваться и достойно представляла дочь, поднявшуюся на высшую ступень общества. Впоследствии она стала известна (никто не знает почему) под аристократическим именем миссис Кэдоган. Мать и Дочь образовали мощный союз, и хотя пожилая дама так и не смогла окончательно избавиться от всех признаков своего происхождения, тем не менее вызвала к себе всеобщую любовь. На нее смотрели как на очаровательную старушку в домашнем чепце. («Я обожаю миссис Кэдоган», — однажды написал Нельсон. «Король

говорит, что моя мать — ангел», — говорила Эмма о впечатлении, которое миссис Кэдоган произвела на Фридриха IV.)

Гревиль занимался обучением Эммы, но настоящим профессором Хиггинсом стал сэр Уильям Гамильтон. В 1784 году Гревиль предложил миссис Кэдоган и ее девятнадцатилетней дочери поехать отдохнуть в Италию. Там, под классическими небесами, Эмма могла бы продолжить свои занятия. Это просто отпуск, не более. Они уехали, и сэр Уильям встретил их в Неаполе. Эмме отвели четыре комнаты в палаццо Сесса, резиденции сэра Уильяма. В те дни окна дворца смотрели на залив. Здесь Эмма стала учиться французскому и итальянскому языкам, пению и другим предметам, хотя ее орфография так и осталась несовершенной. Время шло, и ее письма Гревиллю стали более эмоциональными, страстными и сердитыми. Она не могла любить никого, кроме него! Зачем он ее оставил? Тем не менее в Неаполе ее окружали забота, внимание и восхищение. Подозреваю, что «старушка в чепце» дала ей благоразумный совет, поскольку вскоре Эмма сделалась любовницей сэра Уильяма и призналась, что любит только его.

Так пробежали счастливые шесть лет. Эмма Харт сделалась достопримечательностью Неаполя. Все ею восхищались, а величайший знаток и ценитель прекрасного горячо ее любил. Неземная красота и таланты молодой женщины покорили не только самых образованных членов высшего общества. Простые неаполитанцы, восхищаясь ею, сравнивали Эмму с Девой Марией. В 1791 году, когда Гамильтону было за шестьдесят, а Эмме почти тридцать, сэр Уильям увез ее вместе с миссис Кэдоган в Лондон, где они с Эммой обвенчались. Будучи любовницей Гамильтона, она сумела покорить Неаполь, а теперь, в качестве леди Гамильтон, вошла в круг приближенных короля и победила даже строгую королеву Марию-Каролину. Казалось, из волн Неаполитанского залива вышла сама Венера, с обручальным кольцом на пальце, всецело преданная британскому министру.

Желая пройти по помещениям, в которых леди Гамильтон держала свой двор и исполняла знаменитые «аттитюды», я спросил у прохожих дорогу к палаццо Сесса, но лишь несколько человек о нем слышали, да то и думали, что дворец снесен. Наконец, в Британском консульстве припомнили, что кто-то давно задавал тот же вопрос, и меня направили в старый квартал позади моего отеля, туда, где находится капелла Веккья и церковь Санта-Мария.

На круто взбирающейся вверх улице было полно магазинчиков и мастерских, где в чисто неаполитанской манере человек чинил на мостовой старый стул и беседовал с сапожниками, которые там же делали свое дело. К их разговору присоединялись проходившие мимо знакомые. Улица заканчивалась аркой, выводившей во двор с припаркованными в нем автомобилями. Я спросил у одной женщины, не является ли здание с балконами дворцом Сесса, однако она ничего не могла мне ответить. Я попытался представить, как выглядело это здание, прежде чем его разделили на квартиры. Тогда под арку въезжали экипажи и, сделав круг по двору, останавливались у главного входа. У этой двери еще сохранились слабые признаки прежнего величия. Широкие каменные ступени из темного вулканического камня вели теперь к квартирам и коридорам. Единственное, что мне оставалось, это — позвонить в чей-нибудь звонок или постучать дверным кольцом. Возможно, я найду человека, который ответит на мои вопросы.

После второй попытки дверь осторожно открылась, и я увидел помещение, забитое старой мебелью, комодами, столами и кроватями, поставленными одна на другую. Старик, охранявший эти сокровища, никогда не слышал о палаццо Сесса и, предположив, что я пришел за каким-то громоздким предметом, завернутым в коричневую бумагу, попытался мне его всучить. Затем я поднялся по солидной лестнице и подошел к внушительной двери. На звонок откликнулся пожилой слуга в белом жилете. Когда я задал ему вопрос, он почтительно поклонился и сказал, что

проконсультируется у нанимателя. Знаком указал мне на ренессансное кресло — великолепную версию трона чистильщика обуви у галереи. Сам тем временем исчез за гобеленом. Вернувшись, сказал: да, это и в самом деле палаццо Сесса, но — увы — маркиза уже немолода, плохо себя чувствует, а потому просит простить за то, что не может меня принять. Что могло быть вежливее такого отказа? Я почувствовал, что этот дом сохранил дипломатичные манеры времен Георга III.

На мой взгляд, фрагмент старого дворца замечен в угловой квартире, окна которой смотрят сейчас на глухой переулок. Вид на залив закрывают высокие современные здания. Когда-то из этих окон можно было беспрепятственно увидеть весь залив — от Кастель дель Ово и до Везувия. Интересно, подумал я, не тот ли это зал, в котором леди Гамильтон давала свои представления? С помощью одной или двух шалей она принимала позы, приводившие общество в восторг, а обожающий ее супруг ставил подле жены зажженную свечу. Гёте, возможно, дал лучшее описание такого представления. Его пригласили на «аттитюды» в марте 1787 года, через три года после приезда Эммы в Неаполь и за три года до того, как она стала второй леди Гамильтон. Он написал:

«Сэр Уильям Гамильтон, после долгих лет увлечения искусством и природой, увенчал свои успехи в этой области, найдя себе прекрасную молодую женщину. Она живет с ним: это двадцатилетняя англичанка, красивая и чудно сложенная. Он велел сшить очень идущие ей греческие одежды, и она ходит в них с распущенными волосами. Она находится в неустанном движении — стоит, преклоняет колена, сидит. В постоянной сменяемости выражения ее лица можно увидеть то, что желали бы изобразить величайшие артисты: вот она смотрит серьезно, грустно, кокетливо, с удивлением поднимает глаза, скромно опускает их, поглядывает то соблазнительно, то со страхом, то грозно. К каждому выражению лица она умеет задрапироваться шалью и изобретает разные способы украсить ею голову. Старый муж держит подле нее свечку и

со всем пылом участвует в представлении. Он думает, что она похожа на знаменитые античные статуи, а ее прекрасный профиль напоминает те, что отчеканены на сицилийских монетах. Такие представления воистину уникальны. Два вечера все мы по-настоящему наслаждались».

Возможно, думал я, шесть лет спустя, когда между Англией и Францией завязалась война, те, кто смотрел из этих окон вечером 12 сентября 1793 года, увидели в потемках английский военный корабль, бросивший якорь в заливе. «Агамемнон» вез донесение от лорда Худа сэру Уильяму Гамильтону. Капитан судна, Гораций Нельсон, только что окончил письмо своей жене в Англию: «Мои бедные люди вот уже девятнадцать недель не видели ни кусочка свежего мяса, ни овощей, а за все это время я лишь Дважды выходил на берег, в Кадисе. Мы падаем от усталости...» Утром Нельсон в парадной форме приплыл в лодке на берег вместе с депешей. Они с сэром Гамильтоном с первого взгляда понравились друг другу, и Гамильтон пригласил Нельсона остановиться в палаццо Сесса во время его краткой остановки в Неаполе. Тот принял приглашение. Сэр Уильям сказал Эмме, что она увидит маленького человека, которого нельзя назвать красивым, но который, по мнению Гамильтона, может когда-нибудь удивить мир. Позже Нельсон писал своей жене о леди Гамильтон: «... красивая женщина с приятными манерами, достойными восхищения, если вспомнить, в какой среде она родилась».

Небезынтересна судьба палаццо Сесса. Во время оккупации французов в 1799 году дворец был разграблен революционной толпой, а во время бомбардировки города, устроенной Нельсоном, снаряд не долетел до батареи на горе и взорвался возле дворца, нанеся ему большой ущерб. В здании, разумеется, в то время никого не было: сэр Уильям и леди Гамильтон уехали в Сицилию вместе с королевской семьей. К счастью, удалось спасти несколько ящиков с греческими вазами. Их доставил в Англию военный корабль «Колоссус», который, к горю сэра Уильяма, затонул возле Сицилии во время шторма. И все же некоторые ящики были

спасены, а другие так и не были подняты. Возможно, впоследствии ныряльщики найдут утраченные сокровища.

Позднее, когда Гамильтоны переселились в Англию, Нельсон заходил в бухту Неаполя по долгу службы. Он написал Эмме, что ее старый дом стал отелем.

8

Профессор был не похож на неаполитанца: маленький, круглый, косматый и веселый, он напомнил мне перекормленного ирландского терьера. Он принадлежал к тому разряду толстяков, которые весело воспринимают свой вес и счастливо катятся по жизни. В Испании я встречал такого Санчо Пансу, а потому подумал, что, возможно, он неаполитанско-испанского происхождения.

Профессор отвез меня в Казерту в маленьком, сердитом на вид красном «фиате». Увидев, как плотно он сидит за рулем, я попросил его не выходить из машины для обмена любезностями. Пока мы ехали с ним по Неаполю, я думал, что он — хороший водитель, да и тормоза у него работали как положено. Но стоило нам выехать на автостраду, как его манера мгновенно изменилась. Согнувшись над рулем, он утратил веселость, нажал на газ и едва ли не с рычанием принялся обходить «феррари», «мазерати» и прочие транспортные средства. Такая трансформация из Фауста в Мефистофеля знакома всем, кто когда-либо ездил по Италии.

— Неплохо бы выпить пива! — заорал он, заглушая рев мотора.

— Прекрасная мысль! — закричал я в ответ, думая, что любая остановка будет на пользу.

Он свернул с автострады на деревенскую дорогу, по которой волы тащили в гору телеги. Мы вернулись в средние века, и это в ста ярдах от современной Виа Аппиа. Подъехали к живописному горному городку, на высшей точке которого увидели osteria.^[50] Оттуда открывался чудесный вид на долину. Мы сидели под виноградными

лозами, молодая официантка принесла нам неаполитанское пиво.

— Этот город, — сказал профессор, — Старая Казерта. Теперь его редко посещают, и с XVIII века он почти опустел. Тогда был построен королевский дворец, и население спустилось на равнину.

Мы посетили прекрасную средневековую церковь. Ее неф украшали византийские колонны и норманнские арки. На крошечной площади переглядывались друг с другом старинные дома. Полюбовались колокольной с аркой в нижней ее части. Профессор сказал, что сейчас, в благословенной тишине, здесь живет около двухсот людей. Кроме красного профессорского «фиата», машин я больше не увидел.

Профессор согласился, что здания и деньги находятся в числе немногих неодушевленных предметов, способных размножаться. Это особенно верно в отношении соборов и дворцов, у которых часто имеются не только родители, но также и дяди с тетками и незаконнорожденные кузены. Версаль, например, стал отцом многих дворцов Бурбонов, среди них можно упомянуть Ла-Гранжа возле Сеговии в Испании. Французский король Филипп V построил его, стараясь утолить тоску по родине. Профессор готов был поспорить — думаю, ради самого спора, — он считал, что дворец в Казерте — отражение Версаля. Я в этом сомневаюсь. Карл III был по натуре строителем, но, в отличие от своего отца, не испытывал ностальгических чувств к Франции. Он родился в Испании, в шестнадцать лет стал королем Неаполя; в двадцать один построил оперный театр Сан-Карло, а на следующий год приступил к огромному дворцу Каподимонте. Там сейчас находится огромная коллекция красивого белого фарфора, который он приобрел, желая порадовать жену. Карл построил Казерту, когда ему было около сорока.

— Но я настаиваю на том, что, затеяв строительство, он, как настоящий Бурбон, думал о Версале, — сказал профессор.

— А может, об Эскориале? — парировал я.

Спустившись в долину, мы вышли к безликому городу, раскинувшемуся по обе стороны от огромного дворца. В передний двор заезжали туристские автобусы. Им разрешали войти под арку и проехать через сад к каскадам. Профессор сказал, что, когда Карл III решил убрать охотничий домик, который стоял здесь прежде, и построить дворец, то обнаружил, что все лучшие архитекторы работают в Риме на папу. Карлу хотелось бы заполучить Николу Сальви, но тот трудился над фонтаном Треви и не мог покинуть Рим. К счастью, Луиджи Ванвителли не работал над собором Святого Петра и ни над каким другим храмом, поэтому был свободен. Этот знаменитый архитектор не был итальянцем, он был сыном голландского художника Гаспара ван Виттеля, и его имя переделали на итальянский лад.

В 1752 году настал день, когда план обширного здания был расчерчен на земле. Его окружили ряды пехотинцев и кавалеристов, по углам поставили пушки. Из павильона, построенного в центре участка, вышел Карл III вместе с Марией-Амалией Саксонской. С помощью серебряной лопатки и молотка король заложил камень в основание будущего здания. Королевский каменщик подал серебряные инструменты Ванвителли, и он в качестве пожертвования отправил их в Рим, в часовню Святого Филиппа Нери.

Армия каменщиков, усиленная арестантами и галерными рабами, долгие годы трудилась на строительной площадке. Они резали камень, возводили фонтаны, разгружали повозки, привозившие на стройку все виды итальянского мрамора.

Мы смотрели на потрясающий фасад самого большого Дворца, построенного в маленьком королевстве.

— Что за поразительный пример мегаломании! — воскликнул профессор. — Как бы мне хотелось представить себя на этом месте! Что бы я построил? Возможно, гигантский мавзолей покойным лекторам! Но, если серьезно, — продолжил он, — насколько предпочтительнее такая мегаломания мании величия у Гитлера и Муссолини. Пусть лучше будет у нас сотня Казерт, чем разные «измы» и

мировая война. Сейчас модно ругать королей и особенно Бурбонов, которые были не так уж и плохи, причем Карл III — самый лучший из них. И он успокоил свою совесть тем, что построил еще больший дворец для бедняков — «Albergo dei Poveri». Он стоит в Неаполе на площади Карла III. Каждый турист считает своим долгом увидеть Казерту, но никто не удосужится посетить ее бедного родственника!

Мы поднялись по лестнице, которой позавидовал бы Голливуд. Когда Карл III ступал по этим ступеням, играл струнный оркестр. Над головами вздымался прекрасный купол, сиял мрамор — зеленый, белый, черный и красный. Как бы мне хотелось увидеть эту сцену! Я представил себе Карла в старой бедной одежде, нарисовал в воображении его печальное, отражающее меланхолию Бурбонов насмешливое лицо, с длинным носом и срезанным подбородком. По-настоящему он был счастлив лишь с ружьем и охотничьей собакой... Как он относился к этому великолепию, которое, по странной психологической причине, сам же и создал?

Мы прошли по обычным дворцовым апартаментам, любуясь некоторыми неплохими портретами. В залах стояли неизменные позолоченные столы и огромные, неудобные на взгляд, кровати с пологам. Такие вещи видишь во всех дворцах. Шли от одного богатства к другому и удивлялись: неужели королевская семья действительно жила в этих покоях? Может, они уединялись в других, обыкновенных комнатах, недоступных для посетителей? В комнате нормального размера король мог задремать, а королева — съесть хлеб с медом.

Любопытна запись, сделанная позднее, во времена правления Фердинанда II. Один придворный чиновник посетил короля в Казерте. Он хотел показать Фердинанду хлеб, который пекли для бедных во время эпидемии. По пути, в мраморном зале, чиновник заметил сохнувшее белье. Придя в королевские апартаменты, увидел короля, кормящего младенца. Королева сидела неподалеку, шила и качала колыбель. Чиновник вынул хлеб, а ребенок на руках короля завопил и сделал попытку схватить буханку.

Отломите ему кусочек, — сказал Фердинанд, — или он не даст нам говорить.

Мы продолжали идти из зала в зал. Мне понравилась французская мебель. Вероятно, ее вывез Мюрат во время междоусобицы. Все следы Второй мировой войны — тогда Казерта была превращена в штаб главного командования — были устранены. Во всяком случае, мы их не заметили. Штаб британско-американского командования в Италии генерал Эйзенхауэр в своей книге «Крестовый поход в Европу» туманно назвал «замком близ Неаполя», а главнокомандующий Александер ошибочно написал в своих мемуарах, что дворец «был построен примерно в то же время, что и Версаль». Здесь, в апреле 1945 года, лорд Александер принял представителей немецких войск в Италии, заявивших о своем поражении.

Приятно было пройтись по парку и садам. Невероятно длинный канал, на вид голландский, доказывает, что Ванвितелли был все-таки ван Виттелем. Пройдя до конца, мы добрались до главной достопримечательности Казерты — каскадов. Вода среди искусственных скал отражала восхитительную группу женских обнаженных и полуобнаженных фигур. Эту сцену не пропустит ни один человек с фотокамерой. Неудивительно, потому что она считается одной из самых фотогеничных скульптурных групп Италии. Здесь запечатлена Диана с нимфами. Во время купания их подстерег Актеон со своими собаками. В качестве наказания несчастный был превращен в оленя. Актеон здесь пока еще человек, но уже с растущими рогами. Скульптор передал это так точно! Я смотрел на собак. Вид у них был озадаченный: они видели, как их хозяин постепенно меняется. Некоторые животные колебались — набрасываться на него или нет, поскольку в нем еще оставалось что-то человеческое — то, что они способны были узнать.

— Интересно, вы не находите, — промолвил профессор, — что, хотя женская анатомия не изменилась, женские формы этой группы явно из прошлого. Современные девушки ничуть не похожи на нимф Дианы.

Я не стал поддерживать этот разговор.

9

Мы доехали до Капуи. До нее всего несколько миль. Там, как и в Казерте, есть старый и новый город. Мы пришли в Старую Капую, и я с восторгом увидел руины амфитеатра. Его размеры и сохранность могут поспорить с римским Колизеем. Там не было ни души. Мы с профессором ходили по травянистому гиганту, словно одинокие фигуры на гравюре Пиранези. Удивительное дело, ибо в наши дни дамы из Бредфорда и Канзаса часто сидят даже на самых отдаленных алтарях.

Цирк был самым большим в Италии, пока не построили Колизей, но как руина, а также как образец сложных подземных сооружений, клеток и подъемников он, на мой взгляд, намного интереснее Колизея. Старая Капуя была большим городом, столицей римской Кампании, запятнавшей себя сотрудничеством с Ганнибалом. Это был не только самый большой, но и самый богатый город на Юге, он прославился высоким уровнем жизни своих граждан и красотой и веселостью женщин. Античные авторы пишут, что целая улица Капуи была отдана торговцам духами. Ливии порицал беспечность властей, «позволивших простому люду наслаждаться безграничной свободой». Историк был явно не из демократов.

Капуя отворила свои ворота Ганнибалу и позволила карфагенской армии перезимовать у них, потому что надеялась, что Ганнибал завоюет Рим, а, когда это произойдет, она снова станет главным городом Италии. Прием, оказанный карфагенянам, и энтузиазм, с которым женщины Капуи встретили так много новых бойфрендов, был осужден, потому что победу Ганнибал так и не одержал. Впрочем, это не совсем верно. Хотя его армия вышла на поле боя, процент дезертирства был очень высок. Солдаты вернулись в бордели и другие дома, в объятия подружек. Вместо того чтобы отблагодарить Капую за

психологическое ослабление армии противника, Рим, когда преимущество перешло на его сторону, жестоко отомстил городу-предателю. Аристократия и сенаторы были взяты в плен или истреблены. Столица Кампании была низведена до уровня жалкого провинциального города. Ливии рассказывает, что некоторые знатные горожане устроили банкеты, напились допьяна и приняли яд.

Профессор сел на камень в амфитеатре и закурил сигарету. Он был похож на пухлого итальянского эльфа.

— За время Пунических войн Капуя оказала на армию Ганнибала самое человеческое влияние, — заметил он, — и самое печальное. Я сочувствую бедным людям, находившимся так далеко от дома. Можете представить себе разговоры, которые велись в лагере Ганнибала во время кампании? Воспоминания, обмен впечатлениями, рассказы об отличных обедах и поцелуях? И все же Рим не смог полностью искоренить Капую. По крайней мере, торговля духами сохранялась еще долгое время: Капуя поставляла духи императорам. А вам известно, что на государственных бумагах сохранился единственный след величия Капуи? Это буквы S.P.Q. — *Senatus populusque Romanus*.^[51]

— Верно ли то, что сказал мне один итальянец, — спросил я, — будто женщин Капуи по-прежнему презирают за их связь с солдатами Ганнибала?

Профессор расхохотался.

— Не презирают, а восхищаются как нашими величайшими жрицами любви! Некоторые думают, что это идет со времен Ганнибала. Может, оно и так. Сошлюсь на собственный опыт. Во времена моей юности в каждом солидном борделе была хотя бы одна женщины из Капуи. — Он отбросил сигарету и вздохнул. — Когда мне было шестнадцать, я был учеником у прекрасной девушки из Капуи по имени Диана.

Хочется думать, что сама история набросила на те уроки покров respeitability.

Прежде чем вернуться в Неаполь, мы задержались в деревне Сан-Арпино, где производились раскопки античного строения. Возможно, это были бани. Профессор потратил много энергии, прыгая по руинам в поисках приятеля, имевшего отношение к проводимым работам, но, как оказалось, тот человек уехал в Неаполь. Когда-то здесь был античный осканский город Ателла, пользовавшийся скандальной славой. Некоторые считают, что именно здесь родилась комедия дель арте. Среди персонажей этого итальянского театра выделяют Пульчинелле. Осканские фарсы игрались в Риме, однако их сочли крайне неприличными, к тому же в персонажах увидели сходство с известными людьми, и во время правления Тиберия эти представления были запрещены. Профессор сказал, что итальянское слово *osceno* («непристойный») произошло от прилагательного «осканский», но насколько это соответствует истине, не знаю. Оксфордский словарь мне ничем не помог.

Мы встретили рабочего, говорящего по-оскански. Он сказал профессору, что раскопки начались около двух лет назад, когда упало большое дерево — грецкий орех. Под корнями, близко к поверхности, обнаружили стены и здания.

— Но главное не это, — сказал профессор. — Четыре соседние деревни настолько бедны, что половина населения подалась в Неаполь на заработки, а когда произошло это открытие, они увидели возможность обогатиться за счет туризма. Вот они и объединились — экстраординарное событие для итальянской деревни, — решили раскопать Ателлу в надежде обрести здесь маленькую золотую жилу. В поиске средств обратились даже к соплеменникам, эмигрировавшим в Америку. По местным понятиям, они там купаются в деньгах!

Мне не показалось, что соплеменники откликнулись. Жаль, думаю, местные жители правы: место рождения Панча должно привлечь туристов.

Перед самым Неаполем подъехали к Аверсе, оживленному городку с населением около тридцати тысяч.

Я испытал разочарование. При норманнах здесь был знаменитый рынок. Город был связан с Райнульфом и Отвилями. Я думал, что увижу на горе одинокую крепость с полуразрушенным замком и, возможно, собор, но уж, конечно, не это многолюдное продолжение Неаполя, где красный «фиат» выглядел букашкой рядом с огромным грузовиком с прицепом.

— Ни к чему расстраиваться, — сказал профессор. — Слава не покинула город. Здесь находится самый большой сумасшедший дом.

10

Наибольший восторг вызвали у меня посещения Флегреанских полей, городка Поццуоли, грота Сивиллы и мыса Мизен, в нескольких милях к западу от Неаполя. Это самые старые классические места, такие старые, что современный путешественник совершенно о них позабыл, однако на протяжении столетий они были тем, чем для нынешнего туриста являются Помпеи и Геркуланум.

Кажется, самым ранним английским путешественником, описавшим Флегреанские поля, был Жерве из Тидбери. В 1190 году он в числе многих англичан находился в услужении у Вильгельма II Сицилийского, женой которого была Иоанна Плантагенет, дочь короля Генриха II. Книга Жерве «*Ottia Imperialia*»^[52] представляет собой удивительную смесь средневековых фантазий и верований. В ней описано путешествие в Неаполь, который для людей его времени был, помимо всего прочего, городом волшебника Вергилия. Сразу по приезде Жерве столкнулся с чудесами. Он пришел к воротам Нолы, над каждой створкой которых было установлено по бюсту Вергилия. Никто из тех, кто знал Неаполь, не входил через левую створку, потому что это грозило несчастьем. Жерве повезло: вход под левую створку заслонил осел, нагруженный дровами. Сам того не зная, Жерве прошел через ворота счастья. Он написал о бронзовой мухе, сделанной Вергилием: будто бы она

избавила город от мух. Благодаря волшебнику, мясо на рынках оставалось свежим в течение полугода. Вергилий изгнал из Неаполя змей. Он изготовил бронзовую трубу, нацелил ее на Везувий и тем самым успокоил вулкан. Из всех этих легенд уцелела одна — рассказ о том, что Капель Ово балансирует на яйце, стоящем на морском дне.

Как и другие ранние путешественники, Жерве видел кратер вулкана на Флегреанских полях. Похоже, с тех пор они ничуть не изменились. Во всяком случае, те чудеса, которые показывали ему, демонстрируют и по сей день.

Самым фантастическим из всего этого является то, что вулканический ландшафт дал грекам концепцию ада и рая.

По пути туда я, как и положено, нанес краткий визит к могиле Вергилия. Сейчас это очаровательный садик, обсаженный лавром и другими кустарниками и цветами, упомянутыми поэтом. Могила эта находится возле главной дороги к холму Позилиппо. С дороги доносится неумолчный рев тяжелых и легких автомобилей. В саду меня растрогал мраморный бюст, изображавший молодого поэта, с надписью от латинистов американского штата Огайо. Является ли и в самом деле могилой Вергилия масса осыпающегося камня, по сути дела, неважно. Я вернулся на шумную дорогу с ощущением, что побывал в месте, достойном автора «Георгик» и «Энеиды».

Минут через двадцать я очутился на Флегреанских — Огненных — полях. Это название некогда относилось ко всему региону к западу от Неаполя, включая острова Просида и Искья, из-за вулканического характера местности. Я проехал через ворота и купил билет. Ко мне приблизился высокий худой человек, похожий на Мефистофеля. Он стоял в группе гидов, поджидавших туристов. Все гиды держали в руке туго свернутую газету, назначение которой я узнал позднее. Мы пошли быстрым шагом, «Мефистофель» указал свернутой газетой на окружающий ландшафт и быстро заговорил по-английски. Он объяснил, что мы находимся в кратере вулкана, который в давние времена опустился до уровня-моря, но все еще дымит. И в самом Деле: я видел, что кое-где на волю

вырываются струи дыма и пара. Сильно пахло серой. Это был знаменитый вулканический кратер Сольфатара. Стояли таблички с надписью «ОПАСНО»: в некоторых местах ходить было нельзя. В других местах земля была мягкой и рыхлой. Тощий «Мефистофель» сказал, что именно здесь греки вынесли идею об аде.

Мы подошли к ужасному пруду с булькающей грязью. Возле одного из фумеролей гид раскрыл мне тайну газеты. Поджег ее и приложил пламя к трещине, издал боевой клич и указал на облака дыма и пара, которые немедленно поднялись из других трещин, даже тех, что находились от нас на расстоянии пятидесяти ярдов. Мы приблизились к гроту, заполненному горячим паром. Я вошел и увидел голого мужчину. У него прилипли ко лбу волосы. Он повернул ко мне воспаленное лицо и по-немецки пожелал мне доброго утра.

— Кто это? — спросил я, когда мы вышли.

— Это — немец, из кемпинга, — ответил гид. — Он принимает паровую ванну.

Чудное объяснение. Пожалуй, я бы поверил и в то, что это — известный обитатель чистилища.

Я спросил о «Гроте собаки». О нем упоминается во всех ранних описаниях Сольфатары. Был рад услышать, что ужасная привычка удушать собак в пещере, наполненной ядовитым газом, объявлена вне закона, хотя, как ни удивительно, такое безобразие продолжалось еще в начале XX века. Джордж Сэндис, который был там в 1611 году, описал, как при приближении незнакомца все собаки бежали в горы, но, очевидно, какие-то бедные жертвы не успевали, и их использовали в качестве подопытных. Животное тащили в пещеру, где через несколько минут оно падало замертво. Затем его бросали в соседнее озеро (сейчас оно высохло). Там собака приходила в себя и убегала прочь, насколько могли нести ее ноги. Иногда до процесса оживления проходило слишком много времени, и собака погибала. Даже такой добрый человек, как Джон Ивлин, описывал это жестокое занятие со вкусом.

Я заплатил «Мефистофелю», он с высоты своего роста поклонился и пожелал мне всего хорошего. Я сел в машину и увидел, что он деловито закручивает новую газету-

11

На окраине Поццуоли, бывшей некогда портом Путеолы, я набрел на руины большого амфитеатра. Он третий по величине в Италии после Колизея и Капуи. Здесь еще яснее, чем в Капуе, можно увидеть, как выпускали на арену диких зверей. Переходы и подземные помещения прекрасно сохранились.

Я давно представлял в своем воображении, как животные прибывали на арену. Возможно, их выгоняли мужчины с факелами и пиками, звери выходили сердитыми огрызающимися группами, а может, их выводили поодиночке. В Путеолах я понял, что животных выпускали сразу всех шестьдесят — через люки, расположенные на дне клеток. Звери укладывались полукругом, по тридцать особей с обеих сторон арены. Для кровожадной публики наступал самый волнующий момент: двери люков одновременно поднимались, и шестьдесят львов, тигров и других доставленных из Африки животных радостно выбегали на солнце — выпрыгивали на арену, засыпанную песком и украшенную пальмами. Провинциальный амфитеатр, так же, как и его римский собрат, назывался Колизеем.

Я ехал по Поццуоли, некогда главному порту Рима для торговли с Востоком. Теперь это — оживленный маленький портовый город. В кафе на берегу пил эспresso и невольно слушал болтовню молодого бармена с приятелем. Они обсуждали киноактрису, родившуюся в их городе. Разговор был похож на один из диалогов Лукиана. То, что люди говорят о других, особенно это касается юношей, Осуждающих молодых женщин, повторяется из столетия 8 столетие.

Пошел к гавани. Вот она с римских времен сильно изменилась, и виной тому многочисленные землетрясения.

Большая часть ее отвалилась и упала в море. Пожилой мужчина сказал мне, что в детстве, до землетрясения, он нырял здесь с другими мальчишками и видел под водой римский мол. Там были огромные бронзовые кольца, к которым когда-то привязывали галеры. Не знаю, в какой степени к этому рассказу примешалось воображение.

Сюда к исчезнувшему молу причалил святой Павел — узник, потребовавший суда у кесаря. Он приплыл на александрийском корабле «Кастор и Поллукс». Судно, перевозившее зерно, как помнят все, кто читал Деяния святых апостолов, доставило его в Путеолы после крушения адримитского корабля у берегов Мальты. Корабль каждую весну привозил в Италию египетскую пшеницу. Суда часто ходили в сопровождении военных кораблей, но «Кастор и Поллукс» шел самостоятельно. Даже по современным стандартам, эти суда были большими. Возле Мальты вместе с апостолом Павлом потерпели кораблекрушение двести семьдесят человек, и все же «Кастор и Поллукс» без труда нашел для них место вдобавок к собственному экипажу и пассажирам.

В одном из писем Сенека живописал египетский флот, перевозивший зерно. Он говорит, что по правилам все суда, за исключением зерновозов, обязаны были убирать топселя при входе в Неаполитанский залив. Только александрийские корабли могли входить на полных парусах, и их было видно с дальнего расстояния. Тут же на берег сбегались толпы, все хотели поприветствовать моряков.

Я старался представить, что видел апостол Павел в то время: ведь многое из того, что явилось его взору, покоится ныне под водой. Впрочем, широкие береговые очертания остались теми же. Когда «Кастор и Поллукс» бросил якорь, Павел должен был увидеть забитую судами бухту; слева от него — виллы Байе, спускающиеся по склону холма до самой воды; справа он, возможно, увидел маленькую бухту Неаполис, а на заднем плане — Везувий, которому лишь через семнадцать лет предстояло проснуться и уничтожить

Помпеи. Среди толп, сбежавшихся на причал встретить зерновоз, были его еврейские друзья, обратившиеся в веру... «Прибыли на второй день в ПUTEОЛЫ, где нашли братьев и были упрощены пробыть у них семь дней».^[53]

На холмах, к юго-западу от Поццуоли, можно увидеть все, что осталось от знаменитого Байе, называющегося теперь Байя. Этих развалин на удивление много, и там по-прежнему ведутся раскопки. Большая часть древнего Байе находится на морском дне, но на земле остались классические руины, их называют «храмами», но на самом деле это огромный античный спа.

Возможно, французская Ривьера 1930-х годов имеет некоторое сходство с античным Байе, но не думаю, что какое-либо другое место в современном мире было таким же роскошным и модным, как «золотой берег» Байе во время Римской империи. Говорят, на этой прибрежной полосе люди, имевшие в собственности провинции, соперничали друг с другом за каждый акр. В республиканские времена виллы строили на скалах, а в имперские — даже на скалах, стоящих в море. У самых великих людей римской истории были здесь виллы: Марий, Сулла, Помпей, Юлий Цезарь, Тиберий, Нерон, Цицерон, Лукулл, Гортензий... Это место и в самом деле можно назвать «Кто есть кто» по отношению к римской славе и плутократии. Здесь пускались во все тяжкие, и у лучших исторических персонажей обнаруживались тайные пороки.

Я ходил от одной термы к другой (а их тут было великое множество, причем некоторые прекрасно сохранились).

Одна круглая терма, все еще под крышей, напоминала маленький пантеон — живописная и прекрасная руина, от других остались стройные колонны. Я вспомнил переживания поэта Проперция, опасавшегося, что *dolce vita*^[54] плохо повлияет на его возлюбленную Кинфию. Пляжная жизнь и другие соблазны могли оказаться фатальными для женской добродетели. Кинфия, в своем бикини и с заново высветленными волосами, возможно не зря вызвала беспокойство возлюбленного. Может, она даже писала ему будто скучает, однако Проперций мучился,

и любовь увеличивала его страдания. «У Проперция есть нечто общее с Марселем Прустом, — заметил Гилберт Хайет в книге „Поэты и ландшафт“, — их мужские персонажи обычно не способны наслаждаться любовью, когда держат в объятиях обожаемую женщину, однако в полной мере ощущают ее на расстоянии, терзаясь дикой ревностью».

Прекрасная горная тропа в окружении виноградников выводит к античному городу Кумы, самой старой колонии Великой Греции. Здесь находился загадочный Дом сивиллы. Древний город, разумеется, давно исчез, но остался Акрополь, высокий романтический холм, на вершине которого стоит храм. В храме имеются коридоры, по которым можно пройти в зал, где Сивилла изрекала свои пророчества. Более романтического классического места в Италии я не видел.

Это — один из самых древних памятников в стране. До 1932 года невозможно было пройти по галерее и заглянуть в Грот сивиллы. Бесчисленные попытки проникнуть в туннель привели к обвалам, и туннель был заблокирован. Но в мае 1932 года диггеры проломили завал и добрались до подземного помещения, так живо описанного в шестой книге «Энеиды», где голос Сивиллы разносят каменные своды. Вот так была найдена малоизвестная, но самая впечатляющая реликвия средневекового мира.

Я вышел из-под раскаленного солнца и окунулся в полумрак циклопического туннеля. Коридор слабо освещался сквозь редкие отверстия, выдолбленные в скале. Форма туннеля напоминала перевернутую букву V. Древние каменщики поработали на славу: мне казалось, что я попал в Микены или Стоунхендж, в далекое и мощное столетие. Если в Неаполь приедет человек, хотя бы слегка интересующийся античным миром, то он просто обязан посетить Грот сивиллы, в противном случае он пропустит самое главное. Если бы мне предложили альтернативу, то Кумы я предпочел бы Помпеям.

В конце туннеля я приблизился к зловещему помещению, вырезанному в туфе. Сивилла произносила там свои пророчества. Вергилий, должно быть, много раз здесь

стоял. Его рассказ похож на свидетельство очевидца. Потолок пещеры даже выше, чем в коридоре. Здесь есть несколько больших арочных ниш. В скале имеются отверстия. Вероятно, туда вставляли деревянные дверные косяки, так что часть помещения для каких-то целей отгораживалась от посетителей. Мне показалось, что этот подземный склеп до сих пор пропитан религиозным страхом.

Происхождение сивиллы довольно странное. В далекие века верили, что некоторые старые женщины способны общаться с потусторонним миром. Эти прорицатели всегда были старыми, и только женщинами. Известны три самые знаменитые сивиллы — эрифрейская, дельфская и кумская. Все они, кажется, были тем, что современные поклонники спиритизма называют медиумами. После затейливого ритуала они, дико жестикулируя, произносили пророчества. В Дельфах пифия жевала лавровые листья и вдыхала пары. Очевидно, они помогали ей войти в транс.

Плутарх упоминает о страшных гримасах сивилл. В качестве оракула дельфийская пифия оказывала большее влияние на общественные дела, нежели все остальные, но кумская сивилла была очень важна для Рима, поскольку имен, но она продала Тарквинию «Сивиллины книги». Сначала она предложила ему купить все девять книг, но, когда он не согласился с ценой, сивилла сожгла три книги и предложила шесть оставшихся за те же деньги.

И снова Тарквиний не согласился, тогда старуха сожгла еще три книги и предложила три оставшиеся снова за ту же цену. Тарквиний согласился, и это была самая необычная сделка из тех, что упомянуты в истории.

Что это были за «Сивиллины книги»? В форме греческого гекзаметра они, должно быть, рассказывали о разных человеческих проблемах, а ответы оракула, как это всегда бывает, можно было трактовать как угодно. Каждому, кто консультировался у современной сивиллы, знакома подобная двусмысленность. Доверчивые уходят задумавшись, а скептики отмахиваются и забывают об этой чепухе. Для римского Сената «Сивиллины книги» были

окном в потусторонний мир. Их положили в храме, в надежное место, в критические моменты вынимали и приглашали сведущих людей, которые объясняли им темные места текста. Когда в 82 году до новой эры Форум сгорел при пожаре, «Сивиллины книги» пропали. Это был тяжкий удар. В Малую Азию направили комиссию с поручением — собрать в греческих городах как можно больше пророчеств сивилл. Надеялись составить и издать новую книгу. Комиссия вернулась с материалом, большая часть которого была чистым вздором. Когда Август сделался императором, то он, желая выразить уважение к традиции, назначил комитет, который должен был просмотреть собранный материал и решить, что можно из него сделать. Новую коллекцию бережно положили на хранение в храм Аполлона на Палатинском холме, где он, похоже, и оставался до 400 года новой эры, только что стало с ним после — никто не знает.

Стоя в темном, загадочном склепе и слушая, как с крыши срывается водяная капля, я понимал, как страшно, должно быть, было сидеть с кумской сивиллой в глубинах матушки Земли. Ее голос — по описанию Вергилия — звучал с разных сторон. Жрецы наверняка сделали сеанс как можно страшнее. Я не мог определить, где сидела сивилла, и видел ли ее клиент или только слышал. Все, что могу сказать, это что после аудиенции доверчивый человек шел по каменной галерее в тревожном состоянии духа. Эхо разносило стук моих шагов по циклопическому коридору, и, выйдя из туннеля на солнечный свет, я облегченно вздохнул.

Античная мощеная дорожка обвивала холм до самой вершины, как Виа Сакра на римском Форуме. На холме, среди утесника, тимьяна и клевера находятся руины храма Аполлона. На половине дороги есть ферма, обнесенная стеной. В стене — арочный вход, словно в замке. Я увидел босоногую девушку. Она вела черно-белого вола. С ловкостью, выработанной практикой, она опустила в колодец ведро и вынула его, наполненное водой. Такой

картине — подумал я — столько же лет, сколько самим Кумам.

Здесь не было ни души, не слышно ни звука, если не считать жужжания пчел, перелетавших с цветка на цветок. Акрополь в Кумах... На его вершине — храм Аполлону, в его глубинах — грот оракула. Мне кажется, что это — одно из по-настоящему магических мест Италии. Я смотрел в сторону моря, видел Мизенский мыс и невольно вспомнил Энея. Смотрел в глубь материка и видел озеро Аверн, а к северу, в дымке, там, где горы сходятся с береговой линией, была Гаэта, имя этого города снова вызывает в памяти Вергилия, ибо там была легендарная могила Кайеты, кормилицы Энея. Поэзия и ландшафт идут здесь рука об руку.

12

Наконец-то наступило праздничное воскресенье в Ноле — «Танец лилий». Мэр Нолы пригласил меня в ратушу. Праздник должен был начаться в полдень, но, будучи человеком опытным в части публичных церемоний, я приехал в Нолу (от Неаполя до нее всего двадцать миль) еще до завтрака. Улицы были почти пусты, зато собор набит битком, из громкоговорителей на площади доносятся звуки праздничной мессы. Выбрав кафе с теневой стороны площади, я заказал то, что в Италии сходит за завтрак, в данном случае — кофе и булочку. Затем прогулялся по городу.

Увидел отличную статую Августа в генеральских доспехах. Он был запечатлен молодым, когда зачесывал волосы на лоб. Умер в этом городе в возрасте семидесяти шести лет на руках у Ливии, со словами: «Ливия, помни, как жили мы вместе!» Даже на боковых улицах чувствовалось предпраздничное волнение. Дети бегали, кричали и пели, а выведенные из себя женщины звали их с балконов. Начали звонить церковные колокола. Интересно было слушать их в

Ноле: ведь, по слухам, в них впервые зазвонил святой Паулин, призывая свою паству в храм.

«Танец лилий», появившийся тысячу шестьсот лет назад, привлек меня с того момента, как я впервые о нем услышал. Считаю, что это — одна из самых интересных встреч с ускользающим прошлым. Святой Паулин родился в 353 году, а его первым учителем стал поэт Авсоний. Паулин был патрицием и, как многие люди его класса, во время падения империи стал христианином и епископом. Будучи другом святого Августина, находился с ним в переписке. Многие его письма и стихи сохранились до наших дней. Он был епископом Нолы, когда в 410 году Аларих с вестготами захватил и разграбил Рим и двинулся на юг с добычей. Варвары явились в Нолу, арестовали Паулина и забрали с собой, то ли потому, что тот оказал им сопротивление, то ли потому, что он предложил себя вместо сына вдовы. В любом случае, его увезли, некоторые говорят, что в Африку. Как и почему его освободили, неизвестно, но он вернулся в Нолу, где его приветствовало население. Люди на радостях танцевали и размахивали букетами лилий.

Событие сделалось ежегодным праздником. Торговые гильдии начали соперничать друг с другом: кто из них сделает лучшую композицию из лилий. Сначала они носили цветы на шестах, как сейчас это происходит в Бари на празднике святого Николая (там носят гвоздики). Затем шесты постепенно сделались шире, а гнезда для лилий все больше, они становились все эффектнее, пока то, что по-прежнему называют «лилиями», не превратилось в огромные деревянные башни, пятьдесят и более футов в высоту, но танцы, зародившиеся в V веке, танцуют по-прежнему.

В одном узком переулке я наткнулся на мужчин, приколавывавших к башне из деревянных реек парусину с цветными изображениями. Сверху на башню ставят раскрашенную гипсовую статую святого Паулина. Платформа под башней очень толстая. Мне сказали, что ее будут нести пятьдесят мужчин. Команды пронесут башню на расстояние двадцати ярдов. На парусине изображены

сцены из Библии. О процессе трансформации лилии в башню поведала история религиозных церемоний. Люди верят, что, напрягая мышцы под страшным весом — башню необходимо пронести вокруг города или поднять в гору, — они избавятся от грехов и обретут добродетель.

Я нашел в ратуше окно, зарезервированное специально для меня. Окно выходило на собор, так что я хорошо видел площадь. Каждый год здесь танцуют восемь «лилий».

Они символизируют восемь торговых гильдий римской Нолы, некогда приветствовавших возвращение святого Паулина в родной город. Отдаленный хлопок в ладоши означал, что «лилии» обходят город и вскоре появятся на площади. С приближением полдня волнение нарастало. Пьяцца заполнялась народом. Группы молодых людей и мальчиков, взявшись за руки, образовали хороводы. Женщины и девочки в плясках участия не принимали.

Появление «лилий» представляло собой необычайное зрелище. Они выходили поодиночке, с интервалом примерно в полчаса. Башни были одной высоты, каждую сопровождал оркестр. Несли их обливавшиеся потом мужчины. Их можно было уподобить галерным рабам или арестантам, осужденным на пытку. У каждой «лилии» был собственный оркестр, игравший собственную музыку. Когда появилась первая башня, я удивился тому, что двенадцать крупных мужчин, дудевших в трубы и игравших на других инструментах, не маршировали, как это обычно делают оркестры, а сидели на платформе «лилии», увеличивая еще больше вес башни, которую несли их земляки. Это огромное и, очевидно, бессмысленное физическое напряжение напомнило мне о празднике свечей в Губбио в провинции Умбрия, когда группы мужчин бегут в гору с огромными деревянными цилиндрами.

Каждая «лилия» под звуки оркестра медленно вползала на заполненную народом площадь. Она вставала напротив ратуши, а вспотевшие носильщики опускали ее и отдыхали. Затем оркестр играл живую мелодию, и под дикие крики зрителей носильщики поднимали платформу вместе с оркестром себе на плечи и, переступая с ноги на ногу,

заставляли башню качаться или танцевать. Такого странного зрелища я еще не видел. Толпа восторженно ревела. Исполнив танец, каждая «лилия» отходила в сторону, пока на площади не выстроились друг против друга.

Все восемь «лилий», по четыре с каждой стороны. Затем на площадь явился белый корабль с золотой фигурой на носу. Его втащила команда из пятидесяти человек. Корабль символизировал судно, на котором святой Паулин вернулся из Африки. Статуя епископа стояла под алтарем на корме, а фигура, непрменный участник церемоний Южной Италии — сарацин в тюрбане и с ятаганом, — была капитаном корабля. Когда галера явилась на площадь, с каждого балкона на нее дождем полетели цветы. Воздух задрожал от криков «вива!». Все приветствовали «Сан-Паolino», я уже подумал, что эмоции достигли наивысшей точки, но оказалось, что ошибся.

Церковь, великий мастер по части организации пышных исторических праздников, добавила завершающий штрих. Зазвенели колокола; толпа враз замолчала; распахнулись двери храма, и из темноты на закатное солнце вышли священники: епископ в парчовом облачении и митре, а за ним — серебряная статуя святого Паулина в окружении гладиолусов. Епископ обошел площадь, благословляя «лилии», затем процессия вернулась в собор. Носильщики статуи святого Паулина обошли площадь, так чтобы святой ни разу не повернулся спиной к народу. Солнце осветило его серебряную митру, и он исчез в темноте нефа. Свидание Ноли с прошлым закончилось до следующего года.

Неудивительно, что город сдулся, словно воздушный шарик. Улицы опустели. Три «лилии» остались стоять на пьядце, и по ним карабкались мальчишки. Я тоже испытывал опустошение. Несколько часов мое внимание поглощали духовые оркестры, танцующие толпы, качающиеся «лилии», а теперь праздник закончился. Я вернулся в Неаполь, думая, что все повторяется: счастье, испытанное Людьми полторы тысячи лет назад, проявилось и сегодня во всей своей полноте.

На следующее утро в воздухе повисла легкая дымка, и даже кресельный лифт работал. Я подумал, что интересно будет пройти последний отрезок пути на Везувий пешком. Я ехал по дороге, становившейся все более зловещей. С обеих сторон видел ужасные реки лавы, серые, словно шкура слона. Они остановились и застыли после извержения 1944 года. Я не был готов к такому лунному пейзажу. Удивился, как и люди, читающие рассказы о вреде, нанесенном стихией: почему крестьяне продолжают жить на этом пепелище? Ответ прост: когда старая лава перемешивается с землей, почва становится необычно плодородной. Говорят, здесь выращивают лучшие виноградники и оливковые деревья.

Оглядываешься назад и видишь нетронутые горные склоны с богатыми всходами и леса с восхитительными золотыми порослями утесника, отделенные несколькими футами от серой застывшей мертвой реки. В свое время она ползла с Везувия в виде раскаленной массы, пожирая дома, леса, оливковые рощи и виноградники.

Из дома выскочила девочка и сказала мне, что дорога окончилась и теперь я должен идти пешком. В доме мне предложили холодные напитки, запонки и ожерелья, сделанные из блестящей переливчатой лавы. Посоветовали сменить обувь — надеть сандалии на веревочной подошве и взять напрокат крепкую палку. Я сделал и то и другое. Мне было забавно наблюдать за суматошной маленькой француженкой. Похоже, она боялась, что ее обманут, а потому не воспользовалась советом: отказалась и от обуви, и от посоха. Начала восхождение в красивых уличных туфлях. Через полчаса выдохлась, а туфли изодрались в клочья. Я упрекнул себя за то, что не догадался взять с собой лишнюю пару веревочных сандалий, но, в конце концов, с ней был муж. Судя по всему, он не смел обсуждать ее решения.

Не знаю, сколько миль было от дома до Везувия. Может, одна, а может, и три мили. Все, что могу сказать, это то, что

идти было очень трудно. Я шел по обуглившейся и размолотой в порошок лаве. Дорога была мягкой, в некоторых местах скользкой, к тому же она петляла, как и все горные дороги. С каждым поворотом кажется, что вершина еще дальше, чем прежде. Туман по-прежнему выплывал из залива. Я утешал себя тем, что вид компенсирует мои мучения, напомнившие мне самые болезненные моменты в «Пути паломника» Баньяна.

Подумал, что, несмотря на автомобили и малоподвижный образ жизни, мы в некоторых отношениях покрепче наших предков. Никто в наши дни не согласится, как когда-то наши предки, чтобы его тащили к Везувия на ремне проводника. В 1786 году подобным образом поднимался Гёте, молодой, мускулистый и ловкий. «Такой проводник опоясывается кожаным ремнем, за который цепляется путешественник и, влекомый им, да еще опираясь на палку, все же на собственных ногах подымается в гору». Пока тащился, мысленно развлекал себя, вспоминая любимую историю о Везувии. Когда миссис Пьюэ в 1786 году поднималась на кратер, путешественники обычно останавливались в хижине отшельника и перекидывались несколькими словами с анахоретом, который жил там в то время (вероятно, зарабатывал честные деньги тем, что продавал лимонад или куски лавы). Обсуждая с ним литературу, миссис Пьюэ обнаружила, что отшельник — француз. Он сказал ей: «Не встречал ли я вас раньше, мадам?» (Странный вопрос для анахорета с Везувия, однако миссис Пьюэ не заостряет на этом внимания.) Да, они встречались. Вглядевшись в лицо отшельника, миссис Пьюэ признала в нем некогда модного лондонского парикмахера! Обсудив нескольких дам, посещавших его салон, миссис Пьюэ попрощалась и продолжила путь. Уходя, она услышала, как отшельник бормочет: «Ах, как же я стар — помню, когда впервые появились черные заколки!»

Жизнь удивительна и непредсказуема. Как бы хотелось чтобы и со мной на склоне Везувия случилось что-нибудь в этом роде. Увидеть бы в качестве отшельника бывшего

лондонского таксиста или старого раскаявшегося издателя... Но нет, черная дорога безжалостно вела меня наверх, не давая приятной передышки. Вдруг, уже близко к вершине, я увидел силуэты женщин, поднимавшихся по воздуху в спокойной и деловой манере: кресельный подъемник все-таки работал. Он заменил знаменитую железную дорогу Кука, разрушенную последним извержением. Вереница женщин (среди них ни единой валькирии) скрылась в тумане. Поднявшись наверх, я зачарованно смотрел, как дамы, аккуратно пристегнутые к креслу, выходили на вершину, словно это была самая обыкновенная вещь на свете. Проводники подозвали к себе свои группы и повели их к кратеру.

Словно стая маленьких любопытных птиц, мы, туристы, числом около двухсот, остановились на вершине большой груды шлака. Воздух звенел от полезной информации. Я слышал, как один гид сказал: в поперечнике кратер достигает ста пятидесяти ярдов, а глубина его — семьсот футов. Ничто не указывает на то, что Везувий до сих пор жив, за исключением фумеролей, точно таких, какие я видел на Флегреанских полях. Гиды подносили к щелям газеты, и они немедленно вспыхивали. Люди задавали сотни вопросов, но на самые интересные ответов не получили.

Любопытно, что до извержения 79 года, когда погибли Помпеи, никто и не думал, что Везувий — действующий вулкан. Ужасная гора шлака, которую мы видели перед собой, была тогда густым лесом, славившимся кабанами. Затем произошло извержение. С тех пор оно повторялось через неравные промежутки времени. Иногда случался длительный простой, как, например, с 1500 по 1631 год. 0 тот период гору снова возделали для земледелия, а кабаны вернулись в поросший лесами кратер. В то время, мне кажется, Везувий выглядел менее активным, чем Флегреанские поля.

Самым лучшим очевидцем извержения 79 года был Плиний Младший. Его дядя, Плиний Старший, адмирал флота при Мизене, погиб во время стихийного бедствия. 24 августа 70 года было, возможно, одним из тех жарких дней,

когда невозможно охладить себя даже в море. Плиний жил со своей вдовой сестрой и ее сыном, Плинием Младшим. Мальчику было семнадцать лет. После прохладной ванны Плиний вернулся в библиотеку, чтобы прибавить что-то к ста шестидесяти томам своих заметок, ставших потом «Естественной историей». Сестра попросила его оставить работу и выйти на улицу, посмотреть на повисшее над Везувием странное облако. Она сравнила облако с пальмой. Он попросил подать ему сандалии и вышел. Взглянув на облако, понял, что это — природный феномен, требующий расследования. Приказал подать себе небольшую галеру и перевезти через бухту. Когда он совсем собрался выходить, услышал жалобный крик о помощи. Кричала жена его друга, жившего в вилле у подножия горы. Она просила Плиния прислать корабль, так как спастись можно было только по морю. Адмирал решил организовать спасательную экспедицию и приказал собрать несколько кораблей.

Когда суда двинулись по направлению к Везувия, на палубы полетел пепел и посыпались обожженные черные Камни. Хотя был день, над ними повисла черная туча, и стало темно, как ночью. Воздух сотрясали страшные взрывы, а море начало отступать, словно его втягивали в себя подводные воронки. Плиний приказал, чтобы галера подошла как можно ближе к Стабиям, где жил его друг Помпониан. В доме была страшная тревога. Ценности упаковали, и Помпониан готовился бежать. Плиний успокоил его, заставил слуг работать и уговорил повара приготовить обед. После ванны он уселся за стол вместе с хозяином и с удовольствием пообедал, затем спокойно отправился спать. Слышно было, как он храпит. Пока он спал, в коридор, ведущий в спальню, налетел горячий пепел. Плиния разбудили. Поняв, что опасность куда серьезнее, чем он представлял, Плиний решил, что им остается одно: попытаться пройти через падающие обломки к кораблям. Полотняными лентами привязали к головам маленькие подушки, прикрыли салфетками рты и вышли из дома. Добравшись до берега, увидели, что море бушует и ни один корабль не сможет их забрать. Плиний был грузным

мужчиной пятидесяти шести лет. Его утомили эти события, и он улегся на разостланное покрывало, но тут огонь и сернистый запах заставил всю компанию вскочить на ноги. Плиний тоже начал вставать, но вдруг упал замертво. Очевидно, надышался сернистыми парами. (Далеко от них, в Риме, люди с недоумением заметили странное серое облако. Они не понимали, что это такое.)

Рассказ об извержении вулкана и смерти Плиния был написан его племянником в письме историку Тациту. Тот собирал свидетельства очевидцев. К сожалению, кроме писем, ничего не было найдено.

Я спустился по коварной горе и был вознагражден: туман полностью рассеялся, и внизу я увидел прекрасное голубое море и плавный изгиб берега, на который накатывали ласковые волны. Среди цитрусовых деревьев — лимонов и апельсинов — блестели белые дома.

14

Наши деды и прадеды верили — или притворялись, что верят, — будто Венера Медичи представляет идеальную женскую фигуру. А вот наши затянутые в корсеты бабушки и прабабушки утверждали, что в реальной жизни такой идеал красоты не поощрялся. Массивная богиня без талии хотя и вызывает уважение, однако не украшает собой альбомы репродукций. Появись она на современном пляже, и скорее всего, пробежал бы шепоток, что такой женщине следует посидеть на диете. Талию открыло Средневековье, и эта часть фигуры до сих пор является главным показателем женской красоты.

Возможно, одной из нескольких античных Венер, которая имеет шанс получить титул «Мисс Античный Рим», является Венера Каллипида «Прекраснозадая». Она стоит в Национальном музее Неаполя. Ее обнаружили среди руин Золотого дома Нерона в Риме. Скульптура являлась частью знаменитой коллекции Фарнезе. В XVIII веке ее приобрел Карл III. Рим разгневался, когда статую перевезли в

Неаполь. Венера стоит, придерживая одной рукой покрывало, а в другой руке держит зеркало и через плечо смотрит на себя сзади, любуясь собственным отражением в воде. Скульптор с самого начала предполагал поставить фигуру на краю бассейна или на острове в озере, как нимф в Казерте. Для скульптуры нашли самое удачное место в музее: вы наталкиваетесь на нее внезапно, словно вы — пресловутый мифический пастух.

В гигантском помещении хранится больше предметов Этического искусства, нежели в любом другом музее. Любопытно, что в XVI веке здание предназначалось для кавалерийских казарм. В музее находятся все известные сокровища Фарнезе — фарнезский бык, Геркулес, Флора фарнезская чаша, принадлежавшая когда-то Лоренцо Великолепному, — а также тысячи менее известных статуй из бронзы и мрамора. Есть залы, полные серебра, золота, драгоценностей; комнаты с фресками работы великих, но неизвестных художников. Я обратил внимание на отделы с медицинскими инструментами — зондами, хирургическими щипцами, имеющими современную форму; в других залах много красивой кухонной посуды — горшков, сковородок, а также обуглившихся фруктов, хлеба и мяса, хрупких и черных. 24 августа 79 года они были свежими, их готовились съесть, но Везувий нарушил планы, уничтожив Помпеи и Геркуланум.

Жаль, что некоторые организаторы поездок по Европе превращают эти мероприятия скорее в историю передвижения, чем в настоящее путешествие. Гиды ведут группы в Помпеи, а Национальный музей пропускают. Не знаю места, которое давало бы чувство большей связи с классическим прошлым. Здесь находится античный «Танцующий фавн» из Зала фавна в Помпеях, а также фрагмент прекрасного мозаичного пола из того же здания. Мозаика запечатлела Александра Великого и Дария в пылу битвы. В соседнем зале лучшая из всех существующих — статуя Дианы Эфесской. Фантастическая фигура, заключенная в панцирь из символов. Из ее торса выпирают выпуклости, которые, согласно аннотации, называются

женскими грудями. Я считаю, что это — орнамент из пчел. Пчела была символом Дианы Эфесской, ее изображали и на монетах. Богиня считалась королевой пчел. Устройство храма Дианы отражало жизнь пчелиного улья.

Я часто возвращался в музей и каждый раз находил нечто новое, достойное восхищения. Какими интересными казались мне гладко выбритые римские лица сенаторов периода правления Августа! Они напоминали викторианцев. Вряд ли найдется хотя бы один из них, кого нельзя было представить себе в палате общин XVIII века. В прошлом столетии, вместе с автором «Трех мушкетеров», назначенным куратором, музей проникся духом комедии. Дюма-отец путешествовал по Средиземноморью, желая поправить расшатанное здоровье. В экипаж его яхты входила очаровательная девушка-матрос в брюках клеш и аккуратном жакете. Дюма снабжал оружием Гарибальди и попросил в качестве вознаграждения должность куратора музея Бурбонов (так тогда назывался Национальный музей). Настоящей целью Дюма был поиск сокровищ в Помпеях, и должность куратора делала такие поиски легальными. Это назначение возмутило общественность. Тем не менее Дюма занимал эту должность четыре года, после чего вернулся в Париж, к кредиторам и не менее требовательной любовнице.

Глава восьмая. Живописные дороги Калабрии

***Помпеи и Геркуланум. — Соррентийский полуостров. —
Амальфи и Равелло. — Пестум и Мадонна с
гранатом. — Въезд в Калабрию. — Лунгро и
ортодоксальные албанцы из Греции. — Ионическое
море. — Пурпурный кодекс Россано. — Национальный
парк Сила. — Рассказ о бандитах. — Козенца и могила
Алариха. — Долина Майда.***

1

Утомившись от городского шума, я решил отдохнуть. Поселился в очаровательном отеле на побережье, к северу от Сорренто. Тишину нарушала лишь английская речь: голоса доносились с моря или из плавательного бассейна. Весь день светило солнце. Небо поражало голубизной. Вечером мы ужинали под соснами, рядом с морем.

Добраться до Помпей и Геркуланума можно было по шоссе за каких-нибудь полчаса, и я несколько раз их посетил. В Геркулануме каждый раз было пусто, зато Помпеи осаждали толпы. Гёте очень точно написал об этих городах: «Много зла свершилось в мире, но мало такого, что доставило бы великую радость потомкам». В наши дни это наблюдение кажется еще более верным, чем в 1787 году, когда Гёте написал эти строки.

В его время мало что можно было увидеть в Помпеях, а Геркуланум совершенно был погребен, хотя путешественник-авантюрист мог проникнуть в туннели, освещая себе путь фонарем. Туннели эти проложили горнорабочие: Бурбоны хотели найти древние статуи. Только в наши дни солнце осветило улицы и прекрасные виллы Геркуланума. Археологи делают все новые открытия, снося дома в городе Резина. Под этим городом спрятана

едва ли не половина Геркуланума. Кто знает, какие открытия нам предстоят, какие статуи из бронзы и мрамора, а возможно, и манускрипты мы с вами увидим. Вулканическая грязь, застыв, окаменела и запечатала Геркуланум, словно банковский сейф. Помпеи засыпали угли и зола, и вскоре после несчастья город разграбили. Многие жители, сбежавшие от стихии, вернулись к своим домам в поисках ценностей. Так было и с нашими современниками: после авиационной бомбежки они бродили среди обломков, надеясь найти офисный сейф.

Виллы Геркуланума — величавые сооружения, но им недостает уникального очарования Помпей. Когда идешь по ее улицам, невольно замечаешь колею, оставленную колесами античного экипажа, видишь маленькие фонтаны на перекрестках, дорожки из камней и вспоминаешь английский роман, разбудивший воображение читателей. Я боюсь еще раз прочитать эту книгу: а вдруг исчезнет ее магия? «Восстановить прошлое в свете современности, вот какую задачу решил Булвер-Литтон в изданной в 1834 году в книге „Последние дни Помпей“, — написал Гарольд Эктон в своем труде „Последние Бурбоны в Неаполе“. — Мысль о написании этой книги, возможно, подсказала ему его подруга, леди Блессингтон... Мастерство Булвер-Литтона не подлежит сомнению. Приехав в 1833 году в Неаполь, он как губка впитывал рассказы сэра Уильяма Джелла. Эрудит знакомил его с подробностями обычаев и костюмов, а Булвер создавал образы древних жителей города, направляемый лучшим чичероне, которому он посвятил одну из самых успешных исторических новелл». Приятно отметить, что итальянский путеводитель, опубликованный Амадео Майури, не забыл упомянуть, что трагический поэт жил в доме Главка Апиция. Удивительно, как много английских туристов наносят туда сентиментальный визит.

У двух городов есть отличия: Геркуланум был модным прибрежным курортом, в котором богатые люди, вышедшие в отставку, построили себе роскошные виллы. Бедными обитателями города являлись рыбаки. Помпеи, напротив, были оживленным городом с населением, насчитывавшим

около двадцати тысяч людей из всех классов общества — от самых бедных («Поделитесь с народом деньгами» — знакомая надпись, выбитая на одной из стен) до обеспеченных купцов и богатых римлян, таких как Цицерон. Полагаю, что люди из Геркуланума задирали перед помпейцами нос. Так же вели себя жители Хоува по отношению к Брайтону. Но можно не сомневаться: люди из Геркуланума отоваривались в Помпеях, да и в тамошний театр ходили на хорошую постановку. В Помпеях было много видов местного производства. По меньшей мере один продукт они точно экспортировали. Это был концентрированный рыбный соус. Кажется, его готовили из размельченных сардин и анчоусов. Использовали главным образом в кулинарных целях, а назывался он *liquamen*. Переводя на английский язык «Кулинарную книгу Рима» Апиция, Барбара Флауэр и Элизабет Розенбаум заявляют, что в Помпеях сохранился маленький сосуд с надписью: «Лучший процеженный *liquamen*. Лавка Умбрика Агатопа».

Эти два города отличаются от всех остальных античных руин тем, что относятся к определенному моменту в истории. В Римском Форуме, например, только опытный археолог способен различить разные исторические периоды. Он представляет собой археологические джунгли, причем большая часть строений гораздо ближе к нам по дате, чем предполагают многие люди. А вот в Помпеях и Геркулануме мы можем твердо сказать: «Вот так все выглядело 24 августа 79 года». Именно в этот день извержение застало город, и муниципальные надзиратели не успели даже стереть со стен оскорбительные граффити. Античные руины остались в том виде, в каком они были почти девятнадцать веков назад.

Я увидел приятную женщину среднего возраста. Она сидела на помпейской стене и обмахивалась бумажным веером. С первого слова я понял, что она — уроженка Центральной Англии. Она сказала, что приехала сегодня утром на автобусе из Рима. Посмотрела большой дворец (гораздо больше, чем Букингемский). После того как она

осмотрит Помпеи, ее отвезут на Капри, а после, поздно вечером, она вернется в Рим. Помпеи напомнили ей Бирмингем после воздушной бомбардировки, но, конечно же, погода здесь намного лучше. Я посмотрел на нее с недоумением, смешанным с восхищением. Это все равно, что увидеть человека, совершившего героический, но бессмысленный поступок — например, съевшего двадцать порций ростбифа.

В Помпеях появилась закусочная — жизнерадостное заведение посреди руин. Там я увидел людей многих национальностей. Они пили охлажденные напитки из пластиковых стаканчиков. Забыв о Помпеях, они ели, пили и радовались тому, что спрятались от страшной жары. Они не представляли, как странно выглядят со стороны: через две тысячи лет здесь впервые под крышей завтракали люди.

В толпе пробегает викторианский шепоток: люди проходят мимо убогого маленького борделя. Можно подумать что англичане никогда не читали воскресную газету. Иногда камелии добиваются своего и уходят вместе с мужчинами чем приводят гида в сильное смущение. Такое поведение шокировало бы бабушек соблазненных молодых людей. Они ушли бы, возмущенно покачивая зонтиками, зная, что дорогой Фред расскажет им обо всем в подробностях.

Я хотел спросить, но позабыл, как происходит сбор денег за посещение дома Ветти с его припрятанной фаллической картиной. Картина уже более столетия являет собой золотую жилу для администрации. Процедура одна и та же. Когда туристы уходят, некоторые мужчины замечают, что зрители загадочно шипят и похлопывают себя на уровне талии. Это — обычный жест, которым итальянцы дают понять, что хотят показать что-то секретное. Постепенно мужчины собираются в группу, понимая, что им продемонстрируют нечто особенное. Женщины — слава богу — выходят на улицу. Зрители быстро показывают фреску, на ней изображен мужчина, взвешивающий на весах невероятных размеров фаллос. Некоторым людям такой

абсурд кажется нелепым контрастом по отношению к достойному убранству дома. Как может человек, проявляющий хороший вкус во всем, терпеть такое безобразие? Дело в том, что эта картина — амулет.

Ее поместили сюда против дурного глаза. Ту же эмблему в разных обличьях вы увидите всюду в Помпеях. Ее продают по всей Италии, замаскированную под воловий рог. Этот рог висит на миллионах брелоков для ключей, лежит в бесчисленных сумках, привязан к шейкам младенцев, к шеям лошадей или навешен на другие предметы, требующие защиты. Фаллическая фреска в Помпеях самая большая, она бросается в глаза, и ее поместили в сторожку портье, чтобы она отвлекала дурной глаз, прежде чем он сделает в доме свое черное дело.

Каждое утро, когда солнце поднималось над скалами у городка Вико Эквиенце, я сидел на балконе отеля и смотрел, как маленький катер движется от Неаполя. Его привязывали к нашему маленькому деревянному причалу, и оттуда выходило трое или четверо пассажиров. Катер уходил в сторону Сорренто, вычерчивая позади себя белую линию. Затем его путь лежал на Капри. Посетить этот остров сейчас ничего не стоит. Туда можно прокатиться на лодке, на судне на подводных крыльях, а можно и воспользоваться вертолетом. Как та дама с веером из Помпей, многие люди выезжают из Рима утром, посещают Капри и возвращаются в Рим вечером того же дня.

У меня был соблазн поехать туда на день — оживить воспоминания, но потом я решил не делать этого. Я помню время, когда на маленькой площади Капри не толпился народ, а все жители знали друг друга; когда я ездил на пляж Марина-Пиккола в прогулочной маленькой carrozza, ^[55] которую тащил пони, увешанный амулетами от дурного глаза. Он гордо потряхивал головой, увенчанной короной из павлиньих перьев. Современный Капри — по-прежнему остров сирен. Они чаруют более разнообразное и любопытное собрание людей, хотя как тем удастся за день подпасть под их очарование, понять я не в силах. В мое время волшебницам требовалась неделя.

И все же каждый раз, завидев белый катер, я думал о скалах Фараглиони, вырастающих из гладкой воды, и вспоминал, как однажды девушка нырнула с лодки возле голубого грота и превратилась в русалку. Ее серебристое тело крутилось в изумрудной воде. Вспомнил и как в жаркий день шел в Анакапри, а потом ел пурпурный инжир под оливковым деревом. Эти были дни, когда большинство островитян знали Нормана Дугласа, знали и шведского врача Акселя Мунте задолго до того, как «девушка из Ланкашира» подумала, что построит здесь однажды свой дом. В более сдержанные времена жизнь на Капри требовала бесстрашия. При этом она была остроумной и увлекательной.

Нет, подумал я, на один день на Капри не поеду.

2

Покинув отель, я ехал по, возможно, самой живописной и опасной прибрежной дороге Европы, вокруг Соррентийского полуострова. Кто-то сказал мне, что между Сорренто и Равелло более тысячи поворотов, и сейчас я в это поверил. Скорость, с которой итальянцы въезжают на эти повороты, ужасающая. В некоторых местах дорога превращается в щель, и автомобилист часто вынужден давать задний ход, чтобы дать проехать какому-то монстру в виде автобуса или грузовика с прицепом, и монстр проходит на расстоянии дюймов.

Эта часть Кампании занимает высокое положение среди мест, на которые природа обрушила все свои богатства. Ты едешь среди садов и видишь под собой чистое голубое море. Виноградники, лимоны, инжир растут вплотную друг к другу, а экономный хозяин, используя каждый клочок земли, выращивает под ними фасоль или цуккини. Перед въездом в Сорренто я заинтересовался, увидев на стене виллы какое-то объявление. Оказалось, здесь когда-то жил Максим Горький. Видимо, из этого дома он и переехал на Капри, где его посетил Ленин. Я часто думал, что эти двое,

боровшиеся за все то, чем Капри не является, были самыми странными посетителями острова. Сэр Лис Ноуэлз в книге «Британцы на Капри. 1806-1808» (в то время над Капри два года развеялся «Юнион Джек») приводит любопытный портрет Горького, который, разумеется, жил на острове в гораздо более поздний период.

«Это человек примерно шести футов ростом, — писал он, — сутуловатый, с землистым, но приятным лицом и светлыми усами. Ему около пятидесяти лет. Он носит шляпу с обвислыми полями, мягкий белый воротник, короткий желтый жакет, отглаженные вечерние брюки, черные туфли без каблуков, перстень на среднем пальце левой руки. Говорит только по-русски... У дороги, ведущей к Марина-Пиккола, Горький построил для себя очаровательную виллу. Она смотрит на южную сторону острова. На верхнем этаже с обеих сторон вереница высоких узких окон, дающих максимум света. У него есть цветы, собаки, попугаи. Когда Горький вернулся в Россию и из дома все выносили, я увидел отличную коллекцию древнего и современного оружия. На Капри Горького очень уважали, и его редкие появления на публике были сродни королевским выходам».

В те времена на Капри была русская колония. Норман Дуглас в книге «Южный ветер» упоминает любопытную религиозную секту, члены которой купались обнаженными в укромной бухте.

Дорога в Сорренто проходит мимо пещер, которые, по слухам, населены гномами с красивым именем моничелли. За Сорренто дорога лезет в гору и петляет. В маленьком местечке Сант-Агата посмотрите назад — перед вами раскинется Неаполитанский залив, а впереди вы увидите залив Салерно. И снова русские ассоциации. В море есть три крошечные острова — Ли Галли. Когда-то они принадлежали Дягилеву. После его отъезда острова достались внешнему владельцу, хореографу Мясину.

На горах у Позитано множество вилл, видны изумрудные бассейны, дорожки меж серых оливковых деревьев сбегая к побережью самого голубого из морей. Думаю, что природа и человек создали здесь точную копию Байе римских

времен. Я вдруг подумал: вон тот английский турист что берет со стенда экземпляр «Таймс», — современная разновидность римского сенатора, отдыхающего в Байе и в то же время старающегося узнать новости в столице. Вся красота, о которой мы читаем у античных поэтов, сосредоточена в Позитано и его ближайших окрестностях.

К сожалению, на наши впечатления о тех или иных местах часто несправедливо влияет погода и тривиальные мелочи, связанные с личным комфортом. В красивом городке Амальфи мне с этим не везло: каждый раз встречал сильный ветер и проливной дождь. Сейчас я почувствовал, что удача наконец-то повернулась ко мне лицом. Однако в городе оказалось полно туристов, и автобусы отравляли атмосферу. Люди со всех концов Европы нахлынули в место, бывшее некогда простым и спокойным. Я пошел в ратушу: хотел взглянуть на «Tavole Amalfitane»^[56] — античные морские законы и правила, написанные в те времена, когда Амальфи была одной из богатейших торговых республик, этаким маленькой Венецией, избиравшей собственных дождей. Затем поднялся по длинному лестничному маршу к собору Святого Андрея. В крипте находятся безголовые мощи апостола, привезенные из Константинополя в XIII веке. Говорят, они источают манну, как и тело святого Николая в Бари. Жидкость, которую местные жители называют «потом» святого Андрея, собирает устройство, специально поставленное в гроб. Бывали, однако, длинные периоды, когда апостол отказывался «потеть».

Красивые бронзовые двери с серебряными вставками изготовлены в Константинополе примерно в 1066 году. Диалогичные двери я видел в подземной базилике Святого Михаила в Гаргано. Это — подарок Мауро ди Панталоне и его сына.

Равелло остался таким же прекрасным, каким я запомнил его много лет назад, и удивительно спокойным. Бронзовые двери собора вызвали ассоциации с Трани в Апулии. По всей видимости, их изготовили в Бари, поскольку технология и дизайн такие же: около шестидесяти маленьких бронзовых панелей заключают в себе рельефные

фигуры, прикрепленные к деревянной основе. Собор посвящен святому Пантелеймону Мученику, бывшему, как говорят, любимым врачом императора Максимиана. В средние века ожесточенно сражались за святых врачей, особенно в морских городах, торговавших с Востоком. Там бушевала холера, и можно не сомневаться, что мощи святого Пантелеймона пришли в результате торговой сделки, либо их выкрали из могилы. В результате подобных краж Венеции в свое время достались мощи святого Марка, а Бари — кости святого Николая.

Я сказал церковному служащему, что около тридцати лет назад один молодой человек показал мне священный сосуд с кровью святого Пантелеймона. Он говорил, что кровь разжижается подобно крови святого Януария в Неаполе. Служащий принял театральную позу и воскликнул: «Это был я!» — и поклялся, что узнал меня. Как бы там ни было, мы повторили опыт. Священный сосуд стоял в боковой часовне. Мозаичный пол этого помещения в 1925 году был подарен англичанином, капитаном Джоном Грантом. Церемония разжижения крови произвела на него большое впечатление. Кафедра работы мраморщиков семейства Космати из Салерно — в числе самых великих художественных произведений XII и XIII веков. Думаю, что это — одна из лучших достопримечательностей Равелло. Кафедру поддерживают шесть тонких изогнутых колонн украшенных изысканными мозаичными лентами. Колонны стоят на спинах четырех маленьких львов. Кафедра, алтарь и канделябры следуют моде Рима. Семейство Космати отыскивало на классических руинах все виды цветного мрамора, нарезало их маленькими кубиками и вставляло в свои блестящие, сложные по замыслу работы. Кажется, что в Англии есть единственный пример работы Космати — это гробница Эдуарда Исповедника в Вестминстерском аббатстве.

Я восхищенно смотрел на старинные деревья и стены сада виллы Руфоло — бессмертные и прекрасные, с великолепным видом на чистое голубое море. Сад осаждают множество призраков, среди которых довольно необычный

— единственный англичанин — Адриан IV, в миру Николас Брейкспир. В 1156 году он служил торжественную мессу в соборе Равелло в присутствии шестисот представителей местной знати. Другой призрак больше известен, он принадлежит к недавней эпохе. Это — Вагнер, он увековечил местный сад в «Парсифале», назвав его магическим садом Клингзора. Тысячи скромных смертных должны запомнить его как место, где они познали мир и счастье.

Я проехал через Салерно и вскоре взял курс на Пестум.

3

Я въехал в Пестум, на небо набежали тучи, нечем было дышать. На главной улице выстроились в ряд лавки, обвешанные гирляндами кастрюль, открыток и всеми видами ужасных садовых гномов и нимф. Одна сторона улицы представляла резкий контраст своей визави. Там, за стеной, помещались три самых больших древнегреческих храма, которые я когда-либо видел. Описания Пестума, и даже фотографии, не подготовили меня к действительности. Размер мощь и удивительная сохранность строений несказанно меня поразили. Красновато-коричневые здания поднимались из грубой травы и полевых цветов. Это была лучшая группа дорических храмов и самая живописная реликвия Великой Греции в Италии. Между колоннами с каннелюрами проглядывало далекое море. С течением времени оно, как и человек, покинуло эти архитектурные сооружения.

Пока я заглядывал через стену, местный торговец, судя по всему неделю не брившийся, пытался мне что-то продать, но резкий треск на небе заставил его поспешить в дом. На землю обрушился тропический ливень, и храмы исчезли. Я укрылся в музее. Служащие бежали вверх по мраморным ступеням, подставляли ведра под протекающую крышу. Электричество вырубилось. Сверкали молнии, гремели оглушительные разряды грома. Я оглянулся на

священные для города реликвии — на Геру, богиню небес. Недаром она — жена громовержца, подумал я.

Среди экспонатов, драматически являвшихся мне в свете молний, я увидел богиню, сидевшую с ребенком на левой руке, в правой руке она держала гранат. Имелись и другие скульптуры — вот она без ребенка, но с тем же гранатом, а вот с корзиной, наполненной этими плодами, символом плодородия. Неужели — подумал я — эти жалкие терракоты изготовлены в память знаменитой статуи Геры в Аргосе? Ту скульптуру изваял Поликлет из золота и слоновой кости. Богиня сидела на золотом троне с гранатом в одной руке, со скипетром в другой, на верхушке скипетра — кукушка. Это — ссылка на легенду: Зевс явился к ней, представившись вестником весны, в одном из множества своих обликов.

Судя по карте, Пестум был большим городом (греки называли его Посейдонией). Я увидел, какими массивными были его крепостные стены. Храмы составляли часть священной территории. Похоже, все церкви города были сгруппированы вокруг одной площади. Это место, открытое в 1934 году, стало величайшей археологической находкой столетия, во всяком случае, самой большой в Великой Греции. В нескольких милях от Пестума, в устье реки Селе стоял священный город аргивской Геры. На этой земле во время похода аргонавтов, Ясон построил дорийский храм Герейон и посвятил его Гере. Во время раскопок здесь были обнаружены фундаменты городских храмов и святилищ, из них извлекли около тридцати тысяч votivных (посвятительных) табличек. Происхождение святилища затерялось в глубине веков, но сохранились фундаменты алтарей, воздвигнутых в честь царицы богов античного мира.

Вышло солнце. Ливень прекратился. Небо снова стало голубым. Обходя лужи, я приблизился к трем храмам, живописно отражавшимся в натекающей после дождя воде. Сейчас, под яркими солнечными лучами, их цвет стал золотисто-коричневым. Солнце очертило колонны, и они отбросили глубокие тени в нефы храмов. Три здания стояли

на неравном расстоянии друг от друга, в промежутках, из-под античной мостовой, пробивались жесткая трава и цветы. Два храма из трех были старше Парфенона.

Крошечные фигуры мужчин и женщин в яркой одежде перелезали через высокие камни, направляясь к дверям. Люди оживляли пейзаж и давали представление о масштабе, подчеркивая невероятные габариты храмов. Примитивное величие зданий наводило скорее на ассоциацию с святилищем Амона в Карнаке, чем на более легкие, воздушные постройки классической Греции. В древнем Пестуме храмы не были коричневыми, какими мы видим их сейчас. Они были оштукатурены и покрашены под белый мрамор, а антаблементы покрыты красной и голубой краской. Ослепительное, должно быть, было зрелище: на фоне синего моря освещенные ярким солнцем прекрасные здания.

Названия у них, конечно, не те, что в древности. Имена храмам дали в XVIII веке, когда в густом лесу и болотах Обнаружили древний город Пестум. Так называемый храм Нептуна и базилика были посвящены Гере, а нынешний храм Цереры древние посвятили Афине. Итак, здесь, в устье реки Селе, находилось святилище богини брака и материнства. Она являлась также богиней плодородия, и среди ее служанок были девушки, носившие цветы. Они принимали участие в храмовых церемониях под звуки флейт.

Напротив храма Нептуна, возле сторожки смотрителя, я нашел несколько цветущих розовых кустов. Эти современные цветы напомнили мне о «дважды в год зацветающих розах Пестума», что так привлекало многих античных поэтов, включая Горация, Овидия и Марциала, хотя почему это их так удивляло, мне непонятно: ведь все розы в теплых странах цветут дважды в год. Многие люди искали следы знаменитых роз Пестума. Английский путешественник Генри Суинберн, побывавший здесь в 1785 году, написал, что «дикая роза, растущая среди руин, относится к разряду мелких дамасских роз с очень сильным запахом. Так мне сказал фермер». Но сам Суинберн ее не видел и не обонял. Неукротимый Рэмидж, побывавший здесь

в 1828 году, видел розы, которые, как он написал, были «розовато-красного цвета и на вид очень изящные». В 1917 году Норман Дуглас думал, что нашел настоящие розы Пестума, но они были очень низенькими, не более нескольких дюймов в высоту. Он взял с собой несколько штук, посадил и ухаживал в течение трех лет, однако они и не расцвели, хотя и выросли до шестнадцати футов. Вряд ли возможно найти здесь таких карликов: мне говорили, что эта территория за последние пятьдесят лет тщательно прополота, и первоначальная растительность уничтожена. Какая жалость!

Пестум был основан за шесть столетий до новой эры. Это сделали жители города Сибариса, находившегося на восточном побережье полуострова. Такой факт противоречит утверждению, что сибариты ничего не делали, а лишь лежали на надушенных подушках и изобретали новые соусы. На самом деле они были богатыми, энергичными бизнесменами, рассказы об их роскоши, затененных улицах банкетах свидетельствуют о высоком уровне их жизни по сравнению со скромными современниками. Более того, сибариты с болью наблюдали за торговыми судами, проплывавшими по Мессинскому проливу с товарами из Греции и Малой Азии к конечному пункту в Кумах на западном побережье. Некоторым предприимчивым сибаритам пришло в голову, что можно сделать состояние, если экспортеры будут привозить свой груз в Сибарис, а сибариты переправят его по суше в город, который они построят на западном побережье. Так они избавятся от долгого и зачастую опасного путешествия вокруг «носка итальянского сапога». Главное в этом плане было то, что полуостров возле Сибариса такой узкий, что с горы можно одновременно увидеть Ионическое и Тирренское моря. Идею подхватили, и появилась Посейдония (впоследствии Пестум). По тем же мотивам в XIX веке стал привлекательным Суэцкий канал. План сработал: Сибарис стал богаче прежнего, Пестум также сделался обеспеченным городом. Вероятно, за греческие горшки и бронзовые котелки этруски платили меньше, чем

за те, что покупали в Греции и на Востоке. Странно, однако, что город, родившийся благодаря наземному транспорту, называли Посейдонией. Быть может, таким путем хитрые греки надеялись умиловать морского бога за потерянные морские путешествия?

Когда в 510 году до новой эры в результате военных действий Сибарис был полностью разрушен его соперником Кротонем, положение Пестума ухудшилось, но все же ему удалось пережить родительский город более чем на тысячу лет. Пестум проявлял лояльность Риму, в то время как многие другие города Великой Греции поддерживали Ганнибала. В тяжелые моменты войны Пестум даже снял золотые сосуды со своих алтарей и отослал их в Рим в качестве контрибуции на военные нужды. Однако упоминания о нем встречаются все реже. Виной тому, должно быть, неудачи в публичных делах, заросшие водорослями гавани и распространение малярийных комаров. Жизнь в городе стала затухать, как и в других городах в этот исторический период. В последнем упоминании времен Средневековья говорится о жалкой горстке христиан, ослабевших от малярии. Они собрались вокруг своего собора в тени огромных дорических храмов, где смотрела на них сверху при зажженных свечах Мадонна с гранатом. Главное божество Пестума обратилось в новую веру, но атрибуты остались прежними: младенец и гранат. Когда сарацины и москиты сделали жизнь невозможной, люди решили оставить город. Они забрали с собой Мадонну и основали маленький город на горных склонах, неподалеку от Пестума. Город получил имя Капаччо. Когда в XI веке Роберт Гвискар приехал в Пестум, он увидел опустевший город. Гвискар забрал из него столько мраморных колонн, сколько ему понадобилось. Некоторые из них я видел в атриуме собора в Салерно и других церквях региона.

Итак, Пестум исчез. С XI по XVIII век о нем ничего не было слышно. Город обступили леса и болота, бывшие, как предполагали, причиной малярии. К тому же район пользовался нехорошей славой: здесь орудовали банды, хотя трудно поверить в то, что пусть и пышная итальянская

растительность совершенно скрыла храмы, факт остается фактом: вплоть до XVIII века их никто не видел, пока во время царствования Карла III на них не наткнулись изумленные дорожные рабочие.

И все же появляться там было опасно. В течение столетия лишь несколько путешественников отважились туда заглянуть, да и то старались это сделать до наступления темноты. Первым английским путешественником среди таких смельчаков был Суинберн. Он побывал там в конце XVIII века, а руины осматривал Уильям Уилкинс. Этот архитектор построил несколько колледжей в Кембридже и Национальную галерею в Лондоне. В 1807 году Уилкинс описал свои впечатления в книге «Великая Греция». Туристы, приезжавшие в Неаполь в XIX веке, довольствовались посещением Помпей и Геркуланума. Лишь несколько человек презрели комфорт и, пренебрегая опасностью, нанесли визит в Пестум. Среди них был Шелли. Его восхитил вид отдаленных голубых гор, видневшихся за дорическими колоннами. Позднее, когда появилась железная дорога, станционному зрителю и носильщику было предписано носить маски и перчатки в качестве защиты от комаров. Огастес Хэйр, заметив это, сказал, что, по его мнению, находиться там было равносильно смертному приговору.

Мне не показалось, что храмы выглядят печально или мрачно и что они оплакивают прошлое величие, как высказывались некоторые путешественники. Напротив, мне они показались жизнерадостными и яркими. Я с удовольствием смотрел на ящериц, сидевших на коричневых камнях, на бабочек, порхавших с цветка на цветок, а иногда залетающих в просторные нефы храмов. Я думал, что если где-то здесь и водятся привидения, то это, должно быть, девушки, разбрасывающие цветы, или женщины, молящие царицу богов за своих детей.

Удивительно, как быстро летняя земля впитала в себя прошедший ливень, лужи, в которых так красиво отражались колонны и архитравы, съежились и исчезли, а камни мгновенно нагрелись. Двое мужчин подошли к

маленькому участку с пшеницей, росшей у входа в храм Нептуна. Они начали жать ее серпами. Золотые стебли сгибались и падали с ритмичным шорохом. К шороху присоединялось жужжание насекомых. Это были единственные звуки в Пестуме. Я пошел к жнецам и спросил их о Капаччо, городе, который появился после того, как жители покинули Пестум. Один мужчина указал серпом на соседний холм. Сказал, что он там родился. Я поинтересовался тамошними достопримечательностями. Он ответил, что смотреть там не на что и дорога туда крутая. Тем не менее я решил пойти.

Поначалу дорога была хорошей, но по мере подъема сделалась трудной, запетляла. Наконец я вышел на террасу, на которой стояла большая старая церковь. На заднем плане столпились дома без признаков жизни. Через восемь столетий жители спустились в долину и начали продавать туристам почтовые открытки, киноплёнки и керамику. Для меня это стало первым намеком на тенденцию, ставшую нынче распространенным явлением для юга Италии: переселение с гор в долину.

Церковь была заперта. Я забарабанил в дверь палкой, в дверях появился старик. Он вежливо пригласил меня войти. Я оказался в большом соборе XI века. Заметил нарядную кафедру работы Космати — характерная черта многих больших церквей юга Италии. Эту церковь епископ Пестума девять веков назад сделал своим главным собором. Наверное, вы догадываетесь, что я там искал. И я нашел это немедленно. В стеклянной витрине над алтарем сидела Мадонна с гранатом. Это — окрашенная деревянная скульптура. Она была так высоко, что я не мог как следует ее рассмотреть. Старик вышел и вернулся со стремянкой. Я поднялся по ступенькам... в моем мозгу всплывали языческие воспоминания... и вот я очутился лицом к лицу с Мадонной.

Скульптура около четырех футов в высоту. Это — сидячая деревянная скульптура, окрашенная и позолоченная. Я увидел молодую женщину с детским ртом и большими глазами. Лицо обрамляли темные локоны. На

сложенном на голове покрывале покоится большая позолоченная корона с золотой звездой. У младенца Христа такая же корона, только поменьше. Он стоит на левом колене Мадонны, опираясь правой рукой на ее плечо. Мадонна держит в правой руке короткую палку, с насаженным на нее гранатом. Корка фрукта снята, внутри видны красные зерна. На основании трона выбиты на латыни слова: «Да здравствует царица Неба; да здравствует царица ангелов».

Я решил, что это — работа XVII века, и очень удивился, обнаружив на основании дату — 1918. Когда я сказал об этом церковному служителю, он ответил, что помнит, как один талантливый скульптор из Салерно пятьдесят лет назад скопировал ее с картины, на которой была изображена старая статуя, со временем сгнившая. Я догадался, что Мадонну с гранатом время от времени копируют, чтобы она оставалась символом аргивской Геры. Возможно, эта статуя — единственное напоминание об утерянной работе Поликлета. Все, что мы знаем о ней, — это подробное описание Павсания. Он видел статую в Аргосе между 140 и 160 годами новой эры. Она была одной из самых знаменитых храмовых скульптур греческого мира, и ее выбили на нескольких монетах римского периода.

Оглянувшись по сторонам, я увидел, что позолоченный потолок декорирован панелями с изображением Мадонны в золотой короне, с Младенцем на колене и с древним символом в правой руке. На обратном пути, спускаясь с холма, я увидел придорожный алтарь. Там тоже было изображение Мадонны, на этот раз выполненное из цветных керамических плиток. И снова она держала гранат. Кто-то недавно проходил здесь и поставил розу в маленький сосуд с водой.

Жаль, что не застал никого из священников, потому что у меня скопилось немало вопросов. Однако внизу, в Пестуме встретил человека, который сказал, что в мае и августе на холм поднимаются процессии с подношениями для старой церкви, среди них цветы и лодочки для кадила. Их приносила в Аргосе Гера за несколько столетий до Христа.

Открытие в Пестуме святилища аргивской Геры, преобразованного в христианскую церковь, заслуживает, как мне кажется, внимания ученых. Я забыл об усталости и был доволен, что поднялся по горной тропинке в Капаччо.

4

Я поехал в южном направлении по горным дорогам, спустился к маленькому морскому городу Агрополи. Он стоит на мысу, вдающемся в залив Салерно. Нашел скромный ресторан, позади которого был сад или двор с рядом увитых виноградом кабин. Мне принесли рисовые крокеты с ветчиной и сыр из молока буйволицы — восхитительная разновидность моццареллы. Семья владельца ресторана завтракала напротив, в такой же кабине с выходом на кухню. Время от времени они посылали ко мне эмиссара, чтобы узнать, не надо ли мне чего-то еще. В один из этих любезных визитов сын хозяина принес ведро с моллюсками, которые только что были выловлены в море, и предложили приготовить кростини-ди-маре. Он пояснил, что моллюсков готовят в белом вине и укладывают на кусочки хлеба, обжаренного в оливковом масле. Я вежливо, но твердо отказался.

Передо мной предстал итальянец: он услышал, что в Ресторан пришел английский путешественник. Мужчина сказал, что прожил два года в Австралии. Ему хотелось попрактиковаться в английском. Говорил он быстро и свободно. Он сказал, что в настоящее время работает агентом по продаже земельных участков. Потом я узнал, что он, как почти все на юге Италии (в особенности, в Калабрии), мечтает о золотой волшебной стране с туристскими автобусами, курортами, отелями, кемпингами, дансингами и прибрежными бунгало. Вздыхнув, он признался, что туризму в Пестуме пришел конец, никто не интересуется красотами Калабрии — горами и пляжами, сосредоточенными на территории, известной как Чиленто. Я сказал, что его мечта воплотится в реальность.

— Надеюсь, — сказал он, еще раз вздохнув. — Надеюсь!
Мне он показался хорошим малым.

Я поехал по Чиленто. Иногда мне открывалось море, в другой раз — голубые горы и леса. Глянув вниз с петляющей дороги, я увидел мыс Палинуро, названный в честь Палинура, кормчего Энея. Мыс омывает море, такое же голубое, как небо.

Наконец, окольными путями, я прибыл к руинам некогда большого города Велия. Мало людей их посещает, и остановиться по соседству негде. Руины, которые время от времени раскапывают, находятся в нескольких сотнях ярдов от моря, но старая гавань так заросла, что я не нашел от нее и следа. Велия начиналась как колония, до Рождества Христова, и, в отличие от большинства городов Великой Греции, была основана не эллинами, а эмигрантами из Фокеи в Малой Азии. Те же люди основали Марсель и несколько морских портов в Испании. Вполне возможно, что греческие керамические изделия и другие предметы, которые мы видим во французских музеях, нашли дорогу в Марсель через Велию за пятьсот лет до новой эры.

Как и все города этой античной приморской цивилизации, территория необычайно живописна. Волны лижут огромный песчаный пляж. Археологи раскопали часть городских стен, рыночную площадь и несколько улиц. Однако восстановить город невозможно: большая часть его лежит под горами, либо совсем исчезла. В свое время город был известен философам и математикам, среди них — Девкипп. Я где-то читал, что он был создателем атомистики.

Огромное количество античных писателей упоминают этот город либо под его прежним именем (Элея), либо как Велия. Врачи рекомендовали его в качестве оздоровительного места. Гораций наводил о нем справки как о возможной альтернативе Байе, а Требаций, друг Цицерона, имел там виллу и хорошо знал Велию. Он остался там жить, после того как проехался по морю вдоль этого побережья.

Среди нескольких современных писателей, посетивших Велию, был шотландец Рэмидж. С ним здесь случилась

неприятность. На холме по-прежнему стоит та самая башня. Туда Рэмидж забрался в 1828 году, и во время обследования руин подвергся атаке тысяч блох. Он испытал такие муки, что, сбежав к морю, содрал одежду и бросился в волны.

Дорога на юг вывела к лесу возле местечка Лаурито. Папоротник вымахал в шесть футов высотой, солнце просвечивало сквозь листья буков. Я остановился: далеко впереди, в обрамлении ветвей буков сверкала голубая вода — залив Поликастро. Ко мне подошли две молодые женщины и, ласково улыбаясь, нежными голосами предложили мне маленькие плетеные корзинки, полные лесной земляники. С восхитительным бесстыдством, вкрадчиво, закатывая глаза, они спросили за каждую корзинку по две тысячи лир. Это было по крайней мере втрое больше, чем взяли бы в магазине. Грабеж был так очаровательно инсценирован, что поначалу я хотел согласиться, но потом сообразил, что сделался бы в их глазах посмешищем. Поэтому, улыбнувшись, я отклонил их предложение. Увидев, что я собираюсь уходить, они скинули цену, и я купил их корзинки. Придя в восторг, девушки засмеялись и пошли в лес. Папоротник был им по пояс, они обернулись и махали мне, пока я не скрылся.

Я поехал к заливу Поликастро и скоро оказался в Калабрии.

5

Калабрия — самая романтическая и самая неизученная из девятнадцати областей Италии. До недавнего времени она была отделена от полуострова горами, отсутствием дорог, малярией, а вплоть до XX века — бандами. Еще в 1912 году Бедекер предупреждал читателей, что им следует прежде запастись рекомендательными письмами к местной знати, у которой они смогут остановиться, поскольку гостиницы были лишь в более крупных городах, да даже и там — весьма жалкого свойства. В Ломбардии и Тоскане итальянцы до сих пор содрогаются при одном упоминании Калабрии.

Они скорее проведут отпуск в Конго, чем в этом итальянском регионе.

Трансформация Калабрии — возможно, я употребил слишком сильное слово — берет начало с 1950 года, когда итальянское правительство открыло Фонд развития Южной Италии — «Касса дель Меццоджорно». Он влил в Юг миллионы и продолжает это делать: строит дороги, развивает промышленность, культивирует землю, осушает болота и даже реставрирует античные замки и соборы. С бандитами давно покончили, и даже с малярией распрощались. Построили отели с кондиционерами, бассейнами в тех местах, где лишь несколько лет назад трое или четверо писателей, отважившихся приехать в Калабрию, довольствовались лишь гостиницами, населенными клопами. Думаю, что два других фактора в пробуждении Калабрии из ее средневековой комы нельзя преувеличить. Это — автобусы, связавшие горные деревушки с городами и, возможно, самое главное — телевидение, открывшее новый мир. Оно же оказало деструктивное влияние на местные диалекты. Следует также отметить дешевую готовую одежду и нейлон. Все это преобразило внешность женского населения.

О Калабрии писали лишь несколько англичан. Наиболее известные — Генри Суинберн (1790), Кеппел Крэйвен (1821), Рэмидж (1828), А. Стратт (1842), Эдвард Лир (1847), Джордж Гиссинг (1901), Норман Дуглас (1915), Эдвард Хаттон (1915) и Э. и Б. Уэлптоны (1957). Не слишком большой список исследователей. Эти писатели ехали верхом или ходили пешком вплоть до начала XX века, пока не появилась железная дорога — однокорейка, проложенная возле моря. Она до сих пор выделяется на местности. Двадцатипятилетний Рэмидж шел пешком в дорожном костюме собственного дизайна — «длинная куртка из белой мериносовой шерсти, с просторными карманами, в которые я засунул карты, записные книжки. Надел брюки из нанки, шляпу с большими полями, белые ботинки и захватил зонтик — самый ценный предмет, защищавший меня от палящего солнца». Рэмидж был эксцентричнее самого

Эдварда Лира, который последовал его примеру и отправился в Калабрию спустя пять лет. Он был Упрямым шотландцем: в случае опасности вытаскивал зонт и оказывал сопротивление. Шел пешком, а если подворачивался случай, садился на мула. Однажды ехал в повозке, которую тащили буйволы. Эдвард Лир путешествовал с Другом — Джоном Проби. У них был отличный гид, с ружьем и лошадью, на которую они погрузили багаж. Ценность книги Лира, на мой взгляд, не в описаниях местности и не в рисунках, которые романтичны до неузнаваемости, а в характеристике знати Калабрии, жившей в середине XIX века. Как и можно было ожидать от автора сказки «Кот и сова», Лир с юмором описывает обеденные приемы, например в Стиньяно, когда самый младший член семейства вскарабкался на стол и нырнул в кастрюлю с горячими макаронами.

Все путешественники XX века передвигались на поезде. Так путешествовали Гиссинг и Норман Дуглас, хотя Дуглас и пешком много ходил. Гиссинг, будучи инвалидом, мало что увидел в Калабрии. Норман Дуглас побывал здесь не однажды, многое увидел, и его «Старая Калабрия» стала классикой. Это — теплая доброжелательная книга, полная очарования, юмора и эрудиции, свойственных автору.

6

Я приехал в маленький прибрежный город Прайя-а-Маре, который, оказывается, готовился к туристскому буму. В это, как я уже и говорил, здесь все верят. Строители заканчивали новые отели и кафе. Отель «Джолли» был полон, и мне посоветовали другую гостиницу, которая открывалась буквально в этот день. Она находилась на сером вулканическом берегу.

Должен сказать несколько слов об отелях «Джолли». Они появились на юге страны несколько лет назад и теперь распространились по всей Италии. Многие путешественники, впервые услышав о них, возможно,

пожмут плечами, предвидя навязанные им современные развлечения, однако эти отели ничуть не веселее других гостиниц.^[57] Я был так озадачен таким названием, что написал в администрацию отелей «Джолли» и попросил объяснения. Они ответили, что название связано со счастливой картой в колоде, известной как «джолли джокер», его взяли в подражание римско-миланскому экспрессу Сеттебелло. Его название произошло от бубновой семерки в популярной итальянской карточной игре. Поскольку в карты я не играю, то объяснение меня не просветило. К тому же я не припомню, чтобы мои друзья-игроки упоминали «джолли джокера». Как бы там ни было, отели «Джолли», как называют их итальянцы, проглатывая первый звук, способствовали перестройке Юга. В разных городах они разные, однако все обладают одним драгоценным достоинством: в них царит чистота, и сантехника работает безотказно.

Новый отель только-только открылся. Кухонные работники еще не появились, рабочие проводили испытание горячей воды, а администратор пока не сделал в книге регистрации ни одной записи. Меня приветствовали как первого клиента. Любезный старый крестьянин в форме портье отнес наверх мои чемоданы. Очень может быть, что его дед в остроконечной шапке выскакивал из-за скал и нападал на путешественников, а внук сейчас радостно принял от меня первые чаевые.

Свежее утро лишь подчеркнуло голубизну залива Поликастро. Он казался даже синее Неаполитанского залива, только здесь никого не было. Что за удивительная история — в наши суматошные дни увидеть дорогу, на которой на протяжении многих миль нет ни машины, ни человека! Пляжи тоже абсолютно пусты. Похоже, никто не приходит сюда полюбоваться морем, переливающимся всеми оттенками синего и зеленого цветов. Возможно, это огромное пространство ждет Улисса или Энея, а может, Ясона. Неужели Древняя Греция навеки зачаровала эту область Италии?

Размышляя над этим, я заметил двух женщин. Они шли босиком по краю воды. Каждая несла на голове амфору античной формы. Они ступали по белоснежной пене, а потом свернули в глубь территории. Ни разу я не видел, чтобы кто-то из них пошевелил пальцем, чтобы поправить амфору. Такое зрелище не часто увидишь, тем более что в Калабрию вот-вот придет туризм, но мне, по крайней мере, это удалось, и я буду лелеять это в своих воспоминаниях как атрибут золотого века.

Я повернул в горы и поднялся по дороге, чьи повороты и наклоны напомнили мне об Абруццо. Дорога привела в отдаленную деревню с населением около четырех тысяч человек. У нее статус города, а называется этот город — Лунгро. Живут здесь албанцы, говорящие на смеси албанского и итальянского языков. Они верны греческим традициям. В Лунгро есть собор, принадлежащий к одной из двух греческих епархий в Италии, второй собор находится возле Палермо в Сицилии. Появление автомобиля в Лунгро, да еще и со словом «Рома» на номерном знаке, стало сенсацией. За мной повсюду следовала толпа лохматых мальчишек. Так иногда в поле привязывается к чужаку стадо молодых бычков. Просто из любопытства. Когда я обернулся, улыбнулся детям и сказал несколько слов, они тут же развернулись и помчались прочь, потом снова объединились и продолжили преследование.

Я вошел в маленький собор, в котором, как и во всех греческих церквях, пахло протухшим ладаном. Это было непримечательное современное здание с иконостасом, украшенным хорошими современными иконами. Мой эскорт молчаливо следовал за мной, наблюдая за каждым моим движением. Очевидно, им хотелось знать, откуда я явился и зачем. В церкви было лишь несколько надписей, самой внушительной была доска, увековечившая в июле 1922 года визит в Лунгро папы Бенедикта XV, который, согласно надписи, восстановил достоинство собора.

Я уже собрался уходить, когда увидел священника, торопившегося навстречу. Очевидно, он хотел узнать цель моего посещения. Облик у него был необычный для Италии:

высокий, загорелый, с квадратной бородой, в черной шляпе без полей, как и положено греческим священникам. Я немедленно сообщил ему о своей простой и безвредной миссии, и мы пошли в diakoniken, что соответствует нашей ризнице. Там и поговорили. Он сказал, что на юге Италии проживает 70 000 людей албанского происхождения. Все они придерживаются греческих обрядов. Говорят по-албански. Все города в горах вокруг Лунгро албанские. Я попросил его дать мне список приходов. Вот они: Ваккариццо Альбанезе, Фрашинето, Сан-Бенедетто-Уллано, Сан-та-София-д'Эпиро, Плати, Фирмо, Кастро-Реджио, Акваформоза, Сан-Базиле (там находятся монастырь и семинария), Сан-Деметрио-Короне, Сан-Константино Альбанезе, Сан-Джорджо Альбанезе. Делами греческой церкви, связанной с Римом, заправляет греческий архиерейский колледж, находящийся в нескольких шагах от Испанской лестницы в Риме.

Священник сказал мне, что мессу служат на греческом языке, хотя имеется официальный албанский перевод. Любопытно, что в прошлом мессу частенько служили на албанском языке. Это потому, сказал священник, что албанцы в Италии считаются принадлежащими к восточной религии, а, по восточным законам, службу допускается проводить на любом языке. Он сказал, что дважды в год — в апреле и сентябре — совершается паломничество к святилищу Мадонны-дель-Буон-Консильо, чья икона, как говорят, в 1467 году чудесным образом была перенесена из Албании в Дженадзано. Это место находится в горах, примерно в тридцати милях к востоку от Рима.

Я спросил, женятся ли албанцы на итальянках, и он сказал, что это бывает редко: албанцы чувствуют себя париями, и это ярко проявилось во время режима Муссолини, когда превозносились этнические итальянцы, наследники Древнего Рима. Не пожелав вступить в фашистскую партию, тысячи албанцев в 20-х годах покинули страну и эмигрировали, по большей части, в Аргентину. Священник сказал, что двенадцать тысяч поселилось в Буэнос-Айресе и большое количество албанцев

уехали в Штаты. Эмиграция на дальние расстояния сейчас не так распространена, как пятьдесят лет назад. Молодые люди уезжают в страны Европейского Рынка, в частности в Швейцарию и Германию, причем большинство из них спустя некоторое время возвращаются в родные деревни.

Я высказал ему свое огорчение, из-за того что не видел красивых нарядов у местных женщин, которыми так восхищались прежние путешественники. Священник сказал, что женщины старшего поколения все еще носят этнические платья, однако с каждым годом их становится все меньше. Лучшее время, когда их можно увидеть, это — Пасха и последующие праздники, приуроченные к победам албанского национального героя Скандербеге, умершего в 1467 году. Это событие случайно совпало с годом, в который Мадонна-дель-Буон-Консильо бежала в Италию. Священник говорил о «рапсодиях», то есть о балладах, сложенных о Скандербеге. Их сейчас собирают и скоро напечатают. Память об этом необыкновенном человеке так же жива сегодня в албанских деревнях, как и несколько столетий назад. Настоящее его имя было Георг Кастриоти. Во время турецкой оккупации Албании он притворился мусульманином и сумел подняться до высокой должности. Потом неожиданно Скандербег признался, что на самом деле он христианин. Объединив вокруг себя горцев, он начал двадцатипятилетнюю партизанскую войну против оккупантов.

Я продолжил путь. Горная дорога спускалась в долины и снова взлетала наверх. Я видел прилепившиеся к склонам города. Повсюду дикие орхидеи, и гладиолусы, и утесник, обхвативший Италию золотым своим поясом с севера на юг. На дорогах я не встретил ни единого автомобиля. Видел мулов с тяжелыми корзинами, ослов с мешками. Женщины, как и в Аbruццо, взбирались по тропкам к горным деревням, неся на головах кувшины с водой или охапки хвороста. Некоторые, как я заметил, несли деревянные средневековые бочонки, которые называются *copelle*. В древние времена в них носили воду от одной двери к другой.

В конце концов я приехал в городок Кастровиллари, и отель «Джолли» предоставил мне номер с ванной. Бывают в жизни времена — я хорошо их помню, — когда спать в пещере, или в склепе, или в шалаше, либо в другом неприятном месте молодому человеку кажется романтичным, да это и должно быть так. Но в зрелом возрасте, одолев сотню миль по горному серпантину, так приятно бывает услышать шум воды, льющейся в ванну, так хорошо сознавать, что в постели не притаились энтомологические особи. Многие англичане, путешествуя по югу Италии, писали, что, опасаясь нападения, подстерегавшего их в постели, всю ночь сидели полностью одетыми и пили местное вино!

Приняв ванну и освежившись, я вышел на улицу. У подверженного землетрясениям Кастровиллари неуверенный вид, типичный для этих мест. Уэлптоны в своей замечательной книге написали, что он напомнил им ирландский городок, и я подумал, что это — хорошее сравнение. Кастровиллари и в самом деле, с некоторой натяжкой, мог бы сойти за маленький городок в графстве Керри, застигнутый небывалой жарой. Здесь ходили такие же старики, опирающиеся на длинные палки, стояли такие же лавчонки, в окошко которых равнодушная рука просовывала запрашиваемые товары. Здешние люди показались мне очаровательными: они с готовностью вызывались помочь иностранцу.

Удивительна всепроникающая сила торговли. Войдя в крошечный магазин, я увидел, что он забит тюбиками зубной пасты самых известных английских и американских фирм, кремом для бритья и лосьонами после бритья, хотя я не заметил, чтобы кто-то из жителей Кастровиллари пользовался этим косметическим средством. Но что в этом удивительного? Возможно, путешественник в IV веке до новой эры нашел бы в таком Богом забытом месте некоторые популярные на то время товары, вывезенные из Афин и Малой Азии в Сибарис или любой другой греческий морской порт, а потом доставленные в разные селения региона. В конце концов, что такое Великая Греция как не

огромный коммерческий концерн, половина дохода которого поступает от импорта и распределения товаров? В магазине увидел открытку с античной Мадонной (Вера-Иммаджи-не-ди-Мария-Сантиссима дель Кастелло), одну из нескольких старинных греческих икон юга Италии. Спросил, где можно увидеть оригинал, и меня направили в Старый город, примостившийся на вершине скалы.

Наверху я увидел несколько средневековых улиц, сгруппировавшихся вокруг превращенного в тюрьму замка. Он и выглядит как тюрьма. Поблизости стоит старая церковь, похоже, она была здесь еще до норманнского завоевания. Вид с горы был невероятно красив. Повернувшись на север, я увидел горный массив Поллино. Он отделяет Калабрию от остальной Италии. Настала вечерняя пора, и горы приобрели цвет синего винограда. Передо мной распростерлась незнакомая земля, пронизанная тропами. Их протоптали мулы. Единственное, что я когда-то прочел об этой горной территории, был рассказ Нормана Дугласа. Он карабкался на вершину по случаю праздника Мадонны Ди Поллино. Из Кастровиллари ему пришлось идти два дня. Этот праздник, по словам Дугласа, «должно быть, пришел сюда из седой старины». Я разглядел некоторые главные вершины в горной цепи: Поллино, Дольчедормо, Серра-дель-Прете и десяток других.

Место показалось мне волшебным. Я увидел сад, где кто-то вырастил розовую алтею; на полях стояли маленькие стога сена; вечерний свет крался сквозь оливковые рощи. Внизу, в воздухе, дымы Кастровиллари повисли словно тонкая серая вуаль.

Войдя в церковь, я тут же увидел чашу со святой водой. С внутренней стороны чаши была вырезана рыба — старейший христианский символ. Самым драгоценным предметом является, конечно же, византийская икона Богоматери. Она висит над алтарем, и каждый век ее реставрируют. Чудесам иконы нет числа. На севере Калабрии ее почитают за способность решать жизненные проблемы. Крестьяне приходят к ней пешком, преодолевая многие мили. Приносят ей в дар волосы. Это — самый

древний обычай. Икона окружена клочками человеческих волос всех цветов — от рыжих до черных. Пока я с недоумением смотрел на эту картину, в церковь вошла женщина и положила перевязанный локон волос поближе к иконе. Это было ее приношение царице богов. Самую лучшую коллекцию жертвенных волос я видел на одной из главных улиц Мерида (Испания) возле церкви Святой Эулалии.

Я покинул волшебное место с видом на горы Поллино и спустился вниз, в город. Там царило оживление. Возле отеля остановился туристский автобус. Здание заполнилось англичанами, которые понятия не имели, куда приехали и в каком странном месте им придется заночевать. По выговору сразу можно было понять, что группа приехала из Йоркшира. Сотрудник бюро путешествий сказал мне, что это — первое организованное путешествие в Сицилию по дороге, проложенной по югу Италии. Доехали замечательно: шоссе до Кастровиллари оказалось выше всяких похвал. Новая автострада дойдет до Реджио-Калабрия. Он был уверен, что стал первопроходцем.

До чего же фантастичен туризм! Домохозяйку из Хаддерсфилда он перебрасывает через море, где древние моряки боролись со стихией. Он переносит ее через поле боя, через руины великих античных городов, через караванные пути. Наша домохозяйка жалуется, если ее слегка трясет на дороге, а утром сердится, если ей не вовремя подадут чай. Я встретил мужчину из Йоркшира. Вместе с английской армией в 1943 году он высадился в Сицилии во время операции «Хаски». Сейчас, вместе с женой и дочерью, он посетил места боевых сражений.

— Я часто рассказывал им об этой стране, — сказал он, — но лучше увидеть все своими глазами, верно?

— Возможно, вы порадовались бы, — предположил я, — знай вы тогда, в 1943 году, что настанет день и вы привезете в Сицилию вашу жену и дочь.

— Вы правы, — сказал он, — хотя тогда я еще не был женат.

Весь вечер иностранцы заполняли «Джолли» своей болтовней (некоторые из них озадачили молодого бармена, спросив у него *mild and bitter*^[58]). Утром началась беготня, хлопанье дверями, а потом наступила тишина: туристский автобус поспешил к Сицилии.

Выезжая из Кастровиллари, я смотрел вниз, на голубые горы, на лес возле Ионического моря, на желтую долину — там когда-то стоял Сибарис. Богатый и знаменитый город, родивший Пестум, Сибарис мог выставить на поле боя армию из трехсот тысяч человек. Его богатство и роскошь вызывали зависть во всем эллинском мире. И тем не менее Сибарис с карты исчез. Археологи разыскивали его более ста лет, да и до сих пор продолжают розыски. Города не стало в 510 году до новой эры, он исчез при странных обстоятельствах. Группа жителей Сибариса бежала в соперничающий город Кротон. Когда Кротон отказался от экстрадиции беглецов, Сибарис объявил сопернику войну и был побежден. Безжалостный победитель решил уничтожить Сибарис и исполнил свое намерение. Кротонцы повернули воды реки Кратис (ныне Крати), и она затопила Сибарис. Город исчез под тоннами грязи и ила. Так пришел конец городу, славившемуся роскошью. Улицы Сибариса прятались от солнца под шелковыми навесами; землевладельцы объезжали свои владения в роскошных экипажах, а кухня поражала невероятными деликатесами.

Я спустился по горным дорогам в долину, проехал мимо живописных деревень (почти все они были албанскими). В одном селении застал заключительную часть греческой мессы. Я всегда считал, что эта церемония намного таинственнее латинской, проходящей с начала и до конца на глазах у паствы, тогда как у греков иконостас на долгие отрезки времени скрывает священника и дьякона. За алтарем поют, в церкви пахнет ладаном. Изредка из-за иконостаса выходит священник, темный, бородатый, облаченный в блестящую ризу, и снова пропадает за алтарем. Эта месса в некотором отношении эмоциональнее западной. Верующие молятся, вытянув вверх ладони. Такой жест запечатлен на фресках в Катакомбах. Я пришел

вовремя. Увидел, как священник раздает пастве Святые Дары. Возле двери пять старых женщин протягивали за просвирами дрожащие, покрытые венами руки и благоговейно целовали освященный хлеб.

Примерно в миле от старого города Фрашинето я увидел в утреннем свете группу крестьян. Свои повозки они остановили возле красивой византийской церкви, находившейся на некотором расстоянии от дороги. Я свернул в боковую улицу — узнать, что происходит, и увидел, что церковь разрушена, но возле нее раскинулся базар. Хороший пример вдохнуть жизнь в здание, организовав рядом с ним ярмарки и рынки. Это была самая «горная» ярмарка (как говорят в Ирландии). Народ из горных селений пришел сюда либо пешком, одолев несколько миль, либо в повозках, запряженных мулами. Животные сейчас счастливо щипали свежую зеленую траву вокруг церкви, а горцы вместе с женами ходили между рядами выставленных на продажу самых обыкновенных предметов: кухонных стульев, одежды «секонд хэнд», обуви, лекарств, лент, бижутерии и, конечно же, амулетов от дурного глаза. Я увидел здесь чудесное собрание красной и глазурованной керамики, среди которой многие предметы повторяли форму, бывшую в ходу в Италии со времен греческих колоний. Амфоры с двумя ручками, широко использующиеся в деревнях, выглядят так же, как те, которые мы видим в музеях. Увы, я так и не встретил ни одной женщины в красивом албанском наряде, о котором когда-то читал. Теперь все ходят либо в хлопчатобумажных платьях, либо в юбках и жакетах.

Снаружи старая церковь казалась в полной сохранности, блестели на солнце ее купола, однако это была лишь оболочка. В нефе зияли огромные дыры, и в них запросто было свалиться. Раньше там были захоронения. Останки перенесли на современное кладбище рядом с церковью. Крестьяне пришли на ярмарку с букетами цветов и свечами и оставили их на кладбище. Каждая могила здесь словно маленький дом, под собственной крышей. Везде висят обрамленные фотографии покойных. И я стал

свидетелем странного и трогательного зрелища, такого древнего и языческого: люди зажигали на могилах маленькие масляные лампы и оставляли посвящения духам покойных.

Постепенно я спустился к Ионическому морю. Долина слепила глаза, и жара достигла апогея. К Мессинскому проливу идет длинная дорога, она огибает южную оконечность Италии и выходит к восточному берегу Таранто. Почти постоянно бежит рядом с морем, либо не далее чем в нескольких сотнях ярдов от него. Все мы читаем о сотнях пустых пляжей с золотым песком. Они лишь ждут, когда их откроют и сделают новой итальянской Ривьерой. Верно то, что пляжей здесь сотни, однако песок не всегда золотой, чаще он серовато-голубой — малоприятный вулканический цвет. В него вклиниваются участки с идеальным песком, правда, на каждый такой участок заявляет свои права ближайший город, объявляя его своим «лидо»,^[59] даже если там нет ничего, кроме деревянной лачуги. Возможно, недалек тот день, когда все эти места станут популярными морскими курортами, но, пока это произойдет, надо помолиться доброй фее — «Касса дель Меццоджорно», — чтобы она убрала железную дорогу, идущую между шоссе и морем.

Я несколько раз проехал по дороге, разыскивая место, где некогда стоял Сибарис. Нашел речку Крати, несколько раз прошелся по мосту. Посмотрел на почти пересохший, забитый камнями горный ручей. Как и все такие ручьи, речка Крати, должно быть, несколько раз меняла свое русло с тех пор, как Сибарис прекратил свое существование. Поэтому найти исчезнувший город чрезвычайно труд, но. Я с удивлением наткнулся на поселение из красного кирпича, названное Фурио. Это — современное имя исчезнувшего города Фурии, где Геродот писал свой исторический труд и где, как говорят, он умер. Сейчас здесь широкая равнина с изнывающими от жары пшеничными и табачными полями, а в некотором отдалении, за дюнами, сверкает море.

Греку, жившему за 600 лет до новой эры, невозможно было бы представить, что придет день, когда человек будет

ходить туда и обратно в поисках Сибариса. Будет расспрашивать возчиков, а они, вместо ответа, лишь покачают головой и продолжат свой путь. Задаст вопрос одинокому крестьянину на табачном поле, а тот только недоуменно разведет руками. Я подъехал к фермерскому дому. На призывы откликнулась женщина. Она появилась на площадке наружной каменной лестницы, однако я не понял ничего из того, что она мне ответила. Кажется, она отреагировала на слово «Сибарис» и махнула рукой в сторону грязной дороги, ведущей к морю. Проехал по ней около мили, но пришел в отчаяние и сдался.

Ну и судьба у Сибариса! Самые мрачные предсказания Исаяи и Иеремии, говорившие об исчезновении больших городов, исполнились здесь в полной мере. Кажется, пророки не делали исключения для ящериц и даже драконов, однако в долине Сибариса абсолютно ничто не указывает на то, что некогда здесь стоял большой и красивый город. От Сибариса не осталось ничего, кроме названия. Оно существует во всех европейских языках, слово «сибарит» (в английском и французском языках «Sybarite»; в итальянском и испанском — «Sibarita», а в немецком — «Sybarit»).

История о сибаритах, которая нравится мне больше всего рассказана Афинеем. Сибариты-конники, числом пять тысяч, носили поверх панцирей оранжевые мантии, а их лошади умели танцевать под музыку. Узнав об этом, хитроумные кротонцы побросали оружие и во время сражения заиграли на флейтах. В результате лошади сибаритов, вместо того чтобы идти вперед, грациозно затанцевали. Противник окружил всадников и, ссадив их с лошадей, быстро с ними расправился. Афинея рассказывает и о любви сибаритов к удовольствиям: «Некоторые дороги, что вели к виллам, с начала и до конца были укрыты шелковыми покрывалами. У очень многих жителей имелись подвалы вблизи моря. Вино туда доставлялось по каналам. Часть вина вывозили, часть доставляли в город на кораблях. Сибариты устраивали пиры и венчали золотыми коронами тех, кто делал это с особой пышностью. На публичных

мероприятиях произносили имена благотворителей. Подчеркивался не только вклад в благосостояние города, но и великолепие их пиров. В этих случаях даже короновали поваров, готовивших изысканные блюда. У сибаритов были ванны с горячими парами. Они первыми ввели в обиход ночные вазы, использовавшиеся участниками пиров непосредственно на месте». (Этот обычай возобновили сибариты XVIII века. Много лет назад покойный герцог Аргайл показал мне такой горшок за экраном у подоконника в столовой комнате замка Инверари.)

Афинея рассказывает, что сибариты готовились к пиру за год. Если кто-то из поваров изобретал новый соус или блюдо, ему одному разрешалось готовить его в течение года и подавать королевской семье. По непонятной причине, тех, кто ловил и продавал угрей, освобождали от уплаты налогов. Такие же поблажки делали для красильщиков, окрашивавших ткани в пурпурный цвет. Шумных ремесленников перемещали на расстояние от города. Это были медники, кузнецы и плотники. Все то, что я здесь сообщил, не кажется слишком гедонистическим, тем не менее жизнь сибаритов оказала удивительное впечатление на современников и их потомков, слушавших о сибаритах с таким же жадным любопытством, с каким некоторые из нас прислушиваются к сплетням о голливудских звездах. Тот, кто читал Афинея и других авторов, писавших о Сибарисе, рассчитывал найти в их книгах что-то новое, однако ничего, кроме гастрономии, не нашел. Если пристрастное отношение к еде переходит все пределы, то оно превращается в чревоугодие, а значит, попадает в число семи смертных грехов.

Я расстроился из-за того, что не нашел местоположения Сибариса. Единственным человеком, верившим в то, что знает, где находился древний город, был Ленорман. Он говорил, что город находится под землей, его затянуло грязью и водорослями, скопившимися за столетия. Он предлагал богатое вознаграждение тому, кто обнаружит Сибарис. Желая развеселиться, я вспомнил абсурдный разговор, о котором прочитал в путевом дневнике Ориоли.

Дело происходило по соседству, автор путешествовал с Норманом Дугласом. Им докучал надоедливый крестьянин по имени Томмазо. Он спрашивал у Дугласа, сколько стоит его шляпа, пальто, трость и так далее.

— А во что обошлись вам ваши часы? — спросил Томмазо.

— Понятия не имею, — ответил Дуглас. — Мне их подарил турецкий султан.

— Хотел бы и я, чтобы он сделал мне такой подарок. А ваша трость?

— Моя трость, — сказал Норман, — стоила мне восемьсот пятьдесят лир. Она сделана из дерева, которое произрастает только на острове Заморгла.

— Да вы, должно быть, миллионеры.

— Да, так оно и есть.

«Тогда Норман повернулся ко мне и сказал:

— Никогда не говори, что ты беден, когда беседуешь с этими людьми. Говори, что ты миллионер и бережешь каждый свой пенни, а потому будешь платить им меньше, чем кто-либо еще. Это заставит их тебя уважать. А если захочешь, чтобы они тебя возненавидели, скажи, что они богатые. — Они впадут в ярость».

Дуглас, похоже, был занимательным собеседником. Я нехотя отъехал от Сибариса и двинулся в сторону Россано.

8

Знойную долину, в нескольких милях к югу от реки Крати, окаймляют голубые горы. На вершинах некоторых из них стоят города, такие как Корильяно Калабрия, в котором находится старинный, возможно, норманнский замок. За горами раскинулось плоскогорье Силы — итальянская Южная Швейцария. Я удивлялся тому, что у домиков, мимо которых проезжал, на дверях и окнах нет москитных сеток. Увидел сад, в котором мужчина доставал из ствола дерева какую-то субстанцию. Он сказал, что это — манна.

Так вот она, знаменитая манна, о которой читаешь в старинных книгах, посвященных южному Средиземноморью. Рассказы путешественников обычно уводят в сторону. Например, Джордж Сэндис написал, что «она, словно Роса, падает по ночам на листья шелковицы», что заставило современного комментатора сделать невинное замечание: «Что это такое, я просто не могу представить». (И в самом деле, автор заблуждался!) В Италии манна не падает с небес, не собирается она и на листьях шелковицы. Это сахаристая смола — на вкус сладкая, — она вытекает из отверстий, сделанных на стволах и ветках местного ясеня.

Мужчине мое любопытство очень понравилось. Я залез на стену и смотрел, как он собирает манну. На деревьях делают разрезы. По прошествии нескольких часов вытекший сок затвердевает, и тогда его собирают. Фермер сказал, что, хотя ясень в Калабрии растет повсюду, его, насколько он знает, специально выращивают только на Сицилии. Манна — легкое слабительное, и ее продают во всех итальянских аптеках. Насколько я знаю, в последнее время она исчезала из английской фармации. Это античное лекарство каждая мать дает своему малышу. Библейская манна, по-видимому, нечто совсем другое. Помню, как много лет назад в арабской пустыне по пути в Петру я спрашивал о ней, и мне сказали, что манна — это липкая субстанция, падающая ночью на кусты тамариска, и ее надо собрать, прежде чем поднимется солнце. В Калабрии ясени, выпустив сок, постепенно погибают. Фермер делает разрезы, начиная с низа ствола, доходит до верхушки, а потом делает то же самое с другой стороны дерева. Ясень продырявливается, и его приходится срубить. Фермер подарил мне большой кусок манны и сказал, что ее надо растворить в воде и пить в жаркое время года. Я, как назло, потерял подарок, и вряд ли когда-нибудь манна у меня появится.

Проехав несколько миль, я оказался на горной дороге, которая, петляя, карабкалась в старинный город Россано. Город находится на высоте восьмисот футов. Под неумолчный стрекот цикад я посмотрел вниз и за оливковыми рощами увидел сверкающее море. На северо-

западе раскинулась золотая долина Сибариса, окаймленная горами Поллино. Их великолепными пурпурными очертаниями я любовался в Кастровиллари. Я остановил машину на большой древней площади. Искусство в наши дни так старается улучшить природу, что я едва не оглянулся по сторонам, ожидая увидеть операторов с кинокамерами.

Мой автомобиль вызвал любопытство, поскольку других машин здесь не было. Кто я такой? Да еще и слово «Рома» на номерном знаке! Я заметил, что люди недоумевают. В таких ситуациях я пытаюсь найти самого важного на вид человека либо полицейского и четко говорю: «Я — турист. Приехал сюда, потому что, по слухам, в вашем городе много всего интересного, и люди очень хорошие». О таком чистосердечном признании через пятнадцать минут узнают все жители маленького итальянского городка.

Россано не изменился с тех пор, как пятьдесят лет назад здесь побывал Норман Дуглас. Не оставшись глухим к красоте и истории этих мест, он все же предпочел бы, чтобы его постель не была заселена. По этому поводу он сделал такую заметку:

«Гость: Послушайте, сегодня ночью я обнаружил в своей постели двух клопов.

Хозяин гостиницы: А кого вы рассчитывали там найти? Певчих птиц?»

Россано знаменит двумя предметами, и оба находятся в соборе из цветного мрамора. Первый — икона Мадонны Одигитрии, — это нерукотворный образ. Другой уникальный предмет — пурпурный кодекс. Мадонну я нашел в барочной часовне. Она была похожа на все другие нерукотворные образы, которые я видел, и, насколько разбираюсь, она была работой способного студента. А вот кодекс и в самом деле уникален, единственный сохранившийся пурпурный греческий кодекс VI столетия. Любопытно, что когда Рэмидж был здесь в 1828 году, он видел его в Доме одного из священников. Кодекс находился в его собственности. Сейчас он хранится в сейфе епархиального музея.

Том толстый, громоздкий. Пергамент окрашен в голубовато-фиолетовый цвет. На нем серебряными чернилами на греческом языке записано Евангелие от Матфея и почти все Евангелие от Марка. Имеются семнадцать замечательных миниатюр, выполненных акварельными красками. В них много подробностей, иллюстрирующих события, рассказанные апостолами. Я обратил внимание на воскрешение Лазаря. Вставшего из могилы святого поддерживает слуга. Рядом — Христос, по греческой традиции бородатый. На нем пурпурная туника и золотой плащ. У ног Христа сидят Мария и Марта. Вход в Иерусалим мог бы стать современной рождественской открыткой. За выезжающим верхом Господом следуют ученики. На заднем плане несколько мальчишек вскарабкались на дерево; народ с пальмовыми ветками встречает Христа у ворот. Мне очень понравилась миниатюра с изображением Христа, изгоняющего торгующих из храма, хороша и акварель с десятью девами. Пять неразумных девиц, в разноцветных платьях, стоят с погасшими светильниками, в то время как пять мудрых дев, все в белых одеждах, держат в руках зажженные светильники. Имеется и Тайная вечеря. На этой миниатюре Христос и апостолы, наподобие древних римлян, возлежат возле полукруглого стола. На другой иллюстрации я увидел скалы, полумесяц и звезды на небе. На фоне ночного пейзажа Христос в Гефсиманском саду склоняется над спящими учениками.

Священник сказал, что история этого сокровища неизвестна. Думают, что она написана и проиллюстрирована в Сирии, а привезли ее в Калабрию греческие монахи, бежавшие сюда во время иконоборчества, начавшегося в VIII веке. Что случилось с Евангелиями от Луки и Иоанна, неизвестно.

Городу необходим отель «Джолли». В Россано есть только одна четырехзвездная гостиница, а ресторанов я не заметил. Я позавтракал в старинном здании, в котором несколько мужчин ели за двумя столами. Помещение было старым и темным. На мужчинах была одежда прошлого века

и особенные, калабрийские, шляпы. Я вполне мог представить себя во времена путешествий Рэмиджа и Лира и даже во времена Джорджа Сэндиса, который заметил, что здесь «ни одна ночь не проходит без убийства».

Владелец ресторана проводил меня к столу, уселся за него сам и вежливо пригласил последовать его примеру. По его словам, он сразу догадался, что я англичанин. Он всегда восхищался Англией и англичанами, что удивительно для человека, сидевшего в наших военных лагерях. Там он выучился говорить по-английски, что и продемонстрировал. Он принял у меня сигарету и заговорил о международной обстановке, а мужчины за соседним столом, поедавшие спагетти, перестали жевать и с удивлением уставились на хозяина ресторана, свободно говорившего с иностранцем на непонятном языке.

Я отважился заговорить о еде. Чего бы вы хотели, спросил он, словно к его услугам была кухня «Ритца». Я выбрал минестроне^[60] и жареного ягненка. Суп был отличным и густым: в нем, как говорится, ложка стояла. Ягненок тоже был хорош. Затем хозяин принес мне тарелку с пурпурным инжиром, еще теплым от солнца. Мы вместе выпили кофе и обсудили баланс сил в Европе, испытания атомной бомбы и возможность третьей мировой войны. Я с удовольствием бы задержался в Россано и поговорил бы с гостеприимным владельцем ресторана, но меня пугала перспектива «певчих птиц», а потому, несмотря на поздний час, я решил поехать через Силу и устроиться на ночлег в Козенце. Хозяин засунул мне в автомобиль большой мешок с инжиром и пожелал счастливого пути.

В число главных географических особенностей Калабрии входят горы Поллино, отделяющие регион от остальной Италии, и плоскогорье Сила, раскинувшееся от Ионического до Тирренского моря. На самом юге, на «носке итальянского сапожка», высятся мощные горы с красивым названием —

Аспромонте. Один геолог сказал мне, что плоскогорье Сила, втиснутое посреди двух горных систем, старше Апеннин и что большая его часть находится под Тирренским морем. Со времен Великой Греции Сила была лесозаготовительным районом Италии. Здесь многие века валили мощные сосны и продавали их строителям кораблей. Среди выгод, на которые рассчитывали афиняне от экспедиции в Сицилию в 413 году до новой эры, был корабельный лес из Силы.

Хотя по прямой расстояние от Россано до Козенцы на противоположной стороне полуострова составляет лишь около тридцати миль, то по чрезвычайно опасной горной дороге путь увеличивается до ста тридцати миль. Нигде нет ничего столь выматывающего, даже в Абруцци. Вскоре я уже петлял вместе с дорогой, делая повороты через каждые пятьдесят ярдов. Наконец поднялся к Сила-Гранде — так называется плато площадью в шестьсот квадратных миль. Но слово «плато» не дает представления об этой земле, где бурные горные реки летом полностью высыхают, а горные вершины поднимаются до семи тысяч футов над уровнем моря. С северной стороны земля называется Сила-Грека, поскольку там поселились албанцы, а южная территория носит название Сила-Пиккола. Мне говорили, что медведей там больше не водится, хотя волки и дикие кошки — завсегдатаи этих мест.

Я с восхищением смотрел на горные склоны, покрытые великолепными оливковыми рощами, а в сухом русле Кодонати пышно цветут олеандры, некогда мрачные спутники малярии. Наконец-то я приехал в горный город Лонгобукко. Возле кафе увидел мужчин, сидевших за столиками. Они были одеты в лучшие одежды, поскольку праздновали день святого. Лонгобукко — интересный средневековый городок, славящийся своими ткачами, хотя в настоящее время осталось лишь несколько ручных станков. В город пришел прогресс, и производство ковров поставили на промышленный уровень.

Увидев этот город и другие, столь же недоступные места, я еще больше восхитился Норманом Дугласом, совершившим путешествие, описанное в «Старой

Калабрии». Он проникал туда пешком либо на муле. Помню описание его долгого пути в Лонгобукко и размышления о бандах, окопавшихся в Силе. Бандиты жили в глубине леса, и иногда пастухи находили в пещерах и дуплах деревьев добычу, которую бандиты прятали в случае опасности, но не имели возможности забрать. Мне было жаль, что я так и не увидел в Калабрии этнических нарядов, но разве можно винить женщин за то, что те отказались от дорогих, неуклюжих и чудовищно жарких платьев с непременными нижними юбками в пользу одежды, которую легко можно выстирать, да и стоит она всего несколько шиллингов? В тысяче городов и деревень эти старинные прекрасные платья убраны в шкафы, переложены шариками от моли, и сейчас настал момент для немногих энтузиастов, желающих открыть музей южных итальянских костюмов. Если они не поторопятся, то даже через десять лет может быть уже поздно.

Поднявшись выше, я оставил позади оливковые деревья. Воздух сделался холоднее, и я увидел ясени, каштаны и сосны. На придорожных алтарях висели маленькие занавески. Не думаю, что я раньше видел в Италии что-либо подобное. На некоторых дорогах стояли красно-белые столбы. Они отмечали дорогу во время снежных бурь. Сейчас я видел перед собой зеленую траву. По лугам ходили коровы с колокольчиками на шее. Масть у здешних коров серебристая или желтая. Уже не перенесся ли я в Швейцарию или в Баварские Альпы? Ландшафт поднялся так высоко, что перестал быть итальянским. Он был явно альпийским. Необыкновенное ощущение: с каждой милей замечаешь, как меняется растительность. Я подъехал к озеру Чечита. Такие места вполне могли быть в Шотландии, и даже местные жители не похожи на итальянцев с морского побережья.

В Силе есть три узких озера одинакового размера и формы, каждое примерно восемь миль в длину и две в ширину. Они кажутся настоящими, но на самом деле это искусственные водоемы, являющиеся частью гидроэлектрической системы, обеспечивающей Калабрию

светом и энергией. К югу от Чечиты, напомнившей мне немного Уиндермир, есть озера Арво и Амполлино. Я увидел много домов, построенных в стиле швейцарского шале, — от роскошных строений до самых простых бревенчатых домиков. В августе эти дома сдаются в аренду: люди хотят спрятаться от жары и убегают из прибрежных районов. Мне говорили, что в октябре здесь выпадает снег и идет вплоть до мая.

Эрик и Барбара Уэлптоны, чью восхитительную книгу я упоминал, видели южную Силу, когда ехали из Катанцаро. Они поднялись к таверне: там появился на свет единственный знаменитый художник Калабрии Маттиа Прети. В местной церкви они увидели, возможно, лучшее собрание религиозных картин этого художника. Картины висели в тяжелых золотых рамах и, скорее, напоминали работы испанских мастеров. Я видел лишь те, что находятся в музее Каподимонте в Неаполе. Мне тоже хотелось бы навестить город Сан-Джованни-ин-Фьори, о котором они написали: «Очарование Сан-Джованни можно увидеть в изысканных костюмах женщин, носящих пышные черные юбки, блузки с изящной вышивкой, бархатные яркие корсеты и полумонашеские вуали на головах, во время великого поста женщины совершенно закрывают лица вуалью, а мужчины отпускают бороду».

Как же повезло тем путешественникам! Где бы я ни появился, женщины, завидев меня, бежали домой и быстро меняли этническую одежду на платье из нейлона с цветочным рисунком и передник! В моем путешествии есть, однако, и преимущество: по Силе я могу ездить без опасения, что на меня нападут бандиты, хотя в Сицилии и Сардинии они орудуют до сих пор. Газеты не смогли замолчать августовскую историю 1966 года, когда сицилийские бандиты заблокировали дорогу и, останавливая автомобили, заставляли пассажиров выйти и лечь на дорогу. Это была технология XIX века, когда бандиты выскакивали с кремневым ружьем с криком «A terra, a terra!»^[61] что, возможно, эффективнее, чем призыв «руки вверх!» у современного преступника.

В XIX веке банды, в состав которых входили беглые галерные рабы и убийцы, использовались в политических Целях оппозицией Бурбонов: надо было держать страну в напряжении. Так же и сегодня: обученных террористов используют для уничтожения назначенного правительства, в то время как старый калабрианский бандит в шапочке, как у гнома, до сих пор действует ради собственной выгоды. Неудивительно, что только два английских писателя осмелились пробраться в Силу. Это был Генри Суинберн, в конце XVIII века путешествовавший от Никастро до Козенцы с отрядом вооруженных солдат, и другой, более бесстрашный путешественник, Артур Джон Стратт, который в 1841 году, в компании с четырьмя другими молодыми людьми, отправился туда, чтобы сделать зарисовки. Они шли пешком, а пожитки несли в заплечных мешках. Выйдя из Кастровиллари, они поднялись в Сила-Гранде по дороге, по которой проехал и я, затем свернули на звериную тропу, пересекавшую всю Силу, и добрались до Катанцаро. В то время это был замечательный переход. Все было хорошо, пока компания не покинула Катанцаро и не вошла в дикую местность к югу от города по пути в Караффу. Здесь их остановили грабители. Они выстрелили в молодых людей и заставили лечь на землю. Затем у них отобрали все, чем те владели, к тому же их жестоко избили мотыгами. Возможно, их бы убили, если бы не местный магнат, дон Доменико Сефали из Кортале: у него в этот момент случились дела в этом районе. Сефали услышал шум и кинулся на помощь с несколькими вооруженными людьми.

Крестьяне, албанцы по национальности, поклялись, что приняли молодых людей за бандитов и, стало быть, исполняли свой долг. Что до кражи, то они, мол, ничегошеньки не украли! Дон Доменико взял избитых молодых людей в дом приятеля, в Сан-Флорио, где им перевязали раны. Вечером, благодаря тому что юность обладает поразительной способностью быстро восстанавливать силы, молодые люди сидели за столом, пили много вина и пели песни под аккомпанемент

мандолин. Одна из песен осуждала проклятых «греков» (албанцев) и имела рефрен — «O Greco sempre traditore!».^[62]

Затем дон Доменико захватил путешественников в свою деревню Кортале. Там менее ста тридцати лет назад царила почти средневековая атмосфера.

«Мы вошли, — пишет Стратт, — и дон Доменико провел нас в огромный зал, представил своей жене, донне Калине. Она очень любезно нас приветствовала. Заметно было что она очень рада видеть своего повелителя живым и здоровым. В зале собралось высшее общество деревни. Они пришли выразить уважение дону Доменико, и им любопытно было посмотреть на его гостей. Постепенно нам представили всех важных людей, а потом — в который раз нас попросили рассказать о нашем приключении.

Мы очень обрадовались, когда чуть позже полуночи нас пригласили к ужину.

В Кортале вода пользуется меньшей популярностью, чем в Сан-Флорио, свидетельство тому — графин, которого хватило на всю компанию; возможно, по причине отсутствия дам. Донна Каролина с дочерьми за стол с нами не сели. Они отдавали общие распоряжения и следили за тем, чтобы к нам без задержки поступали караваны аппетитных блюд из просторной кухни. Двери этого помещения часто отворялись, и мы видели огонь, пылающий в каменном очаге, и поваров, наполовину скрытых в клубах пара и дыма. Со стропил кухни свисали ветчины, беконы, салями, засоленное мясо. Приятно было смотреть на эти гостеприимные хлопоты».

Тем временем новость о нападении на англичан и французов (ибо по меньшей мере двое молодых людей были Французами) дошла до властей в Никастро и Катанцаро.

Сначала в дом дона Доменико в Кортале прибыл главный магистрат Никастро в сопровождении своего помощника, Затем подъехало еще сто двадцать милиционеров. Все нанялись, что молодые люди не напишут своим послам и не привлекут внимание двух самых мощных европейских наций к безобразиям, совершающимся в Калабрии. Был запланирован налет на преступных

албанцев, и милиция арестовала несколько крестьян. Стратт пишет:

«Отряд медленно возвращался по крутой улице (Кортале). Выглядел он весьма живописно. Впереди верхом — _ . начальник милиции в большой кавалерийской бурке; за ним ехала элита отряда, вместе со связанными преступниками. Бандитов сопровождали несчастные жены в прекрасных хотя и несколько выцветших, нарядах. В конце следовали милиционеры в черной форме, в остроконечных головных уборах и с длинными ружьями. Вид у них был такой же несчастный, как и у самих бандитов. Они сразу же направились к тюрьме, поднялись по наружной деревянной лестнице, ведущей к квартире тюремщика. Этот функционер принял пленников и провел их вниз по внутренней лестнице, а может, и сбросил их в люк, по старому обычаю (этого я, впрочем, не видел и утверждать не стану). Вскоре преступники оказались внизу, за решеткой».

Эту сцену воспроизводит лишь одна из восхитительных акварелей Стратта: преступники смотрят сквозь прутья решетки, жены стоят снаружи. На женщинах изумительные наряды — головные уборы и платья, но при этом все они стоят босиком.

Окончание дела может показаться невероятным. Почти все, что было украдено, вернули, за исключением самой серьезной потери — пятидесяти восьми золотых дукатов. В тот же день, однако, когда глава Катанцаро распорядился, чтобы путешественникам возместили потерю из приходских фондов, примчался гонец, священник из Караффы, с похищенными золотыми монетами: их ему передали в исповедальне!

Не являясь профессиональным писателем, таким как Рэмидж и Лир, Стратт позволил нам разглядеть некоторые аспекты жизни в Калабрии, которых не касались другие англичане. Автор родился в Челмсфорде в 1819 году, а в Италию приехал двадцатидвухлетним. Его отцом был Джекоб Джордж Стратт, художник и гравер. Он жил в Риме. Двенадцатилетний сын учился у него и преуспел в

изображении животных и деревьев. На протяжении всего путешествия Стратт не расставался с альбомом, страницы которого заполнил изображениями женщин в национальных костюмах, танцоров, рыбаков, вытаскивающих на берег тунца — по три человека на одну рыбу. Он подмечает и рисует странных и живописных персонажей, которых встречает по дороге. Интересно, что случилось с этим альбомом? Если он все еще существует и будет найден, то станет чудесным дополнением к иллюстрированному изданию книги Стратта «Пешком по Калабрии и Сицилии» и обогатит скудные личные впечатления путешественников о юге Италии.

Удивительной чертой человеческой расы является перемена в национальном характере, которая может произойти даже за одно поколение. Странно, как подумаешь, что некоторые из смирных на вид обитателей Силы являются потомками свирепых бандитов, живших здесь не так уж и давно. Норман Дуглас упоминает бандита по имени Карузо, который в 1863 году за один месяц собственноручно убил двести человек. Ориоли пишет, что многим бандитам было по двадцать лет. Сейчас мужчины этого возраста работают на северных фабриках или наводят справки об эмиграции в Австралию. Ориоли рассказывает о бандите по имени Скольо, застреленном национальной гвардией в 1868 году. «Один из гвардейцев отрезал его голову, насалил на кол и отнес в деревню, где жил молодой бандит. Когда мать увидела страшный трофей, то упала на колени и возблагодарила Бога за то, что он избавил ее от „этого чудовища“. В молодом своем возрасте он успел убить девятнадцать человек и наибольшее наслаждение получал когда, убив кого-то, вынимал из кармана кусок хлеба, обмакивал его в кровь жертвы и ел, приговаривая: „Только сейчас я чувствую себя отомщенным“».

Я проезжал по территории, слегка напоминавшей мне Шотландию. Из сосновых лесов, молчаливых и загадочных, спустился к ясеневым и каштановым рощам, а потом — еще ниже, к теплым садам и оливам. Перед городком Спеццано увидел старую женщину. Она держала за веревку черную

свинью и старалась заставить ее прыгнуть через изгородку. Это была старушка из нашего детства. Помните? Та, что вела на рынок поросенка, а по пути ей встретилась ограда. Старушка сказала: «Поросенок, поросенок, перелезь через ограду, а то я не попаду засветло домой!» Поросенок уперся и не захотел лезть. Тогда старушка попросила помощи, если я правильно помню, у огня, воды, собаки, коровы и, наконец, у кошки, прежде чем поросенок перелез через ограду. Интересно, сколько детей могут сейчас пересказать эту длинную сказку или, по крайней мере, слышали о ней?

Вдалеке я увидел очертания Козенцы.

10

Козенца — одна из столиц трех провинций Калабрии. Другие — это Катанцаро и Реджио-Калабрия. Некоторым путешественникам Козенца показалась скучной, а на мой взгляд, она интересна и красива. Новый город стоит на плоской земле, старый прижался к западному крутому склону горы там, где встречаются реки Крати и Бусенто. Отсюда десять миль до Тирренского моря.

Раньше я и вообразить не мог, что посещу город, где в русле реки похоронен Аларих. Можно назвать те похороны самыми драматичными в истории. Приехав, страшно обрадовался тому, что мое окно смотрит на мост, переброшенный через Крати. Река сейчас сузилась до размеров ручейка, но при закатном солнце еще заметна эта серебряная змейка. Я стоял там, пока не зажгли фонари. На античный город спустилась темнота.

Какие перемены произошли на юге Италии с тех пор, как в 1897 году в Козенцу приехал Джордж Гиссинг, привлеченный, как и я, желанием увидеть реку Бусенто! Он остановился в постоялом дворе с прелестным названием «Два львенка». Двор этот, даже при большом и печальном опыте путешественника, показался ему невероятно отталкивающим. «В зловонной атмосфере, ощупью, пробирался я по скользким камням, пока не дошел до

лестницы. Поднялся на этаж и оказался в темном помещении. Накрытые скатертями столы и запах жарящегося масла дали понять, что скоро будет подано угощение». Население Козенцы составляло в то время около 14 000 человек, сегодня здесь живут 83 000.

Эти слова Гиссинг писал о старом городе. В Новой Козенце типичная современная архитектура, некоторые дома появились при фашистах, другие здания — под патронажем «Касса дель Меццоджорно» — либо построены, либо находятся в процессе строительства. При Гиссинге улица Корсо Умберто Примо еще не имела ответвлений, ныне ее под прямым углом пересекает новый проспект — Корсо Маццини. Горянки в те времена не покупали обувь, а уж тем более — электрические лампочки. А что бы сказал Гиссинг, если бы увидел группу дровосеков или пастухов, сидящих в кафе и смотрящих по телевизору модное дефиле в Милане? После болезненных воспоминаний о «Двух львях» как бы обрадовался этот путешественник, попади он в номер с кондиционером и ванной, да еще и с окнами, глядящими на рыночную площадь, мост Крати и собор Сан-Франческо-ди-Паола!

Все, написанное о юге Италии даже тридцать лет назад, не говоря уже о семидесятилетнем периоде, рассказывает о жизни, которая быстро уходит. Я уже говорил, но, думаю, не грех повторить: хорошие дороги, автобусное сообщение и, сверх того, телевидение принесли новый мир некогда изолированному народу. Возможно, телевизор сделал больше для настоящего объединения Италии, чем успел Гарибальди. Речь дикторов подточила древние диалекты, и редко встретишь сейчас человека, который не понимал бы стандартной итальянской речи. Но даже телевидение не может сделать каменистую почву плодородной, а современные фабрики, на первый взгляд весьма внушительные, часто не могут привлечь рабочую силу. Эмиграция продолжается, иногда это сезонный отток в другие страны Европы или в Австралию, Канаду и, в пределах установленного лимита, — в Соединенные Штаты.

Не проходило и дня, чтобы я не замечал свидетельства активности «Касса дель Меццоджорно»: новая дамба, хорошая новая дорога, осушенное болото, возделанная долина, засаженная злаковыми культурами, даже красивая старинная готическая церковь, освобожденная от штукатурки. Мне казалось это почти чудом, южным ренессансом. Но я заметил, что когда бы ни хвалил «Касса дель Меццоджорно», итальянец с видом знатока непременно прикладывал к носу палец. Хорошо известный средиземноморский жест, означающий, что следует проявить осторожность. Возможно, итальянцы унаследовали его у древних греков, которые предостерегали друг друга в отношении финикийцев и говорили: «Да, вам, возможно, все это кажется замечательным, но, пожалуйста, вспомните, что здесь есть и другая сторона». Но в чем точно заключается эта сторона, так и не ясно, за исключением того, что осваивается огромный денежный поток, легально, конечно! Позвольте итальянцу поговорить на эту тему. Вот что написал Луиджи Бардзини в своей книге «Итальянцы»:

«Несмотря на значительные, а временами и невероятные улучшения, нелепо было бы поверить в то, что проблемы „дель Меццоджорно“ вот-вот разрешатся. Начнем с того, что бедность поселилась здесь с незапамятных времен, и слишком она укоренилась, чтобы исчезнуть. В большинстве случаев ее, что называется, „замели под ковер“. Она накладывает на все свой отпечаток. Большая часть новшеств и изменений к лучшему сосредоточена возле нескольких городов, нескольких районов и самых плодородных участков земли. Стоит лишь завернуть за угол красивой улицы, отойти на небольшое расстояние от нового отеля, от процветающей фабрики или недавно построенного жилищного района, чуть-чуть подняться в горы, и бедность сразу бросится в глаза, но туда туристы из северных областей обычно не заглядывают».

Южане, конечно же, хотят жить лучше, по стандартам среднего жителя Западной Европы, им необходимо разрешить некоторые из самых насущных материальных

проблем. Они все хотят этого, но им нужно и кое-что еще. Они хотят, чтобы исчез разрыв между жизнью Севера и Юга. Они хотят жить так же, как северяне. Все остальное неприемлемо. Все остальное несправедливо, унижительно. Они не понимают, почему их северные сограждане, явно не умнее их (скорее, наоборот), имеют столь замечательные условия жизни — такие хорошие фабрики, больницы, устроенные по последнему слову техники. Почему у них так много денег и почему всего этого нет на Юге?

Хотя я тоже увидел разницу в жизненных стандартах Юга и Севера, в одном аспекте южане и северяне сходятся — они понимают значение туризма. Большинство верит в то, что когда-нибудь на них прольется золотой поток иностранной валюты, и проблема «дель Меццоджорно» будет разрешена. Возможно, что до некоторой степени это верно. Если южанина попросят выйти из Средневековья в развитой промышленный мир, то он, скорее, пойдет работать в местный отель, а не на иностранную фабрику.

11

Доктор Валенте, директор туристского бюро Козенцы, по образованию — историк. Он заинтересовался историей погребения Алариха в русле реки Бусенто. Однажды утром он взял меня с собой на берег этой реки. Она отделяет старый город от нового и протекает через крутое, романтическое ущелье. Его отвесные стены до самой вершины поросли кустарником и деревьями. Я всегда думал, что Бусенто (или Бусентин, как называли его ранее) — мощная река, но здесь я обнаружил очаровательный форелевый ручей и каскады. Стало быть, это и есть ручей, который когда-то отвели в сторону и, после того как уложили Алариха в его смертную постель, снова вернули на место, чтобы никто не потревожил могилы вождя. Подумать только, что раньше я считал эту затею мощным инженерным решением! Надо лишь захотеть, и пятьдесят человек за несколько часов смогут отвернуть Бусенто. В то солнечное

утро я в этом совершенно убедился. Из античных источников следует, что река возвратилась в родное русло, могила скрылась под водой, а рабочих, сделавших это, убили, чтобы никто не знал о месте погребения. Местные жители в эту историю не верят. Говорят, что в горах спрятать захоронение куда удобнее.

— Как думаете, когда погребли Алариха? — спросил я.

— В августе 410-го. Тогда произошло нападение на Рим, — ответил доктор Валенте.

Должно быть, Аларих дошел до Реджио-Калабрия в сентябре. Он собирался в Африку, но шторм погубил флот.

Поэтому вождь решил остаться в Козенце и, по слухам, умер от лихорадки.

— Тот шторм означал наступление зимних дождей?

— Не обязательно.

— А как выглядела река после того как изменили русло? Так же, как сегодня?

— Вполне возможно. Если бы зарядили дожди, река понеслась бы как бешеная, и повернуть ее было бы невозможно.

— Значит, можно предположить, что похороны Алариха состоялись в спокойное жаркое утро, похожее на сегодняшнее.

Узкая тропа бежала к реке между зарослями бамбука и осоки. На горе я заметил маленькую ферму с видом на реку. Кричал петух, пахло фенхелем, растоптанным нашими ногами. Мы уселись и заговорили об Аларихе и разграблении Рима.

Если он и в самом деле родился в 360 году, то перед смертью ему было около пятидесяти. Ошибаются те, кто представляет его грубым варваром. Это был гот римского склада, и при этом убежденный христианин. Он поставил себе цель: добиться высокого положения в Римском государстве и командовать армией. Трудно найти современную параллель. Даже если представить, что какой-нибудь алжирский лидер, разозлившись из-за отказа французского правительства произвести его в маршалы, высадился бы на берег с мощной армией и разграбил Париж,

аналогия была бы некорректной. Впрочем, ситуация из этого Ряда. Аларих долгие годы боролся за власть в Римском государстве. Выступал во главе нерегулярных войск, но удовлетворить свои амбиции не мог. Наконец решил взять силой то, что ему так и не предложили. С формальной точки зрения, он был варваром, однако куда цивилизованнее, чем, к примеру, норманны и сарацины, разграбившие Рим семь столетий спустя, или страшные головорезы под предводительством Карла Бурбонского, которые сделали то же самое в 1527 году. Нападение на Рим в 410 году произошло после серии попыток предыдущих лет — тогда трусливые римляне откупались от Алариха золотом, крашеными шкурами и перцем, а жалкий западный император Константин прятался в болотах Равенны.

Готы не уничтожили ни одного большого здания и с уважением отнеслись к церкви Петра и Павла. Был грабеж, и через три дня в городе не осталось никакого движимого имущества. Больше всего пострадали сто тридцать дворцов богатых римлян на Авентине. Готские рабы присоединились к соотечественникам, сформировав ценную пятую колонну. Они рады были привести налетчиков к семейным ценностям. Первое разграбление Рима показалось концом света живым еще на тот момент людям. Хотя город был уже не республиканским Римом и даже не мощным Римом первых цезарей, он правил миром так долго, что новость о его унижении звучала словно звон похоронного колокола. Ужас и недоверие, вызванные этим известием, эхом отозвались в трудах святого Августина и святого Иеронима.

Готские повозки, доверху нагруженные золотыми статуями, серебряной посудой, драгоценностями и — по слухам — сокровищами из храма Ирода в Иерусалиме, хранившимся на Форуме с тех пор, как в конце Иудейской войны их привезли в Рим, двинулись на юг вместе с пленниками и готскими рабами. Самой странной фигурой в этой процессии была Галла Плакидия, сводная сестра западного и кузина восточного императора, молодая женщина двадцати с чем-то лет. Почему она не бежала вместе с большинством римлян, пока было не поздно, еще

одна загадка истории. В свете дальнейшего поведения Галлы, кажется, она хотела, чтобы ее захватили варвары, поскольку после смерти Алариха она вышла замуж за его брата Атаульфа к ужасу своей семьи и цивилизованного народа, сделалась королевой готов.

Зачем Аларих отправился к южному побережью? Он хотел плыть в Сицилию и Северную Африку, чтобы завладеть египетской житницей, однако, как я уже говорил, сделать этого ему не удалось. Шторм уничтожил его флот. Страдая от лихорадки и, возможно, терзаясь страхом, оттого что совершил святотатство против старых римских богов или христианских апостолов, он удалился в Козенцу, где и умер.

Доктор Валенте сказал, что по традиции готов из Козенцы королей хоронили на дне речного русла, там, где Бусенто встречается с рекой Кавалло. Мы отправились в романтическую узкую лесную долину, ландшафт которой с некоторой натяжкой можно уподобить шотландскому пейзажу. В таком месте рыбак, специализирующийся на ловле форели, с удовольствием забросил бы в воду удочку. Полагают, что готы отвернули реку, вырыли в дне глубокую могилу, обложили ее со всех сторон камнями и опустили туда тело вождя, окружив его самыми изысканными сокровищами Рима. Некоторые верят, что в могилу поставили канделябр с семью рожками, снятый с иудейского святейшего престола, и другие драгоценные предметы. Полагали, что они могут понадобиться ему на том свете. Похоронив короля, готы вернули реку в родное русло.

— Иногда думаю, — сказал доктор Валенте, — что эта история может показаться историческим романом. Тем не менее античные авторитеты утверждают, что это произошло на самом деле. А что мы можем сказать?

— Кто-нибудь пытался отыскать могилу? — спросил я.

— Да, каждый год из Пьяченцы, Пармы, Болоньи приезжает археологическая команда и в нескольких местах проводит раскопки речного дна. В результате ничего не нашли. Но просто представьте: однажды могила Алариха

будет найдена! Можете представить, какую сенсацию вызовет это в цивилизованном мире? Ну да ладно, не будем мечтать, вместо этого посетим нашу новую фабрику по производству пасты.

Не обращая внимания на возможное местонахождение могилы Алариха, финансисты, создавая новый Юг, возвели современную фабрику по производству спагетти всех видов и форм. Вскоре мы уже сидели в глубоких кожаных креслах офиса и слушали рассказ менеджера о подробностях технологического процесса. Поглядывая в окно, я видел Бусенто. Лукаво посмеиваясь, река бежала своим путем.

12

Старая Козенца прижалась к горным склонам. У нее характерный вид города, не забывшего о землетрясениях. В красивых мраморных дворцах, где когда-то жила знать, устроены квартиры. В домаходишь через великолепные ренессансные двери. Коринфские колонны — превосходные опоры: между ними вешают веревки и сушат белье. Иногда в узком и крутом переулке наталкиваешься на старый дворец, прячущийся за запертыми чугунными решетками. Живет ли там кто? Расхаживают ли под хрустальными люстрами члены семейства? А может, это интернаты для престарелых или офисы учреждений?

Прогуливаясь по улицам, я неожиданно увидел лестницу, ведущую к четырем классическим колоннам. На солидной мраморной доске прочел имя Бернардино Телезио, самого знаменитого сына Козенцы. Он родился в 1509 году, в одном из благородных дворцов, и умер в Козенце в 1588, в год краха испанской Армады. Он был одним из самых известных ученых эпохи Возрождения. Его работы оказали большое влияние на науку того времени. Телезио основал академию, которую я сейчас перед собой и видел. Она успешно работает вот уже четыре века.

Секретарь приветствовал меня так, словно я был странствующим философом, и с удовольствием показал

библиотеку, читальный зал и комнаты, где некогда ставили пьесы члены академии.

Собор Козенцы был освящен в 1222 году в присутствии императора Фридриха II (ему тогда было двадцать два года). Темное готическое здание избавили от барочной штукатурки и вернули ему первоначальный облик. Меня привели к дворцу архиепископа. Там вежливый монсиньор открыл сейф и, извинившись, что вынужден отлучиться по срочному делу, оставил меня наедине с самым прекрасным сокровищем Калабрии — византийским реликварным крестом. Говорят, что это — подарок Фридриха II. Восхищает филигранная работа по золоту с инкрустацией драгоценными камнями — красными, зелеными и желтыми. Каждый такой камень сидит в маленькой золотой чашечке. Лицевая и задняя стороны креста выглядят по-разному. В лицевую, более красивую сторону, инкрустирована крошечная частичка распятия Господня. На кресте имеются пять византийских эмалевых медальонов совершенной работы — один в центре и по два на перекладинах. Каждый медальон, хотя и не крупнее большой монеты, представляет собой законченную икону, выполненную в пастельных тонах. Это — работа искуснейшего ювелира или живописца по эмали.

Я подумал, что собор, пожалуй, чересчур «вылизан». Искал, но не нашел могилу, которую ожидал там увидеть, — могилу Генриха, старшего сына Фридриха II. В 1242 году он совершил самоубийство. Семейная жизнь Фридриха была несчастливой. Генрих стал главным его разочарованием. Молодой человек злоумышлял против отца. Фридрих пытал его и приговорил к тюремному заключению. Для Генриха это наказание было равносильно смертному приговору. Он терпел семь лет заключения, но однажды в замке в Никастро подле Козенцы пошел кататься верхом и, пришпорив лошадь перед препятствием, разбился насмерть. Генриха завернули в ткань, на которой золотыми и серебряными нитями были вышиты перья орла. «Мы скорбим о судьбе нашего первенца, — писал Фридрих. — Сердце

проливает потоки слез, но несгибаемость правосудия облегчает страдания, вызванные душевными ранами».

Хотя могилу Генриха я так и не увидел, зато неожиданно нашел другой мемориал. Он посвящен памяти королевы Франции Изабеллы Арагонской, жены Филиппа III. Она умерла в Козенце в 1271 году. Королева возвращалась с супругом из неудачного тунисского крестового похода. При переходе через реку Савуто лошадь королевы споткнулась, и Изабелла упала в воду. Она была на седьмом месяце беременности. Ребенок пережил ее на несколько часов. Памятник создал французский художник, специально приглашенный в Козенцу. Мемориал красивый, простой и трогательный: в центре Мадонна, с одной стороны Изабелла, с другой — Филипп.

Даже тот век, познавший множество страшных трагедий, содрогнулся, когда король, вернувшись во Францию из Туниса, привез с собой три трупа — отца, Людовика IX, умершего во время крестового похода; брата, Жана Тристана, графа Неверского, и зятя Теобальда, короля Наваррского. При отъезде из Козенцы похоронный поезд увеличился: к нему прибавилось тело красивой юной жены Филиппа и их преждевременно родившегося ребенка. Филипп устроил государственные похороны в Сен-Дени. Короновали его на следующий год.

Я с сожалением покинул Козенцу и направился на юг, в Никастро.

13

Дорога, сама по себе отличная, изобиловала резкими поворотами. В мире мало осталось мест, где появление автомобиля приводит в транс мулов и коз, но сейчас был именно такой случай. На мулах ехали старые женщины в черных одеждах и шарфах, почти яшмаках.^[63] На животных старушки сидели бочком и не могли справиться с ними, если мул неожиданно останавливался или вдруг решал забраться на пригорок.

Здесь я впервые увидел женщин в национальных костюмах. Они либо ехали на мулах, либо шли по дороге с кувшинами или ящиками на голове. На женщинах были черные корсеты и черные юбки, подобранные сзади наподобие турнюра, так что видны были алые нижние юбки. Шли они точно королевы. Те, кто нес груз, устанавливали его на подкладки вроде тюрбанов. Я обратил внимание на маленькие деревянные бочонки — как и в других районах Калабрии, они напоминали миниатюрные торпеды. Бочонки такой формы я видел в Риме: женщины ходили с ними к старому настенному фонтану иль Факино на улице Виа Лата.

Местность напомнила мне роскошный компромисс между Керри, каким я запомнил его тридцать лет назад, и синими холмами Корнуолла в солнечный день. Я видел заросли утесника, дубовые и каштановые рощи. Розмарин наполнял воздух благоуханием на многие мили. Были здесь и змеи, я видел, как довольно большие особи переползали через дорогу.

Остановился на автозаправочной станции возле городка Совериа Маннелли и заметил обелиск, увековечивший приезд Гарибальди, побывавшего здесь в 1860 году. Заглянул в церковь и увидел коленопреклоненных женщин в черных кружевных мантильях.

До Никастро надо было ехать еще несколько мучительных миль. Землетрясение 1638 года наполовину разрушило этот оживленный сельскохозяйственный район, многие жители погибли. Постепенно регион набрался сил, заново построил церкви. Население, числом около 30 000 человек, выглядит весьма жизнерадостно. На вершине горы живописные руины — все, что осталось от замка, построенного Робертом Гвискарсом и расширенного Фридрихом II. Именно там несчастный Генрих, наследник Фридриха, провел свои последние дни.

На разнообразных поворотах дороги от Никастро нельзя не обратить внимание на восхитительные виды Тирренского моря. Затем передо мной распахнулась огромная равнина Майда, засаженная оливковыми деревьями. Она дала свое имя району Майда-Вейл в Лондоне. Что общего может быть

у столь непохожих и отдаленных друг от друга мест? Странная история.

В 1806 году произошло сражение при Майде. Оно явилось одним из эпизодов в войне против Наполеона. В это время Нельсон и леди Гамильтон сохраняли династию Бурбонов, над Капри короткое время реял «Юнион Джек», а Англия держала на Сицилии небольшую армию и флот.

Сражение при Майде было простой операцией. Около пяти тысяч британских солдат высадились на равнине Майды в конце июня. В беспокойную погоду им удалось выгрузить на берег пушки. Французская армия значительно превышала числом британцев, имелась у них и кавалерия. Они надежно укрепились в горах, и им посоветовали там и оставаться, пока малярийные комары не расправятся с противником. Однако французы решили атаковать и стремительно спустились в равнину, где были разбиты. Так привел конец французской армии в Калабрии. Командующим победоносного отряда был сэр Джеймс Стюарт. Он родился в Джорджии в 1759 году и вместе с британцами участвовал в американской Войне за независимость.

Известие о победе при Майде стало доказательством того, что наполеоновская армия может быть разбита, и, хотя операция была скромной, она настолько обрадовала Лондон, что новый район за Эджвер-роуд был назван Майда-Вейл. В память о том сражении назван и паб — «Герой Майды», — большое здание из красного кирпича. Оно стоит примерно в четверти мили от станции метро «Эджвер-роуд». Внутри помещение украшено увеличенными копиями старых гравюр с изображениями битвы, но знают ли владельцы заведения, кто такой этот «герой», сказать не могу.

Сэр Джон Стюарт был одним из самых удачливых британских генералов. Его память увековечил не только паб, Стюарта поблагодарили обе палаты парламента и назначили пожизненную пенсию в тысячу фунтов в год. Могила генерала находится в соборе Бристоля.

Странно видеть слово «Майда» на дорожном знаке, когда перед тобой маленький горный город Калабрии. Я

приехал в день местного святого. Возле церкви собрался городской оркестр, кто-то выпустил сигнальную ракету. В церкви толпился народ. Я спросил у приятного мужчины, сидевшего на крепостной стене, знает ли он, что его город подарил имя району Лондона. Да, ответил он, все знают об этом. Его приятель побывал в Лондоне в Майда-Вейл и проехал по району в красном автобусе.

Глава девятая. Землетрясения и миражи

Пиццо и смерть Мюрата. — Почему Ричард Львиное Сердце украл сокола. — Сейсмоопасная страна. — Ловля меч-рыбы. — Реджио-Калабрия. — Страна бергамота. — Реликвии Великой Греции. — Калабрианские курительные трубки.

1

Проехав через равнину Эуфемии, я оказался в рыбацьем поселке Пиццо. Он смотрит со скалы на белый песчаный берег. По весне, прежде чем флотилия выйдет в море на ловлю тунца, священники благословят сети, и прозвонят церковные колокола.

Пиццо вошел в историю Европы как место, в котором расстреляли зятя Наполеона, Иоахима Мюрата. Этот храбрый солдат, но неудачный правитель, женился на Каролине Бонапарт. Наполеон, следуя своей политике — сажать на европейские троны родственников, — сделал Иоахима королем Неаполя. У Мюрата закружилась голова. Хотя солдатом он был бесстрашным, у него имелась смешная слабость: он любил представления и носил вычурную форму, которую сам для себя придумал. В нем было что-то от Портоса и от фельдмаршала Геринга. Едва он стал королем Неаполя, как лаццарони прозвали его «королем перьев».

Наполеон описал его характер, как всегда, точно. Мюрат, сказал он, был храбр на поле боя, но в обычной обстановке — слабее женщины или монаха. Иоахим обладал физической, но не моральной смелостью. После Ватерлоо Наполеон сказал, что если бы французской кавалерией командовал Мюрат, то поражение превратилось бы в победу. Королем он был хорошим, честным и искренним и,

как и многие правители, хотел объединить Италию. Какой же странной выдалась судьба у сына хозяина постоянного двора, ставшего лучшим командиром кавалерии своего времени, а потом и королем, умершим в отдаленном рыбацьем поселке Калабрии!

За семь лет пребывания на престоле Мюрат разошелся с Наполеоном, но на участие в заговорах союзников был не способен. После Ватерлоо его убрали из Неаполя, а довольный Фердинанд IV вернулся из Палермо и занял старый трон в своем дворце. Тщеславный Мюрат все еще верил, что стоит ему только выйти на итальянский берег в самой красивой форме и произнести слова «союз», «свобода» и «реформа», как он возглавит армию и выгонит из Италии Бурбонов. Он пригласил несколько офицеров и собрал отряд из двухсот пятидесяти человек. В октябре 1815 года они погрузились на семь маленьких трехмачтовых кораблей и пустились в плаванье. Мюрат планировал высадиться в Салерно и пройти до Неаполя. Однако поднялся шторм, флот пронесло мимо Салерно к западному берегу. Больше он своей Флотилии не увидел, а его собственное судно пристало к Рыбачьей бухте Пиццо. Должно быть, он вспоминал побег Наполеона с Эльбы и его триумфальный поход на Париж, Но Наполеоном он не был, да и Пиццо был не во Франции.

Взбираясь по крутым улицам, я подошел к тому, что осталось от замка. Рассмотрел старое здание с арочным входом и дряхлыми башнями. Вид сверху был замечательным. Я вошел в замок и, поднявшись по каменной лестнице, обнаружил, что здание занимают клуб и гостиница. Здесь Мюрата пять дней продержали в заточении, а потом расстреляли. Любезный менеджер, понимающий, что он контролирует единственное место в Пиццо, которое желает посетить любой интересующийся историей чужеземец, имел наготове рассказ со всеми подробностями. Он подвел меня к окну и драматическим жестом указал в сторону моря...

День 8 октября 1815 года пришелся на воскресенье. После мессы жители Пиццо разгуливали по площади. Вдруг

они увидели, что в бухту вошло небольшое судно. На берег выпрыгнул чрезвычайно нарядный офицер — золотое шитье, шляпа с пером, даже шпоры позолочены. Вместе с несколькими попутчиками офицер поднялся по тропинке к городу. На площади сопровождающие офицера люди призвали народ приветствовать короля Иоахима Мюрата. Вместо радостных выкриков повисла неловкая пауза. Многие, предвидя неприятности, благоразумно исчезли. Мюрат попытался купить лошадь, но уж такова ирония судьбы: никто не продал лошадь человеку, еще недавно командовавшему кавалерией великой армии при Аустерлице и Йене. А ведь он вел за собой большой отряд в битве Пирамид. Полицейский попытался арестовать Мюрата. Французы развернулись и бросились бежать к гавани, но, примчавшись, увидели, что корабль отплыл: их капитан почуял неладное. К берегу неслась разъяренная толпа. Французы с некоторым трудом столкнули с песка лодку и убежали бы, если бы не шпора Мюрата, запутавшаяся в рыбачьей сети. Не успел он освободиться, как на него налетела толпа.

Калабрианцы показали себя во всей красе. Французов страшно избили и исцарапали. Самыми яростными нападающими оказались старухи: одна из них вонзила ногти в лицо Мюрата и завопила: «Ты болтаешь о свободе, а сам застрелил четверых моих сыновей!» Полиция пробилась к французам, когда они были едва живы. Одежда беглецов превратилась в лохмотья. Французов доставили в замок и бросили в камеру, такую маленькую, что, сидя, они едва уместились на грязном полу.

Менеджер показал мне эту камеру. Это была темная комната, похожая на пещеру с крошечным окном под потолком. Жуткая черная дыра. Тем временем итальянский генерал скомандовал, чтобы известие о произошедшем аресте передали в Неаполь и запросил прислать оттуда военный отряд. Офицер переселил Мюрата в соседнюю комнату, она была немного получше прежней (теперь здесь устроили буфет). Прислал врача и вино. Мюрат написал письма британским и австрийским послам в Неаполе с

просьбой о помощи, но агенты Фердинанда IV их перехватили, и письма так и не были доставлены.

Фердинанд был в опере, когда к нему поступило известие. Он ушел из театра и собрал совет, на котором было решено предать Мюрата военному суду. Король добавил зловещий постскриптум, что после приговора Мюрату разрешается полчаса на беседу со священником. Мюрата обвинили в подстрекательстве к гражданской войне и в заговоре против законного короля. За эти преступления его приговорили к расстрелу. Приговор был немедленно приведен в исполнение. Мюрат не показал ни малейшего страха. Все, о чем он попросил, это чтобы расстрельная команда «целилась в сердце, чтобы не испортить лицо». Двор, в котором менеджер рассказывал мне о расстреле, такой Маленький, что стволы мушкетов почти наверняка упирались Мюрату в грудь. Он отказался завязывать глаза и умер, как выразился Наполеон, без страха перед лицом опасности. Его похоронили в местной церкви, но все попытки найти останки окончились неудачей. Ему было сорок восемь лет.

Я пошел в бар, и менеджер порекомендовал мне выпить бокал домашнего миндального молока. Оно оказалось превосходным. Пока мы беседовали, к нам присоединился высокий, бородатый молодой человек, похожий на апостола. На нем были шорты, а за спиной огромный заплечный мешок. Стоило ему открыть рот, как я угадал в нем канадца. Он сказал, что автостопом доехал сюда из Рима за два дня. Я не мог в это поверить.

— Что ж, — сказал, — дни бывают плохие и хорошие.

— Куда путь держите? — спросил я.

— Йоханнесбург, — ответил он.

— Неужели вы и по Африке поедете автостопом? — удивился я.

Он пожал плечами и стал еще больше похож на апостола. Мне казалось, он вот-вот скажет: «Пути Господни неисповедимы». Впрочем, он, наверное, это подумал.

Я редко кого-нибудь подвожу. Дело в том, что некоторых моих знакомых грабили или били по голове, кого-то даже

порезали бритвой за их милосердный акт. Удивляясь, как может человек пускаться в путь на огромные расстояния в чужих легковушках и грузовиках, я выждал удобный момент, чтобы спросить, сколько у него при себе денег. Он сказал, что из Лондона он уехал, имея в кармане полтораста долларов.

Выйдя из замка, я обернулся и увидел камень с надписью, которую прежде не заметил. Камень был вставлен над воротами, и на нем я прочитал:

Благословенной памяти короля Иоахима Мюрата, принца, славного при жизни и бесстрашного перед лицом смерти, расстрелянного на этом месте. Памятник запечатлел день, омраченный свирепостью сумасшедшего правительства. Камень установлен муниципалитетом Пиццо 1900 г.

Я подумал, что это — самая бесстыдная попытка публичного покаяния, которое я когда-либо видел. Правительство и в самом деле могло быть свирепым, но что сказать о свирепости предков тех, кто установил этот камень? Что сказать о старухе из Пиццо, вырвавшей у Мюрата усы? Она завернула их в газету и хранила в качестве воспоминания о том счастливом дне.

2

Я двинулся на юг, дорога покинула море и побежала меж гор, обсаженных оливами и апельсиновыми деревьями. Иногда, перемежаясь, они росли в одних тех же рощах. В Апулии таким же образом высаживают оливы и инжир. В этой части Калабрии едва ли не в каждой деревне хозяева выводят погулять черных свиней. Они привязывают веревку к задней ноге животного, и те роются в земле. Южные итальянцы высаживают вдоль дороги олеандры. Я часто проезжал мимо таких шпалер. Поскольку с малярией здесь покончили, деревья не представляют никакой опасности. Серо-бурые волы — их масть напомнила мне коров Джерси

— тащили высоко Нагруженные повозки. Этим крупным, сильным животным недостает размаха рогов и величавости белых тосканских волов.

Земля здесь сейсмоопасная. Вряд ли найдется город, который в далеком или недавнем прошлом не пострадал бы от землетрясения. Милето состоит сейчас, по большей части, из одной длинной улицы возле руин. Древний город был разрушен в 1783 году, а потом и в 1905-м, и в 1908-м, но все же оптимизм людей, живущих буквально на вулкане, каждый раз заставлял тех, кто уцелел, возвращаться в родные места и начинать все заново. Сейчас труд, но представить, что Милето был любимой цитаделью Роджера Отвиля, местом, где он женился и где умер, городом, имевшим большое значение для норманнской Италии. В Милето останавливался на постой Ричард Львиное Сердце. Он держал путь в Мессину, где его ждал английский флот. Сохранилось несколько греческих колонн от храма, стоявшего на территории разрушенного аббатства. Некогда Ричард провел здесь ночь. Сейчас ничто не напоминает о роскоши прежних времен.

Роджер Говенден пишет, что, покинув Милето в сопровождении всего одного рыцаря, Ричард попытался украсть сокола из крестьянского дома и едва не был за это убит. Крестьяне набросились на него с тем, что попало им под руку. «Один из них вытащил нож и пошел на короля, и Ричард ударил его тупой стороной меча. Меч разлетелся на части, и тогда король забросал крестьян камнями. С большими трудностями ему удалось вырваться, и он добрался до аббатства Ле Баньяр». Должно быть, это аббатство Санта-Мария Баньяра, основанное Роджером Отвилем, а позднее разрушенное землетрясением.

Интересно, подумал я, где произошел этот нелепый эпизод? Зачем королю Англии понадобилось красть сокола? Ответ любопытен. Услышав крик птицы, Ричард немедленно бросился... но не красть, а спасти ее — в соответствии с английскими законами — от нелегальных владельцев. Он либо не знал, либо не подумал, что у норманнов ястребы и соколы принадлежат не только знати. В королевстве

Сицилия их могли держать у себя даже крестьяне. Джозеф Стратт в своей книге «Спорт и развлечения английского народа» писал, что эти птицы являлись эмблемой аристократии, и простой человек мог попасть в тюрьму за то, что держал или скрывал их у себя в доме. Так что, возможно, услышав крик птицы, Ричард пришел к ней на помощь, как если бы это была женщина, находящаяся в опасности.

К югу от Россано дорога проходит мимо сжатого золотистого поля, затем поворачивает к побережью. Подъезжая к городу Джойя Тауро, я захотел (и не в первый раз) попробовать поселиться в какой-нибудь местной гостинице — просто чтобы узнать, так же ли она ужасна и неудобна, как в дни Гиссинга и Нормана Дугласа. Однако в оливковой роще, чуть в стороне от дороги, стоял восхитительный отель «Джолли». Мне дали номер, в алькове которого имелся письменный стол.

Я видел оливковые деревья в Греции и на Кипре, в Турции и на Ближнем Востоке, во многих местах Италии, но ни разу не встречал такие чудные и романтические рощи, как в этой части Калабрии — от равнины Эуфемии и до Джойя Тауро. Из своего окна я видел одну из самых красивых рощ, место, в котором, казалось, сосредоточилась вся романтика средиземноморского мира.

Среди немногих приезжих был хорошо одетый итальянец, в очках в роговой оправе. Я подумал, что он, возможно, солидный коммивояжер или чиновник «Касса». Оказалось, что ни то и ни другое. Он был ученым агрономом. Одиночество привлекло нас друг к другу, и после ужина мы разговорились. Серьезно глядя на меня сквозь толстые стекла очков, он сказал, что занимается внедрением импотентных самцов плодовой мушки на острове Капри.

Я постарался сохранить нейтральное выражение лица. Он объяснил:

— Эксперимент заключается в том, чтобы внедрить некоторое количество мужских особей, подвергшихся стерилизации путем радиации. В результате нарушается

природный баланс. Надеемся, что самки плодовых мушек спарятся с импотентными мужскими особями и в результате произойдет падение рождаемости.

— А это эффективнее обычных химических средств?

— Все находится на стадии эксперимента, — сказал он, — понадобятся годы на то, чтобы сделать какие-то выводы.

— Природа — хитрая старая дама, — заметил я. — Что если самки не захотят иметь дела со стерилизованными мужскими особями?

Он выразительно пожал плечами.

— Кто знает? В конце концов, это всего лишь эксперимент. — Вздыхнул и позволил мне снова наполнить себе бокал.

— А почему вы избрали для своего эксперимента Капри?

— Дело в том, что остров находится довольно далеко от материка, и массовой эмиграции плодовой мушки там не бывает. Поэтому мы изучаем проблему, будучи уверенными в том, что дрозофилы там местные. Хотим, чтобы способные к размножению самки отвергали плодовитых самцов и спаривались бы со стерилизованными особями.

Я лег спать позже обычного, заслушавшись лекцией о долгой сексуальной истории острова Капри.

Отворив окно, я залюбовался оливковой рощей. Она купалась в лунном свете, каждое дерево отбрасывало собственную тень. Зеленоватые лучи очерчивали стволы, мерцали листья. Хотя деревья и были старыми, я не заметил у них и намека на деформацию. Никаких тебе ведьминых рук, простертых в ночь, — оливы сохранили твердые молодые формы. Странно, как по временам неожиданно является дух земли. Он обнаруживает себя в какой-то ипостаси — в горе или береговой линии, в лесу или в долине, и на мгновение кажется, что тебя вот-вот допустят к какой-то древней тайне земли. Здесь я почувствовал, что все духи Юга собрались в оливковой роще. Там, в глубине, живет память о Великой Греции, о ее цветных храмах и кораблях.

Природа сохранила необычную красоту тех мест Калабрии, которые сама же часто и разрушала. К югу от Пиццо в воздухе появляется дополнительная ясность, море здесь еще голубее, облака еще красивее. Горы Аспромонте исполнены благородства и очарования. Невольно думаешь, что такая земля рождает только поэтов и художников. Хотя Эдвард Лир романтизировал и приукрашивал все, что рисовал на Юге, ему удалось передать впечатление, которое охватывает человека, видящего города Калабрии. Городки эти так плотно прижимаются к горе, что с расстояния их можно принять за продолжение геологического формирования. Города словно вырастают из скалы, вдающейся в море, или нависают над бухтой с желтым песком и вытащенными на берег рыбацкими лодками. Воз-Дух в Южной Калабрии приобретает дополнительную шелковистость, а вода, набегающая на песок, чистейшего зеленого цвета. Там, где ее трогает солнце, возникает темно-синяя рябь. Ветер пропах ароматом цветущих апельсинов и жасмина. И тем не менее этот райский уголок Италии находится в сейсмоопасной зоне.

О землетрясениях в Абруцци думаешь как о трагических, хотя и не неожиданных проявлениях природы, а здесь, в Калабрии, рождается ассоциация, будто исключительно талантливый и красивый человек внезапно сошел с ума. Я заметил, что жители Калабрии не хотят говорить о землетрясениях. Здесь такие разговоры не поощряются, и это можно понять. Единственный человек, с кем я мог обсудить это, был гражданин из Козенцы: он интересовался этим феноменом и много читал о нем.

Он на себе испытал два землетрясения, когда был ребенком. Поскольку родители не боялись, то и он без тревоги воспринимал моменты, когда картины неожиданно начинали раскачиваться, а мебель — двигаться. Сказал, что на равнине Эуфемии земля вдруг разверзлась, поглотила монастырь и запечатала его в своих недрах. По его мнению, одним из самых тяжелых последствий является влияние

землетрясения на человеческую психику. Немало людей в такие моменты временно или навсегда сходило с ума.

1783 год выдался очень тяжелым. Земля затряслась 5 февраля и продолжала колебаться до конца мая. Подсчитано, что на юге Италии погибли 30 000 человек. Затем последовали эпидемии. Сэр Уильям Гамильтон сделал ряд наблюдений: он заметил, что лошади и ослы замирали на месте, широко расставив ноги, словно чувствуя приближение каждого толчка. Ленорман упоминает женщину, которую нельзя было уговорить войти в дом. Остаток жизни она провела под деревом.

Землетрясение 1908 года в Мессине, разрушившее этот город, а также и Реджио-Калабрию на противоположном берегу залива, унесло 96 000 жизней. Береговая линия Мессины понизилась на двадцать шесть дюймов, а берег возле Реджио — на двадцать один дюйм. Во время трагедии два вулкана, Этна и Стромболи, никак не отреагировали на толчки. Эксперты объяснили это сдвигом минеральных масс, находящихся глубоко под землей. Ориоли рассказывает об одной богатой женщине. Она была так потрясена всем происходящим, что приказала подвесить себя на веревке на окне дома. Там она и оставалась, а слуги ее кормили.

Невозможно поверить, что эта прекрасная страна столетие за столетием впадала в неожиданный хаос. Я приехал в очаровательный рыбацкий поселок Баньяра, о котором Норман Дуглас написал: «Пережитые Баньярой катастрофы были столь многочисленными, столь сильными и разнообразными, что город, по сути, не имел права на дальнейшее существование». Однако Баньяра не только существует — освещенная утренним солнцем, она встретила меня, жизнерадостно блестя красными крышами. Изумрудные волны игриво накатывались на песок. «Мне никогда не приходило в голову, — писал Дуглас о Баньяре, — что можно с пользой провести время, если нанести короткий визит к самому почитаемому сокровищу Калабрии — а возможно, и всего мира, — про который писал синьор Маркони. Он находится в богатом ковчеге в церкви кармелитов, и это — подлинная шляпа Богоматери».

Если в церкви кармелитов и в самом деле сохранилась святая «шляпа», то выглядит она сейчас как золотая корона. Головной убор находится под замком, и увидеть его можно лишь в самые торжественные моменты. Любезный церковный служащий зажег в церкви свет и показал мне копию короны.

Еще одна странность Баньяры: мужчины здесь занимаются домашним хозяйством, а женщины ходят на работу- Сам я на рынке видел много женщин: кто-то делал покупки, кто-то торговал. Возможно, мужчины увиливают от домашней работы, поскольку огромное их количество сидит в кафе и играет в карты.

Чуть повыше Баньяры я впервые увидел очертания Сицилии. Казалось, до нее рукой подать. Она находится на другой стороне Мессинского залива, и здесь один из лучших видов в Европе. Воздух так чист, что я видел города Сицилии, сверкающие на утреннем солнце, а на дальней стороне острова — белый конус Этны, выпускающий в небо нежный дым.

В нескольких милях от Баньяры, на обочине, стоит указатель, на нем выведено слово «Scilla», а на недалеком расстоянии вдается в море знаменитая скала Сцилла. Там лежало чудовище, оно поджидало моряков, ускользнувших от Харибды, что на противоположном берегу залива. Мне говорили, что в ветреные дни узкий вход в Мессинский пролив заставляет нервного моряка вспомнить и старинную легенду, и страх Одиссея, пробиравшегося между скал. Моряк не может забыть шестерых лучших гребцов Одиссея, схваченных Сциллой.

Старинный замок на скале превратился в руины, но часть его трансформировалась в, возможно, самый элегантный и привлекательный отель в мире. И в самом деле: ничто не может вызвать у людей столь романтический интерес. В старинные ворота вбиты сотни гвоздей. Рядом висит колокол, а над аркой — фонарь. Он освещает герб княгини Руффо, владелицы замка. Невероятная история: люди в зале под высоким сводчатым потолком, сидя за

большим обеденным столом, смотрят телевизор не где-нибудь, а на скале Сциллы!

Восхищение идиллической сценой подпортил рассказ об ужасном событии, случившемся на этом месте. Внизу раскинулся прекрасный песчаный пляж, на который в ужасе бежали жители Сциллы, когда землетрясение 1793 года разрушило их город до основания. Престарелый князь Руффо, бывший в то время в церкви, присоединился к объятая ужасом толпе и вместе со всеми молился, упав на колени, как вдруг земля задрожала, раздался громopodobный звук, и часть соседней возвышенности рухнула в море. Огромная волна нахлынула на берег и унесла за собой в море князя Руффо и полторы тысячи людей. Все погибли.

4

Первое, что я заметил, приехав в Реджио-Калабрию, было странного вида судно, стоявшее примерно в полумиле от берега. На нем была невероятно высокая мачта, сделанная из стальной решетки. Я подумал, что это маркер, указывающий на скалу или какое-то другое препятствие. Потом обратил внимание на еще одну стальную конструкцию. Она протянулась от носа судна, и длина ее почти равнялась длине самого корабля.

Пока смотрел на чудное судно, на стальную мачту вскарабкался человек и встал наверху на небольшой платформе, в то время как другой пошел по горизонтальной стальной дорожке. Лодка двинулась изменчивым курсом. Мне казалось, она вот-вот перевернется. Вдруг человек на нижней дорожке поднял руку. Что-то блеснуло... копье, гарпун... Это орудие пронеслось по воздуху и упало в море. Взметнулась пена, и на поверхность выскочила огромная рыба. Она боролась за жизнь. В первый и последний раз я увидел корабль, предназначенный для охоты на меч-рыбу, потому что сезон окончился. Человек гарпунил рыбу так же,

как это делали древние греки за несколько столетий до новой эры.

Суда для охоты на меч-рыбу, своей формой очень напоминающие саму добычу, — типичное зрелище для Реджио и Мессинского залива. Есть здесь и примитивные гребные лодки с высоким шестом посередине и отходящими от него салингами (сомнительная опора для впередсмотрящего) и опасной деревянной дорожкой для гарпунщика. Постепенно их вытесняют суда побольше, со стальными мачтами.

На большинстве пляжей Реджио и Баньяры можно увидеть эти лодки, вытасщенные на берег. У некоторых больших судов высота мачты достигает шестидесяти футов, а длина горизонтальных платформ составляет примерно ту же цифру. Впередсмотрящий может увидеть меч-рыбу в чистой воде. Он немедленно направляет лодку в нужном направлении и маневрирует так, чтобы гарпунщику было удобно загарпунить рыбу. Гарпуны, которые я видел, были двадцать футов длиной и заканчивались двойной вилкой. Лишь однажды я видел вилку с тремя зубцами.

Меч-рыба приходит из холодной воды в Мессинский залив метать икру. Обычно является одна или парой. Пока я говорил с рыбаком на берегу Сциллы, к нам подошли две пожилые англичанки. Они направлялись в Сицилию в составе организованной группы. Женщины подошли с гидом, молодым итальянцем.

— Видите ли, дамы, — сказал он, — меч-рыба приходит сюда для занятия любовью.

— Что он сказал, дорогая? — спросила одна из женщин.

— Он сказал, что меч-рыба приходит сюда метать икру, дорогая, — закричала ей подруга.

Женщина взглянула на нее живыми заинтересованными глазами очень глухого человека и спросила:

— Приходят сюда делать что?

— Приходят сюда, — закричала подруга, — размножаться — плодиться!

— А, поняла. Спасибо, милая.

Они пошли прочь. Гид выглядел шокированным.

Рыбак сказал, что меч-рыба — одна из самых быстрых и самых нервных морских рыб. Даже плеска весла бывает иногда достаточно, для того чтобы она пустилась наутек со скоростью тридцати миль в час. После спаривания рыбы остаются вдвоем и проявляют необычайную верность друг другу. Молодой гид не деликатничал, когда говорил о том, что рыбы «занимаются любовью», поскольку рыбаки верят, что рыбы-партнеры испытывают друг к другу глубокую привязанность. Если рыбак загарпунит самку, партнер ни за что ее не оставит: он будет отчаянно крутить подле лодки, словно стараясь помочь подруге, и часто тоже становится добычей. По этому поводу модный композитор Доменико Модуньо даже сложил трогательную популярную песню.

У рыбаков сложился профессиональный жаргон. Они по-своему называют и лодки, и гарпун, и впередсмотрящего, и гарпунщика. Некоторые верят, что хриплые, гортанные крики впередсмотрящего, когда он видит меч-рыбу и указывает на нее гарпунщику, раздаются здесь в неизменном виде со времен Великой Греции.

Сезон охоты на меч-рыбу продолжается с марта до июля. В это время гурманы посещают Реджио. Средний вес хорошей рыбы составляет около ста двенадцати фунтов, но иногда попадается и настоящий монстр. В каждом судне имеется команда из пяти рыбаков. Охота на меч-рыбу — дело выгодное, но и опасное. Раненая меч-рыба с верхней челюстью, вытянутой в мечевидный отросток, — опасный соперник. Если гарпунщик оплошает, рыба может сбросить его за борт.

Я никогда не ел меч-рыбу в других районах Италии. На нее столь большой спрос, что поедают ее в тех же местах, где и ловят, и только небольшое количество консервируют в тузлуке или в оливковом масле. Рыба дорогая, но люди готовы платить за удовольствие. На латыни ее название звучит как «ксиф гладий», на итальянском — «пеше спада», а на испанском — «пес эспада». Меч-рыбу ловят и возле берегов Испании, и везде она высоко ценится.

Лучший способ приготовления пеше спада придуман в Сицилии. Необходимо приготовить следующую смесь:

четверть чашки оливкового масла, сок двух лимонов, чайная чашка нарубленной мяты, чайная ложка орегано; соль и Перец по вкусу. Все тщательно перемешайте. Прежде чем положить кусок рыбы под гриль, намажьте ее как следует этой смесью и во время приготовления тоже смазывайте. На готовку уйдет семь минут. Рыбу следует держать на расстоянии четырех дюймов от пламени. Если кусок около дюйма толщиной, нет необходимости его переворачивать.

Чтобы отведать такое блюдо, надо по меньшей мере иметь саму рыбу! Если же меч-рыбу вы не добыли, можете по указанному рецепту приготовить смесь, только не с мятой, а с зубком раздробленного чеснока и нарубленной петрушки. Обжарьте с этой смесью четверть цыпленка. Точно так же смажьте его перед приготовлением и во время готовки. Это самый лучший способ приготовления птицы. Когда будете ставить на стол, вылейте на цыпленка остальную смесь. И за дело!

5

Жить в итальянском городе, история которого уходит в дохристианские времена, но при этом не видеть ни одного здания старше 1908 года — необычайное приключение. В Реджио осталось единственное здание, пережившее землетрясения, — арагонский замок возле собора. Его следует посетить хотя бы для того, чтобы увидеть великолепную панораму. Новый город прямоугольный, как Нью-Йорк, и, хотя дома в нем самые обычные, вид прекрасен. Город смотрит на Сицилию на другом берегу залива. Хотелось как-нибудь приехать в это хорошее и спокойное место и пожить здесь подольше. И люди в Реджио дружелюбны и очаровательны. Я не мог забыть, что почти все, разменявшие седьмой десяток, возможно, пережили землетрясение 1908 года. Город был совершенно разрушен, снесли даже здания, в которых еще можно было жить. Из населения в тридцать тысяч человек около пяти тысяч погибли.

Когда Норман Дуглас писал «Старую Калабрию», он видел Реджио вскоре после трагедии. Люди жили в деревянных лачугах и старых железнодорожных вагонах, а архитекторы планировали нынешний город. Дуглас слышал много страшных историй, однако в его книге имеется и единственный комический эпизод. Трое его друзей жили тогда в Реджио. «После первого толчка они все вместе в панике кинулись в одну комнату. Пол обвалился, и они неожиданно оказались в собственном автомобиле, который, по счастливой случайности, стоял ровно под ними. Друзьям удалось убраться живыми и здоровыми, если не считать нескольких царапин и синяков».

План нового города был составлен тщательно и умело. С одной стороны здесь находится красивый песчаный пляж; вдоль моря идет чудесный променад, обсаженный пальмами и кустарником, а за ним тянутся прямые улицы, как и все итальянские магистрали, они заполнены транспортом. Только вечером здесь становится пусто. В это время Корсо Гарибальди превращается в место для прогулок — *passeggiata*. Собор, стоящий над высоким лестничным маршем, был заботливо перестроен. Ничто не напоминает о землетрясении 1908 года, за исключением внешних стен, на которых начертана латинская цитата, поразившая Джорджа Гиссинга — «*circumlegentes devenimus Rhegium*». Она из Деяний святых апостолов (28:13). «Оттуда приплывши (из Сиракуз) взяли компас и прибыли в Ригию».^[64] Остальная часть стиха — ссылка на путешествие святого Павла в Рим: «И как через день подул южный Ветер, прибыли на второй день в Путеол». Слова «взяли компас» озадачила некоторых комментаторов, однако «компас» попросту значит «шкот». После того как святой Лавел провел день в Ригии, подул южный ветер, и они за один день покрыли расстояние в сто восемьдесят миль. Возле собора стоит статуя апостола вместе со скульптурой святого Стефана, бывшего здесь первым епископом. Внутри церковь большая и внушительная. Мне показалась трогательной забота, с которой горожане относятся к древним мемориалам и

надписям, найденным на руинах прежних зданий. Их вновь установили, хотя во время землетрясения они потрескались.

На воспоминания о чужом городе накладывается впечатление от комфорта или, напротив, дискомфорта, которые там испытал. Мой отель, который только что открылся, оказался одним из лучших в Италии. И в самом деле, не могу припомнить в Риме или Италии ни одного отеля, который бы его превосходил. Он был оборудован кондиционерами, и штат работал отлично, с тем любезным итальянским дружелюбием, которое в последнее время исчезло с туристских маршрутов. Безупречная итальянская кухня. Такие отели сейчас строят по всему Югу. Настанет день, и неудобства путешественников, еще тридцать лет назад ютившихся в убогих гостиницах, будут забыты.

Среди воспоминаний, которыми буду дорожить, вечера в Реджио, когда я сидел на своем балконе и смотрел, как зажигаются огни на Сицилии. Иногда начинал дуть слабый южный ветер, тот самый, что так быстро перенес святого Павла в ПUTEОЛЫ. Вместе с ветром до меня доносился пряный запах травы, фенхеля, жасмина, розмарина. В маленьких прибрежных городах и деревнях зажигались огни, а когда наступала ночь, вдалеке видно было красное свечение Этны.

6

У Реджио имеются две уникальные особенности — фата-моргана и бергамот. Фата-моргана — это мираж необычайной красоты. Он появляется в определенные моменты в Мессинском проливе. Хотя это случается довольно часто, я никогда не встречал человека, который бы его видел. Разумеется, это случайно. Тысячи человек, должно быть, видели это явление. Видение возникает над водой и кажется совершенно реальным — тут есть и башни, и замки, и дороги, и горы. Кажется, сделаешь шаг и попадешь в волшебное царство.

Не менее любопытно, чем оптический обман, название этого явления, взятое у норманнов. «Фата» по-итальянски значит «фея», а фея Моргана была не кем иным, как довольно неуправляемой сестрой короля Артура, Морганой ле Фэй. Увидев изображение короля Артура в соборе Отранто, я уже не слишком удивился, повстречав Моргану ле Фэй в Мессинском проливе. Есть рассказ, что Роджер Отвиль как-то раз стоял у залива. Ему хотелось, чтобы у него был флот, с которым он мог бы покорить Сицилию. Неожиданно из подводного дворца поднялась Моргана ле Фэй и создала перед королем мираж. Фея пригласила его войти, но Роджер не потерял своего норманнского здравомыслия и отказался войти. Сказал, что обойдется без черной магии и победит Сицилию своей сильной правой рукой.

Бергамот столь же романтичен, сколь и фата-моргана. Никто не знает, откуда он здесь появился и почему не растет нигде в мире, а только в районе Реджио-Калабрия. Он похож на маленький желтый апельсин, и у него горький вкус. Из-под его кожицы выделяют масло, которое высоко ценят изготовители духов. Мне говорили, что ни одни дорогие духи без него не обходятся. Бергамот растет повсюду, иногда это — большие плантации, иногда десяток деревьев в саду. Тысяча деревьев бергамота может обеспечить годовой доход в миллион лир. Профессор, изучающий все, что связано с духами, рассказал мне, что Реджио каждый год экспортирует двести тонн бергамотового масла. Он показал мне бергамот, выглядевший как один из маленьких незрелых апельсинов, размером в мячик для гольфа. Плоды падают с деревьев во время засухи. Запах у него сильный, мускусный, напоминает масло цитронеллы, которое не так давно использовали против москитов.

Профессор сказал, что арабы привезли «севильский» апельсин в Испанию и использовали масло из-под его кожицы в медицинских целях и для духов. Они также создали знаменитое эфирное масло Нероли, выделив его из цветов апельсина, которое используется и по сей день, а вот

летучего бергамота у них не было. Я спросил, почему из бергамота получается такое отличное масло. Вместо ответа он дал мне понюхать маленькие флаконы, содержащие масло роз, фиалок, лимона, лаванды и десятки других, пока мое обоняние окончательно не притупилось и не смогло ничего определять. И когда он подал мне масло бергамота, я так и не признал его превосходства. На самом деле я предпочитал запах роз!

Странно то, что бергамот появился всего два столетия назад, причем попытки вырастить его в других местах провалились. Генри Суинберн, кажется, первым из англичан обратил на него внимание, когда в 1772-1780 годах путешествовал по Италии. Он написал: «Жители Реджио осуществляют прибыльную торговлю с французами и генуэзцами, предлагая им эссенции из цитрона, апельсина и бергамота. Чтобы получить этот спирт, они широким ножом снимают с плода кожицу и сжимают ее деревянными щипцами над губкой. Из намокшей губки выжимают в сосуд летучую эссенцию». Норман Дуглас сказал своему другу Ориоли, что масло бергамота впервые было приготовлено в Реджио, и секрет производства известен единственной семье, сделавшей на этом огромное состояние.

— Первым порождением бергамота, — сказал профессор, — был одеколон, изобретение итальянца.

Изобретателем был Джованни Фарина, родившийся в 1685 году и обосновавшийся в Кельне в 1709-м, хотя первый рецепт принадлежал дяде Фарины, Паоло де Феминису. Он уехал из Милана и поселился в Кельне в конце XVII века. Секрет одеколona хранился в семье и переходил от отца к сыну. Это был любимый запах Наполеона. Я читал, что он едва ли в нем не купался.

Еще одним приятным занятием в Реджио является производство жасминового масла. Сорок процентов мирового производства масла приходится на этот уголок Италии.

Четыре музея к югу от Неаполя просто необходимо увидеть всем тем, кто интересуется Великой Грецией. Они находятся в Пестуме, Бари, Таранто и Реджио-ди-Калабрия. В каждом свои собственные сокровища: в Пестуме — реликвии святилищ Геры; в Бари — греческие вазы; в Таранто — восхитительные танагрские статуэтки; а в Реджио можно полностью проследить археологические находки Южной Италии начиная от неолита. Особое внимание уделяется, насколько я заметил, изысканным терракотовым приношениям (экс-вото) из Аокров.

Музей помещается в большом современном здании на Корсо Гарибальди. Экспозиция представлена на трех этажах. Здесь впервые сталкиваешься с настоящей античностью Реджио, по-старому — Реджионы или Регия. Здесь, и только здесь, можно увидеть реликвии греческой колонии, основанной в 715 году по совету Дельфийского оракула.

В Дельфах оракул вещал голосом Аполлона (в это верили многие столетия). Часто это бывала пожилая женщина-медиум, неграмотная крестьянка, одетая как молодая девушка (в древние времена, по утверждению Диодора, пифия была девственницей). Когда греки хотели основать за морем колонию, то посылали депутацию к оракулу. Как и многие другие города греческого мира, Регий был местом, где жила пифия.

Откуда у Дельфийского оракула было столь глубокое знание географии? Эмигрантов из Колхиды он посылал в Регий, группу ахейцев — в Метапонт, другую делегацию направил в Кирену в Северной Африке, а некоторых переселенцев — в разные места в Сицилии. Бывали и неудачи, о них имеется одно или два свидетельства. Когда разочарованные переселенцы возвращались в Дельфы, им сообщали новые адреса, после чего все складывалось удачно. Если обобщить, Дельфийский оракул был в эллинском мире чем-то вроде колониального штаба и основателем некоторых самых знаменитых городов античности. Известно, что одно из имен Аполлона — «Великий основатель».

Похоже, у Дельфийского оракула была какая-то тайна. Его имя живет и по сей день, в то время как остальные оракулы забыты. Самый знаменитый рассказ — это история Креза, царя Лидии, который решил испытать шестерых самых знаменитых оракулов, включая, конечно же, и дельфийскую пифию. Крез послал своих гонцов даже к оракулу Юпитера Амона в оазис Сива. Приказал всем в определенный час сотого дня после их отъезда из Сард спросить у разных оракулов, что Крез делает в данный момент. Никому не сказав, он придумал занятие, которое никому не пришло бы в голову. В назначенный час он собственными руками разрубил черепаху и варил ее вместе с ягненком в медном сосуде с медной крышкой.

Гонцы вернулись в Сарды с письменными ответами оракулов. Правильно ответил лишь Дельфийский оракул. Еще прежде того, как лидийцы вошли в святилище, пифия ответила на вопрос следующими стихами:

Числю морские песчинки и ведаю моря просторы,
Внятны глухого язык и слышны мне речи немого.
В грудь мою запах проник облаченной в доспехах
черепахи,
В медном варимой котле меж кусками бараньего
мяса.
Медь распростерта под ней и медною ризой
покрыта.^[65]

Крез пришел в восторг и послал в Дельфы великолепные дары, которые видел еще Геродот. Рассказ кажется правдивым, потому что, поверив во всезнание пифии, Крез задал актуальный вопрос: посоветует ли она начать войну с Персией? Пифия ответила, что если он сделает это, то уничтожит могущественное царство. Двусмысленность оракула заманила Креза в ловушку. Ему не пришло в голову, что разрушится именно его царство.

Обсуждая любопытную историю испытания оракулов, Т. Демпси в работе «Дельфийский оракул» спрашивает: «А

если так все и было, откуда пифия все узнала? Она не могла добыть это знание никакими физическими средствами. В то время не было ни беспроводного телеграфа, ни телефона. Как же мы должны объяснить это? Утверждать что-то с какой-либо долей определенности мы не можем. Вероятно, это могут объяснить законы телепатии, особенно если вспомнить, что при необычных психических условиях люди демонстрировали воистину необычное знание. Эти ненормальные психические условия в случае с пифией, возможно, были вызваны ее приготовлениями к гаданию. Голодание, питье из священного источника, пережевывание лавровых листьев — все перечисленное, вместе с сильной верой в реальность озарения, могло вызвать в простодушной необразованной душе — особенно женской — столь необычное состояние. Здесь мог возникнуть даже физический феномен транса и возбуждения, которые мы связываем с дельфийской жрицей».

Дело было не только в высокоразвитых способностях медиума: у жрецов имелась лучшая служба разведки. Жрецы Аполлона знали, должно быть, секреты дворов в разных странах, поэтому не слишком фантастично будет предположить, что их картотека так и не была улучшена. И если задаться вопросом, почему жрецы Аполлона были заинтересованы в основании колоний, то ответ будет таким: каждая группа поселенцев, уезжавшая за море с божьим благословением, прибывая на место, первым делом ставила алтарь. Так культ Аполлона распространился по всему эллинскому миру. И еще, хотя сам я не думаю, что это обязательно, существовал обычай: когда новый город начинал процветать, то в благодарность он посылал в Дельфы золото. Следовательно, колонизация приносила сказочные доходы.

Я смотрел в стеклянные витрины прекрасного музея Реджио и видел керамику и бронзу — дело рук горожан Регия и других соседних поселений, живших здесь за несколько столетий до новой эры. Чувствуется связь поколений, особенно это заметно в любви древних жителей к животным. Я обратил внимание на красивую маленькую

скульптуру, которую сегодня мы назвали бы «Добрым пастырем». Она представляет собой человека с ягненком, которого пастушок несет на плечах. А ведь животное он несет в храм для жертвоприношения. Вместе с христианством в мир пришло сочувствие, и ягненка на плечах пастуха мы воспринимаем не как жертвоприношение, а как символ: живое существо пострадало, возможно, оно ранено, и ему требуется помощь.

Среди музейных сокровищ мраморные статуи двух всадников — Диоскуров — примерно в половину естественного размера. Когда-то они украшали замок или замки в Локрах. Один из всадников галопом перескакивает через сфинкса; другой — через фигуру, наполовину мужскую, наполовину рыбью. Вероятно, это Посейдон, а это значит, что два брата пришли в Локры по морю. Я был немного удивлен, когда прочел в недавно опубликованной научной работе, что фраза «греки скакали на лошади без седла и уздечки» — странная описка. Хотя седел у них и в самом деле не было, судя по изображениям, даже на ранних вазах видно, что всадники пользуются уздечкой, а упряжь у колесницы столь замысловата и выгнутые лошадиные шеи так выписаны, что невольно задумаешься, не использовали ли греки также и подгубный ремень?

Диоскуры изображены в момент спешивания. Они соскальзывают с лошадей на землю. Мы видим таких наездников в цирке: они спрыгивают с коней, пробегают вперед и вскакивают на круп скачущей впереди лошади. Статуи, должно быть, выглядели впечатляюще, когда, ярко окрашенные, стояли на храме. Одержимость жителей Локров Кастором и Поллуксом имеет свою историю. В 550 году до нашей эры городу стал угрожать драчливый сосед, Кротон. Локры могли выставить на бранное поле только десять тысяч человек, в то время как армия Кротона насчитывала сто тысяч. Что было делать Локрам? Очевидно, проконсультироваться у оракулов. В Спарту направили делегацию — просить помощи, но спартанцы не хотели вмешиваться в заморскую войну, а потому посоветовали жителям Локров обратиться к Диоскурам. Делегация

принесла жертвоприношения храму Кастора и Поллукса в Спарте. Послов заверили, что братья-близнецы на их стороне и будут сражаться в их рядах. Локрийцы страшно обрадовались, установили на одной из своих галер великолепную храмовую каюту для Кастора и Поллукса и поплыли домой со своими невидимыми пассажирами. Когда в Локрах стало известно, что посланцы привезли с собой небесных близнецов, боевой дух города сильно возрос, и можно представить, что за всеми незнакомыми всадниками, появившимися в окрестности, внимательно наблюдали.

Тем не менее жители Кротона тоже не дремали. Город направил посольство в Дельфы — спросить Аполлона, как выиграть войну. Пифия ответила, что победу принесет не оружие, а богоугодный поступок. Послы поняли намек и быстро предложили Аполлону десятую часть добычи. Чудесным образом локрийцы услышали о сделке и тайно направили своих людей в Дельфы. Они предложили более выгодную сделку — девятую часть добычи, которую возьмут в более крупном и богатом городе. Аполлон тут же перешел на их сторону.

Итак, с мощной небесной поддержкой Локры уверенно повели свою маленькую, но отлично подготовленную армию на бой с огромным, но плохо обученным войском Кротона. Выбрав место для сражения на берегу Сагры, десять тысяч локрийцев победили стотысячную армию Кротона. Не стоит и добавлять, что в пылу сражения появились два чудных воина в красных плащах и спартанских головных уборах. Они сидели на белых конях и боролись на стороне локров. В результате об этой битве говорили во всем греческом мире. Новость о победе чудесным образом донеслась в тот же день до греков, собравшихся в Олимпии, и словосочетание «битва при Сагре» вошло в поговорку. Она означает: произошло то, что ни по каким раскладам не могло случиться.

В то время везде присутствовал цвет — на храмах, домах, статуях. Огромное разнообразие терракотовых украшений, выставленных в музее, сохранило слабые намеки на красную, голубую и зеленую краску. Самыми

красивыми показались мне экс-вото размером около десяти квадратных дюймов. Они сделаны как храмовые приношения. В каждом таком экс-вото проделано два отверстия, сквозь которые его подвешивали к стенам святилища. Должно быть, экс-вото были созданы лучшими художниками, хотя матрицы, по которым их изготовили, так и не найдены. Каждая сцена представляет невысокий рельеф. К примеру, одна из них изображает Персефону и Аида. Боги сидят на скамье с высокой спинкой с приношениями в руках. Многие экс-вото представляют богов и богинь. Я запомнил очаровательную сценку, на которой девушка склонилась над нарядным ящиком. Похоже, это сундук с приданым. Девушка кладет в него аккуратно сложенное платье. На стене за ее спиной висят на гвоздях две вазы, бронзовое зеркало и корзина. Мы заглядываем в интимное чужое пространство, но ведь это — один из домов Великой Греции, и дело происходит за четыреста лет до новой эры.

8

В Реджио занимаются неожиданным делом — экспортируют корень верескового дерева для курительных трубок, да и сами их изготавливают. Этот промысел в конце XIX века начал британский вице-консул Керрик. На него произвели впечатление гигантские корни вереска, произраставшего в местных горах в огромном количестве. Он их распиливал на блоки и экспортировал в Англию, Францию и Соединенные Штаты.

Меня пригласили на фабрику, изготавливающую курительные трубки. Она находится в нескольких милях от Реджио, возле побережья. Рыбаки, охотящиеся на меч-рыбу, вытаскивают туда свои лодки. Я увидел странного человека. Его легко можно было представить сбежавшим с греческой вазы. Он плыл в лодке, в левой руке держал ведро со стеклянным дном и сквозь него разглядывал глубины, а в его правой руке был трезубец. Время от времени он опускал

трезубец в воду, но безрезультатно, пока не подплыл к скалам. Там его поджидала удача: на вилке трезубца забился осьминог. Я не без сожаления оставил «Посейдона» и отправился на фабрику.

Вошел, и мне показалось, что я в XIX веке, вместе с Керриком, впервые распилившим корень верескового дерева. На маленькой фабрике увидел болтающиеся ремни, ничем не защищенные пилы. Если бы это увидел английский инспектор по охране труда, ему наверняка стало бы дурно, однако у всех работников было правильное количество пальцев, да и сами они пребывали в отличном настроении. На нижнем этаже стояли мешки, набитые огромными корнями. Их нашли крестьяне Аспромонте. Восемь мужчин распиливали их на аккуратные блоки размером около пяти квадратных дюймов и откладывали в сторону лучшие экземпляры, предназначенные для экспорта в Англию.

Изготовление трубки показалось мне быстрым и простым процессом. Деревянный блок на несколько мгновений закладывали в машину и вынимали трубку, с чашеобразной частью и черенком. Несколько минут — и сорок — пятьдесят таких изделий собирались на деревянном подносе. Поднос приносили на верхний этаж. Там несколько молодых девушек прилаживали к черенку эбонитовый мундштук, полировали чашки и красили трубки.

Мне сделали щедрый подарок — десять трубок разных форм. В следующие несколько дней я понял, как трудно подарить кому-нибудь трубку. Я торжественно вытаскивал ее, но каждый раз мне говорили: «Я не курю».

Трубка — дело интимное. Мужчина предпочитает выбирать ее сам. Большинство курильщиков страдают, когда трубки им выбирают любимые женщины. Наконец, я оставил себе две трубки в качестве сувениров, остальные положил в шкаф, надеясь, что когда-то они обретут хозяина.

Как-то раз, гуляя по Корсо Гарибальди, я вспомнил, что Крауфорд Тейт Рэмидж восторгался медом Калабрии, когда в 1828 году побывал в окрестностях Реджио. Я пошел в бакалейный магазин и купил себе баночку, думая, что это будет приятной альтернативой неизменному абрикосовому

джему. Мед и в самом деле оказался отменным. Чудилось, будто я различаю пряный запах трав и прекрасных цветов Аспромонте, воплощенный в сладость и сохранивший тем не менее прежнюю красоту. Как-то утром я рассмотрел баночку и увидел на этикетке, что мед пришел из Милана. Как типично для хозяйственной Южной Италии: им показалось проще и дешевле иметь дело с надежной миланской фирмой, чем с капризным пчеловодом, живущим в родных горах.

Глава десятая. У Ионического моря

Жасминовое побережье. — Марина и лидо. — Локры. — Джераче. — Норманнский собор. — Город Кассиодора. — Катанцаро. — Кротон и одинокая колонна. — Возвращение в Сибарис.

1

Автострада, в компании с неотлучным спутником — железной дорогой, бежит от Реджио вдоль моря, огибая «кончик итальянского сапога», к восточному побережью Таранто. Шоссе почти везде хорошее, только железная дорога, словно соринка в глазу, мешает городам, желающим устроить здесь лидо. Несмотря на отличную работу дорожников на юге Италии в последние пятнадцать-двадцать лет, в Аспромонте есть места, такие как Сила, к которым невозможно добраться, кроме как по ослиным тропам или на вертолете. До сих пор есть горные деревни, в которых никогда не видели автомобиля.

Южные итальянцы любят выбирать для своих побережий романтические имена. К востоку от Реджио тянется Жасминовое побережье, потом, к северу, вдоль Ионического моря, оно меняет свое имя на Сарацинское побережье. Оба названия удачно выбраны. Запах жасмина из садов и плантаций преследовал меня до Локров и далее, йотом по пути стали попадаться смуглые рыбаки и горцы с темными волосами и черными глазами, так похожими на мое представление о сарацинах. Это — уединенная местность. Только вблизи маленьких городов можно встретить другой автомобиль. Многие мили пустынных пляжей — да плавные холмы Аспромонте, поднимающиеся террасами к высоким горам Апеннин.

Самый южный город в Италии — маленький рыболовецкий порт Мелито-ди-Порто-Сальво. Он знаменит тем, что во время Рисорджименто сюда из Сицилии дважды приплывал Гарибальди. Единственная дорога через Аспромонте идет из этого города на север; с каждой ее стороны, по дикой горной местности, пролегли тропы, ведущие к деревням с греческими названиями. Жители говорят на диалекте, который, как полагает часть ученых, является наследием последнего века Византии, другие же думают, что это — речь греков, бежавших из Морэ в турецкие времена. Пастухи и горцы, говорящие на своем странном диалекте, держатся особняком, так же как албанцы, хотя мне кажется, к итальянцам они настроены не так враждебно. По крайней мере, я ни разу не слышал, чтобы они говорили о них так, как высказываются об албанцах: «Если встретите волка и албанца, сначала стреляйте в албанца!»

Когда я приехал в Мелито, о Гарибальди там временно забыли: всех волновала ведьма. Я всегда думал, что ведьмы — это старые женщины, и удивился, когда узнал, что речь идет о девятилетней девочке по имени Николина. Как только ребенок пришел в гости к родственникам — к тете и Дяде, — в доме начался кавардак. Перевернулись столы и стулья, по комнатам летали горшки, бочонок с зерном, такой тяжелый, что его не сдвинул бы и взрослый мужчина, взвился в воздух. Хуже того, куры перестали нестись, а кролики в клетках поубивали друг друга. Священник пытался изгнать полтергейст, однако у него ничего не вышло. Жители деревни вызвали колдуна из горной деревни. Он был специалистом по оборотням и черной магии. Колдун закрыл дом и, обратившись к злему духу, приказал ему удалиться. Его усилия пропали даром. Жители с вилами гонялись по полю за бедным ребенком. Я спросил, не могу ли я увидеть девочку. Однако она возвратилась домой, и мир в Мелито немедленно восстановился, жизнь вернулась в нормальное русло.

Приехав в деревню Бова, вспомнил, как Эдвард Лир расхваливал горный мед Калабрии. Уж не этот ли

волшебный мед он описал в своем стишке?

Кот и Сова, Молодая вдова,
Отправились по морю в шлюпке,
Взяв меду в дорогу
И денег немного,
Чтоб за морем делать покупки... [\[66\]](#)

Поддавшись невольному порыву, я тут же пошел в деревенский магазин и спросил меду, но у них его не было. Один молодой человек сказал, что может мне его достать. Любезные итальянцы всегда готовы прийти на помощь, иногда даже делают крюк в несколько миль. Толкая велосипед, юноша повел меня за собой вверх по горным улицам, пока мы не пришли к каменному дому. Поднялись по ступеням. В темной комнате, загроможденной мебелью, меня усадили за стол напротив старой дамы. Она не поняла ни слова из того, что я сказал. Молодой человек объяснил, что иностранец хочет меду. Старая дама вызвала двух пожилых женщин, возможно, дочерей или внучек. Они стали слушать, а юноша вновь объяснил цель нашей миссии. «У них есть мед», — сказал он мне. Однако, вместо того чтобы принести его, они стали задавать бесчисленные вопросы, глядя на меня с любопытством и сочувствием. Не в силах ничего понять, я почувствовал, что они, должно быть, сочли меня сумасшедшим. Наконец одна из женщин вышла из комнаты, вернулась с жестяной банкой объемом в галлон и предложила ее принять. Я попросил молодого человека объяснить, что мне достаточно несколько ложек. Это было самым неудачным моим высказыванием. Теперь они точно уверились, что я безумен. Началось обсуждение, оно длилось и длилось, и все, что я мог делать, — это молча сидеть, думая, что Эдвард Лир, ответственный за ситуацию, очень бы, наверное, повеселился. Наконец обсуждение закончилось, и женщины смотрели на меня с сочувствием, с каким обычно разглядывают ребенка-идиота. Потом одна из них вышла из комнаты и вернулась с маленькой стеклянной

баночкой, наполнила ее медом и подала мне с доброй улыбкой. Я поблагодарил женщин, отчетливо читая их мысли: «бедный малый». Спотыкаясь, вышел по темным ступеням, прижимая к себе баночку. Повернулся, чтобы поблагодарить своего попутчика, и увидел, что он уже на велосипеде спустился до половины склона. Я оглянулся на дом и увидел, как шевелятся занавески. Подумал, что рассказ об иностранце из далекой страны, приехавшем в Бову ради ложки меда, перерастет в сагу. Так, наверное, и рождается большинство легенд.

Мед был отличным, но не слаще того, что я пробовал в Калабрии. Это укрепило меня в убеждении, что Лир, как всегда, преувеличивал.

2

Красивые заросли жасмина на многие мили наполнили воздух своим ароматом. Этот невысокий кустарник занимает иногда целые плантации, иногда перемежаясь с бергамотом. Сухие речные русла сбегает с холмов к морю; то тут, то там сверкает на солнце пруд, где, стоя на коленях, женщины стирают белье. Однажды, когда я остановился посмотреть на большие валуны, обточенные и отполированные зимними ручьями, я увидел черную змею. Она свернулась в тени и так слилась с пейзажем, что, если бы не зашевелилась, я бы ее и не заметил.

Спустя несколько миль я увидел ряд маленьких марин (бухт), следовавших одна за другой. Они носили названия городов или деревень, находившихся поблизости. Здесь была Марина-Бова, Марина-Палицци (Палицци — деревня с населением около четырех тысяч жителей в нескольких милях отсюда), Марина-ди-Бранкалеоне (родительская деревня размещена в соседних горах), затем Марина-Ардоре (Ардоре — небольшой город, стоящий в оливковых рощах и фруктовых садах) и так далее на всем пути к Ионическому побережью. Некоторые из марин хорошо обустроены: там есть купальни, по песку к морю проложены дорожки; другие

представляют собой лишь несколько навесов да полдюжины пляжных зонтов. Странный контраст: старая горная деревня, где по крутым улицам мулы таскают на себе тяжелые корзины, а всего в нескольких милях оттуда ярко окрашенная марина, тезка деревни. На берегу молодежь в купальных костюмах возится с моторными лодками или слушает модную музыку. Это характерно для побережья Калабрии: оно выскочило из Средневековья в мир телевидения и лидо. Фата Моргана больше не висит в воздухе, здесь стоят дорогие машины, припаркованные возле современного отеля, а живут в нем миллионеры. Поговорив со многими жителями Калабрии, я еще раз убедился, что они предпочитают работу в области туризма, а не на промышленном предприятии.

Я приехал на главную улицу Локров. Город специализируется в изготовлении матрасов, битума и садовых украшений — раскрашенных гномов и других сказочных персонажей, — они выставлены на придорожных прилавках. Молодой человек, мывший «Веспу», сказал мне, что я проскочил руины древних Локров примерно на милю, и предложил вернуться вместе со мной. Звали его Лимитри, что на местном диалекте означало Деметрио. Мы подъехали к некогда мощным Локрам по незаметному переулку. Я спросил своего попутчика, популярны ли в Локрах греческие имена. Он сказал, что у него есть друг по имени Диониги (Дионисий), а другого приятеля зовут Ахилл. Мне показалось интересным, что старые боги и герои, отвергнутые церковью, тем не менее подарили свои имена молодым людям на мотороллерах.

Мы подъехали к руинам Локров. Развалины утопали в оливковой роще; неумолчно трещали цикады. Необученный взгляд не заметил бы здесь ничего, кроме мощных блоков серого камня, с пробивавшейся между ними травой. Под оливковым деревом, возле камня, составлявшего некогда часть храмового фундамента, спала огромная черная свинья.словно разбуженный Бахус, она глянула на нас налитыми кровью глазами, сердито хрюкнула и снова уснула.

Лимитри сказал, что крепостные стены Локров были обследованы на расстоянии около пяти миль, и, хотя не все было раскрыто, раскопки остановились из-за спора о земле. Я был рад, что увидел место, где произошло так много событий. Город был построен на плоской земле, из которой поднимались три холма. Холмы укрепили. Ливии и Другие историки называли их цитаделью.

Мы шли по грубой земле через оливковые рощи, и я старался в своем воображении представить Локры, но у меня ничего не получилось, хотя я видел статуи Кастора и Поллукса и изысканные посвятельные таблички в музее Реджио. И все же именно здесь армия из десяти тысяч воинов, убежденная в том, что боги на ее стороне, вышла и победила стотысячное войско Кротона. Как быстро природа может уничтожить работу человека! Я знал улицу в лондонском Сити. В прошлую войну она была разрушена воздушными бомбардировками. Часто ходил той дорогой, прежде чем Сити был перестроен. Останавливался и заглядывал в подвалы. Только они и остались от той улицы, но подвалы, казалось, больше не имели отношения к месту, которое я когда-то так хорошо знал. Какая-нибудь бутылка, или велосипедное колесо среди кипрея, или старая шляпа, валяющаяся на ступенях подвала, пробуждали воспоминания о лучших временах. Если бы это была античная греческая бутылка или римская шляпа, то они заняли бы почетное место в музее. Вот из такого мусора, из таких подвалов, из-под обломков фундамента пытаются извлечь и воссоздать блеск утерянной цивилизации.

Есть одна любопытная история относительно зарождения Локров. Ее рассказал Полибий, который хорошо знал город. Локры основали рабы из Греции, бежавшие вместе с любовницами, в то время как их хозяева были на войне. В подтверждение этой теории историк заявляет, что аристократия Локров произошла от матерей, а не от отцов. Мы с Лимитри вышли к оврагу с внешней стороны городской стены. В нем были обнаружены руины знаменитого храма Персефоны. Кажется, там держали золото. Эту сокровищницу охраняли не стальные прутья, а страх и

преклонение перед богиней. От храма, кроме ямы в земле, ничего не осталось, поскольку все камни унесли местные фермеры.

Прежде чем Локры вступили в войну с Кротонем, было предложено передвинуть храм Персефоны, спрятать его за городскими стенами, но посреди ночи в святилище раздался голос, запретивший делать это. Голос возвестил, что богиня сама защитит свой алтарь. И она оказалась надежным охранником. Ее сокровищница не была разграблена вплоть до Первой пунической войны. Когда флот Карфагена вышел в море со священным золотом, Персефона немедленно сообщила об этом Посейдону, и в результате произошло кораблекрушение, а сокровище вернулось на место.

Следующее ограбление произошло во время Второй пунической войны, когда большинство городов Великой Греции перешло на сторону противника. После битвы при Каннах многим казалось, что Ганнибал должен одержать победу, и прокарфегенские силы, желающие оказаться рядом с сильной стороной, заявили о себе в большинстве южных греческих городов. Когда же римский гарнизон вернулся в Локры, командующий позволил своим солдатам учинить страшные разборки, включая и ограбление храмового золота в качестве наказания жителей за измену Риму. Тогда локрийцы направили в Рим своих послов. По греческой покаянной традиции, пишет Ливии, они явились в лохмотьях, с оливковыми ветвями, и со слезами распростерлись на земле перед консулами, униженно прося разрешения обратиться к Сенату. Они подробно описали все проступки римского командира и вызвали такое возмущение, что в Локры приехала дознавательная комиссия. Один сенатор так возмутился святотатством по отношению к храму Персефоны, что заявил: золото вернуть в сокровищницу в двойном размере. Большая часть золота, если не все, было найдено и возвращено богине. Римского командира заковали в цепи и отправили в Рим. Там он и умер в городской тюрьме. Последующая история Локров повествует об упадке. Город дотянул до византийских времен, возможно, сарацины и малярия

положили ему конец, и немногочисленные оставшиеся в живых локрийцы бежали и основали город Джераче.

В качестве руин Локры выглядят, как на рисунках Пиранези, — в традициях XVIII века. Между старинных камней выросли деревья и кусты. Природа расстелила ковер из травы и цветов на местах, где люди некогда молились бессмертным богам, спорили и совершали торговые сделки. Пройдя через оливковую рощу и отверстие в ограде, я увидел маленький фермерский дом, почти лачугу. Возле домика лежала огромная нетронутая амфора. Возможно, в ней когда-то держали оливковое масло или зерно. Она была такой большой, что в ней вполне могли бы спрятаться несколько людей Али-Бабы. Амфора казалась мне памятником, установленным в честь капризных сил выживания.

Я расстался с любезным попутчиком. У Лимитри была назначена деловая встреча, а я продолжил путь по главной дороге вдоль моря, размышляя о том, с какими трудностями, должно быть, столкнулся Рэмидж, когда в 1828 году приехал в Локры. Он перебрался через перевал, который по-прежнему называется Иль Пасо дель Мерканте «Переход купцов», в сопровождении четырех вооруженных охранников, поскольку в этих местах орудовали бандиты. Рэмидж ехал на пони. «Что до меня, — писал он, — моим собственным оружием, если только можно назвать его оружием, был потрепанный зонт, который, боюсь, итальянские бандиты не сочли бы очень грозным. Однако, если бы мы встретились, я намерен был размахивать им таким же манером, каким мы пугаем скот. Поскольку здесь с таким предметом незнакомы, то они, возможно, приняли бы его за смертельное оружие, и пустились бы наутек».

Бандитов, к счастью, они не встретили.

Город Джераче находится на расстоянии пяти миль от Локров. Горная дорога изобилует крутыми поворотами, но, к счастью, транспорта почти нет. От Локров до Джераче с большими интервалами ходит автобус, а далее он следует до Джойя Тауро на Тирренском побережье. Это один из

самых живописных маршрутов в Калабрии. В прошлом веке в этих краях одинокий путешественник непременно оказывался англичанином. Мне грустно, что сейчас это немец. Я встретил молодого человека на пустынном и диком горном участке. У юноши за плечами висел огромный рюкзак. Я остановился и предложил его подвезти. Молодой человек поблагодарил и отказался: он держал путь в деревню в стороне от дороги. Его английский был столь же примитивен, как и мой немецкий, поэтому я не смог спросить, что забросило его в такие места — энтузиазм, научные исследования или спорт.

Змеи были на редкость активны, а может, виной тому время дня, когда им непременно надо перейти на другую сторону дороги. Как и ящерицы Гаргано, они дожидались последнего момента. Надеюсь, что в основном им удавалось переползти дорогу в целости и сохранности. Змеи были не маленькими, я прикинул, что длина этих черных рептилий достигала по меньшей мере трех футов в длину.

Джераче стоит на высоте 1500 футов над уровнем моря и занимает территорию, о которой итальянцы скажут — «*pozizione panoramica stupenda*».^[67] Место и в самом деле фантастическое. В ряду выживших старинных поселений Джераче — один из самых удивительных городов региона. Я думаю, что находишься он в Северной или Центральной Италии, то был бы знаменит не менее Сан-Джиминьяно. Основали его в VIII веке греки, бежавшие из Локров. Они были изгнаны сарацинами из почти разрушенного города. В Джераче не оказалось ни ресторана, ни отеля. Думаю, что если бы в XIX веке сюда заглянул иностранный путешественник, его бы гостеприимно принял мэр или знатный горожанин.

Город неоднократно подвергался землетрясениям. К счастью, замечательный норманно-готский собор, самая большая церковь в Калабрии, уцелел и недавно был реставрирован. Это — прекрасная реликвия норманнского века в Южной Италии. В мягком свете греческие колонны нефа стали серебристо-серыми. Надеюсь, что легенда

правдива, и их привезли из храма Персефоны в Локрах. Если все так, то история их выживания исполнена драматизма.

Мне повезло: я встретил местного историка, который с энтузиазмом рассказал мне о Джераче. Он любезно пригласил меня в свой дом. Мы сидели в комнате, где повсюду в очаровательном беспорядке были раскиданы книги, и пили крепкое красное калабрианское вино. Его, как и в классические времена, надо было разбавлять водой. Во время норманнского завоевания Италии Джераче был одним из самых укрепленных городов на Юге. В X веке Джераче разгромил большую арабскую армию из Сицилии, которая до того без труда захватила Реджио. Численность арабской армии, если верить цифрам, составляла пятьдесят две тысячи солдат инфантерии, две тысячи кавалеристов и тысячу восьмьсот верблюдов. В этот период городом правил стратег. Позже норманны стали называть главу города губернатором.

Наступление норманнских рыцарей было, должно быть, сокрушительным. Примерно через пятьдесят лет, в 1059 году, Роберт Гвискар прошел, как таран, сквозь греческую армию, возглавляемую епископами Джераче и Касиньяны, на равнине Сан-Мартино, и захватил город. Мой новый знакомец рассказал о событии, пересказанном норманнским монахом Джефффри Малатерра. Он написал историю норманнов в Италии. Похоже, что столкновение темпераментов у Роберта Гвискара, старшего сына Отвиля по второму браку, и Роджера, самого младшего в семье, было очень бурным. В большинстве случаев это было вызвано нежеланием Роберта сдержать слово и передать брату территорию Калабрии. Джераче, оказывается, считал Роджера своим правителем, хотя были и греки, преданные Роберту. В разгар одного из таких споров Роберт осаждал Роджера в его любимом городе Милето на западном побережье. Ночью Роджер выскользнул из города и по горам добрался до Джераче искать подкрепления. За ним вдогонку бросился взбешенный Роберт, однако городские ворота захлопнулись перед его носом. У Роберта в Джераче был друг по имени Базиль, и с его помощью он сумел

проникнуть в город под чужим обличем. Здесь его узнали слуги. Роберт был арестован и заключен в тюрьму. Базиля убили, а жену посадили на кол. (Удивительно, что за темпераментные эти византийцы!) Роджер потребовал наказать Роберта Гвискара, и братья встретились на главной площади города. Однако, вместо того чтобы обнажить мечи, они обнялись и уладили конфликт. Площадь до сих пор зовется piazza del Тоссо (площадь Соприкосновения).

Джераче оставался византийским до позднего Средневековья. Я спросил, остались ли в современной речи горожан греческие слова, и мой знакомец ответил, что местный диалект умирает, хотя несколько слов, образованных греческого языка, еще можно услышать, такие как «ги-рамида» (фаянс) от греческого *keramis*, «катою» (подвальное помещение) от *kat-a-ion*, «паппу» (дедушка) от *pappos*, «каттарату» (люк) от *katarros*. Иногда, сказал он, можно услышать такие слова, как «пома» (крышка духовки) и «рицца» (яблочная кожура). Впрочем, когда люди уезжает работать в другие места, обзаводятся приемником и телевизором, то постепенно отказываются от древнего диалекта. Вероятно, только старики, безвыездно живущие в Джераче, используют еще такие слова.

В городе еще сохранились следы средневековой крепости. Ворота превратились в арки и все еще сохраняют старые названия — Ломбардская арка, Епископская арка, арка Бархетто, а четвертые ворота, бывшие некогда подъемным мостом, называются улицей Моста. Старый замок настолько поврежден землетрясениями, что входить в него запрещается. Он стоит на вершине скалы. Я задержался там и посмотрел вниз на долину, выбеленную бурными потоками, залюбовался горами, демонстрирующими все оттенки синего цвета. Подумал, что лучшего места для замка не найти. Мне говорили, что он построен на византийском фундаменте, после его переделывали, расширяли. Как странно, что здесь до сих пор помнят о том, что девятьсот лет назад у Роджера Отвила здесь был большой зал, который он назвал Зала-ди-Милето.

История и слава покинули это место. Население города насчитывает около четырех тысяч. Люди помоложе переселились в Локры и работают там на фабриках, некоторые жители эмигрировали, другие в поисках работы отправились в Германию или Швейцарию, так что Джераче сегодня населен стариками. Некоторые из них занимаются ремеслом в подвальных помещениях, другие греются на солнце на своих балконах. Даже епископ Джераче уехал в 1954 году, когда папа Пий XII приказал объединить епархию с Локрах. Дух древнего Джераче, возможно, в последний раз проявил себя, когда епископский дворец окружила горящая толпа. Люди надеялись противостоять отъезду своего епископа и перемещению церковной собственности, собранной за тысячу лет. Те, кто находят удовольствие в иронических вывертах истории, могут занести в этот ряд возвращение из Джераче в Локры.

И Рэмидж, и Лир посетили Джераче. Рэмидж побывал там в 1828-м, а Лир — в 1847 году. Рэмиджа город оставил равнодушным, его больше заинтересовали руины Локров. Ему хотелось рассмотреть шелковые коконы, но их владелец отказал ему в его просьбе, опасаясь дурного глаза. С другой стороны, Лир и его компаньон, Джон Проби, дважды посетили Джераче и с удовольствием провели время в гостеприимном доме дона Паскуале Скаглионе, одного из знатных горожан того времени. Лира поразило то, что женщины «задирают верхнюю юбку своего наряда на голову». Больше они этого не делают. В Джераче эта традиция утвердилась в связи с сарацинскими набегами. Женщины прикрывали лица.

— Зачем? — спросил я.

— Кто знает?

4

На сороковой миле по направлению Локры — Копанелло дорога повернула в горы, к Сквиллаче. Я считал марины и лидо и насчитал их десять. Они расположились на каждой

четвертой миле. Вот их названия, начиная от Локри: Марина-ди-Джойоза-Ионика, Марина-ди-Каулония, Риаче-Марина, Монастераче-Марина, Марина-ди-Бадолато, Иска-Марина, Марина-ди-Даволи и Марина-ди-Копанелло.

Я уже высказывался относительно этих морских курортов, однако, проезжая мимо, подумал, что не оценил их по достоинству, и с исторической точки зрения они более значительны, чем первоначально мне показалось. То, что мы видим сейчас, на деле — новая колонизация Великой Греции. Процесс, начавшийся за семьсот лет до Рождества Христова, возобновлен. Как я уже говорил, сарацины и малярия в VIII-IX веках прогнали уцелевших жителей прибрежных городов в горы. Сейчас с малярией покончено, солнечные ванны, моторные лодки и перспектива обогащения заставили людей спуститься с гор. Больших городов с крепостными стенами и башнями уже не будет. Наверняка здесь построят уродливые бетонные отели, плавательные бассейны, танцевальные площадки, полосатые павильоны. Появятся официанты в белых пиджаках, шезлонги, и возникнет целая империя пляжных зонтов. Стоит только вспомнить окрестности Римини, чтобы представить, как будет выглядеть Ионическое побережье. Можно не сомневаться, здесь вырастут виллы, отдаленными предшественниками которых были греческие и римские резиденции.

С мыса у Сталетти я смотрел вниз, на пляж. Был воскресный день, собралось много народу. Люди плавали, загорали, выходили в море на каноэ. Это — единственный день на неделе, когда многие недавно зародившиеся лидо заполнены народом, да и вообще открыты. Часто слышишь об ужасающей бедности Южной Италии, тем не менее каждое воскресенье к побережью съезжаются сотни автомобилей из окрестных городов. Из них выходят веселые и обеспеченные на вид семьи. Они останавливаются в местных маринах. Кто эти южане? Без сомнения, элита, лучшие люди — бюрократы, врачи, юристы — знать маленьких городов.

Я спустился по крутой дороге к солнечному пляжу в Копанелло. Автомобили парковались в тени деревьев, приятные маленькие бунгало окружили плавательный бассейн, хотя мне было непонятно, кто пойдет туда, когда в нескольких ярдах отсюда на многие мили раскинулось изумрудное Ионическое море. На заднем плане стояли три больших бетонных здания, одно — еще в виде каркаса. Не знаю, то ли отели, то ли жилые дома. В ресторане мне подали восхитительный ланч, а я с интересом рассматривал толпу.

Зная образ жизни людей из горных городов Калабрии, с изумлением видишь их воскресную трансформацию. Молодые люди и девушки были одеты по последней пляжной моде, рекламируемой в журналах или на телевидении. Странно было думать, что у многих молодых женщин, почти оголенных, есть бабушки или другие пожилые родственницы, до сих пор расхаживающие в тяжелой местной одежде, в которой из-под синей юбки выступает нижняя, красного цвета. Бикини этих девушек были провоцирующими, но я заметил, что за молодыми особами пристально наблюдают. Похоже, их сопровождала пожилая женщина, на манер бывшей дуэньи.

Я уверен, что Гиссингу, а возможно, и Норману Дугласу не понравилась бы трансформация этого пустынного и красивого берега в еще одну Ривьеру, хотя такие вещи неизбежны. На юге Италии находятся два из числа из самых красивых европейских побережий, и трудно сказать, какое из них лучше — у Тирренского моря или у Ионического. Я не однажды упоминал, что многих южан больше интересует туризм, а не промышленность. Им кажется, что здесь можно легко заработать. Что ж, возможно, они правы. Надеюсь, во всяком случае, что новые морские курорты помогут разрешить экономическую проблему юга Италии. На одной из марин молодой человек с гордостью указал мне на новый отель, в который его отец вложил все свои накопления. Он смог послать своего сына в Швейцарию — учиться гостиничному менеджменту.

Покинув этот цивилизованный уголок, я поднялся в горы и вскоре был в городке Сквиллаче, славящемся тем, что здесь родился историк Кассиодор, сюда же он вернулся, когда состарился, и основал здесь монастырь. Многим людям этот город напомнит несколько глав книги Гиссинга «У Ионического моря», в которой писатель рассказал о том, как в страшный ливень приехал сюда в экипаже. Он решил, что Сквиллаче — жалкие развалины. Гиссинг пришел в кабачок, где ему и его молодому вознице принесли поесть и при этом нагло обсчитали. День был воистину неудачным.

Гиссинг, должно быть, был странным и неуживчивым человеком. Думаю, что представление о нем как о пророке, постоянно нуждавшемся в деньгах, о бедняге и неудачнике, не вполне соответствует действительности. Он был на пути к популярности и уже выказывал признаки деловой хватки, которую порицал в других, однако потом все разладилось. Его дружба с Гербертом Уэллсом, бывшим на девять лет моложе Гиссинга, длилась до смерти последнего. По темпераменту они были полными противоположностями: уверенный в себе, агрессивный Уэллс добился успеха; Гиссинг, бедный, сомневающийся, чувствительный, образованный, был невезуч. Странная пара. Я был немного знаком с Уэллсом в последние годы его жизни. Жаль, что не узнал у него об этой дружбе и почему такой романтичный грекофил, как Гиссинг, выбрал предметом своего творчества не Великую Грецию, которую обожал и о которой так чудесно писал, а период упадка Римской империи при первых варварских вождях — Одоакре, Теодорихе и их последователях. Последний роман Гиссинга назывался «Веранильда». Очевидно, замысел этого произведения ему навеяли письма Кассиодора. Отсюда и желание посетить Сквиллаче.

Как и многие культурные римляне V века, Кассиодор полагал, что Италии будет лучше при варварском правителе, прислушивающемся к просвещенным идеям. Ему не нравилась бюрократическая тирания византийского Востока. У всех успешных варварских правителей имелись римские секретари, а Кассиодор, без сомнения, был из числа

идеалистов, веривших в то, что варваров можно быстро цивилизовать. После долгой и достойной карьеры при готском дворе в Равенне он ушел в отставку, разочарованный непримиримостью и дикостью правителей, и основал монастырь в своем имении в Сквиллаче. В старости, или, вернее, в первой половине пожилого возраста (он прожил почти сто лет), Кассиодор сослужил потомкам большую службу. Он был первым священником в Италии, создавшим скрипторий (комнату для писцов), ставший неременным атрибутом монастыря. Монахи там учились копировать рукописи. Ему и тем, кто принял его систему, наука в высшей степени благодарна за сохранение многих классических текстов. В свободное время Кассиодор изготавливал водяные и солнечные часы. Возможно, именно он изобрел лампу с автоматической подачей масла, при свете которой писцы работали зимними вечерами, а иногда и ночью.

Мне повезло больше, чем Гиссингу. Сияло солнце, и старый город мне понравился. Сейчас в нем живет около трех тысяч человек. Меня не обманул наглый трактирщик, мне не предложили пойла вместо вина. Вместо всего этого меня проводили к руинам и сказали, что это — развалины монастыря, названные виварием, потому что здесь находились рыбные пруды. Я узнал, что имя «Кассиодоро» или «Кассиодорио» встречается так же часто в Сквиллаче, как имя «Тиберио» на Капри. Здешний ландшафт так пострадал от землетрясений, что, возможно, многие топографические названия, знакомые прежним поколениям, безвозвратно исчезли. Мне показалось интересным, что в отдаленном горном селении, не имеющем книжных магазинов и литературных традиций, месте, не посещаемом туристами, до сих пор живет имя Кассиодора. Должно быть, его передавали из уст в уста на протяжении четырнадцати столетий.

Я ехал по красивой стране, воздух был насыщен запахом розмарина и тимьяна, мимо проносились рощи — оливковые, дубовые, каштановые; золотились сжатые поля. По дороге шли женщины. Их одежда не отличалась разнообразием:

верхние красные, белые нижние юбки, голубые жакеты. Шли они, чаще всего, босиком, а на головах несли амфору либо другие предметы. Руки опущены свободно, осанка, как у фигур на греческих вазах. Мужчин не было видно. Я подумал, что это — бедный район, но ничего нет труднее для случайного посетителя, чем рассуждать о бедности в жаркой стране. Для того чтобы разобраться в этом, нужно пожить здесь, выучиться говорить на местном языке, быть на дружеской ноге с множеством людей, а уж потом выносить свое суждение.

Я подъехал к горному городку, носящему чудесное название — Джирифалько. По-итальянски это означает «кречет». Если углубиться в этимологию этого слова, можно обнаружить, что название восходит к норманнам, и, возможно, имеет отношение к самому большому любителю соколов — Фридриху II. Войдя в церковь, я увидел статую молодой женщины в натуральную величину. Фигура была в зеленом платье. Она держала в вытянутой руке золотую тарелку, словно предлагала кому-то печенье. У женщины были выпуклые глаза. Это — Луция Сиракузская, святая покровительница всех, кто страдает от офтальмии и других глазных заболеваний. Согласно легенде, ее обидел молодой человек: сказал, что ее прекрасные глаза не дают ему покоя ни днем ни ночью. Вспомнив слова Христа — «Если же правый глаз твой соблазняет тебя, вырви его и брось от себя», ^[68] святая Луция вырвала оба глаза и послала их своему обожателю с запиской: «Теперь вы получили то, чего желали; так что оставьте меня в покое!» Бедный молодой человек замучил себя угрызениями совести и обратился в христианство. История закончилась счастливо: Бог не дал святой Луции страдать, и однажды, во время молитвы, ей были возвращены ее глаза, еще красивее, чем прежде.

Я углубился в горы, думая, какой монотонной должна быть жизнь в этих городах и деревнях. Насколько я мог видеть, здесь наличествовала сегрегация полов, к тому же женщины явно преобладали. Мужчины, которых я видел, были либо старыми, либо совсем еще мальчишками. Они сидели на крепостных стенах или в кафе, а женщины

постоянно были заняты работой — что-то носили, готовили еду, шили. Хотя скука крестьянской жизни должна быть почти непереносимой, скучными этих людей не назовешь. У них веселый и добрый нрав, быстрый ум, и они всегда готовы посмеяться. Говорят, что люди в горах Калабрии напоминают греков, но я бы с этим не согласился. Да и вообще — что значит «греческий тип»? Уж не тот ли, что создал Пракситель? Да ведь в Греции его редко увидишь. Карло Леви, живший среди южных крестьян в соседнем районе, так о них писал:

«Я был поражен телосложением крестьян: они низкорослые и смуглые, с круглыми головами, большими глазами и тонкими губами. Их архаичные лица происходят не от римлян, не от греков, не от этрусков, не от норманнов или других оккупантов, явившихся на их землю. Это — самые древние итальянские типы. Их образ жизни не менялся на протяжении столетий, история прошла мимо, никак на них не повлияв. Из двух Италии, делящих между собой здешнюю землю, крестьянская Италия намного старше. Она такая старая, что никто не знает, когда она возникла. Может, она всегда здесь была. Эта „смирненная, тихая Италия“ попала на глаза азиатским завоевателям, когда корабли Энея обходили мыс Калабрии».

Уже затемно я приехал в город на горной вершине. Это была столица провинции Катанцаро.

5

С начала XX века о юге Италии писали крайне мало. Ранее путешественники описывали страшные, кишасшие паразитами хибары, в которых им приходилось останавливаться. Я снова должен заметить, что в Катанцаро я нашел отель с кондиционерами и номер с ванной. Был и еще один первоклассный отель, чуть побольше того, который выбрал я. Те, кто читал книги Гиссинга и Дугласа, не смогут в это поверить, однако это — признак южного прогресса, о котором я уже писал.

Со своего балкона я смотрел на старый город на вершине соседней горы. Хотя он возвышается над Ионическим морем всего-то на тысячу футов, впечатление такое, что находишься в Альпах. Город расположен в сейсмоопасной зоне, на протяжении истории его неоднократно трясло и ломало, а в последнюю войну добавились и бомбардировки. Катанцаро — странное название, и вид у города арабский, хотя этимология слова греческая — *cata anzos*, — что означает «над ущельем». Через ущелье переброшена огромная стальная арка, она удерживает балочный мост. Здесь встречаются две реки, но я увидел лишь поросшие травой сухие русла, и даже кусты успели вырасти со времени последних дождей. Ни один город на юге Италии не расположен в таком красивом месте: всего в нескольких милях, к востоку, плещется синее море, а в сторону материка уходят такие же синие горы Силы, одна складка за другой.

О Катанцаро говорят, что это город трех V — *il Vento* (ветер) *i Velluti* (бархат) и *Vitiliano* (местный святой). Во время моего пребывания знаменитый ветер не дул, но я узнал, что святой Витилиано был епископом Капуи в VII веке, а производство бархата было занесено сюда с Византийского Востока во времена Средневековья, и теперь оно стало фирменным производством Катанцаро. Население насчитывает семьдесят тысяч человек, и вид у города депрессивный, столь знакомый людям, путешествующим по Южной Италии. Они понимают, что после очередного землетрясения здесь идут восстановительные работы. К старому городу надо карабкаться по крутой дороге. Здесь вас встречают узкие улицы, массивные каменные дома и маленькие магазины с крошечными витринами, в которых, как ни странно, выставлена электробытовая техника последнего поколения — телевизоры и магнитофоны. Это — типичная картина для Южной Италии: радиотехника XX века в обрамлении средневековых окон. «Где я? В какое время я попал?» — такой вопрос часто задает пациент, очнувшийся после операции. Возможно, то же самое спросила Спящая красавица, когда ее разбудили. Я часто

ловил себя на том, что мысленно задаю тот же вопрос во многих местах «Меццоджорно».

Собор здесь большой, солидный и современный. Церковь перестроили, после того как во время войны на нее упала бомба. По счастливой случайности уцелел бюст святого Витилиано работы XVI века.

В Катанцаро удивительно живые люди. Как и неаполитанцы, они невысокого роста, темноволосые и очень разговорчивые. Мне показалось, что это первый город, в котором количество мужчин превышает женское население, хотя обобщения — дело опасное. Быть может, существуют особые причины, неизвестные мне, почему на улицах и в кафе так много веселых, жестикулирующих мужчин, которым, судя по всему, нечем заняться.

На автобусной остановке стояла деревенская женщина. На ней был самый живописный наряд, который я видел за время моего путешествия. Это было явно не рабочее платье, на образцы которых я насмотрелся в горах. Она надела платье для особого случая — для посещения Катанцаро. Лиф из темно-зеленого бархата, в шести дюймах от земли заканчивалась алая нижняя юбка, поверх нее — поднятая сзади в стиле турнюра XIX века накрахмаленная, в оборках, верхняя юбка лососевого цвета. Эффект, хотя и необыкновенный, был испорчен обувью: обыкновенными шлепанцами без каблучков. Общему впечатлению мешало и отсутствие головного убора, которого требовало такое великолепие. Возле женщины стояла девочка лет двенадцати, возможно ее дочь. На ней было платье из той же нежной ткани лососевого цвета, что и юбка женщины, только оно было скроено на современный манер. У девочки в волосах был белый шелковый бант. Возможно, она позировала для журнала детской моды. Любопытно было видеть рядом два поколения, такие разные: одно представляло блеск Средневековья, другое подчинялось условиям нашего времени.

Читатели Гиссинга вспомнят, что Катанцаро — ветренный город. Писатель вернулся в него с восторгом, после того как заболел в таверне Кротоне. Из немногих путешественников,

посетивших Катанцаро, думаю, самым неожиданным оказался Стендаль. В 1816 году он побывал в Неаполе во вновь открывшемся оперном театре Сан-Карло и после поехал в короткое путешествие по Югу. Он был слишком городским человеком и возненавидел каждую минуту своего пребывания в этих местах. В Отранто Стендаль приехал верхом, с зонтиком от солнца. О Катанцаро он сказал лишь несколько слов:

«Мое последнее приключение: я видел, как крестьянская женщина, в припадке бешенства, избивает своего ребенка — колотит изо всех сил о стену буквально в двух шагах от меня. Я почти уверился, что он получил смертельный удар. Ребенку было около четырех лет. Под самым моим окном он оглашал окрестности страшным ревом. Похоже, однако, что серьезного вреда ему причинено не было».

Мое собственное воспоминание о Катанцаро (кроме прекрасно одетой женщины) менее драматично и более приятно. Я видел двух молодых людей, сидевших у кафе в старом городе. Оживленно разговаривая друг с другом, они поедали мороженое с наполнителем из ягод лесной земляники. И это в десять часов утра! Заглянув в окна кафе, я увидел подносы с самым изысканным мороженым. Тут было и мороженое с фисташками, и другие разновидности, более экзотические на вид. У меня сложилось впечатление, что, возможно, сицилийское искусство приготовления замороженных сладостей, уходящее своими корнями в арабские времена, сохранилось в этом городе и повлияло на массовое производство этой продукции в Милане.

6

То, что иногда называют средневековым гостеприимством, меня тяготит. Я имею в виду приглашение на обед, когда гость тайно договаривается с администратором и оплачивает счет, и это в то время, когда ты сам хочешь вознаградить его за оказанную любезность. Так случилось со мной в одном из южных городов, и

воспоминание об этом эпизоде долго царапало душу. Происходит это примерно таким образом: человек спрашивает счет, официант подходит, глупо улыбаясь и кланяясь, и говорит, что синьору платить не надо. Гость при этом напускает на себя невинный вид либо улыбается и, пожимая плечами, говорит: «Пустяки, вы ведь сейчас в моем городе». Я сталкивался с такой ложно понятой щедростью в других местах Италии, но это обычно бывает среди друзей. В этом случае все заканчивается смехом.

Гиссинг однажды пошел в магазин с человеком, с которым едва успел познакомиться. Сделав несколько покупок, обнаружил, что человек уже за них заплатил. Еще один эпизод, и тоже, кажется, с Гиссингом: в южном ресторане он заказал бутылку вина, и оказалось, что за него заплатил абсолютно незнакомый ему человек. Я понимаю, что кроется за этой щедростью: человек считает себя хозяином, ведь он живет здесь и в прежние времена, без сомнения, пригласил бы иностранца к себе домой.

Я стал хитрить с такими доброхотами. В Катанцаро один человек оказал мне услугу, и в качестве благодарности я пригласил его в ресторан. Принял меры предосторожности и заранее оставил в кассе достаточную сумму денег. Я почти уверен, что обманул гостя, потому что видел, как он шепотом сказал что-то менеджеру, а после его ответа выглядел озадаченным. Весь обед он казался расстроенным. Только однажды со мной случился казус: в ночном клубе дама легкого поведения послала мне через незнакомца бутылку вина. Единственное, что мне оставалось сделать, это — поднять бокал и поклониться. Такие манеры задержались здесь с прошлого века.

Как же мало иностранец знает о местах, которые посещает. Иногда довольно намек на то, что все не так, как кажется. Шокирующая история произошла в Катанцаро. По сообщению прессы, полиция получила анонимное письмо. Автор посоветовал им копать в определенном месте, уверяя, что там находится тело Антонио Агостино, пропавшего восемнадцать лет назад. Полиция послушалась

и нашла останки. Тогда к ним явился восьмидесятилетний крестьянин и сказал, что трое мужчин убили Агостино в месте, прозванном «священной скалой». Он сам был свидетелем убийства. Согласно легенде, необходимо было пролить на тот камень столько человеческой крови, чтобы скала раскрылась и обнаружила клад золотых монет.

Старик видел, как трое убийц перерезали жертве горло. Они держали человека вниз головой, чтобы кровь пролилась на скалу. Убийцы несколько часов ждали, когда скала раскроется, но так и не дождались. Старик услышал, что Интерпол ищет свидетелей этого преступления, потому и пришел.

Я смотрел на горы Калабрии и думал: сколько же таких «святых скал» известно здешним крестьянам? Прекрасный, но загадочный, несмотря на редкие фабрики, ландшафт. Казалось, он слился с древними темными силами.

7

Тридцать миль вдоль побережья — и я в Кротоне. Древний Кротон был в числе греческих колоний, основанных по совету Дельфийского оракула. Герб города изображал расщелину, из которой поднимались две змеиные головы. Расщелина пифии... Город довольно большой, неопрятный, частично средневековый и жаркий. Над Кротоном нависает огромный замок, сложенный из древнего кирпича. Если его снести, из фрагментов можно построить замечательный музей. В центре города стоит собор, на стене которого я прочел: «Плевать в доме Бога запрещается». (Ливии замечал, что плевать возле дома первосвященника на Форуме считалось святотатством.)

Большой химический завод связывает Кротон с современным миром — дает людям работу. Мое разочарование в Кротоно, возможно слегка несправедливое, основано на контрасте между его современным заурядным обликом и прежним великолепием, когда крепостные стены составляли в окрестности двенадцать миль. Кротон имел

репутацию самого здорового города Великой Греции. Его спортсмены всегда завоевывали самое большое количество призов на Олимпийских играх. Женщины и мужчины города славились физической красотой, которой они в немалой степени были обязаны тренировкам, организованным медицинской школой, одно время считавшейся самой лучшей не только в колониальной Греции, но и в самом эллинском мире. Геродот много говорил об этой школе. Он сказал, что врачом Дария, царя Персии, был Демокед из Кротона. Он был таким хорошим специалистом, что царь практически держал его узником в Персии, но тот, будучи настоящим, изворотливым греком, сумел бежать.

Я уже рассказывал о Пифагоре, о соперничестве Кротона с Сибарисом и о том, как Кротон потерпел поражение от маленькой армии Локров. Это — долгая и захватывающая история, произошедшая тогда, когда мир был еще молод. Мы видим этих людей при солнечном свете на берегу Ионического моря, богатых, сильных и талантливых; затем на эту картину наплывает тень, и по прошествии многих столетий путешественник бродит по современному Кротону и говорит сам себе: «Неужели это то самое место?»

Кротон образца 1828 года не произвел на Рэмиджа сильного впечатления. Как и те немногие, кто писал об этом городе, он сравнил его современное жалкое состояние с античным величием. Рэмидж обедал здесь «в комнате с низким потолком, темноту которой лишь подчеркивало несколько мигающих ламп... Хозяйка предложила мне макароны и султанку, рыбу, водящуюся в изобилии у берегов Средиземного моря. Если бы она и ее кухонная утварь были хоть немного почище, то я не нашел бы больших недостатков в ее стряпне». Из Кротона его прогнали «легионы мух, залетевшие вместе с полуденным солнцем».

Лучшие главы книги Гиссинга «У Ионического моря» описывают убогую гостиницу в Кротоне. В «Конкордии» он так заболел, что чуть не умер. Тем не менее все здесь было проникнуто грубоватой добротой, которую он великолепно сумел передать. Гиссинг знал, что такое бедность. В

молодости он видел, какой мрачной может быть жизнь даже для здоровых и сильных. Как только смог передвигаться, тут же уехал из Кротона в продуваемый ветрами горный Катанцаро. Я удивился, когда прочел в недавно изданной английской книге, что Гиссинг умер в Кротоне в 1901 году и похоронен на местном кладбище. Это неправда. Умер он в 1903-м на юге Франции и похоронен на английском кладбище в Сан-Жан-де-Лю.

Спустя годы Норман Дуглас обнаружил, что «Конкордия» с тех пор изменилась к лучшему, она ему даже понравилась. Он узнал, что большая часть персонажей, упомянутых Гиссингом, уже умерли, за исключением маленького официанта. Официант был женат и успел поседеть. Еще он повстречал доктора Скулько, лечившего Гиссинга во время его серьезной болезни.

«Я посетил этого джентльмена, — писал Дуглас, — надеясь услышать от него воспоминания о Гиссинге, которого он пользовал во время серьезной болезни.

— Да, — ответил он мне на мои расспросы. — Я хорошо его помню; молодой английский поэт. Заболел здесь. Я прописывал ему лекарства. Да, да! Он носил длинные волосы.

И это было все, что я смог из него вытянуть. Я часто замечал, что итальянские врачи строго блюдут клятву Гиппократата: личные дела пациентов, мертвых или живых, ни в коем случае не разглашаются».

Гиссинг был страшно расстроен неспособностью посетить то, что осталось от греческого Кротона, — дорическую колонну, давшую имя мысу — Колонна. Она находится всего в шести милях отсюда, и во времена Гиссинга до нее легче было добраться по морю. Сейчас туда ведет жаркая, но терпимая дорога.

Красивая колонна с каннелюрами, массивная, как в Пестуме, высится над морем в гордом одиночестве. Она стоит на нескольких блоках древней храмовой мостовой и является одним из самых драматических античных памятников Южной Италии. Это — единственная реликвия самого большого храма Великой Греции — храма Геры

Лацинии, царицы небес. Храм стоял в священной роще, в окружении великолепных пастбищ, на которых паслись священные стада. Как и в большинстве великих храмов, там имелось хранилище с золотом. Его защищал страх перед божеством. Даже Ганнибал, сильно нуждавшийся в деньгах и хотевший украсть из храма золотую колонну, на такое святотатство не осмелился.

Храм очень старый. Точного его возраста никто не знает. Вергилий говорил, что он стоял там во времена Энея. Третья книга «Энеиды» дает описание морского путешествия. Галеры следовали вдоль побережья Ионического моря Великой Греции от одного храма к другому, и каждый храм служил им дорожным указателем. Команды иногда выходили на берег и приносили жертвоприношения, прежде чем продолжить путешествие. Греки собирались раз в год в храме Геры Лацинии и принимали участие в процессии в честь богини, стараясь превзойти друг друга в великолепии приношений. Интерьер храма был украшен картинами, написанными величайшими художниками того времени. Самой знаменитой была картина с изображением Елены Прекрасной. Ее написал богатый и знаменитый Зевксид. Говорят, что правители Кротона позволили ему изучать обнаженные тела пяти прекрасных местных девушек, чтобы он соединил их красоту в своей картине.

Ливии, возможно, оставил лучшее описание храма: «...он был окружен густым лесом с высокими елями. Посредине раскинулся луг с роскошной травой. Там пасся разнообразный скот, посвященный богине, и не было у тех животных пастуха. Ночью стада возвращались — каждый в свое стойло. Животным никто не причинял вреда — ни хищные звери, ни мародеры. Скот приносил большую прибыль, из которой богине приносили слиток чистого золота. Храм был знаменит не только богатством, но и святостью. Как это часто бывает с известными местами, с ним связаны истории о сверхъестественных событиях. Например, говорят, что во дворе при входе есть жертвенник, на котором зола никогда не размывается ветром».

Я уже писал о христианской версии богини Геры с гранатом, названной Мадонной с гранатом, которую видел в Капаччо Веккьо возле Пестума, и колонна является такой же удивительной реликвией. На мысу есть маленькая часовня, посвященная Мадонне-ди-Капо-Колонна. Иногда местные жители называют ее Санта Гера. Раз в семь лет, во второе воскресенье мая, здесь собираются толпы, так же как это было за несколько столетий до Рождества Христова. Они поклоняются Царице Небес. Проходит процессия, как в те незапамятные времена, и майское солнце все так же освещает дорическую колонну святилища, соединяя старый мир с новым.

8

Моя неудача найти Сибарис отравляла мне настроение, хотя я и знал, что квалифицированные археологи тщетно искали его с 1879 года. Куратор музея в Реджио-ди-Калабрия сказал мне, что в надежде отыскать Сибарис истрачено огромное количество времени, профессионализма и денег, и в данный момент этим занимается объединенная итальяно-американская группа, на помощь которой пришли все виды электрических детекторов последнего поколения. Недавно опубликована книга на английском и итальянском языках «Поиски Сибариса, 1960–1965 гг.». Ее опубликовали фонд Леричи в Риме и музей университета Филадельфии, США.

Два больших тома, из которых один содержит карты, представляют внушительный отчет о неудачных поисках. Такое стремление заслуживает награды. Год за годом археологи приезжают сюда с техническими средствами, которые привели бы в изумление старых специалистов, знавших только лопату. Люди, разыскивающие Сибарис, рыщут по равнине с фургонами, забитыми электрическим оборудованием. Их можно увидеть со странными устройствами, носящими такие имена, как «цезиевый магнитометр фирмы „Вэриан ассошиэйтс“», «прибор для

измерения электрической проводимости в геомех» или «протоновый магнитометр». Электрические приборы прощупали землю, но отклика не встретили. Столь знаменитый в древности Сибарис (книга содержит шестьдесят восемь ссылок античных авторов на этот город) хранит упорное молчание.

Если верить древним историкам в том, что Сибарис погиб в 510 году до новой эры, то жители Кротона, одержав победу над сибаритами, изменили течение реки Кратис, так что она затопила и уничтожила город. Проблема нахождения Сибариса, казалось бы, не представляет трудности, тем не менее исследователи никак не могут ее решить. Территория невелика, и, если античным авторам можно верить, греческий город, крепостные стены которого составляли более восьми миль, должен находиться — самое большее — на глубине восемнадцати футов под нынешней долиной и на расстоянии пяти миль от моря.

Почему Сибарис не дает всем покоя, трудно сказать. Возможно, слова «сибарит» и «сибаритский» вызывают в людях определенный интерес, хотя стоит прочесть все античные ссылки, и сибаритство окажется ничем не примечательным. Ну что, собственно говоря, там такое? Пиршества, затенение улиц, замечательные повара, экипажи, в которых горожане ездили в свои имения, мальтийские декоративные собачки, которых женщины носили на руках, домашние обезьянки, пурпурные плащи, перевязанные золотыми лентами, надушенные волосы, перенос дымного и шумного производства в отдаленные кварталы — все это отражает стандарты жизни, которые можно найти в любом богатом районе того времени. Почему античные авторы избрали Сибарис в качестве символа невероятной роскоши, понять трудно. Может, он был чем-то вроде греческого Абердина, являлся мишенью для насмешек юмористов? Некоторые рассказы о Сибарисе, например о человеке, испытывавшем восторг при виде рабочих, занятых тяжелым трудом, так же глупы, как и истории о жителях Абердина, поглощенных заботой об экономии.

Довольно странно, что большое событие в истории Сибариса, о котором я упомянул в этой книге, не имеет отношения к изнеженности его жителей и к их любви к комфорту. Напротив, поразительна энергия, с которой они основали торговый порт Пестум на берегу Тирренского моря. Такую работу не смогли бы осуществить расслабленные люди.

Я сочувствую профессору Фройлиху Рэйни, директору музея при университете в Филадельфии, который во вступлении к книге, которую я упомянул, пишет: «Много Раз за годы, посвященные поискам конкретного доказательства существования Сибариса, я чувствовал, что знаменитый город — всего лишь миф. Руины современных греческих городов, стоявших некогда вдоль побережья Ионического моря, такие как Локры и Метапонт, найдены на поверхности либо раскопаны на глубине, не превышающей и метра. Почему же Сибарис, самый большой и знаменитый город, все еще не обнаружен?»

На этот вопрос, конечно же, следует ответить, что его там, возможно, и нет. Роберт Рейке выдвинул оригинальную теорию: он считает, что землетрясения и нагонная волна, возможно, поглотили Сибарис, и этот потоп «стал легендой, согласно которой произошло умышленное разрушение города жителями Кротона».

Книга изобилует техническими терминами и не предназначена для широкого читателя. В ней делается упор на планы, диаграммы и применение электроники, первоначально разработанной для спутников. Но, несмотря на трудности в поисках города, я решил вернуться в долину и по возможности посмотреть, как там работают американцы.

От Кротона надо было проехать около восьмидесяти миль. Дорога отличная, но еще более пустынная, чем та, что идет на юг. Железное полотно, как и всегда, составляет ей компанию со стороны моря. Иногда шоссе и железная дорога делают поворот к материковой части, но потом снова сворачивают к морю и долгие мили бегут мимо пустых бухт и пляжей. Каждые несколько миль я проезжал по балочным

мостам, перекинутым через реки. Города и деревни встречались крайне редко. Признаков жизни нигде не видно, за исключением маленьких железнодорожных станций, чей штат, даже тридцать лет назад, считал свою работу ссылкой. Не верится, что малярия здесь побеждена, хотя москитных сеток на окнах я не видел. Уничтожение москитов, на мой взгляд, возможно — главное чудо на юге Италии.

Пейзаж, который долгие годы осаждала малярия, кажется больным. Наверное, не скоро в этой части Калабрии поселятся фермеры. Я вспомнил еще об одном, некогда малярийном побережье. Это в Турции, к югу от Измира. Я не забыл, как квакали лягушки в болотах возле Эфеса и как старались люди, знавшие эти места, прийти домой до темноты.

Я снова увидел на холме Россано и поднялся в горы к Корильяно, где во время моего первого посещения фермер дал мне кусок манны. Затем спустился в долину Сибариса. Под выцветшим небом пульсировала жара. Урожай был давно уже собран, и долина покрылась желтым жнивьем. В Реджио мне посоветовали пойти на железнодорожную станцию и спросить *americanos*; но станция оказалась закрыта, а вокруг не было ни души. Наконец я подошел к какому-то бунгалу из красного кирпича. На крыльце одного из них за столом сидела женщина. Она была поглощена своей работой и не услышала, как я отворил калитку и пошел по дорожке. Возле нее стояло несколько деревянных ящиков, наполненных черепками. Черепки она складывала один подле другого, словно фрагменты паззла. Женщина оказалась археологом из Голландии. Она работала вместе с командой из Пенсильванского университета, а их работа только что закончилась. Американцы уехали несколько дней назад, и — увы! — никто не смог показать мне, как работает прибор по измерению проводимости!

В бунгало имелась небольшая коллекция предметов, найденных в долине, в большинстве своем черепки — некоторые греческие, другие — более поздней эпохи. Они мало что значили, впрочем, эксперт, возможно, ими бы и

заинтересовался. Будучи в настроении, которое романистка Роза Маколей назвала бы «упадочническим», я подумал об иронии времени: о том, что дорога к городу, чье имя является синонимом роскоши, должно быть, вымощена черепками кухонной посуды.

Археолог спросила, заметил ли я, когда был в музее Реджио-ди-Калабрии, бронзовую доску, найденную в 1965 году по соседству с Сибарисом, с надписью, сделанной на архаичном греческом языке. Ее надо было читать справа налево. Я и в самом деле обратил на нее внимание и сделал по этому поводу несколько записей в свой блокнот. Это был небольшой тонкий лист бронзы, с отверстиями в четырех углах. В этих местах гвозди крепили доску к стене. Запись рассказывает о подвигах атлета, названного звонким спартанским именем — Клеомброт. Доска была посвящена Афине в знак исполнения клятвы. Очевидно, он обещал богине это экс-вото, если она гарантирует ему победу в играх. К сожалению, Клеомброт не сообщил названия своего города.

— Почему вы спрашиваете, видел ли я эту доску? — поинтересовался я.

— Гм... дело в том, что это я ее нашла, — скромно ответила женщина. Единственный голос из долины, раздавшийся из Сибариса, расслышала эта очаровательная голландка, теперь так прилежно собирающая кухонные черепки. Мы поговорили о жизни и гибели Сибариса, она — с профессиональным энтузиазмом, я — с глубокой меланхолией. Был, однако, человек, предвидевший судьбу Сибариса. Его звали Амирид. Дельфийский оракул изрек, что слава и богатство города продлятся до тех пор, пока жители не будут уважать смертного больше, чем богов. Однажды хозяин побежал за рабом в храм Геры, где, впад в сильный гнев, избил его. Раб выбежал из храма и спрятался в могиле отца своего хозяина. Туда хозяин идти отказался: он слишком уважал память отца.

Прослышав об этом, Амирид занялся распродажей своего имущества и обратил все, что имел, в деньги. Затем эмигрировал в Пелопоннес. Он понял этот инцидент как

знак приближающейся гибели Сибариса во исполнение пророчества Дельфийского оракула. Его друзья-сибариты смеялись над ним. В то время родилась популярная поговорка: «Амирид сошел с ума». Но, насколько мы знаем, Амирид был единственным человеком, спасшим свое имущество и намеренно уехавшим из обреченного города, в то время как Сибарис казался всем в расцвете своего благосостояния.

9

Я снова направился к Реджио-ди-Калабрия, где оставил чемодан и несколько книг. Ночь провел в Кротоне. Гиссингу было бы интересно узнать, что сейчас здесь три отеля третьего класса и два — четвертого. Те, кто знаком с итальянскими гостиницами, могут их себе представить. Мой отель не был оборудован кондиционерами, и ванной комнаты при номере тоже не имелось, однако мне было вполне комфортно, и незваные гости мою постель не посетили.

Я пошел в собор. Там висели праздничные занавеси, красные и золотые. Я высидел долгую службу, смотрел на голубые облачка ладана, поднимавшиеся над алтарем. Пламя свечей сверкало на золотых сутанах. Невероятное ощущение: сидишь в соборе на площади, названной площадью Пифагора, и видишь дымок от ладана, поднимающегося к богине Гере, почитаемой здесь в качестве Мадонны-ди-Капо-Колонна. Нет необходимости иметь под рукой прибор для измерения проводимости, чтобы обнаружить Великую Грецию: нужно лишь пойти в церковь.

Я вернулся в отель, восхищаясь теми талантливыми путешественниками, кто, после торопливого осмотра чужой страны, способны решать проблемы, перед которыми встают в тупик эксперты. Я сидел в сумерках, глядя на жителей Кротона, проходивших под разноцветными электрическими гирляндами. Где-то в стороне привычно взорвалась

праздничная ракета. Я подумал, что любой лектор из Лондонской школы экономики, видевший то, что увидел я, способен продолжительно, на ученом жаргоне, рассуждать о том, движется ли Южная Италия к «жизнеспособной» экономике. Я на это не способен.

Античное крестьянское общество вросло корнями в прекрасное, но неплодородное плоскогорье, и теперь я видел, как эту землю тащат в индустриальный век. Повывраставшие фабрики намереваются обеспечить пресловутую жизнеспособность; и все же как мало рабочих требуются даже большой фабрике. Такие гигантские концерны, как нефтеперегонный завод в Бари и сталелитейный в Таранто, относятся к другому разряду. Это и в самом деле «большой бизнес», и на европейский общий рынок они смотрят как на главного потребителя своей продукции.

Мне по душе земельные схемы, примером тому — впечатляющие равнины Метапонта. Здесь, где еще в древности греческие миллионеры выращивали пшеницу и растили лошадей, тысячи мелких фермеров, при поддержке государства — каждая ферма с водными угодьями и с трактором — вернули эту богатую землю к жизни. Куда ни взгляни, видишь фруктовые сады, овощные и табачные поля. Воздух пропитан жизнерадостной энергией. Проблемы решены, и с помощью кооперации урожай плавно движется к рынкам.

Может быть, не все знают, что юг Италии стал местом, где земельная реформа принесла самые впечатляющие результаты среди некоммунистических стран. Двадцать лет назад государство взяло, главным образом у отсутствующих землевладельцев, около трех тысяч квадратных миль сельскохозяйственной земли. С долей официального юмора им заплатили по их собственной оценке... основанной на доходах после уплаты налогов! Земля была поделена на участки по двенадцати акров, и люди завладели ими по ипотечной государственной схеме. Огромная территория (равнина Метапонта составляет лишь ее часть) теперь процветает. Но в бедной горной местности такое

обновление ограничено, и подобные схемы здесь проведены быть не могут.

Во времена удивительных перемен, совершающихся на Юге, Фонд развития Южной Италии продолжает вливать миллиарды в эти земли, но старые женщины в черных одеждах все еще ходят по горным тропам с вязанкой хвороста на голове. Они идут босиком к фонтанам, и, возможно, об этом фонде никогда не слыхали. Но даже они видят перемены. На их глазах исчезли москиты. Их соседи покинули горные селения и безбоязненно переселились вниз, в долину. Некоторые даже видели по телевизору высадку человека на Луну, а самое важное — все они ездили в автобусе в ближайший город.

Сложность южных проблем усиливает парадокс, что эта депрессивная зона в огромной степени управляет итальянским государством. Большинство губернаторов и префектов, большая часть профессоров, лекторов, чиновников — в общей сложности, весь огромный класс властных персон со сравнительно невысоким окладом, объединенных словом «профессионалы», являются выходцами с Юга. Синьор Луиджи Бардзини пишет в книге «Итальянцы»: «Южане мыслят в основном политическими, а не экономическими терминами». Он отмечает, что северянин предан обретению богатства, *la ricchezza*. «Только богатство, верит он, обеспечит защиту и благосостояние семьи. С другой стороны, южанин знает, что этого можно добиться только с обретением власти, престижа, авторитета, славы».

Это пронизательное наблюдение, возможно, объясняет то, что иной раз я видел на Юге: нежелание образованных людей сказать доброе слово о материальном благополучии; скептическое пожатие плечами при известии о большой индустриальной схеме; отрицание того, что Север может чему-нибудь научить Юг. Бардзини, похоже, попал в точку, когда написал: «Индустриализация предполагает, что южане станут северянами при условии, что окружают себя правильными политическими и экономическими структурами».

Не только южанин отличается от северянина, но и сами южане сильно отличаются друг от друга — общительные, исполненные энтузиазма неаполитанцы не похожи на серьезных жителей Калабрии, которые в холодные вечера в горах заворачиваются до глаз в плащи, словно в черные тоги. Эти хладнокровные смуглые мужчины наводят на мысль об Эль Греко и Испании. При слабом знакомстве иностранец — не лучший, разумеется, судья — может улыбнуться, подумав, что южанин безразличен к деньгам. Что до алчности, то Север и Юг ничем друг от друга не отличаются. Гиссинг даже пишет, что «на Юге Италии деньги — единственный предмет, поглощающий все мысли человека». Мне показалось, что отношение к южанину северянина напоминает усталое недоумение при виде человека, которого он считает ничуть не талантливее себя — скорее, наоборот, — но тем не менее богатого, успешного, в то время как сам он остается бедняком.

«Если бы только был способ заработать деньги, не работая на ужасных, уродливых фабриках!» Хотя никто мне этих слов не говорил, я всегда ждал, что мне это скажут. Более того, однажды мне показалось, что я прочел их в темных умных глазах. Конечно же, способ есть, и каждый южанин знает это. Эмиграция. Как и шотландцы с ирландцами, итальянцы часто процветают вдали от родной земли, добиваются успеха и уважения, которых они никогда не надеются получить у себя дома. Даже если бы Юг был способен предложить всем своим сыновьям обеспечение, думаю, что люди не смогут противостоять соблазну чужеземных возможностей и приглашению родственников, устроившихся за границей.

Часто забывают, как много стран, кроме Соединенных Штатов, чувствуют себя обязанными итальянской эмиграции. Я получил письмо от друга из Мельбурна, мистер Альфреда Стирлинга, который несколько лет работал австралийским послом в Италии.

«Вслед за шотландцами, англичанами и ирландцами, — написал он, — идут итальянцы, внесшие самый большой и важный вклад в Австралию и продолжающие делать это.

Они стали приезжать сюда со времен золотой лихорадки, более ста лет назад, и даже раньше. В 1846 году в Сиднее была поставлена опера Верди „Аттила“, и это через год после премьеры в Венеции. (Римская премьера состоялась в 1965 году.) В общей сложности, сюда приехал почти миллион итальянцев, из них — 350 000 за последние двадцать лет. Около восьми процентов здешнего населения оставляют люди итальянского происхождения. В одном только моем штате, Виктория, находятся 250 000 итальянцев, и 200 000 живут в Мельбурне.

Одним из самых больших успехов итальянцев является фирма „Трансфилд“, ее строители работают по всей Австралии. Фирму основали два молодых инженера, один из Турина, второй — из Милана. Итальянцы внесли большой вклад в строительство гидроэлектростанции в Снежных горах. Эта гидроэлектростанция не хуже той, что находится в Теннесси. Где бы ни осуществлялась работа с бетоном, непременно встретите итальянцев. Они принимали участие в строительстве небоскребов, мостов, дорог, линий электропередач, туннелей. Итальянцы совершили Революцию в гастрономических пристрастиях австралийцев. Рестораны, пиццерии и кафе-мороженое предлагают хорошую итальянскую еду. Итальянцы владеют выпасными лугами, молочными фермами, выращивают табак, апельсины, лимоны, грейпфруты и другие agrumi,^[69] а также широкий диапазон овощей. Австралийская автомобильная промышленность использует в своем штате двадцать процентов итальянцев. Одним из основателей австралийской хирургии был генерал Томаско Фьячи. Его память увековечена скульптурным фонтаном, копией флорентийского „Porcellino“; а в Мельбурне есть пятирядный бульвар, посвященный Катаньи, градостроителю, жившему более ста лет назад».

Эмиграция по праву считается трагедией Италии, особенно на Юге. С другой стороны, известно, что динамизм и амбиции, которые никогда бы не нашли развития дома, расцвели в новых местах. Многие страны будут процветать

благодаря мастерству и артистичности самой талантливой нации в Европе.

Безветренным утром — на небе ни облачка, на море штиль — я направился к югу, миновал маленькие марины, сгруппировавшиеся вокруг залива Сквиллаче. Горы уходили в глубь материка; на каждой вершине стоял залитый солнцем древний город. На расстоянии эти города выглядели романтично, но я знал, что многие из них умирают, ведь они населены стариками. Каждые полмили видел белые речные русла, летом они забиты песком и камнями. Горы, почти до вершины, одеты деревьями, кустами и цветами. Такой же пейзаж видели греческие колонисты, а ведь было это до Рождества Христова.

Несколько дней провел в Реджио-ди-Калабрия, одном из самых жизнерадостных и приятных южных городов. Снова пошел в музей, любовался экспонатами Великой Греции. После того как я облазил камни Локров и видел золотую, точно мед, колонну храма Геры в Кротоне, эти экспонаты имели для меня еще большее значение. Я не встречал более любезного музейного персонала. Когда они увидели, что мне по-настоящему интересно, куратор лично провел для меня экскурсию, открыл витрины и дал мне поддержать предметы, которые меня особенно привлекали. По вечерам я смотрел с балкона на Мессинский пролив и Сицилию. Иногда вдалеке на небе появлялся слабый красноватый отблеск. Это заявляла о себе Этна, в другой раз, отражая настроение вулкана, на небе загоралось сердитое темно-красное зарево. На противоположном берегу гостеприимно подмигивали огни городов и деревень. Мне страшно хотелось пересечь узкий пролив, и однажды я даже заглянул в расписание. Мне хотелось бы постоять возле могилы «Поражающего Вселенную» в Палермо и увидеть захоронения Отвилей в Монреале, но — увы — человек не может сделать все сразу. Сидя в одиночестве в ароматной ночи, я смотрел, как на побережье Сицилии вспыхивают огни и надеялся, что когда-нибудь мне повезет и я пересеку соблазнительные воды.

Приложение

Правители Южной Италии

Норманнское завоевание

В начале XI столетия норманнские рыцари возвращались из паломничества в Святую Землю. В Южной Италии, разрываемой ломбардцами, византийцами и сарацинами, они увидели выгодную территорию для военной авантюры. Первым норманном, сделавшим там себе имя, стал Райнульф (1030). За военную помощь он был вознагражден городом Аверса, поблизости от Неаполя. Он стал первым графом Аверсы (1030–1045); и его город сделался рынком для норманнских наемников.

Великими завоевателями были Отвили, сыновья скромного землевладельца Танкреда де Отвиля, Отвиля-де-Гишара из Нормандии. От двух браков у него родились двенадцать сыновей. Его трое старших сыновей заложили основу нормандской власти в Южной Италии. Это были:

Гийом Дрого Хамфри (Железная Рука)

Гийом стал графом Апулии (1042–1046), ему наследовал Дрого (1046–1051) и Хамфри (1051–1057).

Двумя самыми знаменитыми сыновьями от второго брака были:

Роберт «Гвискар», или Мудрый Роджер (1015–1085) (1031–1101)

Роберт был старшим сыном от второго брака, Роджер — младшим. Они контролировали всю Южную Италию. Когда Роберт Гвискар умер (1085), он был герцогом Апулии и одним из самых могущественных правителей в Европе; Роджер подчинил себе сарацинов в Сицилии и основал там королевскую династию. Он умер в 1101 году и был известен как «Великий Граф».

Норманнские короли Сицилии (Неаполя)

1112–1154 Роджер II, сын Роджера I, «Великого Графа»

1154–1166 Вильгельм I «Злой», сын Роджера II

1166–1189 Вильгельм II «Добрый», сын Вильгельма I. (Его женой была Иоанна Английская, дочь Генриха II и сестра Ричарда Львиное Сердце.) Он не оставил детей и завещал королевство своей тетке Констанции (дочери Роджера II), которую выдал замуж за Генриха Гогенштауфена, ставшего императором Генрихом VI. После смерти Вильгельма II трон узурпировали

1189–1194 Танкред, незаконнорожденный кузен покойного короля

1194 Вильгельм III, ребенок, сын Танкреда, смещен и убит. Генрих VI и Констанция заявили права на королевство и основали столицу в Палермо.

Гогенштауфены

1194–1197 Генрих VI, император Священной Римской империи (сын императора Фридриха I «Барбароссы»)

1197–1250 Фридрих II, единственный сын Констанции, стал императором, известен как Stupor Mundi, «Поражающий Вселенную»

1250–1254 Конрад IV, император, сын Фридриха II

1264–1266 Манфред, незаконнорожденный сын Фридриха II

Анжуйская династия

Папа, желая уничтожить Гогенштауфенов как врагов папства, предложил королевство Карлу Анжуйскому, брату Людовика IX Французского. Карл убил Манфреда в бою (1266), но, не сумев покорить Сицилию, сделал своей столицей Неаполь. Сицилийцы, проявив свою ненависть к французам в восстании, прозванном «Сицилийская вечерня»

(1282), предложили трон Петру III Арагонскому, мужу Констанции, дочери Манфреда. Два соперничающих двора правили одновременно в Южной Италии: французский — в Неаполе, испанский — в Палермо (основан Констанцией, наследницей Гогенштауфенов).

Арагонская династия (Сицилия)

1282–1285 Петр III Арагонский, 1-й король Сицилии
1285–1291 Альфонс
1291–1298 Хайме
1296–1337 Фридрих II Арагонский
1337–1342 Петр II
1342–1355 Людовик
1355–1377 Фридрих III
1377–1392 Мария
1392–1409 Мартин I
1409–1410 Мартин II Арагонский

Анжуйская династия (Неаполь)

1266–1285 Карл Анжуйский
1285–1399 Карл II
1309–1343 Роберт Мудрый
1343–1381 Джованна I (смещена)
1381–1386 Карл III
1386–1414 Ладислав
1414–1435 Джованна II
1435–1442 Рене Анжуйский (отец Маргариты Анжуйской, супруги Генриха VI Английского)

С 1410 по 1458 год Сицилией управляла Испания.

В 1442 году Альфонс V «Великодушный» покорил Неаполь, и он стал управляться испанскими монархами вплоть до 1501 года. Затем, до 1712 года, настало

правление испанских вице-королей. После войны за испанское наследство Неаполь до 1734 года попал под австрийское правление. В этом году, после локальных войн, Неаполь и Сицилия приняли Карла, сына Филиппа V Испанского и Изабеллы Фарнезе, как короля. Он основал Неаполитанскую династию Бурбонов.

Династия Бурбонов

1734–1759 Карл III. В 1759 году он наследовал испанский трон. Его третий сын стал королем Неаполя и Сицилии

1759–1799 Фердинанд IV (Неаполитанский)

1799 Партенопейская республика

1799–1806 Фердинанд IV (1-я реставрация)

1806–1808 Жозеф Бонапарт

1808–1815 Иоахим Мюрат

1815–1825 Фердинанд IV и I Обеих Сицилии (2-я реставрация)

1825–1830 Франциск I

1830–1859 Фердинанд II Обеих Сицилии

1859–1860 Франциск II

С этого периода королевство Обеих Сицилии стало частью объединенной Италии.

Библиография

- Acton Harold. The Bourbons of Naples. London. 1956.
Acton Harold. The Last Bourbons of Naples. London. 1961.
Bartlett Vernon. Introduction to Italy. London. 1967.
Blessington, Countess of. The Idler in Italy. London. 1839.
Blunt Rev. f. J. Vestiges of Ancient Manners and Customs Discoverable in Modern Italy and Sicily. London. 1823.
Cambridge Ancient History. Cambridge. 1928-1939.
Canziani Estella. Through the Apennines and the Lands of the Abruzzi. London. 1928.
Collison-Morley Lacy. Naples Through the Centuries. London. 1925.
Comnena Anna. The Alexiad / translated by Elizabeth A. S. Dawes. London. 1967.
Craven R. Keppel. A Tour Through the Southern Provinces of the Kingdom of Naples. London. 1821.
Craven R. Keppel. Excursions in the Abruzzi. London. 1838.
Crawford F. Marion. The Rulers of the South. 2 vols. London. 1900.
David Elizabeth. Italian Food. London. 1955.
Dini V. and Magrini P. Gli Antichi Sports e i Giuochi Popolari nel Folklore delle Manifestazioni Italiane. Arezzo. 1966.
Douglas Norman. Old Calabria. London. 1956.
Douglas Norman. Siren Land. London. 1957. Douglas Norman. Alone. London. 1940.
Freeman Kathleen. Greek City States. London. 1950.
Cissing George. By the Ionian Sea. London. 1901.
Goethe Wolfgang. Goethe's Travels in Italy. Bohn's Standard Library. London. 1885.
Gunn Peter. Naples, a Palimpsest. London. 1961.
Hamilton, Sir William. Observations on Mount Vesuvius etc. London. 1774.
Hare Augustus. Cities of Southern Italy. London. 1911.
Hutton Edward. Naples and Campania Revisited. London. 1958.
Hutton Edward. The Cosmati. London. 1950.

Jackson Hamilton. *The Shores of the Adriatic*. London. 1906.

Kantorowicz Ernst. *Frederick the Second 1194-1230*. New York. 1957.

Lear Edward. *Edward Lear in Southern Italy* / reprinted. London. 1964.

Lenormant Francois. *La Grande-Grece* / reprint. Cosenza. 1961.

Livy. *The War With Hannibal* / translated by Aubrey de Selincourt. Penguin Books. 1965.

Maclver R. D. *Greek Cities in Italy and Sicily*. Oxford. 1931.

Martino Ernesto de. *La Terra del Rimorso*. Milan. 1961.

Masson Georgina. *Frederick II of Hohenstaufen*. London. 1957.

Monaco Franco. *Manifestazioni Italiane*. Rome. n.d.

Norwich John Julius. *The Normans in the South*. London. 1967.

Orioli G. I. *Moving Along*. London. 1934.

Ovid. *The Fasti of Ovid* / edited and translated by Sir James George Frazer. London. 1929.

Parke H. W. *A History of the Delphic Oracle*. Oxford. 1939.

Pausanias. *Pausanias's Description of Greece* / translated with a commentary by Sir James George Frazer. London. 1913.

Rainey F. G. and Lerici Carlo F. *The Search for Sybaris*. Rome. 1967.

Rogers S. *Italian Journal*. London. 1814-1821.

Ross Janet. *The Land of Manfred*. London. 1889.

Ramage Craufurd Tait. *Ramage in South Italy* / reprint abridged and edited by Edith Clay. London. 1965.

Runciman Steven. *The Sicilian Keepers*. London. 1958.

Stendhal. *Rome, Naples and Florence* / reprint translated by Richard N. Coe. London. 1959.

Strutt A. J. *A Pedestrian Tour in Calabria and Sicily*. London 1842.

Swinburne Henry. *Travels in the Two Sicilies*. London. 1777-1780.

Thucydides. *The Peloponnesian War* / translated by Rex Warner. Penguin Books. 1954.

Wall Bernard. Italian Life and Landscape. London. 1950-1951.

Warner Oliver. Emma Hamilton and Sir William. London. 1960.

Whelpton E. and B. Calabria and the Aeolian Islands. London. 1957.

Wood Casey A. and Fyfe F. Marjorie. The Art of Falconry, being De Arte Venandi Cum Avibus of Frederick II of Hohenstaufen. Boston. 1955.

Woodhead A. G. The Greeks in the West. London. 1962.

Путеводитель Бедекера по Италии издания 1962 года разочаровал меня по сравнению с путеводителем по Южной Италии, изданным в 1912 году. Голубой путеводитель Муирхеда по Южной Италии, изданный в 1959 году, неплох, однако он требует дополнений и уточнений. Самые лучшие и самые полные путеводители по Южной Италии (на итальянском языке) изданы в Милане. Названия пяти путеводителей, рассказывающих о пяти южных регионах, следующие: Abruzzo e Molise, Campania, Napoli e dintorni, Puglia, Basilicata e Calabria.

Читателям, желающим иметь четкое и точное представление об истории Италии, советую приобрести «Italian Life and Landscape» Бернарда Уолла (шедевр профессионального лаконизма) и «Introduction to Italy» Вернона Бартлетта.

notes

Примечания

Имеется в виду Конрад III (1138–1152), император Священной Римской империи, принимавший участие во 2-м крестовом походе и останавливавшийся в Антиохии. — *Примеч. перев.*

Шарль де Броссе — французский историк и лингвист.

3

В следующий раз *(ит.)*.

4

Охотник, стрелок *(ит.)*.

5

Цыпленок табака *(ит.)*.

6

Приходской священник *(ит.)*.

Сульмона — моя родина (*лат.*).

Премьера (ит.).

Овечьи тропы (ит.).

Дешевые предметы религиозного культа (ит.).

Выкормленный молоком ягненок (*фр.*).

Пока эта книга готовилась к печати, падре Пио скончался в воскресенье 22 сентября 1968 года. За несколько дней до кончины его вывозили в инвалидной коляске, и он праздновал пятидесятую годовщину своих стигматов. Более 50 000 человек пришли проститься с ним 24 сентября. — *Примеч. автора.*

Персонаж британского мультфильма о глупом рыцаре, обесчестившем девушку.

14

В римском каноне молитвы за живущих — *Memento Domine* «Помяни, Господи» и за умерших — *Memento etiam* «Помяни также».

Администрация Объединенных наций по вопросам помощи и восстановления.

Обряд посвящения.

Pax Vobiscum — пожелание мира и покоя. Аналог слова «аминь».

Небольшой город в южном английском графстве Гэмпшир.

«Перенесение св. епископа Николая из ликийского города Миры в Бари, город Апулии, написанное барийским архидиаконом Иоанном по велению Урсона, архиепископа Барийского и Канусинского, около 1088 года от Рождества Господа Нашего, у Сурия, 9 мая».

Род стихаря.

Этот святой пострадал за Христа при императоре Деки (249–251) в Кесарии Вифинской. Святой Левкий, укоривший правителя Кумврикия за несправедливое преследование христиан, после истязаний был усечен мечом.

«...Об искусстве охоты с птицами» *(лат.)*.

Жаровня (ит.).

Courteheuse — короткие штаны (*фр.*).

Gamberone — крупный рак *(ит.)*.

Айстедвод — состязание бардов, ежегодный фестиваль в Уэльсе.

Моллюски под маринадом *(ит.)*.

Василис Родитис, ресторан. Греческая кухня (*греч.*).

Одновесельная плоскодонная лодка *(ит.)*.

Мешок *(ит.)*.

Собственность, недвижимое имущество, земли, не сдаваемые владельцем в аренду.

Симпатичный городок *(ит.)*.

Отеческий дом *(ит.)*.

Греческий тимьяновый мед.

Аллюзия на комедию британского драматурга Джеймса Мэтью «Восхитительный Крайтон» (1902).

Zuppa di pesce (*ит.*) — разновидность ухи, куда входит несколько видов рыб и моллюски.

Перевод В. Вересаева.

Перевод Д. Самойлова.

Перевод Т. Щепкиной-Куперник.

Bruna (*ит.*) — брюнетка.

Имеются в виду сборно-разборные бараки с полукруглыми крышами из рифленого железа, спроектированные полковником Ниссенем.

Возлюбленная (ит.).

Сценический эффект (*фр.*).

«Салернский кодекс здоровья».

45

Устный экзамен (*лат.*).

Главный секретарь высшей судебной инстанции.

Да здравствует король *(ит.)*.

Дезабилье, раздетый (*фр.*).

Это Рим! *(лат.)*

Харчевня, трактир (*ит.*).

Народный Сенат Капуи (*лат.*).

Книга посвящена королю Оттону IV, королю Германии, императору Римской империи.

Деян 28:13-14.

Сладкая жизнь (*лат.*).

Коляска (ит.).

Вся морская торговля Средиземного моря регулировалась когда-то «Таволе Амальфитане» — самым древним морским кодексом.

jolly (*англ.*) — веселый.

Некрепкое горькое пиво.

Приморский климатический курорт.

Сытный овощной суп.

На землю! *(ит.)*

Грек — изменник навсегда! *(ит.)*

Яшмак (*араб.*) — платок, закрывающий рот.

Так у автора. — *Примеч. ред.*

Перевод Г. Стратановского.

Перевод С. Маршака.

Изумительный панорамный вид *(ит.)*.

МФ 5:29.

Цитрусовые (ит.).